

Рассылается по специальному списку

№ 20566

ИСТОРИЯ МАРКСИЗМА

Том первый

МАРКСИЗМ ВО ВРЕМЕНА МАРКСА

Москва

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

1984

ИСТОРИЯ МАРКСИЗМА

Том первый

МАРКСИЗМ ВО ВРЕМЕНА МАРКСА

Перевод с итальянского

Москва

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

1984

STORIA DEL MARXISMO

VOLUME PRIMO

IL MARXISMO AI TEMPI DI MARX

Giulio Einaudi editore
Torino — 1978

Общая редакция и предисловие
АМБАРЦУМОВА Е. А.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	9
------------------------------	---

ЭРИК ХОБСБОМ

Вступление	15
----------------------	----

Марксизм во времена Маркса

ЭРИК ХОБСБОМ

Маркс, Энгельс и домарксов социализм	37
--------------------------------------	----

1. Предыстория коммунизма	37
2. Социалистическая и коммунистическая литература	43
3. Три великих утописта: Оуэн, Сен-Симон, Фурье	48
4. Английские и французские левые экономисты	55
5. Вклад немцев	57
6. Новое измерение европейской истории в середине XIX века	61

ДЭВИД МАКЛЕЛЛАН

Материалистическое понимание истории	68
--------------------------------------	----

ПЬЕР ВИЛАР

Маркс и история	89
-----------------	----

1. Приоритет гражданского общества	90
2. «Мы знаем только одну единственную науку, науку истории»	95
3. Примат производства и отношения между людьми	99
4. «Ключ для того, чтобы определить направление»	112
5. Всемирная история как результат	122

МОРИС ДОББ

Критика политической экономии 125

1. Пролог к «Капиталу»	125
2. Трудовая теория стоимости	129
3. Процесс накопления капитала	135
4. Реализация прибавочной стоимости и империализм	139
5. Проблема стоимости и социальный диагноз	147

ИШТВАН МЕСАРОШ

Маркс-«философ» 150

1. Осуществление философии	151
2. Положительная наука	158
3. Открытия Гегеля	171

НИКОЛА БАДАЛОНИ

Маркс и поиски коммунистической свободы 185

1. Об обесценении капитала	185
2. Инфляция, заработная плата и благоприятные условия для накопления	188
3. О власти буржуазии и обогащении человеческого индивида	192
4. Развитие производства и денежное обращение	203
5. О производстве и обращении вообще	207
6. Свободное время и формирование общественного индивида	219
7. О методе «переходных» абстракций	234

ЛОУРЕНС КРЕЙДЕР

Эволюция, революция и государство:
Маркс и этнология 244

1. Естественная история и история человечества	244
2. Эволюция природы и общества	249
3. История и этнология	259
4. Способы производства и теория стадий	265
5. Двигатель истории: от порабощения к свободе труда	275

ЭРИК ХОБСБОМ

Политические аспекты перехода
от капитализма к социализму

278

1. От демократической критики государства к первым коммунистическим формулировкам	279
2. Классовые отношения и политическое общество	283
3. От перспектив 1848 года к революции большинства	294
4. Формы буржуазной власти	301
5. Обстановка в мире и национальная политика	305
6. Война и революция	309
7. Многозначная и сложная задача	315

ГЕОРГ ГАУПТ

Маркс и марксизм

320

1. Марксизм: секта или идея?	321
2. Распространение идей Маркса	330
3. Каутский и марксизм как наука	335
4. Ревизионистский кризис и рождение «марксизмов»	342

ГАРЕТ ДЖОНС

Портрет Энгельса

347

1. Участь «сотрудника» Маркса	348
2. Годы духовного формирования	356
3. Английский опыт	363
4. Вклад Энгельса в формирование исторического материализма	377

ЭРИК ХОБСБОМ

Судьба изданий Маркса и Энгельса

389

1. Работы, опубликованные Марксом и Энгельсом	390
2. Русская революция и первые попытки издания «полного собрания»	395
3. Неизданные произведения	399
4. Заметки и подготовительные материалы	401
5. Переводы	402

ИСТОРИЯ МАРКСИЗМА

Том первый

Марксизм во времена Маркса

Технический редактор *Л. Н. Шупейко*
Корректор *М. И. Тагу-Заде*

Сдано в набор 18.06 1984 г.
Подписано в печать 23.07 1984 г.
Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская
Гарнитура литературная. Печать высокая
Услови. печ. л. 25,875. Уч.-изд. л. 26,86
Изд. 24/37504. Заказ № 33

Ордена Трудового Красного Знамени
Издательство «ПРОГРЕСС»
Государственного комитета СССР по делам издательств
полиграфии и книжной торговли
Москва 119847, Зубовский бульвар, 17

ПРЕДИСЛОВИЕ

Итальянское леволиберальное издательство «Эйнауди» выпустило в свет коллективный труд «История марксизма», охватывающий исторический период от начала деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса до наших дней. Этот труд вышел в четырех томах: «Марксизм во времена Маркса», «Марксизм в эпоху II Интернационала», «Марксизм в эпоху III Интернационала», «Марксизм сегодня».

В данном предисловии мы кратко охарактеризуем издание в целом и, поскольку переводу каждого из его томов предпослано наше отдельное предисловие, сосредоточим внимание на первом томе — «Марксизм во времена Маркса».

«История марксизма» написана большим коллективом авторов из разных стран, которые декларируют в качестве своей задачи всесторонний анализ деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса и последующего развития марксизма в различные периоды социальной истории. Специфика труда заключается в том, что он подготовлен людьми, как правило, претендующими на профессиональное знание всего сложного комплекса марксистского учения и, больше того, на приверженность этому учению. Большинство участников авторского коллектива причисляют себя к марксистам: некоторые являются членами компартий (Италии, Англии, Франции), другие — левыми социалистами. Но есть в этом коллективе и буржуазные «марксологи», и авторы, эмигрировавшие из социалистических стран и порвавшие с правящими компартиями. Одни авторы искренне стремятся показать всю глубину идей Маркса и Энгельса, видя их продолжателем в Ленине, тогда как другие прямо или косвенно пытаются выхолостить, исказить или поставить под сомнение существенные стороны марксизма-ленинизма и прежде всего бросить тень на теорию и практику реального социализма. Такая неоднородность авторского коллектива — понятно, что о коллективе можно говорить здесь довольно условно, — приводит, естественно, к противоречиям между авторами в трактовке марксизма, к неровности всего издания: одни главы оказываются фактологически и концептуально содержательными, другие — поверхностными.

Многие мысли и оценки, высказываемые в «Истории марксизма», выглядят неортодоксальными, но не без основа-

ния могут быть восприняты как ревизионистские; отдельные поднимаемые в монографии темы излагаются в таком объективистском тоне, который чужд советским исследователям истории развития марксизма-ленинизма.

Тем не менее данный труд, по-видимому, представит интерес по меньшей мере в нескольких аспектах. Прежде всего, он демонстрирует определенную методику анализа первоисточников, помещения их в различные исторические контексты и «безбрежную свободу мышления», характерную для западной левой интеллигенции.

Известно, что марксизм давно стал модой в интеллектуальных кругах Запада, но это обстоятельство ведет также к его «размыванию». Этот процесс как раз весьма полно отражается в рассматриваемом издании, что также приходится учитывать и что придает объективную значимость — хотя бы как явлению общественной мысли — данному изданию.

Надо сказать также, что, хотя понимание марксизма в этой работе в целом далеко от нашего, объективно и независимо от воли конкретных авторов она в какой-то мере способствует популярности марксизма и именно за это критиковалась буржуазной прессой.

Характерно, что весь четырехтомник опубликован одним из крупнейших и наиболее влиятельных итальянских издательств, постоянно печатающим политико-теоретические работы многих ведущих деятелей ИКП, особенно с «еврокоммунистических» позиций. Не случайно авторы труда немалое место уделяют проблеме отношения марксизма к демократии (понимая последнюю в абстрактном и далеком от марксизма смысле), нередко при этом нарушая иерархию ценностей в структуре марксизма. В общем, в работе довлеют левосоциалистические позиции, сочетающие порою искреннюю антибуржуазность, абстрактно-теоретическую революционность с нечеткостью идейных позиций и наивным преисполнением в политике.

Авторы книги претендуют на «творческое понимание» марксизма, на новое, современное прочтение произведений его основоположников. Внимательный читатель, однако, легко обнаружит расхождения предложенных трактовок с пониманием учения Маркса — Энгельса — Ленина советским обществоведением.

Ведущую роль в разработке издания и доведении его до конца сыграл английский коммунист Э. Хобсбом, известный ученый-обществовед и публицист, близкий к руководству Итальянской коммунистической партии и постоянно печатающийся в ее газетах и журналах. Ему же принадлежат 4 из 12 статей настоящего тома.

Характерен замысел всего издания, изложенный Хобсбом во вступлении к первому тому. Здесь отвергается кон-

цепция, согласно которой подлинным марксизмом современной эпохи является марксизм-ленинизм, воплощенный в теоретической и практической деятельности КПСС и других братских партий стран социалистического содружества, в идейно-политической борьбе международного коммунистического движения. Авторы и составители «Истории марксизма» истолковывают марксизм плюралистически, считая, что в современном мире сосуществует много «марксизмов». По их мнению, марксистами могут считаться как реформисты, коль скоро они «идут от Маркса», так и революционеры, а к последним причисляются и анархистствующие, левацкие элементы. Тем не менее авторы вынуждены признать революционность учения Маркса как его основополагающее качество, притом революционность, опирающуюся на знание открытых Марксом и Энгельсом объективных законов общественного развития. Поэтому относить взгляды реформистов или же анархистов к марксизму оказывается по меньшей мере неубедительным. Впрочем, сам Хобсбом, по существу, признает нелогичность и противоречивость плюралистической концепции марксизма.

Для настоящего тома характерно особое внимание к молодому Марксу, тогда как анализу основного его произведения — «Капитала», — не говоря уже о более поздних работах, отведено несоразмерно малое место. Более того, Хобсбом и некоторые его коллеги проводят глубоко ошибочную мысль, будто начиная с 70-х годов прошлого века теоретическая и практическая деятельность Маркса сошла на нет. Это мнение было убедительно опровергнуто не только советскими, но и зарубежными марксистами. В то же время нельзя сказать, что в рассматриваемом томе отражен лишь столь модный среди буржуазных исследователей антропологический подход (который обычно связывается ими как раз с ранним периодом творчества Маркса), поскольку Марксово материалистическое понимание истории освещается в ней достаточно подробно.

Не вполне четок отбор тем для статей настоящего тома. Некоторые очерки в чем-то дублируют друг друга, но, с другой стороны, среди них нет статей о целостности Марксова учения, о Марксовой теории общественно-экономических формаций, да и по ряду других важных вопросов.

Пытаясь выявить обусловленное исторически и концептуально развитие взглядов Маркса и Энгельса, авторы «Истории марксизма» иной раз переходят грань, отделяющую историзм от релятивизма, в результате чего оказывается размытым само представление о марксизме, его понимание и определение.

В главе об источниках марксизма, написанной Хобсбом, автор старается дать широкий обзор предпосылок

Марксова учения. Однако из его изложения не вполне ясно, почему Маркс и Энгельс не причисляли, скажем, Бабёфа к своим прямым предшественникам наряду с Сен-Симоном, Фурье и Оуэном. Между тем современные исследования показывают, что грубый уравнилельный коммунизм от Мора до Бабёфа, основанный не на прогрессе производительных сил и социальных институтов, а лишь на революционной перестройке распределения, не мог стать источником марксизма. Игнорируя известную ленинскую концепцию трех источников и трех составных частей марксизма, в частности значение английской классической политэкономии, Хобсбом нарисовал чрезвычайно пеструю и по существу эклектическую картину, чуждую Марксовой концептуальной строгости.

Небольшая статья о материалистической концепции истории, принадлежащая перу английского «марксолога» Д. Маклеллана, основана на его книге «Мысль Карла Маркса», вышедшей в Нью-Йорке в 1975 году. Автор доводит свой анализ лишь до конца 40-х годов XIX века, не касаясь ни «Капитала», ни тем более последующих работ Маркса и Энгельса.

Эссе о значении Маркса для исторической науки и особенно о формировании его исторических воззрений написал профессор Сорбонны, крупный историк-коммунист П. Вилар. Но и он остановился перед «Капиталом», сочтя, видимо, невозможным проанализировать этот труд в небольшой статье.

То же произошло с М. Доббом, автором следующей, политэкономической главы. Профессор Оксфорда, коммунист Добб известен своими капитальными исследованиями, выдержанными в духе марксизма-ленинизма, но он умер во время подготовки тома, не успев довести свою главу до завершенного вида.

Выходец из Венгрии, эмигрировавший после 1956 года в Англию, И. Месарош написал главу о Марксе-философе; в чем-то следуя концепции раннего Лукача, которую тот позднее сам же дезавуировал. Да и стиль этой статьи — абстрактно-туманный. Слабость ее, как и некоторых других статей тома, заключается еще и в том, что теория Маркса рассматривается вне практики, направленной на ее реализацию, а Маркс-философ, по существу, отрывается от Маркса-политика.

Профессор-коммунист Н. Бадалони, президент римского Института Грамши, созданного ЦК ИКП, в отличие от других участников авторского коллектива в своей статье достаточно подробно анализирует «Капитал». Но он фокусирует свою работу на сугубо экономической стороне Марксовой теории социального освобождения, тогда как его тема — статья называется «Маркс и поиски коммунистической свободы» — может быть всесторонне раскрыта лишь с учетом

Марксовой критики анархизма и так называемого «казарменного коммунизма».

Интересна работа Л. Крейдера о занятиях и исследованиях Маркса в области антропологии и этнографии. Удивляет, однако, что автор считает себя первым публикатором Марксовых конспектов таких известных работ, как: Л. Морган «Древнее общество», М. Ковалевский «Общинное землевладение», Г. Мейн «Лекции по древней истории институтов», Дж. Леббон «Происхождение цивилизации». Первые два из этих конспектов были напечатаны еще в 1941 году в IX томе Архива К. Маркса и Ф. Энгельса, а все они опубликованы в 1975 году в 45-м томе 2-го издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, то есть за три года до выхода в свет первого тома «Истории марксизма». Огорчительно, что даже ведущий на Западе специалист по этой проблематике, каким является Крейдер, не знает об этих советских публикациях.

Очередная статья Хобсбома о политических аспектах марксизма привлекает обстоятельностью подхода к этой теме. Однако, анализируя развитие взглядов молодого Маркса, автор воздерживается от исследования чрезвычайно содержательной полемики Маркса с Бакуниным и вариантов писем Маркса В. Засулич. Автор довольно поверхностно рассматривает концепцию диктатуры пролетариата. Создается впечатление, что Хобсбом априорно принимает распространенную среди западных «марксологов» точку зрения, будто Маркс не разработал целостной политической теории.

Левый западногерманский социал-демократ Г. Гаупт в своем посмертно опубликованном очерке стремится выявить генезис терминов «марксизм» и «марксисты», развивая вышеупомянутую плюралистическую концепцию. Нельзя, правда, не отметить, что автор решительно полемизирует с известным французским «марксологом» М. Рюбелем, немало старающимся принизить марксизм. Гаупт, напротив, осознает значение марксизма, хотя его описанию и присущ в известной мере объективизм, приводящий к тому, что автор уклоняется от сопоставления принципиально различного отношения Ленина и его идейных противников к Марксову наследию.

Представляет интерес написанный Г. Джонсом очерк об Энгельсе. Идя вразрез с принятым в западной «марксологии» принижением значения великого сподвижника Маркса, автор показывает обширный и оригинальный вклад Энгельса в формирование и развитие марксизма, его индивидуальную и незаменимую роль как соратника Маркса. Автор сосредоточивает внимание на анализе работ и взглядов молодого Энгельса, подчеркивая его приоритет в разработке некоторых положений марксизма. Деятельность позднего Эн-

гельса рассмотрена, однако, очень бегло, и очерк в целом создает впечатление незавершенности.

В заключительной статье Хобсбома об изданиях работ К. Маркса и Ф. Энгельса игнорируется наиболее полное из уже вышедших, снабженное детальным научным аппаратом 2-е издание Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, осуществленное Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, как и вся современная работа института. Хобсбом явно не информирован об издании Архива К. Маркса и Ф. Энгельса и лишь мимоходом упоминает реализуемое ныне ИМЛ при ЦК КПСС совместно с ИМЛ при ЦК СЕПГ издание Полного собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на языке оригинала (MEGA).

При всех отмеченных недостатках и пробелах первый том «Истории марксизма», как и все это фундаментальное издание, содержит немалый познавательный материал как фактологического, так и аналитического свойства и в этом плане может заинтересовать советских специалистов.

В целях информации издательство «Прогресс» направляет читателям перевод первого тома итальянского четырехтомника «История марксизма».

Е. А. Амбарцумов

Эрик Хобсбом

ВСТУПЛЕНИЕ¹

Когда несколько лет назад мы начали думать об издании этой книги, еще не было исчерпывающих и крупных работ, посвященных историческому и аналитическому изучению развития марксизма. Действительно, хотя многие авторы и попытались создать собственные исследования в этой области и даже имеются сборники очерков различных авторов, труда, подобного тому, который задумала создать группа инициаторов «Истории», не было и до сих пор не существует, по крайней мере на Западе. Больше всего близка к идее нашего замысла «История социалистической мысли» Дж. Д. Х. Коула, но его исследовательская мысль как бы вышла далеко за пределы марксизма, а анализ оказался ограниченным; к тому же история марксизма с момента написания этого труда ушла далеко вперед. С другой стороны, помимо бесполезных споров и наряду с трудами довольно низкого уровня, за последние 20 лет появилось значительное число работ, посвященных отдельным аспектам теории и истории марксизма, — от таких крупномасштабных, как «История русской революции» Э. Х. Карра, до монографий о наиболее крупных марксистах, о его разных школах, об истории (краткой или полной) социал-демократических и коммунистических партий — вплоть до исследований по узким и специфическим теоретическим проблемам, таким, как, например, очерк Дж. Софри об азиатском способе производства в работах Маркса. В этот период более, чем когда-либо (за исключением, возможно, лишь 1890—1914 годов), возросло количество, многообразие и, видимо, качество марксистских работ и строго научных исследований по марксизму, появилась масса разрозненных материалов, которые сегодня можно синтезировать. В то же время сформировалась достаточно большая группа серьезных и компетентных исследователей, способных внести значительный вклад в эту работу. В сказанном, собственно, и состоит цель данной «Истории марксизма»; если она и не станет выражением

¹ «Вступление» — это слегка измененный вариант памятки авторам «Истории марксизма». Таким образом, оно поможет читателям понять характер задачи, которую мы ставили перед собой, и оценить, в какой степени нам удалось достичь поставленных целей.

точки зрения на эту науку в переживаемые нами 70-е годы, то все-таки, как надеемся, не потеряет своего значения в ближайшие 10—20 лет.

Марксизм — это теория, имеющая самые глубокие практические корни, которая более других на деле повлияла на историю современного мира, и в то же время это метод объяснения и изменения мира. Поэтому историю марксизма следует писать, должным образом учитывая вышесказанное. Она не может быть историей только того, что марксисты (и в первую очередь сам Маркс) думали, писали и обсуждали, не может быть лишь традиционным возрождением генеалогического древа идей, пусть даже и с помощью марксистского анализа отношений между «сознанием» и общественным бытием, из которого она возникла. Необходимо проанализировать также движения, вдохновленные марксизмом или объявляющие себя таковыми: революции, в которых принимали участие марксисты, и попытки марксистов построить социалистическое общество в условиях, позволявших это сделать. К тому же, поскольку теоретический диапазон марксистского анализа и практическое влияние марксизма коснулись почти всех областей мысли и деятельности человека, вполне естественно, что проблематика нашей истории обязательно должна обрести широкие рамки. Марксизм имел огромное политическое воздействие, распространившись от Арктики до Патагонии, от Китая до Перу. Марксисты-мыслители выражали свое мнение и по поводу математики, и по поводу живописи, и по вопросам сексуальных отношений независимо от того, какую позицию в этих вопросах занимала административная и государственная власть.

Самая главная наша задача и состоит в том, чтобы найти форму подачи столь обширной и на первый взгляд безграничной темы. Возможно, будущему читателю будет бесполезно хотя бы схематично ознакомиться с основными принципами этого труда.

Начнем с той очевидной предпосылки, что историю марксизма нельзя считать завершенной, поскольку марксизм — это структура постоянно живой мысли, и ее преемственность в основном сохраняется со времен Маркса и Энгельса и даже после завершения их деятельности. Поэтому естественно предположить, что многие будут читать эту книгу не только из академического любопытства, как могли бы читать какую-нибудь историю астрологии или средневековой схоластики, а с желанием открыть для себя, в какой степени марксистская мысль способствует (и способствует ли) решению актуальных проблем. Есть марксисты, которые именно в настоящее время заняты этими проблемами, и их деятельность также

принадлежит истории марксизма. Они, как правило, пытаются выразить собственные мысли, ссылаясь на труды Маркса или марксистов послемарковского периода, или же по меньшей мере стараются связать свои работы с указанными трудами. В этом смысле преемственность марксизма намного теснее и очевиднее, нежели преемственность других действующих значительных учений, таких, как, например, дарвинизм. Нет ни одного ученого-эволюциониста, который не отдавал бы должного Дарвину, но если кто сегодня и читает «Происхождение видов», то лишь только из любви к истории, из почтения к автору или из личного интереса. Труды же Маркса, даже молодого, читаются и ценятся до сих пор как действенный вклад в дискуссии по самым животрепещущим вопросам, сохраняя свое значение для его последователей.

Во-вторых, нам не хотелось бы считать предметом этой «Истории» некий единственный в своем роде марксизм, не говоря уже об «истинном» марксизме, который противопоставляется каким-то иным, «неистинным» марксизмам или же отклонениям от него. В принципе в эту «Историю» вошли все концепции, которые объявляют себя исходящими от Маркса или находящимися под влиянием его работ, включая и более отдаленные влияния, уводящие далеко за пределы деятельности самих мыслителей, называющих себя марксистами, движений и институтов, провозглашающих себя марксистскими. Поскольку идеи, исходящие от Маркса, — так же, как, например, идеи Фрейда и Дарвина, — вошли составной частью в современное интеллектуальное наследие, а в ходе академических и политических дискуссий сознательно затрагиваются проблемы, поставленные марксистами — пусть даже чисто в академическом плане, — мы не можем не принимать этого во внимание, хотя в нашем труде этот вопрос должен отойти на второй план.

Всеобъемлющий характер данной программы не означает агностицизма в отношении того, что является и что не является марксизмом, и в еще меньшей степени того, что сам Маркс действительно хотел сказать, не говоря уже о более или менее верном истолковании его мысли его последователями. Однако и истолкования, в которых явно отсутствует ясность, тоже принадлежат истории марксизма. Марксизм обладает единством, объясняемым как целостностью теории, выработанной Марксом, спецификой практических вопросов, которые он надеялся разрешить с помощью этой теории, — таких, как проблемы революции и переходного к социализму периода, — так и исторической преемственностью, свойственной основным организованным группам марксистов, которые могут найти свое место, так сказать, на генеалогическом древе, чей ствол представляют социал-демократиче-

ские организации, действовавшие в последние годы жизни Энгельса. Однако речь тут идет о «единстве в многообразии»*. Это единство основывается не на теоретико-политическом согласии, а на общих целях (таких, как социализм) и в особенности на общей принципиальной поддержке основных положений теоретического наследия Маркса и Энгельса независимо от последующих исправлений и дополнений. Из этого единства исключаются «легальные марксисты» царской России (в отличие, скажем, от Бунда), начиная с того момента, когда фактически и юридически они отошли от общей цели, хотя, по крайней мере поначалу, сохраняли верность теории. В равной степени исключаются отсюда и фабианцы (в отличие от Бернштейна, который политически был очень к ним близок и испытывал их непосредственное влияние), поскольку они полностью отвергали доктрину Маркса в то время, как, например, ревизионисты относились к ней несколько иначе.

Кроме того, мы полагаем, что, во всяком случае в настоящее время (как, впрочем, и ранее), не существует единого марксизма, а имеется много марксизмов, зачастую, как это прекрасно известно, остро полемизирующих друг с другом до такой степени, что они не признают друг за другом право называться марксизмом. Настоящая «История» не ставит своей задачей определить обоснованность их взаимных притязаний, разве что в чисто техническом и конкретном плане. Задача историка — показать, что Маркс, по крайней мере на одном из важнейших этапов разработки своей теории, верил в существование «азиатского способа производства»; проследить за политическими соображениями, которые наряду с другими привели к отказу от этой концепции почти во всем коммунистическом марксизме 30-х годов, и оценить попытки вновь ввести это понятие начиная с 50-х годов. В задачу исследователя-историка не входит определение того, являются ли противники «азиатского способа производства» «лучшими» или «худшими» марксистами. Задача историка — показать, что среди множества организаций большевистского типа коммунистические ортодоксальные партии (сталинисты), по крайней мере с начала 20-х и до конца 50-х годов, были сильнее и играли более важную роль, в то время как теоретики группы ленинистов-диссидентов, за некоторыми исключениями местного, а чаще всего регионального уровня, численно не представляли большой значимости. Однако констатация этого факта не дает оснований для каких-либо суждений в пользу соответствующего вклада различных крупных или мелких организаций в дело развития марксист-

* Оборот, который нередко использовал П. Тольятти в последние годы своей жизни для характеристики путей к социализму и международного коммунистического движения. — *Прим. ред.*

ского анализа. Историку следует воздерживаться от суждений подобного рода, если они не подкрепляются рациональными данными. Он может учесть лишь тот очевидный факт, что, в то время как коммунисты-ортодоксы практически не могли провести никакого анализа, например, политического и экономического развития СССР, по столь же очевидным причинам диссиденты-ленинцы именно такому анализу отдавали большую часть собственной энергии. Он ограничится тем, что отметит расхождения в этом анализе, скажем, по вопросу о том, считать ли СССР выродившимся пролетарским государством или формой государственного капитализма, не претендуя на то, чтобы закрыть пока что продолжающуюся дискуссию. Однако он может и должен сказать, что догматическая ортодоксальность, характерная для русского марксизма после смерти Ленина, насколько мы можем судить, вряд ли была бы одобрена Марксом. И все же вполне возможно, что, если бы даже Маркс лично с ней не соглашался, ему пришлось бы, во всяком случае, заняться ею и рассмотреть ее в качестве одного из аспектов внутреннего развития марксизма, наблюдая за ростом одной из ветвей генеалогического дерева марксизма, которая с точки зрения практической политики много десятилетий действительно играла ведущую роль в росте этого дерева.

Третье положение является следствием второго. Очевидно, что коллективный труд по истории марксизма может быть написан авторами различных убеждений, со своим пониманием как теоретических сторон марксистского анализа, так и того, что касается политических последствий подобного анализа. Но все же трудно предположить, что авторы, придерживающиеся двух резко противоположных точек зрения, могут участвовать в реализации такого проекта: невозможно, чтобы тот, кто отвергает как теорию, так и цели Маркса или не признает за ними никакого значения, мог внести полезный вклад в их историографию, равно как и тот, кто, считая абсолютно бесполезной и вредной Французскую революцию, с трудом может использовать тот минимум «*Verstehen*» (понимания), интеллектуальной и эмоциональной симпатии, без которого невозможно успешно написать ее историю. Однако, с другой стороны, те, кто рассматривает марксизм как догматическую теологию, — даже если они имеют поддержку официальных властей — окажутся перед большими трудностями, когда придется обсуждать позиции, которые они обязаны защищать. Во всяком случае, остается еще весьма широкое поле для различных толкований и мнений. Двадцать лет назад этот факт наверняка воспрепятствовал бы реализации коллективного проекта подобного рода, да и сегодня это дело не из легких. Однако опыт пока-

зал, что у исследователей марксизма, придерживающихся различных точек зрения, достаточно общих точек соприкосновения, что служит серьезным основанием для реализации подобного труда. Существует или может существовать согласие там, где речь идет о конкретно доказуемых фактах. В основном оно уже есть в отношении достоинств так называемой вторичной литературы. Каковы бы ни были политические или идеологические позиции, мало осталось серьезных ученых, которые не отдавали бы должное таким написанным с разных точек зрения трудам, как «История русской революции» Карра, биография Троцкого Исаака Дойчера, книга «Роза Люксембург» Дж. П. Неттля или «История германской социал-демократии 1905—1917 годов» Карла Шорске, пусть даже они и не разделяли бы многие из их положений. Возможно, 70-е годы — это именно тот начальный период, когда, как и за несколько лет до 1914 года, у марксистов различных убеждений и серьезных исследователей, не полностью отождествлявших себя с марксизмом, появилась возможность выработать коллективную историю марксизма, которая может стать чем-то большим, нежели простой список расхождений во мнениях. То есть в настоящий момент стоит уже признать значение вклада в эту область авторов различных направлений (хотя иногда и дискуссионных) и не клеймить их как неприемлемые.

В этом труде не будут делаться попытки достичь согласия там, где его не существует, и (в еще меньшей степени) навязывать соавторам точки зрения, которых они не разделяют. Тем не менее (поскольку, несомненно, в некоторых местах книги будут главы и параграфы, обнаруживающие открытые расхождения во мнениях, а иногда и вступающие в противоречие друг с другом) мы верим, что содержание труда может, в общем, привести к значительному согласию в области истории марксизма, хотя этого нельзя отнести к его развитию в будущем.

Вот и все о том, что касается предпосылок. В подходе же к теме мы старались придерживаться определенных принципов, которые стоит здесь изложить.

Творческая мысль и практическая деятельность Маркса и его последователей есть продукт соответствующей эпохи, и независимо от того, насколько постоянными могут считаться интеллектуальное значение и практические завоевания в данной области, необходимо их анализировать в свете тех исторических условий, какие существовали в то время, когда они были сформулированы, то есть принимая во внимание обстановку, в которой проходила деятельность марксистов, и возникавшие вследствие этого проблемы, а также особенности того интеллектуального материала, к ко-

торому они прибегали при формулировании своих идей. Короче говоря, Маркс вывел свой анализ «закона движения» капитализма из современной ему стадии развития общества, то есть в условиях середины XIX века, точнее, из английского варианта капитализма. И он это сделал как мыслитель своего времени, то есть как человек, получивший определенное рода образование, опирающийся на специфический свод информации и опыта, использующий присущие его времени понятия и так далее. То же самое можно сказать и о последователях Маркса, для идей и деятельности которых труды предшествовавших им марксистов, их опыт и традиции марксистского движения естественно служили определяющим и формирующим фактором. Поэтому в нашем труде мы попытаемся определить не только то, чем были различные школы марксизма в разные периоды — школы не только в переносном смысле, но и в буквальном, то есть организации, группы и т. д., в которых учились марксизму, — но и то, что представляли собой труды Маркса и других авторитетных марксистов, имевшиеся в наличии в различное время, и по возможности показать степень их распространенности.

Как продукт особой исторической обстановки, марксизм всегда развивался и видоизменялся в связи с ее изменениями, выступая, таким образом, как следствие более широких исторических перемен, новых обстоятельств, следствие открытия и появления новых данных, уроков, извлеченных из опыта, не говоря уже о тех изменениях, что произошли в интеллектуально пестрой окружающей среде. Все это в равной мере относится как к теории, так и к стратегии марксизма, но совсем не обязательно ведет к их изменению по существу, хотя были марксисты, такие, как ревизионисты-бернштейншанцы, по мнению которых нечто подобное должно было произойти. Сама Марксова мысль развивалась в этом направлении, например, с 1840 по 1860 год, и последующая эволюция марксизма в большой степени связана с попытками учитывать проблемы — как теоретические, так и практические,— которые постепенно порождала новая историческая обстановка или же конъюнктура, о чем в трудах Маркса и Энгельса не давалось никаких особых указаний или же говорилось в весьма общих чертах.

Помимо изменений, которые повлияли не столько на развитие общей теории марксистов, сколько на их стратегические и тактические соображения, самыми значительными являются следующие:

1) развитие мирового капитализма, который до такой степени модифицировал систему, что зачастую приходилось

признавать его «новую стадию», как это было в конце XIX века с «империализмом»;

2) географическое распространение марксизма и марксистских движений в странах (типа, например, Китая), в корне отличавшихся от стран Центральной и Западной Европы, что в большой степени послужило материалом для конкретного анализа, проведенного Марксом и первыми рабочими марксистскими движениями;

3) победоносные революции, впервые поставившие перед марксистами вопросы организации государства и построения социализма, о чем предшествовавшая марксистская теория практически не давала никаких конкретных указаний (типичный пример — Россия после Октябрьской революции);

4) последующее развитие марксизма в той части мира, где марксистское движение или же марксистские партии взяли государственную власть в свои руки и для которых труды Маркса не содержали даже минимума конкретных практических указаний (например, отношения между социалистическими странами);

5) весьма неоднородная схема, отражающая расхождения (а возможно, и совпадения) в развитии марксизма в мировом масштабе, которая объединяет только что перечисленные изменения.

К счастью, бо́льшая часть этих изменений связана хронологически, и, таким образом, соответствующая периодизация, хотя и с некоторыми оговорками, позволяет нам представить их не только четко, но и во взаимодействии.

Мы предлагаем следующую периодизацию:

1. *До 1848—1850 годов* — период возникновения теории социализма и формирования Марксовой мысли. Он совпадает с первым крупным кризисом в развитии молодого промышленного капитализма (30—40-е годы), который в некоторых странах одновременно стал кризисом переходного периода к промышленному капитализму и совпал с революционным кризисом, достигшим своего апогея в 1848 году. Хотя Маркс и Энгельс играли активную и значительную роль в политической жизни, никакого марксистского движения в это время практически еще не существовало.

2. *1850—1875—1883² годы* — классический период развития капитализма в XIX веке: быстрая эволюция мировой системы либерального капитализма с центром в Англии,

² С точки зрения исторических изменений более логична, возможно, была бы какая-то дата 70-х годов (кризис и поворот в развитии экономики в 1873 году, Парижская Коммуна в 1871 году, кризис I Интернационала в 1872 году и объединение Социал-демократической партии Германии в 1875 году), но, может быть, более удобна дата смерти Маркса. Однако практически все это не играет особой роли, поскольку в начале 70-х годов и далее теоретическая, да и практическая деятельность Маркса невелики.

первая фаза развития крупной промышленности в наиболее развитых странах Запада и одновременно образование международной системы капиталистических государств (США, Германия и т. д.); рождение рабочего движения на Европейском континенте (I Интернационал); первый «кризис слаборазвитых стран» (революционное движение в России); Парижская Коммуна — последняя из якобинских и одновременно первая пролетарская революция. Этот период совпадает со зрелостью Марксовой мысли и выделяется благодаря важному событию политической жизни (период деятельности I Интернационала). Однако, за частичным исключением Германии, нет еще сколько-нибудь значительного марксистского движения, и рост влияния Маркса невелик.

3. 1883—1914 годы — период в истории марксизма, когда он развивался в основном деятелями и партиями II Интернационала непосредственно на фоне второго кризиса мирового капитализма — экономического кризиса и напряженности, которые сохранялись с 1873 по 1896 год и породили новый этап капитализма (так называемый империализм) с новыми технологическими, экономическими, социальными и политическими характеристиками, а стало быть, и с новыми стратегическими перспективами, которые марксисты пытаются учесть уже начиная с конца 90-х годов (так называемый кризис марксизма). Но мы не стремимся вводить в нашу периодизацию все основные подпериоды. Массовые рабочие партии, все более определявшиеся гегемонией марксизма и направляемые им — в особенности в том виде, как его сформулировала Социал-демократическая партия Германии, — и революционные марксистские движения в аграрных, слаборазвитых странах Восточной и Южной Европы быстро приводят к развитию II Интернационала. Такой рост порождает важные расхождения, как, например:

а) между национальными движениями вообще (национальный вопрос);

б) между «развитыми» странами, где эти движения существуют в условиях стабильного капитализма и в политической обстановке буржуазной демократии — причем в одних из этих стран рабочее движение следует марксистской ориентации (континентальная часть Европы), а в других этого не происходит (Англия), — и

в) слаборазвитыми странами и регионами Европы, где переплетаются условия революционного кризиса (крестьянские восстания в Румынии, революция 1905 года в России) и революционное движение часто подвержено идеологическому влиянию пролетарского движения на Западе (русская социал-демократия), хотя перед ними стоят абсолютно разные проблемы;

г) первые этапы движения за национальное освобождение

в колониальных и полуколониальных странах «третьего мира», которых — за некоторыми исключениями — до того времени едва коснулись теория и практика европейского социализма (Индонезия, влияние русских народников в Индии).

Революция 1905 года ставит одновременно целый ряд новых проблем: «модели» 1789 года (и даже 1848 года) уже не представляются ни соответствующими духу времени, ни приемлемыми, и дискуссия по этим вопросам предвосхищает последующие вопросы организации пролетарской власти.

4. 1914—1949 годы³. Должным образом учитывая один или два важных подпериода, отмеченных «великой депрессией» 1929—1933 годов и второй мировой войной, это время можно назвать периодом марксизма III Интернационала, который (весьма приблизительно) начинается с Октябрьской революции и продолжается вплоть до завершения китайской революции.

Это период общего кризиса капитализма (война, революции, экономический крах, упадок, фашизм, война), Октябрьской революции, создавшей первое социалистическое государство, и распространения марксистских движений в колониальных и полуколониальных странах в качестве революционного элемента «третьего мира».

Различие в развитии уже таково, что необходимо учитывать три основные отличные друг от друга составные части, хотя и взаимодействующие между собой. Это: а) развитые страны, в которых после краха надежд 1918—1923 годов на мировую революцию революционный (как правило, коммунистический) сектор марксистского движения представляет меньшинство, по крайней мере до начала второй мировой войны, тогда как реформистские рабочие движения (включая и те, что постоянно питаются подслащенным марксизмом) превалируют до тех пор, пока существуют условия буржуазной демократии;

б) слабо развитые страны Восточной и Южной Европы и «третьего мира»;

в) СССР, перед которым встают проблемы послереволюционного развития.

³ Начало этого периода достаточно очевидно (крах II Интернационала в 1914 году); эта веха к тому же весьма удобна для наблюдения и анализа, с одной стороны, предшествующего развития революционных движений, которые впоследствии соединились в большевизме, а с другой — развития революции 1917 года. Конечная веха более проблематична, поскольку мировое развитие в современную эпоху до такой степени неравномерно, что никакая дата не может полностью подойти для всего земного шара. Однако в этом смысле важна китайская революция, поскольку она: а) подчеркивает растущее значение освободительной борьбы против колониального господства и б) совпадает с началом стабилизации послевоенного капитализма.

Эти три части вовлечены в общеглобальное развитие, которое одновременно втягивает их (война, послереволюционный военный кризис, депрессия, фашизм, война) в своего рода синхронность, точную природу которой исследовать пока что, пожалуй, не стоит (например, стабилизация капитализма и нэп или же индустриализация, коллективизация и кризис). Но они связаны также и всеобъемлющим превосходством надо всем Октябрьской революции и СССР в области революционных и марксистских движений и моноцентрической «международной партией», то есть Коминтерном, в котором все больше и больше доминируют русские марксисты.

5. *С 1949 года и далее* — фактически это период полицентрического марксизма — и именно так он и был впоследствии воспринят, — период первой общей и прочной стабилизации международного капитализма начиная с 1914 года. Это одновременно и период победы антиимпериалистической революции в «третьем мире», которая выражается в форме общей политической деколонизации, частичной победы социальной революции, основное достижение которой отмечено образованием различных коммунистических государств. Среди последних победа коммунизма в Китае представляет наиболее значительный интерес. В-третьих, это период, когда СССР распространяет собственную модель социалистической системы на многочисленные европейские страны и становится второй великой державой в международной системе, основанной на двустороннем соперничестве.

Разнообразие и сложность развития в этот период, а также распад сил марксизма, преобладавших в 1914—1949 годах (коммунизм с русским центром), таковы, что представляют исключительные трудности для его анализа. Возможно, лучше всего рассматривать его как период великой экспансии марксизма и в то же время как эпоху кризиса века, когда анализ и перспективы 1914—1949 годов были существенным образом модифицированы в свете изменений по всем трем вышеназванным направлениям.

В настоящий момент мы не предлагаем какой-либо хронологической границы для этого периода. Наша история закончится исследованием положения марксизма на новом плюралистском и полицентристском этапе, на котором мы попытаемся выяснить природу разного рода проблем, встающих перед марксистским анализом, а также охарактеризовать различные марксистские школы и течения на современном этапе.

Нам кажется, что в практических целях необходимо рассматривать последние два периода вместе, поскольку как с теоретической, так и с практической точек зрения мировой

марксизм между 1917 и 1956 годами находился под гегемонией единого коммунистического движения, центр которого был в СССР, а во главе его стояла Коммунистическая партия Советского Союза. В четвертой и последней части этого труда будет рассмотрено состояние марксизма после 1956 года — года, который отмечен очень важной цезурой в истории международного коммунистического движения. Поэтому мы не хотели бы навязывать никакой заключительной даты нашему исследованию, поскольку оно само по себе носит открытый характер. Однако необходимо иметь в виду, что около 1975 года произошли важные изменения в международном капитализме, а именно: наступил конец длительного периода стабильности, невиданного процветания и начался длительный период кризиса.

Роль основных хронологических подразделов не сводится лишь к установлению границ изложения, «событийной» структуры, перечня исторических событий, но они определяют и его аналитическую схему. Ценность задуманного труда не вытекает из нагромождения или же синтеза информации, а состоит в формулировании и разрешении некоторых проблем. Там, где невозможно дать ответ на вопрос, или же когда несогласие между авторами ведет к различным альтернативным ответам, надеемся, что формулировка и способ подачи самих материалов объяснят читателю природу и характер рассматриваемых проблем.

Читатели этого труда, конечно же, будут задавать себе вопросы, которые, как нам кажется, можно сформулировать следующим образом:

а) Как марксизм истолковывал сложные изменения в мире?

б) Каким образом он развивал стратегию, организационные формы и т. д., позволявшие открыть путь к революционным изменениям, что являлось целью Маркса, или же вел к целям, к которым стремились последующие поколения марксистов?

в) Как там, где победил марксизм, революция строила новые общественные системы социалистического типа?

Можно каким-то образом переформулировать те же самые вопросы, не изменяя, однако, их исторической трактовки. (Например, в какой степени марксистское понимание мира соответствовало времени? В какой мере удалось марксистам построить социалистические системы и общества? и т. д.) Стало быть, аналитические и политические проблемы, которые марксисты ставили перед собой, вытекали исключительно из конкретной исторической обстановки, и если они не носили слишком общего и абстрактного характера, то и разрешались в этой обстановке. Опыт их постановки и разрешения при определенных условиях предыдущего периода оста-

ется основой для новых (возможно, видоизмененных) формулировок и новых способов (тоже, возможно, видоизмененных) их разрешения в новых условиях. Иными словами, новая конкретная обстановка дает марксистам возможность конкретизировать неясные очертания гипотетических решений, затененных специфическими элементами предыдущего общего анализа (Маркса или другого марксистского теоретика), которые прежде, однако, конкретно не обсуждались. Таким образом, марксистский анализ основывается на постоянной и взаимной связи между доктринами и опытом прошлого и новой обстановкой, где одно всегда влияет на другое.

Речь идет о весьма известном процессе, и все-таки необходимо пояснить это некоторыми примерами. Так, в настоящее время марксисты занимаются проблемами современной автоматизации, которые, естественно, вряд ли возникли бы ранее первой половины XX века, даже в свете пророческих указаний Маркса, сделанных в «Экономических рукописях 1857—1859 годов». Более того, в каком-то смысле значение этих высказываний было осознано благодаря появлению в нашу эпоху конкретной проблемы автоматизации. Вопрос о том, как понять характер послевоенного капитализма, практически возник только в 50-е годы и привел к пересмотру целого ряда предшествующих оценок его как такового, последующих этапов его развития, признанных марксистами («классического» — эпохи Маркса, империалистического монополистического капитализма, анализ которого был осуществлен между 1900 и 1929 годами, «всеобщего кризиса капитализма» и т. д.). В свою очередь это ведет к важным стратегическим и тактическим выводам. В какой мере справедливо то, что революционные профсоюзы приспособливают собственную политику к условиям новой капиталистической экономической системы, в течение долгого периода остававшейся стабильной и процветающей; как де-юре или де-факто (хотя и с некоторым опозданием) ВКТ и ВИКТ* после краха надежд на послевоенный кризис выработали собственную политику? В какой степени подобное приспособление к политике может (или могло) привести к неизбежному реформизму социал-демократического типа, как, начиная с 60-х годов и позднее, утверждают это крайние левые? Ответы на эти вопросы должны в свою очередь основываться на анализе той обстановки, которая их породила, а также на рассмотрении политических и социальных сил, определявших характер формулировок и ответов, и тех сил, которые следовали своей собственной стратегии и тактике.

* Всеобщая конфедерация труда (Франция) и Всеобщая итальянская конфедерация труда, наиболее влиятельные профцентры этих стран, руководимые коммунистами. — *Прим. ред.*

Что же касается связи между новыми ответами и наследием предшествующей марксистской науки, то марксисты всегда разделялись на тех, кто считал, что они должны привести к открытой «ревизии» доктрины, и тех, кто не считал это необходимым. Первые в свою очередь делились на тех, кто готов был довести формальную «ревизию» до такой степени, чтобы вообще порвать с марксизмом, и тех, кто считал, что они останутся «марксистами». Все эти различия важны только для истории марксизма как доктрины. На практике каждый тип марксистского движения, имевший конкретное значение, и каждая версия марксистского анализа, имевшая определенное влияние по меньшей мере на некоторых этапах его развития, просто модифицировали доктрины прошлого в свете изменившихся условий. И задача историка — учесть эти изменения и проанализировать их, независимо от того, заклеямили или не заклеямили их как ревизионистские⁴.

Трактовка крупнейших проблем марксизма не может механически подгоняться под какую-то одну хронологическую схему и не может быть раздроблена согласно требованиям подобной схемы. Существуют четыре возможных решения, каждое из которых может быть использовано в зависимости от того, подходит ли оно и отвечает ли требованиям ясного, систематического и четкого изложения:

1. Определить тему и рассмотреть ее в ее целостности независимо от хронологической схемы. (Возможно, этот способ более всего подходит для вводной и заключительной частей книги.)

2. Ограничить рассмотрение предмета исключительно тем временем, когда он сформировался исторически. (Например, основополагающий Марксов анализ капитализма можно было бы ограничить периодом 1850—1883 годов.) В качестве литературного приема во избежание излишних трудностей можно было бы использовать «портреты» видных марксистов того времени, рассказывая о которых можно было бы обсуждать и теоретические проблемы, возникавшие в ходе деятельности их последователей. «Портрет» Розы Люксем-

⁴ Истинный марксистский «фундаментализм»* (если уж прибегать к теологическим параллелям) редок, а там, где он существует — как, например, в небольшой социалистической партии Великобритании, которая с 1905 года исповедует все то же Евангелие, — он не представляет какого бы то ни было практического или теоретического интереса. Те, кто претендует на буквальную верность марксистской доктрине, по большей части опираются на группу «текстов» первоначальной доктрины, отвечающих требованиям того, кто их выбирает, или же настаивают на сохранении этой первоначальной доктрины в качестве догмы, в то время как рядом с ней уже действует другая теория, хотя официально и не признанная.

* Изначальная правоверность. «Фундаменталистами» называют на Западе, например, сторонников имама Хомейни и других шиитов. — *Прим. ред.*

бург, например, можно было бы поместить в рамки 1883—1914 годов, предположительно в связи с тогдашней дискуссией о пролетарской стратегии и империализме. Однако по мере возможности в этом контексте может определяться и обсуждаться весь комплекс вопросов и освещаться полемика, связанная с этим периодом, а также с дальнейшими событиями. (По мере необходимости будут даваться соответствующие ссылки и отсылки на последующие или предшествующие события.)

3. Если какой-либо факт не вполне ясен из предшествующего материала, расширить дискуссию по определенным проблемам за пределы времени их постановки. Например, в разделе *1883—1914 годы* нам казалось полезным не ограничивать дискуссию по марксистскому анализу империализма лишь его развитием до 1914 года (Каутский, влияние Гобсона, Гильфердинга, Люксембург), а, наоборот, расширить ее, затронув дальнейшее развитие (например, Ленин, Штернберг) и высказав некоторые предварительные соображения, касающиеся уже послевоенного периода, связанные с изменениями в развитии империализма и их анализом (Суизи, Баррат, Браун, Жале, Кидрон и т. д.).

4. Хронологически подразделить трактовку темы, возвращаясь к ней в каждый последующий период. (Например, вопросы о характере пролетарской революции или о перспективах ее завершения, о крахе или изменениях в развитии капитализма не могут не возникать в разное время в связи с изменившимися условиями определенного периода.)

Поскольку цель нашей книги — история марксизма и его развития, вопросы, непосредственно не касающиеся этой темы, будут рассмотрены лишь в той степени, в какой они относятся к нашему предмету, или в такой мере, чтобы дать минимум информации об исторической обстановке. Каким образом достичь здесь определенного равновесия, лучше всего показать на некоторых примерах. Например, мы не имеем в виду писать историю — пусть даже и краткую — Октябрьской революции или же рассказывать о роли Ленина в этой революции. Однако мы хотим оценить вклад Октябрьской революции в развитие марксизма и показать ее значение в рамках этого развития. Это значит, что в нашей «Истории» совсем не будут фигурировать ни Керенский, ни Корнилов, ни крейсер «Аврора», но, естественно, особое внимание будет уделено таким вопросам, как характер большевистской партии и ее революционная роль в перерастании буржуазно-демократической революции в пролетарскую, прогнозы о характере, структуре и программе пролетарской власти («Государство и революция»), о захвате власти в стране, в которой не было некоторых необходимых условий для построения социализма («Москва или Берлин?»), об отношении

различных марксистов к Октябрьской революции, о влиянии Октябрьской революции на те или иные рабочие и социалистические движения (сила притяжения большевизма и русской модели) и т. д.

История марксизма не может также не быть — хотя бы частично — историей критики марксизма, по крайней мере уже потому, что сами дискуссии в среде марксистов направлены на то, чтобы опровергнуть подобную критику или же прийти с подобными критиками к какому-то соглашению. (Например, в политэкономии такое произошло с тезисами Бём-Баверка.) Антимарксистская критика к тому же вполне заслуживает краткого рассмотрения, особенно когда попытка предложить альтернативу марксистскому анализу вносила существенный вклад в развитие (немарксистской) науки как таковой. Пример — Макс Вебер. Однако в целом мы не намерены заниматься систематическим разбором антимарксизма. Возможно, нам это и не понадобится.

Наконец, несколько замечаний о первом томе «Истории марксизма». Речь идет о книге, которая сама по себе отличается от последующих, поскольку в ней говорится о развитии учения еще при жизни Маркса и Энгельса и прежде всего о деятельности и трудах основоположников марксизма, то есть об отправной точке. Для последующих поколений марксистов Маркс и Энгельс были и остаются маяками, и со смертью Энгельса завершилось определенное собрание текстов и дат, к которому «классики» уже не могут ничего добавить. Самое большее, что здесь можно сделать, — это найти и опубликовать еще почему-то не изданные материалы или же осветить не совсем известные стороны деятельности Маркса и Энгельса. Все их труды, их деятельность могут быть — и были — проанализированы, объяснены и прокомментированы, более того (и это, несомненно, понравилось бы Марксу и Энгельсу больше всего), их образ мыслей и образ действий могут быть — и уже были — использованы для того, чтобы объяснить и изменить мир, который, естественно, во многом переменялся по сравнению с эпохой основоположников марксизма. Первое поколение марксистов еще имело возможность иногда проконсультироваться с самим Марксом, чаще с Энгельсом, но ясно, что с 1895 года это стало невозможным. Поэтому неизбежно, что труды основоположников марксизма следует анализировать иначе, чем труды их последователей. Возьмем один пример. Мы знаем: сам Маркс считал, что с позиций левого младогегельянства он *через* Фейербаха перешел на позицию, которую (не будучи педантами) можно определить, как «Марксову», хотя и она в свою очередь была лишь отправной точкой для последующих разработок

и теоретического развития. В какой же период своей жизни, сам Маркс был «марксистом»? Этот вопрос вызывал яростные споры между марксистами и немарксистами, в особенности после публикации в 1932 году его «Экономическо-философских рукописей 1844 года». Переломный момент в этой дискуссии определен возможностью установить время, когда такой переход означал разрыв и отказ от предшествующих идей Маркса. Эта дискуссия повлекла за собой — во всяком случае, так считалось — множество осложнений политического порядка. Однако очевидно, что, по мысли самого Маркса, вопрос этот был совсем иного рода. Если даже он и думал о связи между «Рукописями» 1844 года и, скажем, «Капиталом», конечно же, он не выразил бы этого в терминологии, которой стали оперировать в дискуссиях после 1932 года. Следует предположить, что он, видимо, считал «Рукописи» одним из этапов своего развития как теоретика, которому присущи как точки зрения, от которых он уже отказался, так и другие, которых он продолжал придерживаться. Необходимо совершенно исключить предположение, будто он мог систематически сопоставлять Маркса 1844 года с Марксом 1867 года, поскольку он великолепно отдавал себе отчет в наличии или отсутствии преемственности между этими двумя позициями. Он мог самое большее чувствовать необходимость (как это сказано в послесловии ко второму изданию «Капитала») пояснить свою позицию, например, по отношению к Гегелю в свете развития критики и интеллектуальной мысли той эпохи. Его замечания по этому поводу не могут, однако, рассматриваться в свете последующих дискуссий о преемственности его мысли.

Возможно, следует привести еще пример. Сопоставление направлений мысли Маркса и мысли Энгельса также порождало широкие дискуссии еще при их жизни. Некоторые авторы договаривались даже не только до различия между двумя мыслителями, но и до несовместимости их образа мыслей или по меньшей мере до несовместимости вытекающих отсюда последствий. Совершенно ясно, что Маркс и Энгельс не были тождественны как мыслители, поскольку как личности они были разными. Энгельс прекрасно отдавал себе отчет в гениальности Маркса, хотя не сохранилось ни одного письменного документа Маркса, в котором был бы хоть малейший намек на меньшую гениальность Энгельса. К тому же между ними установилось своего рода разделение труда, в котором определенные темы были привилегией одного, а другие — второго. Военные вопросы, например, были привилегией Энгельса. Нет сомнения, что между ними иногда могло возникнуть несогласие, как нет сомнения и в том, что в определенных случаях каждый из них учитывал критику другого.

Кроме того, вполне очевидно, что их способ мышления и манера работы были разными. Маркс, за исключением тех случаев, когда истекали все возможные сроки, с огромным трудом мог (а в большинстве случаев даже совсем не мог) завершить проекты своих важнейших теоретических работ. Даже когда все, казалось, сделано хорошо, он не мог отказаться от соблазна изменить, переделать уже готовый текст. Свидетельством тому служат существенные изменения в первом томе «Капитала», внесенные в книгу, начиная от первого издания (1867) до посмертных, которые редактировал Энгельс (1884 и 1891). Энгельс, наоборот, писал очень быстро, очень ясно, возможно обращая большее внимание, в особенности после смерти Маркса, на систематичность и популярность изложения его и своих собственных идей, а не на развитие теории. Бесплезно, наконец, отрицать, что не всегда их мысли следовали в одном и том же направлении, однако вполне ясно, что книга, которую Маркс надеялся написать под влиянием работ Л. Г. Моргана и других этнологов своего времени, судя по его предварительным наброскам, отличалась бы от книги «Происхождение семьи, частной собственности и государства», написанной впоследствии Энгельсом, хотя тот и старался следовать намерениям друга.

Поэтому вполне уместно и необходимо прекратить смотреть на Маркса и Энгельса как на одного мыслителя о двух головах, а рассматривать их как двух различных мыслителей. И все же определяющим фактом остается сотрудничество, длившееся всю жизнь без каких-либо интеллектуальных разногласий. Это сотрудничество было столь тесным, что Маркс не только признавал вклад Энгельса в собственную теорию, но просто просил его писать некоторые статьи, которые должны были появиться под его именем (даже считаться его собственными). Нигде не сказано, что Маркс делал какие-то оговорки по поводу, например, «Анти-Дюринга», который в настоящее время считается самым характерным выражением именно позиций Энгельса. Короче, анализ возможных расхождений в области теории и практической деятельности Маркса и Энгельса — предмет дальнейшей истории марксизма, но не истории становления самих Маркса и Энгельса.

Этот первый том должен рассматривать как вопросы становления Маркса и Энгельса, так и те, которые могли возникнуть после того, как их жизнь и труды стали марксизмом. С точки зрения истории марксизма вторая группа вопросов имеет фундаментальное значение, и соавторы, работавшие над этой книгой, попытались учесть все, что происходило в ходе развития марксизма и последующих дискуссий, вызванных трудами классиков, и сосредоточить на этом свое внимание. Кроме того, следовало рассмотреть и вопрос, в каком смысле употреблялся сам термин «марксизм» в то время и

как он применяется теперь. Об этом в основном говорится в статье Георга Гаупта, хотя по этому вопросу есть высказывания и в других статьях. Мы исходили из того, что после смерти Маркса Энгельс, систематически работая над публикацией полного собрания сочинений своих и Маркса, задался целью выявить комплекс непреходящих ценностей последовательного теоретического толкования и объяснения неясно поставленных проблем. Все это первый этап формирования основной традиции марксизма. Однако (и это неизбежно), хотя книга должна быть направлена в будущее, мы сознательно старались избегать написания истории классиков марксизма в свете последующего развития их теории. Мы рассмотрели в этом томе период до 1895 года, хотя в какой-то степени учитывали и события последующих лет. Единственная статья, которая прямо объединяет Маркса, Энгельса и нашу эпоху, — это небольшая статья о судьбе их трудов от первых изданий и до наших дней. Статья эта совершенно необходима, поскольку в ходе последующего развития марксизма, по крайней мере в том, что касается теории, все теоретики брали по большей части за основу собрание классических работ, имевшихся в наличии в определенное время, и их труд представлял в основном комментарии и критическое рассмотрение этих текстов. Статья, естественно, не претендует на то, чтобы стоять выше уже имеющихся капитальных исследований по библиографии Маркса и Энгельса.

Что же касается развития мысли Маркса и Энгельса (в одной из статей сделана попытка выявить особый вклад Энгельса), то литература по этому вопросу уже и сейчас достаточно велика. Мы не хотели бы — да и не пытались — соперничать в этой области с тем, что уже написано, но, как мы уже говорили, сделали попытку заложить основу для изучения последующих этапов развития марксизма. Нам хотелось взглянуть на Маркса и Энгельса в обстановке их времени, в особенности в свете социалистической традиции, которую они преобразовали. Статья о молодом Марксе, о первом и переходном периоде (середина — конец 40-х годов), здесь просто необходима. В остальном мы попытались рассмотреть три стороны деятельности Маркса — зрелого теоретика, те аспекты, которые всегда были предметом постоянных дискуссий после его смерти. Это экономика, философия и история. Заметим, что статья о Марксе-экономисте — последняя работа покойного Мориса Добба. В момент его смерти она даже не была перепечатана на машинке. Еще одна статья посвящена сложному вопросу, который в трудах Маркса и Энгельса можно в общих чертах определить как политику в ее основных аспектах: государство, революция и классовая борьба. Поскольку здесь трудно оторвать теорию от конкретной деятельности и политического анализа клас-

сиков, в ней пришлось придерживаться более строгого хронологического порядка.

Книга, естественно, не ставит своей целью начинать какую-то полемику, хотя невозможно писать о каких бы то ни было сторонах жизни и творчества Маркса и Энгельса без того, чтобы не оказаться в отношениях согласия или несогласия с позициями марксистской и антимарксистской литературы прошлого и нынешнего века. Подходы авторов носят сугубо личный характер, и мы ни в коей мере не пытались слить воедино разные, даже противоположные точки зрения. Мы даже не ставили целью добавить что-либо к тому, что уже известно о Марксе и Энгельсе и социалистическом движении их эпохи: огромный объем фактов и работ, посвященных этим вопросам учеными разных поколений, сделал бы эту задачу практически невыполнимой. Нам хотелось прежде всего заложить фундамент, на котором мы будем возводить здание следующих томов «Истории марксизма».

Лондон, лето 1978 года

Марксизм во времена Маркса

Эрик Хобсбом

МАРКС, ЭНГЕЛЬС И ДОМАРКСОВ СОЦИАЛИЗМ

Маркс и Энгельс довольно поздно подошли к коммунизму. Энгельс в конце 1842 года заявил о том, что он коммунист, тогда как Маркс, возможно, сделал это где-то во второй половине 1843 года, после того как окончательно свел долгие счета с либерализмом и гегелевской философией. Даже в Германии, политически отсталой стране, оба они не были первыми. Многие немцы-мастеровые, работавшие за рубежом, уже имели дело с организованным коммунистическим движением и выдвинули из собственных рядов своего первого теоретика-коммуниста. Это был портной Вильгельм Вейтлинг, чья первая книга была опубликована в 1838 году («Человечество, как оно есть и каким оно должно было бы быть»). Среди интеллигенции Мозес Гесс предшествовал молодому Фридриху Энгельсу и даже говорил, что обратил последнего в коммунизм. Во всяком случае, вопрос о приоритете немецкого коммунизма не имеет особого значения. Уже в начале 40-х годов во Франции, Англии и США существовало развитое коммунистическое движение как в теории, так и на практике.

Что знали об этом движении молодые Маркс и Энгельс? Что они из него почерпнули? В каких отношениях находился их социализм с социализмом их предшественников и современников? В настоящей главе мы попытаемся ответить на эти вопросы.

1. Предыстория коммунизма

Прежде чем продолжить наше исследование, необходимо оставить в стороне некоторых теоретиков коммунизма, хотя, в общем, историки социализма отдадут им должное: ведь и революционерам хочется иметь свою родословную. Современный социализм не идет от Платона и Томаса Мора и даже от Кампанеллы, хотя на молодого Маркса «Город Солнца» произвел такое впечатление, что он включил его в «Библиотеку выдающихся иностранных социалистов», которая была задумана совместно с Энгельсом и Гессом в 1845 году (этот проект так и не был осуществлен)¹. Подобные произведения представляли определенный интерес для читателей

¹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, с. 24.

прошлого века, поскольку одна из самых больших трудностей теории коммунизма для интеллектуалов состояла в том, что коммунистическое общество не имело precedентов в прошлом и поэтому воспринималось с трудом. Название книги Томаса Мора и стало тем словом, какое стали относить к любому проекту будущего идеального общества, которое в XIX веке означало прежде всего общество коммунистическое, и слово это было «утопия». А поскольку один из коммунистов-утопистов, Э. Кабе (1788—1856), был поклонником Мора, можно считать, что выбор термина не был неудачным. Однако обычно пионеры социализма и коммунизма начала XVIII века не черпали своих идей у какого-то автора далеких эпох; чаще они вырабатывали собственное критическое отношение к обществу или к утопии, изображенной каким-либо предшествующим мыслителем, повествовавшим об идеальных республиках. Они использовали его мысли и восхваляли его. Мода XVIII века на утопическую литературу — необязательно коммунистическую — сделала достаточно популярными произведения этого жанра.

Независимо от того, насколько мы знаем исторически сложившиеся христианские коммунистические общества — хотя примеров таких обществ предостаточно, — мы не можем утверждать, что именно они стали вдохновителями современных коммунистических и социалистических идей. Пока что не ясно, в какой мере самые древние из них (например, последователи анабаптистов XVI века) были известны современникам. Во всяком случае, молодой Энгельс, упоминая различные сообщества такого типа с целью показать реальность коммунизма, ограничивался относительно свежими примерами: «шейкеры» (он считал их «первыми людьми, которые в Америке и вообще в мире породили общество, существующее на основе общего имущества»), «рапписты» и «сепаратисты»². В той мере, в какой мы их знаем, они свидетельствуют прежде всего о стремлении к уже существующему идеалу коммунизма, а не стоят у истоков этого идеала.

Нельзя также не упомянуть о давнишних религиозных и философских традициях, сторонники которых с возникновением современного капитализма развернули свои потенциальные возможности в области социальной критики или же смогли поддержать и заострить ее, поскольку революционная модель общества, основанная на либеральной экономике под эгидой ничем не сдерживаемого индивидуализма, вступала в конфликт с социальными ценностями практически всех человеческих сообществ, известных до этого времени. В глазах образованного меньшинства, к которому принадлежали почти все теоретики социализма — и более того, теоретики обще-

² См. там же, т. 42, с. 211—225.

ства, — эти сообщества воплощались в целой веренице мыслителей и философов, прежде всего в традиционной области познания законов природы, восходящей к классической античности. Хотя некоторые философы XVIII века пытались изменить такие традиции, чтобы приспособить их к новым требованиям либерально-индивидуалистического общества, философия все-таки унаследовала от прошлого некую общинность, а в некоторых случаях — и идею общества без частной собственности, которое зачастую считалось более «естественным», нежели основанное на частной собственности, и, во всяком случае, исторически предшествовало современному. Подобная точка зрения особенно утвердилась в христианской идеологии: ведь нет ничего проще, чем увидеть в Христе, произносящем Нагорную проповедь, «первого социалиста» или коммуниста. Хотя первые мыслители-социалисты в большинстве своем и не были христианами, позднее многие участники социалистических движений считали, что подобные соображения весьма полезны. Что же касается возможности того, чтобы такие идеи оформились в целой серии произведений, каждое из которых комментировало, дополняло и критиковало бы предшествовавшие, влияя на формальное или неформальное воспитание общественных деятелей и мыслителей, то идея «добраго общества», а точнее, общества, которое не основывалось бы на частной собственности, в их интеллектуальном багаже была по меньшей мере вторичной. Легко смеяться над Кабе, который цитирует огромный список мыслителей от Конфуция до Сисмонди, упоминая Ликурга, Пифагора, Сократа, Платона, Плутарха, Боссюэ, Локка, Гельвеция, Рейналя и Бенджамина Франклина, чтобы доказать, что в его коммунизме реализуются их основные идеи. Действительно, в «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс высмеяли эту интеллектуальную генеалогию³, но, несмотря ни на что, она, по крайней мере с точки зрения образованных людей, представляет естественный элемент преемственности между традиционной критикой пороков общества и новой критикой пороков общества буржуазного.

В той мере, в какой эти произведения и эти старейшие традиции выражали общинные понятия, они действительно отражали суть главных компонентов, составлявших основу европейских доиндустриальных обществ, особенно сельских, и еще более ярко выраженных общинных элементов исторически еще более далеких обществ, с которыми европейцы познакомились лишь в XVI веке. Изучение этих экзотических и «примитивных» обществ сыграло большую роль в формировании социальной критики на Западе, особенно в XVIII веке, как свидетельствует об этом тенденция к их идеализации

³ См. там же, т. 3, с. 123 и далее.

и противопоставлению «цивилизированным обществам», возвышению «доброе дикаря», свободного швейцарского или корсиканского крестьянина и тому подобное. Во всяком случае, Руссо и другие мыслители XVIII века утверждали, что цивилизация влечет за собой также и разложение первичных норм человеческой жизни, которые во многом представлялись им более справедливыми, равноправными и благожелательными по отношению к человеку. Утверждалось даже, что подобные общества, не достигшие частной собственности — общества «первобытного коммунизма», — это образец того, к чему общество будущего должно вновь стремиться, и что это вполне достижимо.

Такое направление мысли присутствовало и в социализме XIX века, и марксизм, конечно, не стоял от него в стороне, хотя — как это ни парадоксально — оно намного сильнее проявилось к концу века, а не в первые десятилетия, возможно вследствие растущего интереса Маркса и Энгельса к первобытным формам общества⁴.

За исключением Фурье, первые социалисты и коммунисты не выказывали стремления заглянуть в прошлое, хотя бы краем глаза посмотреть на «первобытное благоденствие», которое хоть как-то могло послужить образцом для будущего счастья человечества. И это несмотря на то, что с XVI до XVIII века самой общепринятой моделью умозрительного построения совершенного общества оставался утопический роман, в котором, как правило, речь шла о впечатлениях путешественника, его скитаниях по дальним странам. В борьбе между традицией и прогрессом, между примитивизмом и цивилизацией все они защищали лишь одну идею — идею прогресса. Даже Фурье, у которого первобытное состояние человечества ассоциировалось с Эдемом, верил в неотвратимость прогресса.

Термин «прогресс» подводит нас к идее, бесспорно выражавшей интеллектуальную сущность первоначальной — социалистической и коммунистической — критики общества, то есть подводит нас к просветительству XVIII века, а точнее, к французским просветителям. По крайней мере Фридрих Энгельс придерживается именно этой точки зрения⁵,

⁴ Если Маркс считал начальной формой общества общество «родовое», то в первых произведениях тем не менее нет никаких указаний на то, что оно находилось на стадии «первобытного коммунизма». Примечание Энгельса относительно первобытных обществ в «Манифесте Коммунистической партии» было добавлено в 1888 году (См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, с. 424).

⁵ «Анти-Дюринг» (черновой набросок «Введения») начинается следующей фразой: «Современный социализм, хотя он по существу дела возник из наблюдения существующих в обществе классовых противоположностей между имущими и неимущими, рабочими и эксплуататорами, но по своей теоретической форме он выступает сначала как более последовательное, дальнейшее развитие принципов, выдвинутых великими фран-

особо подчеркивая их систематический рационализм. «Мыслящий рассудок» — основа любой человеческой деятельности, основа формирования общества и той его модели, по отношению к которой «...все прежние формы общества и государства, все традиционные представления» следовало отбросить «как старый хлам». «Теперь... суеверие, несправедливость, привилегии и угнетение должны уступить место вечной истине, вечной справедливости, равенству, вытекающему из самой природы, и неотъемлемым правам человека»⁶. Просветительский рационализм предполагал преимущественно критический подход к обществу, включая, разумеется, и буржуазное. С другой стороны, различные школы и просветительские течения дали гораздо больше, нежели простое декларирование социальной критики и революционных преобразований: от них берет свое начало вера в способности человека улучшить условия собственного существования и даже — как об этом говорят Тюрго и Кондорсе — в возможности его самоусовершенствования, вера в историю человечества как прогресс человека, как движение к обществу, лучшему из возможных, как стремление к разумным критериям суждения об обществе вообще. Естественные права человека были не просто жизнью и свободой, но и теми «поисками счастья», которые революционеры по справедливости считали исторической новинкой (Сен-Жюст) и преобразовали в уверенность, что «счастье есть единственная цель общества»⁷. Даже в самой буржуазной и индивидуалистической форме подобный революционный подход со временем способствовал развитию социалистической критики общества. В настоящее время вряд ли кто считает Иеремию Бентама социалистом, однако молодые Маркс и Энгельс (возможно, второй в большей мере, чем первый) считали, что Бентам представлял собой связующее звено между материализмом Гельвеция и Робертом Оуэном, который, «исходя из системы Бентама, основывает английский коммунизм», в то время как «только пролетариату и социалистам удалось, отталкиваясь от него, шатнуть вперед»⁸. И действительно, оба они предложили включить Бентама — возможно, вследствие изучения «Рассуждений о политической справедливости» Уильяма Годвина — в «Библиотеку выдающихся иностранных социалистов»⁹.

пузскими просветителями XVIII века, — ведь первые представители этого социализма, Морелли и Мабли, также принадлежали к числу просветителей» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 16).

⁶ Там же, с. 16—17.

⁷ См.: *Advielle. Histoire de Gracchus Babeuf*. Paris, 1884, vol. 2, p. 34.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, с. 146, 463.

⁹ См. там же, т. 27, с. 25—27. Однако довольно быстро отношение Маркса к этому мыслителю стало гораздо прохладнее, хотя в «Немецкой идеологии» его мнение о Бентаме все еще остается положительным.

Нет необходимости обсуждать в этой связи особый вклад Маркса в развитие теорий, возникших в эпоху Просвещения, например в области политической экономии и философии. Главное, что Маркс и Энгельс справедливо считали, что их предшественники — утопические социалисты и коммунисты — принадлежали к Просвещению. Если они относили социалистические традиции к эпохе, предшествовавшей Французской революции, то не зря они обращались к философам-материалистам Гольбаху и Гельвецию и коммунистам-просветителям Морелли и Мабли — единственные имена того времени (помимо Кампанеллы), фигурирующие в их «Библиотеке».

Несмотря на то что, похоже, Жан-Жак Руссо непосредственно не оказал особого влияния на Маркса и Энгельса, стоит вкратце все-таки рассмотреть роль, которую сыграл этот оригинальный мыслитель в формировании последующей социалистической теории. Считать Руссо социалистом можно лишь с большой натяжкой, хотя он действительно выработал ставшую впоследствии самой распространенной версию тезиса, согласно которой частная собственность есть источник любого социального неравенства. Тем не менее он не утверждал, что справедливое общество обязано обобществить собственность, а говорил лишь о том, что оно должно гарантировать равное распределение. Как бы то ни было, ни в одной из своих работ он не развил теоретической концепции, согласно которой «собственность есть кража» (впоследствии разработанной Прудоном). К тому же и это само по себе, по свидетельству жирондиста Бриссо, еще не говорит о социализме¹⁰. Тем не менее в отношении Руссо необходимо сделать два замечания: прежде всего, положение о социальном равенстве, основанном на общности богатства и на централизованной регламентации любого производительного труда, является естественным развитием тезиса Руссо; во-вторых, весьма важным и несомненным является влияние эгалитаризма Руссо на мировоззрение левых якобинцев, которое лежит в истоках первых современных коммунистических движений. Бабёф в свою защиту ссылался на Руссо, а Буонарроти говорил о нем как о главном вдохновителе «заговора равных»¹¹.

Первым лозунгом коммунизма, известным Марксу и Эн-

¹⁰ *J. P. Brissot de Warville. Recherches philosophiques sur le droit de propriété et le vol, 1780.* См. также: *J. Schumpeter. Storia dell'analisi economica.* Torino, 1959, p. 169—170. «Основное положение книги, ставшее особенно известным благодаря Прудону, — „собственность есть кража“».

¹¹ См.: *Advielle. Histoire, cit.,* vol. 2, p. 45, 47; *F. Buonarroti. Cospirazione per l'eguaglianza della di Babeuf (1828).* A cura di G. Manacorda. Torino, 1974, p. 10 sgg.

гельсу, было равенство¹², а именно Руссо и был самым авторитетным его теоретиком. В той мере, в какой социализм и коммунизм 40-х годов XIX века были французскими — а они действительно в большой степени были таковыми, — одним из основных компонентов был именно эгалитаризм Руссо. Не стоит также забывать и о влиянии Руссо на классическую немецкую философию.

2. Социалистическая и коммунистическая литература

Как уже говорилось, история коммунизма как социального движения берет свое начало в левом крыле Французской революции. Прямая нисходящая линия соединяет конспиративное движение «равных» Бабёфа через Филиппо Буонарроти, революционное общество Бланки 30-х годов, а они в свою очередь через «Союз справедливых», созданный немецкими изгнанниками (ставший впоследствии Союзом коммунистов) связываются с Марксом и Энгельсом, которые именно для него написали «Манифест Коммунистической партии». Понятно, что «Библиотека», которую Маркс и Энгельс задумали в 1845 году, должна была включать два направления «социалистической» литературы: Бабёф и Буонарроти (за ними шли Морелли и Мабли), представлявшие откровенно коммунистическое крыло, за которыми следовали левые критики формального равенства во Французской революции и «бешеные» («Серкль сосьяль», Эбер, Жак Ру и Леклерк); однако теоретический интерес к тому, что Энгельс впоследствии определит как «аскетически суровый, спартанский коммунизм»¹³, был не очень велик, и даже коммунистические писатели 30-х и 40-х годов как теоретики, похоже, не слишком повлияли на Маркса и Энгельса. Более того, Маркс утверждал, что именно из-за грубости и односторонности первых теоретиков «не случайно, а совершенно неизбежно рядом с коммунизмом появились другие социалистические учения, как, например, учения Фурье, Прудона — потому что сам он представляет собой только особое, одностороннее осуществление социалистического принципа»¹⁴. Хотя Маркс изучал труды даже относительно второстепенных деятелей, таких, как Лаотьер (1813—1882), Пийо (1808—1877), он мало почерпнул из их социального анализа, который состоял преимущественно в определении клас-

¹² См.: *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 20, с. 104.

¹³ Там же, с. 18.

¹⁴ О мнении Энгельса см. в его статье «Успехи движения за социальное преобразование на континенте» (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 1, с. 533), написанной для оуэновской газеты «Новый нравственный мир» в 1843 году (о мнении Маркса, 1843 год, см. там же, с. 379—380).

совой борьбы как борьбы между «пролетариями» и их эксплуататорами.

Однако бабувистский и необабувистский коммунизм был весьма важен в двух отношениях. Во-первых, в отличие от большинства социалистических утопических теорий он был прочно связан с политической деятельностью и, стало быть, являлся не только революционной теорией, но и доктриной, пусть ограниченной, политической практики, организации, стратегии и тактики. Его основные представители в 30-е годы — Лапонре (1808—1849), Лаотьер, Дезами, Пийо и в особенности Бланки — были активными революционерами. Благодаря этому, а также органической связи с Французской революцией, которую Маркс изучил основательно, они сыграли весьма важную роль в развитии Марксовой мысли. Во-вторых, если даже авторы-коммунисты в большинстве своем не были самыми яркими мыслителями, коммунистическое движение 30-х годов все-таки в большой степени привлекало трудящихся. И хотя этот факт уже подчеркнул Лоренц фон Штейн, он все же поразил Маркса и Энгельса, и впоследствии Энгельс напоминал о пролетарском характере коммунистического движения 40-х годов, отличая его от буржуазного характера почти всего утопического социализма¹⁵. Более того, из этого французского движения, которое стало называться «коммунистическим» где-то в 1840 году¹⁶, Маркс и Энгельс взяли название собственного учения.

Коммунизм, возникший в 30-е годы из французской необабувистской, в основном политической и революционной, традиции, слился с новым опытом, приобретенным пролетариатом капиталистического общества на заре промышленной революции. Именно это превратило его хотя и в малое, но уже «пролетарское» движение. По мере того как коммунистические идеи непосредственно сливались с этим опытом, они явно подпадали под влияние опыта той страны, в которой промышленный рабочий класс существовал уже как массовое явление, то есть под влияние опыта Англии. Поэтому не случайно самый известный теоретик французского коммунизма своего времени Этьен Кабе (1788—1856) не вдохновлялся необабувизмом, а исходил из опыта, почерпнутого в Англии в 30-е годы, опираясь в особенности на труды Роберта Оуэна. Таким образом, Кабе вошел быстрее в русло утопического социализма. Однако, хотя новое промышленное

¹⁵ См.: *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 21, с. 362—369.

¹⁶ Первый коммунистический банкет состоялся в 1840 году, «Как я стал коммунистом» и «Моя коммунистическая вера» Кабе относятся к 1841 году. В 1842 году Лоренц фон Штейн написал «Социализм и коммунизм сегодняшней Франции» — работу весьма популярную в тогдашней Германии, в которой он попытался определить различия в этих двух направлениях.

буржуазное общество могло быть проанализировано каким-либо мыслителем в контексте непосредственного влияния на это общество того или иного аспекта «двойной революции» буржуазии — Великой французской и английской промышленной революции, — этот анализ не был еще непосредственно связан с конкретным опытом индустриализации. И действительно, он был проведен — одновременно и независимо друг от друга — как в Англии, так и во Франции и стал весьма существенной основой для дальнейшего развития мысли Маркса и Энгельса. Между прочим, необходимо заметить, что благодаря связям Энгельса с Англией Марксов коммунизм с самого начала находился под интеллектуальным воздействием английской действительности — в большей степени, чем французской, — в то время как другие представители левого социалистического и коммунистического крыла в Германии опирались в лучшем случае на французский опыт¹⁷.

В отличие от термина «коммунист», который всегда остается программным, термин «социалист» первоначально носил аналитический и критический характер. Его употребляли по отношению к человеку, обладающему особой точкой зрения на человеческую природу (например, на основополагающее значение понятия «общественное» или «социальные инстинкты»), включая и особую точку зрения на человеческое общество, а также к людям, верившим в возможность или необходимость особых способов социальной активности, в частности в вопросах, которые представляли общественный интерес (таких, как, например, вмешательство в механизм действия свободного рынка). Вскоре стало ясно, что подобные идеи имели больше шансов на развитие и являлись более привлекательными для тех, кто стоял за равенство, как

¹⁷ В «Немецкой идеологии» (См.: *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 3, с. 463) Энгельс с гордостью говорит о своем знании «английских коммунистов», противопоставляя его невежеству немецких «истинных социалистов». Список, который он приводит, — «Томас Мор, левеллеры, Оуэн, Томпсон, Уотс, Холиок, Гарни, Морган, Саутуэлл, Гудвин Бармби, Гривс, Эдмондс, Хобсон, Спенс» — интересен не только упомянутыми именами, но и тем, какие имена он опустил. Он не ссылается на многочисленных представителей «трудовых экономистов», которых Маркс знал уже в зрелые годы, в частности на Дж. Ф. Брея и Томаса Годскина, в то время как в него вошли уже забытые сегодня имена, известные лишь тем, кто, подобно Энгельсу, вращался в 40-е годы в кругах радикальных левых. Это Джон Гудвин Бармби (1820—1881), утверждавший, что он ввел в обиход слово «коммунизм», Джеймс Пирпонт Гривс (1777—1842) — «социалист-священник», Чарльз Саутуэлл (1814—1860) — «социалист-миссионер», последователи Оуэна, такие, как Джон Уотс (1818—1887), Дж. Дж. Холиок (1817—1906) — еще более темная фигура — и Джошуа Хобсон (1810—1876) — воинственный последователь Оуэна и издатель «Нового нравственного мира» и «Северной звезды». Оуэн, Уильям Томпсон, Джон Минтер Морган, Т. Р. Эдмондс и Томас Спенс и по сей день упоминаются в любой истории английской социалистической мысли.

последователи Руссо, вплоть до вмешательства в права собственности. Сторонниками этого и выступали уже в XVIII веке в Италии некоторые противники Просвещения и «социалистов»¹⁸, но все это не вполне отождествлялось с обществом, основанным на абсолютной коллективной собственности и на общем управлении средствами производства. Действительно, подобное определение не было общеупотребительным вплоть до возникновения социалистических партий к концу XIX века, и кое-кто еще и сегодня мог бы утверждать, что оно не вполне исчерпывающее. Так, еще в конце XIX века были люди, которые, будучи решительно настроенными против социализма (в современном понимании этого термина), могли считать себя (или считаться) социалистами, подобно немецким «катедер-социалистам» или же подобно тому английскому политику-либералу, который заявил: «Сегодня мы все социалисты». Эта программная двусмысленность распространялась даже на те движения, которые сами социалисты считали социалистическими. Не следует, однако, забывать, что одна из основных школ, которую Маркс и Энгельс определяли как школу «утопического социализма», — школа последователей Сен-Симона — «была куда более озабочена коллективным ограничением промышленности, нежели кооперативной собственностью на богатство»¹⁹. Последователи Оуэна, первыми употребившие этот термин в Англии (1826), хотя и называли себя социалистами, но лишь несколько лет спустя описывали собственный идеал общества как общество «кооператоров».

Однако для общества, где «социализму» противостоял «индивидуализм»²⁰, под которым подразумевалась специфическая либерально-капиталистическая модель ничем не ограничиваемой рыночной конкуренции, было естественным, что «социализм» приобретает программные черты общего определения некоего общества, организованного по образцу ассоциации или кооператива, то есть общества, основанного на кооперативной, а вовсе не на частной собственности. Термин так и остался неуточненным, хотя начиная с 30-х годов ассоциировался прежде всего с более или менее радикальной перестройкой общества в этом направлении. И сторонники «социализма» все более отходили от позиций преобразователей общества.

Поэтому необходимо различать два аспекта первоначального социализма: критический и программный. Критический

¹⁸ См.: *F. Venturi. Le mot „socialista“. II Congrès international d'histoire économique, Aix 1962, Den Haag, 1965, vol. II, p. 825—827.*

¹⁹ См.: *G. Lichtheim. The Origins of Socialism. New York, 1969, p. 219* (итал. перевод: Болонья, 1970).

²⁰ В первой статье на эту тему сен-симониста Пьера Леру «Об индивидуализме и социализме» (1835) употреблялись оба термина.

был представлен двумя элементами: теорией человеческой природы и общества, которая основывалась преимущественно на различных идейных течениях XVIII века, и анализом общества, порожденного «двойной революцией», которая в определенных случаях рассматривалась в перспективе исторического развития, так называемого «прогресса». Первый аспект не представлял для Маркса и Энгельса большого интереса, если не считать той его части, которая касалась развития идей (скорее в Англии, чем во Франции) и относилась к политической экономии (к этому мы еще вернемся). Вторым, наоборот, и это очевидно, оказал на них сильное влияние. Программная сторона тоже включала в себя два компонента: огромное разнообразие предложений о создании новой экономики на кооперативной основе (в крайних случаях путем образования коммунистических сообществ) и попытка осмыслить природу будущего идеального общества и охарактеризовать его. И в этом случае Маркс и Энгельс не выказывали особого интереса к первому компоненту: с их точки зрения, создание утопических сообществ политически было несостоятельным. Так оно на самом деле и было: за исключением Соединенных Штатов, где подобная активность как в светской, так и религиозной форме приобрела определенную популярность, она никогда не имела особого практического значения, хотя эти общества могли служить примером осуществимости коммунизма. Что же касается форм ассоциации или кооперации, которые имели большое политическое влияние и больше всего привлекали ремесленников и специализированных рабочих во Франции и Англии, то они еще не были в достаточной степени известны Марксу и Энгельсу (например, оуэновские «Базары справедливого обмена» 30-х годов) или же рассматривались ими скептически. Ретроспективно Энгельс мог бы сравнить оуэновские рабочие базары с предложениями Прудона²¹. «Организация труда» Луи Блана, которая пользовалась таким большим успехом (десять изданий в 1839—1848 годах), не имела, по их мнению, никакого значения, а если и играла какую-то роль, то представляла интерес лишь как образчик мировоззрения, против которого следует бороться.

С другой стороны, соображения утопистов о природе коммунистического общества оказали значительное влияние на развитие мысли Маркса и Энгельса, но их неприязнь к планам и проектам будущего коммунистического общества привела в последующем многих ученых к недооценке значения этих проектов. И действительно, все или почти все, что Маркс и Энгельс говорили о конкретной форме коммунистического общества, основано на первых трудах утопистов (на-

²¹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 274.

пример, идея об уничтожении противоположности между городом и деревней, согласно Энгельсу, исходила от Фурье и оуэна²² или об упразднении государства — от Сен-Симона²³) или же является результатом критической дискуссии об утопизме.

3. Три великих утописта: Оуэн, Сен-Симон, Фурье

Домарксов социализм, таким образом, глубоко вошел, хотя и дважды искаженным, в последующие труды Маркса и Энгельса. Во-первых, они сугубо селективно отнеслись к своим предшественникам. Во-вторых, самые зрелые их труды не обязательно должны отражать то влияние, которое эти первые мыслители-социалисты оказали на них в годы формирования их мысли. Так, сначала молодой Энгельс гораздо меньше интересовался сен-симонистами, чем в дальнейшем, в то время как ссылки на Кабе, который вовсе не упоминается в «Анти-Дюринге», весьма многочисленны в трудах, появившихся до 1846 года²⁴.

Однако с самого — или почти что с самого — начала Маркс и Энгельс особо выделяют трех мыслителей-утопистов. Это Сен-Симон, Фурье и Роберт Оуэн. Даже в последние годы жизни Энгельс сохраняет по отношению к ним свое прежнее мнение начала 40-х годов²⁵. Маркс и Энгельс говорят об Оуэне несколько иначе, чем о других, и не только потому, что Маркса познакомил с ним Энгельс, находившийся в тесной связи с английским оуэнизмом. Вряд ли Маркс мог узнать Оуэна иным путем, поскольку в то время его труды еще не были переведены. В отличие от Сен-Симона и Фурье они называли Оуэна «коммунистом» уже в начале 40-х годов. Тогда, как, впрочем, и впоследствии, Энгельс был положительно поражен здравым практическим смыслом и деловой хваткой, с которыми Оуэн проектировал свои будущие утопические сообщества («очень немного можно возразить против деталей, даже с точки зрения специалиста»²⁶). Очевидно, его также привлекали и непреклонная враждебность Оуэна по отношению к трем великим препятствиям на пути социальной реформы: «частной собственности, религии и существующей форме брака»²⁷, и то, что Оуэн, будучи ка-

²² См.: там же, с. 304.

²³ О влиянии на Маркса и Энгельса утопистов см. «Манифест», где перечисляются их «положительные выводы насчет будущего общества» (См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, с. 456).

²⁴ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, с. 530 и далее. Энгельс скрупулезно защищает Кабе от ошибочных толкований Грюна в «Немецкой идеологии» (см. там же, т. 3, с. 523 и далее).

²⁵ См. проект «Библиотеки», в котором они уже появляются вместе.

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 274.

²⁷ Там же, т. 20, с. 274.

пита­ли­стом-пред­при­ни­ма­те­лем и фаб­ри­кан­том, кри­ти­ко­вал бур­жу­аз­ное об­ще­ство — поро­жде­ние про­мыш­лен­ной ре­во­лю­ции, и то, что его кри­ти­ка от­ли­чалась ка­че­ства­ми, ко­то­рых не хватало фран­цуз­ским со­ци­али­стам. По­хо­же, что Эн­гельс не за­метил то­го, что в по­след­ствии, в 20—30-е го­ды, у Оуэна по­явилось не­ма­ло сто­рон­ни­ков из ра­боче­го клас­са. К то­му же он по­зна­ко­мился с со­ци­али­ста­ми-оуэ­ни­ста­ми толь­ко в 40-е го­ды²⁸. Од­на­ко Маркс не сом­не­вался в том, что с те­о­ре­ти­че­ской то­чки зре­ния Оуэн сто­ял зна­чи­тель­но ниже фран­цу­зов²⁹. Ос­нов­ной те­о­ре­ти­че­ский ин­те­рес его ра­бот, как и ра­бот дру­гих ан­глий­ских со­ци­али­стов, ко­то­рых Маркс изу­чал по­зд­нее, со­сто­ял в э­ко­но­ми­че­ском ана­ли­зе ка­пи­та­ли­зма, вер­нее, в том, ка­ким об­ра­зом они де­ла­ли свои вы­во­ды со­ци­али­сти­че­ско­го по­ря­дка из пред­по­сыл­ки и ар­гу­мен­тов бур­жу­аз­ной по­ли­ти­че­ской э­ко­но­мии. «...у Сен-Симо­на мы встре­ча­ем ге­ни­аль­ную ши­роту взгля­да, в по­след­ствие че­го его воз­зре­ния со­дер­жат в за­ро­ды­ше по­чти все не стро­го э­ко­но­ми­че­ские мыс­ли по­зд­ней­ших со­ци­али­стов»³⁰. Нет сом­не­ний, что это бо­лее по­зд­нее суж­де­ние Эн­гель­са го­во­рит о до­воль­но зна­чи­тель­ном дол­ге марк­сиз­ма по от­но­ше­нию к сен­симо­низ­му, хо­тя — и это до­воль­но курьез­но — ссы­лок на шко­лу Сен-Симо­на очень ма­ло (Ба­зар, Ан­фан­тен и т. д.). А ведь по­след­ним дей­стви­тель­но уда­лось пре­об­ра­зо­вать дву­смыс­лен­ные, хо­тя и бле­стя­щие до­га­дки сво­е­го учите­ля в не­что, на­по­ми­на­ю­щее со­ци­али­сти­че­скую си­сте­му. Ис­клю­чи­тель­ное вли­я­ние, ко­то­рое ока­зал Сен-Симон (1760—1825) на ог­ром­ное чис­ло та­лант­ли­вых и ча­сто ве­сь­ма та­лант­ли­вых лю­дей не толь­ко во Фран­ции, но и за гра­ни­цей (Кар­лейль, Дж. С. Милль, Гейне, Лист), — это яв­ле­ние ис­то­рии евро­пей­ской куль­ту­ры эпо­хи ро­ман­ти­зма, и его не все­гда про­сто по­нять со­вре­мен­но­му чи­та­те­лю. Если в его со­чи­не­ниях со­дер­жится це­лост­ная док­три­на, то она за­к­лю­ча­ется в оп­ре­де­ля­ю­щем зна­че­нии раз­ви­тия про­мыш­лен­но­сти, за­дача ко­то­рой — дей­стви­тель­но пре­об­ра­зо­вать про­из­во­ди­тель­ные си­лы об­ще­ства в соб­ствен­ных об­ще­ствен­ных и по­ли­ти­че­ских кон­тро­ле­ров, при­дав, та­ким об­ра­зом, кон­крет­ную фор­му бу­ду­ще­му об­ще­ству. Та­ко­во те­о­ре­ти­че­ское обос­но­ва­ние про­мыш­лен­ной ре­во­лю­ции. «Ин­ду­стри­а­лы» (тер­мин, ко­то­рый ввел Сен-Симон) в этом об­ще­стве — бо­ль­шин­ство на­се­ле­ния, вклю­ча­ю­ще­го как про­мыш­лен­ных пред­при­ни­ма­те­лей, в пер­вых ря­дах ко­то­рых сто­ят бан­ки­ры, учe­ных, изоб­ре­та­те­лей и дру­гих пред­ста­ви­те­лей ин­тел­ли­ген­ции, так и ра­бочих. Что ка­са­ется по­след­них, то роль их — быть ре­зер­вом для пер­вой ка­те­го­рии, и док­три­на Сен-Симо­на вы­сту­пает здесь про­тив бед­но­сти и со­ци­аль­но­го не­ра­вен­ства. В то же время он ре­ши­тель­

²⁸ Там же, т. 2, с. 459—460.

²⁹ Там же, т. 42, с. 290—305.

³⁰ Там же, т. 20, с. 270.

но отвергает принципы свободы и равенства, выдвинутые Французской революцией как индивидуалистские и ведущие к конкуренции и экономической анархии. Цель общественных институтов — «способствовать тому, чтобы основные институты приумножали благосостояние пролетариев», которых он определяет просто как «самый многочисленный класс»³¹. С другой стороны, «индустриалы» как предприниматели и технократы-планировщики противопоставляются не только праздным и паразитирующим угнетающим классам, но и анархии буржуазно-либерального капитализма, одним из первых критиков которого стал Сен-Симон. Индустриализация, по Сен-Симону, принципиально несовместима с бесплатным характером общества. Появление класса «индустриалов» — результат исторического развития.

Здесь не стоит заниматься вопросом, были ли идеи Сен-Симона разработаны им самим или под влиянием его секретаря (1814—1817) историка Огюстена Тьерри. Во всяком случае, социальные системы определяются у Сен-Симона способом организации собственности, историческая эволюция — развитием производительной системы, а власть буржуазии — наличием у нее средств производства. Похоже, что Сен-Симон довольно упрощенчески смотрел на французскую историю и рассматривал ее как классовую борьбу, восходящую к захвату Галлии франками. Эта концепция была разработана более подробно его последователями как история эксплуатируемых классов. Она превосходит Марксов анализ: за рабами следовали крепостные, затем появились пролетарии, номинально свободные, но лишенные собственности. Что же касается истории своего времени, то тут Сен-Симон был более точным. Как впоследствии с восхищением отмечал Энгельс, он рассматривал Французскую революцию как классовую борьбу между дворянством, буржуазией и массами, лишенными собственности. (Его последователи расширили эту тему, утверждая, что революция освободила буржуа и что теперь настало время освободить пролетария.)

Кроме исторических предвидений, Энгельс мог бы выделить еще две важные догадки Сен-Симона: подчиненную роль политики по отношению к экономике и даже в итоге поглощение ее экономикой, а затем и упразднение государства в обществе будущего, «управление вещами» вместо «управления людьми». Независимо от того, встречается ли именно эта фраза в трудах самого Сен-Симона, понятие это выражено вполне определенно. Вообще множество понятий, вошедших в Марксов социализм, так же как и в последующие социализмы, можно отнести к сен-симонистской школе,

³¹ „L'organisation sociale“, 1825.

хотя, возможно, они и не прямо присутствуют у самого Сен-Симона. «Эксплуатация человека человеком» — это выражение Сен-Симона, так же как и слегка измененная Марксом формулировка для характеристики принципа распределения в первой фазе коммунизма: «От каждого — по способностям, каждому — по труду». То же самое можно сказать и о фразе из «Немецкой идеологии» Маркса: «Всем людям должно быть обеспечено развитие их естественных способностей». В общем, марксизм немало обязан Сен-Симону, хотя и нелегко определить насколько, так как не всегда его вклад может быть отделен от вклада других современных ему течений. Так, например, открытие классовой борьбы в историческом плане, вполне вероятно, могло быть сделано любым человеком, изучавшим или же просто пережившим Французскую революцию. Маркс относит его к буржуазным историкам французской Реставрации. А ведь самый авторитетный из них (с точки зрения Маркса), Огюстен Тьерри, какое-то время находился в тесном контакте с Сен-Симоном. Так или иначе, влияние Сен-Симона несомненно. Неизменно положительное мнение Энгельса о Сен-Симоне говорит само за себя. Энгельс так оценивал Сен-Симона: «Сен-Симон определенно страдал от богатства собственных мыслей». Энгельс ставил его рядом с Гегелем, считая его самым универсальным умом своего времени³².

Зрелый Энгельс особенно восхищался Шарлем Фурье (1772—1837) преимущественно по трем причинам: его восхищала блестящая, остроумная и беспощадная критика буржуазного общества или, скорее, критика буржуазной манеры поведения³³, его борьба за эмансипацию женщин и его глубоко диалектическое понимание истории (хотя это последнее скорее в большей степени присуще самому Энгельсу). Однако первое, что поразило его в мыслях Фурье и, возможно, оставило самые глубокие следы в Марксовом социализме, так это анализ труда. Вклад Фурье в социалистическую традицию носил характер идиосинкразии. В отличие от других социалистов он с подозрением смотрел на прогресс и разделял убеждение Руссо в том, что, вступив на путь цивилизации, человечество пошло по неверной дороге. Он подозрительно относился к промышленности и технологическому прогрессу, хотя принимал его как таковой и был за его использование, поскольку был убежден, что колесо истории назад повернуть нельзя. С подозрением смотрел он и на суверенитет народа (не отличаясь в этом вопросе от других социалистов), и на демократию якобинского характера. Как философ, он был ультраиндивидуалистом. По его мнению,

³² См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 23.

³³ Молодой Энгельс заметил, что Фурье написал о рабочих и их положении много позднее (там же, т. 2, с. 584—586).

высшая цель человечества состоит в удовлетворении всех индивидуальных психологических потребностей и максимальном достижении удовольствия отдельной личностью. Действительно (здесь мы приводим цитату, свидетельствующую о первом впечатлении Энгельса³⁴), «так как каждому индивидууму свойственна склонность или пристрастие к определенному виду труда, то совокупность этих индивидуальных склонностей должна образовать в целом такую силу, которая способна обеспечить удовлетворение потребностей всего общества. Из этого принципа следует, что если каждый индивидуум будет предоставлен своей склонности и сможет делать то, что он хочет, то потребности всех будут удовлетворяться...». Фурье доказывал, что *«абсолютная лень»* — бессмыслица, что она никогда не существовала и не может существовать... Он устанавливает, далее, тождество труда и наслаждения и показывает всю безрассудность современной социальной системы, отрывающей их друг от друга». Настоятельное требование женской эмансипации с неизбежным следствием полной сексуальной свободы есть логическое расширение — а возможно, и центральное ядро — его утопического раскрепощения всех индивидуальных инстинктов и импульсов. Конечно же, Фурье не был единственным феминистом среди первых социалистов, но его страстность и пыл ставили его, естественно, на одно из первых мест, и его влияние чувствуется в том крутом повороте, который сделали сен-симонисты в этом направлении.

Быть может, Маркс глубже Энгельса сознавал возможность конфликта между пониманием Фурье труда — похожего на игру — как основы удовлетворения человеческого инстинкта и полным развитием всех человеческих качеств, которые, по мнению его и Энгельса, могли быть обеспечены при коммунизме, хотя отмена разделения труда (то есть постоянной функциональной специализации) могла привести к результатам в духе Фурье («утром идти на охоту, в полдень — на рыбалку, вечером заняться скотом, после обеда критикой»³⁵). Позднее Маркс отказался от специфической концепции труда как «чистого отвлечения и развлечения»³⁶ и, таким образом, фактически отверг формулу Фурье, ставящего знак равенства между освобождением человека и высвобождением инстинктов. Коммунисты, по Фурье, — это мужчины и женщины, свободные от угнетения, такие, какими их сделала сама природа; коммунисты, по Марксу, выглядели несколько иначе. Однако то, что в годы зрелости Маркс еще раз особо занимался Фурье, и особенно теми страницами, где серьезно обсуждался вопрос о труде как основной деятель-

³⁴ Там же, т. 1, с. 528.

³⁵ Там же, т. 3, с. 33—34.

³⁶ Там же, т. 1, с. 544—571.

ности человека, говорит о большом влиянии, которое этот мыслитель оказал на него. И такое мнение Маркса не отличалось от мнения Энгельса, чьи постоянные, полные восхищения ссылки на Фурье (например, в его «Происхождении семьи») свидетельствуют о постоянной интеллектуальной связи и симпатиях к социалисту-утописту, у которого можно кое-что почерпнуть и которого еще и сегодня можно читать не без удовольствия, а иногда и с чувством раздражения, как это бывало в начале 40-х годов XIX века.

Итак, социалисты-утописты дали критику буржуазного общества и схему теории истории, внушили уверенность не только в возможность социализма, но и в его насущную необходимость в настоящий исторический момент и предложили широкую разработку представления о будущем людей при социализме (включая и их индивидуальное поведение). Однако теоретические и практические недостатки их разработок были просто удивительны. С практической точки зрения самыми слабыми их сторонами были две, имевшие неодинаковое значение и, мягко выражаясь, переплетенные с целым рядом романтических странностей, простиравшихся от прозорливого представления о будущем обществе до психической неуравновешенности, от мыслительной путаницы, не всегда оправданной обилием идей, до странных и экзальтированных религиозных культов. В общем, их последователи в чем-то скатывались к смешному, а как заметил молодой Энгельс в отношении сен-симонистов, «...во Франции все, что становится предметом насмешки, неминуемо гибнет»³⁷. Признавая в фантастике великих утопистов гениальность и оригинальность, Маркс и Энгельс весьма затруднились бы увидеть практическую ценность для социалистического преобразования мира всего высказанного ими, а в особенности отдельными эксцентричными группами последователей, становившихся все более экстравагантными и все более изолированными.

Во-вторых, и это в большей степени относится к нашей теме, в итоге все они были совершенно аполитичны, и поэтому даже в теоретическом плане не могли выработать эффективные способы изменения современного им общества. Путь к коммунистическим общинам имел не больше шансов привести к желаемым результатам, нежели призывы, обращенные ранее Сен-Симоном к Наполеону, его обращения к царю Александру или к крупным парижским банкирам. Утописты (за исключением сен-симонистов: динамичные капиталистические предприниматели, к которым они устремлялись, отдаляли их от социализма) не признавали в каком-либо классе или в какой-либо социальной группе носителей

³⁷ Там же, с. 527.

собственных идей, и даже тогда, когда — как впоследствии говорил Энгельс об Оуэне — они обращались к трудящимся, пролетарское движение не играло особо важной роли в их планах, вообще-то обращенных к тем, кто должен был согласиться — хотя мог и не соглашаться — с той очевидной истиной, которую им удалось открыть. Но теоретическая пропаганда и воспитание, в особенности в той абстрактной форме, которую критиковал Энгельс, говоря об английских оуэнистах, никогда не могли быть достигать этих целей. Короче говоря (как подсказывал Энгельсу его английский опыт): «Английский социализм, который имеет гораздо более широкую базу, чем французский коммунизм, но отстает от последнего в своем развитии, должен временно вернуться к французской точке зрения, чтобы затем пойти дальше нее»³⁸. Французская платформа была платформой классовой революционной — и политической — борьбы пролетариата. Как мы увидим далее, Маркс и Энгельс все более строго критиковали развитие неутопических теорий начального социализма в ее различных формах кооперации и взаимопомощи.

Среди многочисленных слабостей теоретического порядка утопического социализма одна нам кажется особо серьезной. Это — отсутствие экономического анализа той самой частной собственности, которая в произведениях «французских социалистов и коммунистов... не только была подвергнута разносторонней критике, но и утопически „упразднена“»³⁹ даже без ее общего анализа как основы капиталистической системы и эксплуатации. Сам Маркс, вдохновленный «первым вариантом» «Набросков к критике политической экономии» Энгельса (1843—1844)⁴⁰, пришел к выводу, что подобный анализ должен стать центральным ядром коммунистической теории. Как он отметил позднее, описывая процесс собственного интеллектуального развития, политическая экономия является «анатомией гражданского общества»⁴¹. Этой критики не было у французских социалистов-утопистов. Отсюда можно понять его восхищение Прудонем (1809—1865) и то, что Маркс так его защищал (в «Святом семействе», 1845). Он прочитал «Что такое собственность?» (1840) где-то в конце 1842 года и восхищался автором как «очень строгим и острым социалистическим писателем»⁴². Но утверждать, будто Прудон «повлиял на Маркса» или же способствовал формированию его мысли, было бы преувеличением. Уже в 1844 году Маркс сравнивал его с коммунистом, портным Вейтлингом⁴³ — и зачастую не в пользу Прудона, — чье

³⁸ Там же, т. 2, с. 460—461.

³⁹ Там же, т. 16, с. 24.

⁴⁰ Там же, т. 1, с. 544—571.

⁴¹ Там же, т. 13, с. 6.

⁴² Там же, т. 1, с. 114—118.

⁴³ Там же, с. 443.

единственное достоинство состояло в том, что он, как и Прудон, был настоящим рабочим.

Однако, ставя Прудона ниже Сен-Симона и Фурье, Маркс все-таки оценил сделанный им шаг вперед по сравнению с этими последними. Впоследствии он подобным же образом сравнивал Фейербаха с Гегелем и, несмотря на постоянно растущую неприязнь к Прудону и его последователям, не менял своего мнения⁴⁴. И это вовсе не относилось к экономике (Маркс писал об этом: «В строго научной истории политической экономии книга эта едва ли заслуживала бы упоминания»), поскольку Прудон не был и никогда так и не стал серьезным экономистом. Маркс восхищался Прудоном не потому, что у него что-то почерпнул, а потому, что он увидел в нем пионера той самой «критики политической экономии», которую он сам определял как главную теоретическую задачу, и тем положительнее о нем отзывался, что Прудон был настоящим рабочим и оригинальным мыслителем. А чтобы заметить теоретические слабости Прудона и еще более выделить их на фоне его же достоинств, Марксу не стоило особенно глубоко уходить в изучение экономики. Все это он уже сделал в «Нищете философии» (1847).

Ни один из прочих французских социалистов, однако, не оказал заметного влияния на формирование Марксовой мысли.

4. Английские и французские левые экономисты

Три источника Марксова социализма хорошо известны: это французский социализм, немецкая философия и английская политическая экономия. Еще в 1844 году Маркс говорил о чем-то подобном этому международному разделению интеллектуального труда внутри европейского пролетариата⁴⁵. Поскольку здесь мы занимаемся истоками Марксовой мысли в связи с социалистической или рабочей мыслью домарксова периода, рассмотрим экономические теории Маркса лишь с точки зрения их самобытности или опосредованности этой мыслью, или же способности аналитического предвидения, которую Маркс обнаружил в этих теориях.

Английский социализм берет свое интеллектуальное начало от английской классической политэкономии из двух источников: от Оуэна, отталкиваясь от утилитаризма Бентама, и в особенности от так называемого «рикардианского социализма» (некоторые из его представителей поначалу были утилитаристами), и от Уильяма Томпсона (1783—1833), Джона Грея (1798—1850), Джона Фрэнсиса Брея (1809—1895) и

⁴⁴ Там же, т. 16, с. 25.

⁴⁵ Там же, т. 1, с. 443.

Томаса Годскина (1787—1869). Эти авторы важны не только потому, что опирались на трудовую теорию стоимости Рикардо в разработке теории экономической эксплуатации трудящихся, но и потому, что были активно связаны с социалистическими (оуэнистами) и рабочими движениями. О том, что даже Энгельс знал об их трудах в начале 40-х годов, указаний нет, и, конечно же, Маркс до 1851 года не читал Годскина, «возможно, одного из самых ярких и убедительных экономистов-социалистов домарковского периода»⁴⁶. Впоследствии он дал собственную оценку этому экономисту с присущей ему научной точностью⁴⁷. То, что эти авторы в конечном счете должны были повлиять на экономические занятия Маркса, пожалуй, более известно, чем вклад англичан — скорее радикального, а не социалистического порядка — в Марксову теорию экономических кризисов. Уже в 1843—1844 годах Энгельс пришел к выводу — возможно, почерпнутому из «Истории среднего и рабочего классов» Джона Уэйда (1835)⁴⁸, — что периодичность кризисов есть неотъемлемая часть капиталистической экономики, и применил его с целью опровержения закона Сэя.

По сравнению с этими левыми английскими экономистами Маркс менее обязан экономистам континентальной Европы, во всяком случае, их влияние на него гораздо меньше. Что до французского социализма, то там экономическая теория развивалась в сен-симонистских кружках, вполне возможно под влиянием швейцарского инакомыслящего экономиста Сисмонди (1773—1842), в особенности через посредство Константанэна Пекёра (1801—1887), которого считали «связующим звеном между сен-симонизмом и марксизмом» (Лихтхейм). И тот, и другой были одними из первых экономистов, которых Маркс основательно изучил начиная с 1844 года. Сисмонди многократно цитируется; о Пекёре говорится в третьем томе «Капитала», но ни один из них не упоминается в «Теориях прибавочной стоимости», хотя когда-то Маркс и думал упомянуть в них Сисмонди. Однако туда вошли английские социалисты-рикардианцы. Во всяком случае, сам Маркс был последним и самым великим из этих социалистов.

Поскольку мы вкратце упомянули о том, что Маркс принял и развил в экономических теориях левых, придется не менее кратко сказать и о том, чего он не принял. Он не принял того, что считал «буржуазными» попытками («Мани-

⁴⁶ E. Roll. Storia del pensiero economico. Torino, 1954, p. 300.

⁴⁷ См. ссылки на Годскина в «Капитале» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. II, с. 272 и далее), где говорится также о Брее, Грее и Томпсоне.

⁴⁸ Там же, т. 1, с. 551—554. Маркс изучал его вместе с Бреем и Томпсоном в Манчестере в 1845 году.

фест»), или того, что позднее называл «мелкобуржуазными», то есть, во всяком случае, всего, что уводило от радикального пути и обнаруживало тенденцию к таким мерам по разрешению проблем капитализма, как реформа кредита, вмешательство в денежное обращение, реформа ренты, способы помешать капиталистической концентрации через отмену права наследования и т. д., даже когда подобные меры и были не в пользу отдельных мелких предпринимателей, а действовали на пользу трудящихся, работавших на капитализм, о которых говорилось, что эти трудящиеся должны прийти ему на смену. Подобные предложения были весьма распространены в левых кругах, включая сюда и часть социалистического движения. Неприязнь Маркса к Сисмонди, которого он, однако, ценил как экономиста, и к Прудону, которого не уважал, а также его критика в адрес Джона Грея объясняются именно этим. В то время, когда Маркс и Энгельс вырабатывали коммунистические теории, они не уделяли особого внимания этим слабостям современных им левых. Однако начиная с середины 40-х годов сама политическая практика вынудила их чаще и более критически анализировать эти теории, и это нашло соответствующее выражение в их собственной теории.

5. Вклад немцев

А что же можно сказать о собственно немецком вкладе в формирование творческой мысли Маркса и Энгельса? Экономически и политически отсталая Германия времен молодого Маркса не создала никакого движения социалистов, из которого он мог бы что-то почерпнуть. Более того, вплоть до прихода Маркса и Энгельса к коммунизму — и в какой-то степени даже после 1848 года — было бы неуместно говорить о каких-нибудь левых социалистах и коммунистах, которые как-то отличались бы от демократических и якобинских течений и стояли бы в радикальной оппозиции реакции и монархическому абсолютизму. Как уже было сказано в «Манифесте Коммунистической партии», в Германии (в отличие от Франции и Англии) коммунисты не имели иной альтернативы, кроме той, чтобы «вместе с буржуазией бороться против абсолютной монархии, против земельной собственности и мелкобуржуазности (*die Kleinbürgerei*)», призывая в то же время рабочих «к возможно более ясному осознанию противоречий между буржуазией и пролетариатом».

Немецкие левые радикалы в политике и идеологии обращались к Западу. Начиная с последнего десятилетия XVIII века для немецких якобинцев Франция представлялась образцом, прибежищем политических и интеллектуаль-

ных изгнанников, источником информации прогрессивного содержания. Еще в начале 40-х годов XIX века исследования о социализме и коммунизме Лоренца фон Штейна приобрели в Германии именно это значение, несмотря на критическое отношение самого автора к подобным доктринам. Одновременно группа, в большинстве своем состоящая из полукавалифицированных немецких рабочих в Париже, отошла от либеральных беженцев, укрывшихся во Франции после 1830 года, и приспособила к собственным запросам французский рабочий коммунизм. Таким образом, первая четкая версия немецкого коммунизма была хотя и примитивной, но все-таки революционной и пролетарской⁴⁹.

Независимо от того, хотели ли молодые радикально настроенные интеллигенты из левых гегельянцев остановиться на демократии или же пойти дальше в политическом и социальном плане, именно Франция была для них образцом и интеллектуальным катализатором их идей. Определенное влияние оказал на них Мозес Гесс (1812—1875), и не столько благодаря своим интеллектуальным заслугам (он был далеко не блестящим мыслителем), сколько благодаря тому, что стал социалистом раньше других и обратил в свою веру целое поколение мятежных интеллектуалов. В 1842—1845 годах он оказал большое влияние на Маркса и Энгельса, хотя довольно скоро они перестали принимать его слишком всерьез. Его лозунг «истинного социализма» (практически нечто вроде сен-симонизма на фейербахианском жаргоне) не сыграл большой роли. О нем вспоминают лишь благодаря открытой полемике Маркса и Энгельса (в «Манифесте»), направленной преимущественно в адрес столь же забытого — и справедливо — Карла Грюна (1813—1887). Гесс, чье интеллектуальное развитие в какой-то период совпало с Марксовым — до того, что в 1848 году Маркс вполне мог считать себя его последователем, — не имел никаких задатков ни мыслителя, ни политического деятеля и должен был удовлетвориться ролью вечного предшественника: предшественника марксизма, предшественника немецкого рабочего движения и, наконец, сионизма (см. его книгу 1862 года «Rom und Jerusalem, die letzte Nationalitätsfrage»).

Однако, хотя домарксов немецкий социализм не имел большого значения для развития идей самого Маркса, если не считать, так сказать, чисто биографических данных, стоит сказать несколько слов и о несоциалистической критике либерализма, где прослушивались ноты, которые можно было бы классифицировать и как «социалистические» в двусмысленном понимании этого термина в тот период. В немецкой

⁴⁹ Вильгельм Вейтлинг (1808—1871) жил в Париже в 1835—1841 годах, где имел возможность познакомиться с трудами Пийо и различными коммунистическими публикациями.

интеллектуальной традиции весьма сильно была развита неприязнь к любой форме Просвещения XVIII века, а стало быть, и к либерализму, индивидуализму, рационализму и абстракции и, например, к любой аргументации типа Бентама или Рикардо. Она была связана с органической концепцией истории и общества. Выражением этого стал немецкий романтизм, начавшийся как активно реакционное движение, хотя в некоторых ракурсах зрения гегелевская философия предлагала нечто вроде синтеза Просвещения и романтизма. Немецкая политическая практика, а затем и прикладная социальная теория подавлялись всеобъемлющей системой государственного администрирования. Немецкая буржуазия, поздно развившаяся в класс предпринимателей, в общем-то, не боролась ни за политическую гегемонию, ни за безграничный экономический либерализм, и значительная часть ее идеологов в той или иной степени зависела от государства. Ни как государственные чиновники (включая преподавателей), ни как предприниматели немецкие либералы не разделяли безграничной веры в свободный обмен. В отличие от Франции и Англии эта страна породила авторов, которые надеялись на возможность предотвращения полного перехода к капиталистической экономике (что уже просматривалось в Англии) и считали, что такие проблемы, как бедность масс населения, можно было бы разрешить с помощью государственного планирования и социальных реформ. Эти теории действительно могли быть близки к тому типу социализма, который предлагал консерватор и монархист Родбертус-Ягцов (1805—1875). В 1848 году он некоторое время был прусским министром. В 40-е годы он разработал «недопотребительскую» критику капитализма и доктрину «государственного социализма» на основе трудовой теории стоимости. В целях пропаганды к ней еще вернутся в эпоху Бисмарка, чтобы доказать, что имперская Германия — в не меньшей степени, чем сами социал-демократы, — «социалистическая», а также для того, чтобы показать, что сам Маркс кое-что позаимствовал у знаменитого консервативного мыслителя. Подобное обвинение было абсурдным, поскольку Маркс познакомился с трудами Родбертуса только в 1860 году, то есть когда его учение уже полностью сформировалось, и, во всяком случае, как заметил Шумпетер, если верно то, что, «согласно датам публикации, Маркса мог вдохновить Родбертус, в особенности в том, что касается его общего понятия о нетрудовых доходах», то следует заметить, что, в общем, «пример Родбертуса — самое большое — мог научить Маркса тому, чего не следует делать в ходе собственной работы и как избежать наиболее грубых ошибок»⁵⁰. Во всяком случае, этот спор

⁵⁰ Schumpeter. Storia dell'analisi economica, cit., p. 613—640.

давно забыт. Можно лишь утверждать, что образ действий и аргументация Родбертуса оказали определенное влияние на формирование того типа государственного социализма, который отстаивал Лассаль. (Одно время оба они работали вместе.)

Не стоит и говорить о том, что эти варианты антикапитализма несобщиалистического характера не только не сыграли никакой роли в формировании Марксова социализма⁵¹, но подвергались активным нападкам со стороны молодых левых немцев из-за явно выраженных консервативных признаков. То, что можно было бы определить как «романтическую» теорию, соприкасается с предысторией марксизма лишь своей наименее политической частью, например «натурфилософией», к которой Энгельс всегда питал определенную склонность⁵², и в той же мере, в какой она была ассимилирована классической немецкой философией в ее гегелевской форме. Консервативная и либеральная традиции государственного вмешательства в область экономики, включая государственную собственность и государственное руководство промышленностью, лишь еще раз убедили Маркса и Энгельса в том, что национализация промышленности сама по себе не есть социалистическая мера.

Таким образом, ни экономический, социальный и политический опыт, ни труды по специальным проблемам не оказали заметного влияния на формирование Марксовой мысли. И вряд ли могло быть иначе. Как часто это замечали (и не последними были здесь Маркс и Энгельс), вопросы, которые во Франции и в Англии конкретно ставились в политической и экономической форме, в Германии в молодые годы Маркса и Энгельса находились еще в умозрительной форме абстрактного философствования. Но по тем же самым причинам развитие немецкой философии в тот период шло гораздо интенсивнее, чем в других странах. Если это и лишило ее каких бы то ни было связей с конкретной реальностью (у Маркса нет никаких ссылок на «сословие, которое в настоящее время не владеет ничем», чьи проблемы «бросаются всякому в глаза на улицах Манчестера, Парижа и Лиона», до осени 1842 года⁵³), то придавало ей исключительную способность обобщения и проникновения за пределы непосредственной картины положения. Однако, чтобы полностью реализовать

⁵¹ Глава «Манифеста», посвященная «феодалному социализму», в которой обсуждаются сравнимые тенденции, ни разу не упоминает о Германии и говорит лишь о французских легитимистах и «Молодой Англии» Дизраэли. (Но в своем комментарии к «Манифесту» — Torino, 1962, p. 162—164 — Эмма Кантимири Медзомони указывает на намеки в адрес таких прусских консерваторов, как Германн Вагенер, и на консервативную немецко-христианскую партию.)

⁵² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, с. 8 и далее.

⁵³ Там же, т. 1, с. 115.

свои потенциальные возможности, философскую мысль необходимо было преобразовать в орудие воздействия на мир, и умозрительное философское обобщение должно было соединиться с конкретным изучением и анализом мира буржуазного общества. Без этого немецкий социализм, родившийся из политической радикализации философского развития, в особенности гегелевского, в лучшем случае мог породить лишь тот «немецкий» или «истинный социализм», который Маркс и Энгельс закрепили в «Манифесте».

Первые шаги этой философской радикализации выразились в критике религии и лишь позднее (поскольку сам предмет с политической точки зрения был еще более острым) в критике государства. Это были два основных «политических» вопроса, которые непосредственно касались философии как таковой. Эта домарксова радикализация привела к двум основным достижениям: «Жизни Иисуса» Штрауса (1835) и в особенности откровенно материалистической «Сущности христианства» Фейербаха (1841). Хорошо известно основополагающее значение Фейербаха как переходного звена между Гегелем и Марксом, хотя не всегда наблюдается должная оценка основной роли критики религии в зрелой теории Маркса и Энгельса. Тем не менее на этом конкретном этапе радикализации молодые политико-философские немецкие бунтари могли непосредственно черпать силы из радикальной и социалистической традиции, поскольку самая известная и последовательная школа философского материализма, французская школа XVIII века, была связана не только с революцией, но и с первыми французскими коммунистами — Гольбахом, Гельвецием, Морелли и Мабли. В этом отношении развитие французской философской мысли способствовало формированию Марксовой философии или по меньшей мере служило стимулом для ее развития так же, как философская английская традиция через ее мыслителей XVII и XVIII веков непосредственно или опосредованно способствовала развитию политической экономии. Однако процесс, в ходе которого молодой Маркс «вновь поставил» Гегеля на ноги, развивался в рамках немецкой классической философии и, если не принимать во внимание само направление этого движения, мало был обязан революционным и социалистическим традициям домарксова периода.

6. Новое измерение европейской истории в середине XIX века

Политика, экономика и философия, французский, английский и немецкий опыт, утопический социализм и коммунизм были, таким образом, слиты воедино, преобразованы и превзойдены в Марксовом синтезе в 40-е годы. И конечно, не

случайно все это произошло именно в тот исторический момент.

Около 1840 года европейская история приобрела новое измерение: «социальная проблема» или же, если рассматривать ее в другой перспективе, потенциальная социальная революция нашла свое типичное выражение в феномене «пролетариата». Буржуазные авторы все чаще отдавали себе отчет в том, что пролетариат стал представлять практическую и политическую проблему как класс, как движение и в конечном счете как сила, способная перевернуть общество. Это осознание нашло выражение в систематических исследованиях, носивших часто сравнительный характер, посвященных условиям существования этого класса (Виллерме для Франции в 1840 году, Бюре для Франции и Англии в том же году, Дюкпесье для других стран в 1843 году). С другой стороны, все это находило выражение в исторических обобщениях, в какой-то степени предвосхищавших выводы Маркса:

«Но именно в этом и состоит содержание истории: ни одно крупное историческое противоречие не исчезает и не затухает, если не возникает нового. Основное противоречие между богатыми и бедными в последнее время поляризовалось в напряженности между капиталистами и работодателями, с одной стороны, и разного рода промышленными рабочими, с другой. Из этой напряженности рождается контраст, размеры которого становятся все более угрожающими в связи с прямо пропорциональным ростом промышленного населения»⁵⁴.

Как мы уже видели, во Франции в это время на основе революционного сознания происходил рост коммунистического движения, и действительно именно к 1840 году для его определения возникли такие ставшие общеупотребительными термины, как «коммунист» и «коммунизм». Одновременно в Англии достигло высшей точки своего развития классовое движение пролетарских масс — чартизм, — за которым внимательно наблюдал Энгельс. Предшествующие формы утопического социализма в Западной Европе уже отошли на периферию общественной жизни, за исключением фурьеризма, который хотя и скромно, но прочно привился на пролетарской почве⁵⁵.

⁵⁴ Статья „Revolution“. — In: *Rotteck und Welcker. Lexicon der Staatswissenschaften*. 1842, vol. XIII, цит. по: *Avineri. The Social and Political Thought*, cit., p. 55. Аналогичные цитаты у: *J. Kuczynski. Geschichte der Lage der Arbeiter unter dem Kapitalismus*. Berlin, 1960, vol. 9; *C. Jandtke und D. Hilger. Die Eigentumslosen*. München, 1965.

⁵⁵ Его следы видны и в последующем марксистском рабочем движении, например в деятельности верного фурьеризму Эжена Потье, автора «Интернационала», и Августа Бебеля, который еще в 1890 году опубликовал книгу о Шарле Фурье «Его жизнь и теория» („*Sein Leben und seine Theorien*“, Stuttgart, 1890).

При наличии рабочего класса, который рос и мобилизовался на глазах, теперь стало возможным новое и более мощное слияние якобинско-революционно-коммунистического и социалистическо-ассоциативистского опыта и теории. В своих поисках силы, способной преобразовать общество с помощью отрицания существующего общества, гегельянец Маркс увидел ее в пролетариате и, еще не представляя ее себе конкретно (если он ее и представлял себе, то благодаря Энгельсу) и не уделив особого внимания роли капитализма и политической экономии, все-таки приступил к непосредственному изучению того и другого. Ошибочно считать, что Маркс серьезно не занимался экономикой до 50-х годов: систематические занятия в этой области начались не позднее 1844 года.

Слияние теории с общественным движением особенно ускорило благодаря сочетанию взлетов и падений, характерных для развитых буржуазных обществ того времени. В какой-то мере это развитие приняло характер модели во Франции и Англии. В политической области революции 1830 года и соответствующие реформы в Англии 1832—1835 годов привели к установлению строя, который, естественно, защищал интересы господствующей части либеральной буржуазии, но явно не соответствовал целям политической демократии. В экономической области индустриализация, уже утвердившаяся в Англии, на глазах захватывала некоторые регионы континента, впрочем в атмосфере кризиса и неуверенности. У многих это вызывало сомнение по поводу самой будущности капитализма как системы. Лоренц фон Штейн, который первым приступил к систематическому изучению социализма и коммунизма (1842), говорил: «Нельзя уже сомневаться в том, что в наиважнейших частях Европы политическая реформа и революция подошли к заключительному этапу; социальная революция с ее ужасающей мощью и страшной неопределенностью заняла свое место и возвышается над всеми движениями народов. Всего несколько лет назад все, что мы видим сегодня, казалось лишь бестелесной тенью, теперь же все это выступает как враг закона, и любые усилия вернуться в первоначальное состояние небытия бесполезны»⁵⁶.

Как могли бы сказать Маркс и Энгельс: «Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма».

Таким образом, появление такого социализма, как его понимал Маркс до 40-х годов, исторически было бы невозможным. Вероятно, то же самое произошло бы и в крупных буржуазных государствах, где как радикальные политические

⁵⁶ Цит. по: *W. Hofmann. Ideengeschichte der sozialen Bewegung des 19. und 20. Jahrhunderts.* Berlin, 1968, S. 90.

рабочие движения, так и радикальная социальная и политическая теория были тесно связаны с многолетними традициями и практикой, от которых они с трудом освобождались. Последующая история могла бы показать, как французские левые долго и упорно сопротивлялись марксизму, несмотря на силу революционной традиции и на присущее им стремление к объединению. Английское рабочее движение тоже надолго было закрыто для марксизма, несмотря на успех, а скорее из-за успеха, с которым шло здесь развитие сознательного классового движения и которым пользовалась здесь критика эксплуатации. Без французского и английского вкладов Марксов синтез был бы невозможен, и, как мы уже говорили, большое значение имеет тот факт, что Маркс всю жизнь тесно сотрудничал с Энгельсом, исключительно хорошо знавшим Англию (еще и потому, что обладал непосредственным опытом как капиталист, имевший предприятие в Манчестере). Тем не менее, возможно, следовало предвидеть, что новый этап развития социализма начнется не в центре буржуазного общества, а на периферии, в Германии, путем капитальной реконструкции сложного и умозрительного здания немецкой философии.

Само развитие Марксова социализма будет предметом рассмотрения в последующих главах. Здесь нам достаточно сказать, что он отличался от предшествующей теории социализма в трех различных планах. Во-первых, он заменил частичную критику капиталистического общества более широкой, опирающейся на экономические связи, которые лежат в основе этого общества. Тот факт, что аналитически он более глубоко проникал в суть явлений, которые лишь поверхностно рассматривались эмпирической критикой, уже означал анализ препятствий, возможных из-за «ложного сознания» и Марксовых (исторических) мотивировок. Во-вторых, он включал социализм в структуру анализа исторического развития, анализа, способного объяснить, почему социализм вырос как теория и как движение в определенный исторический период и почему историческое развитие капитализма в итоге должно породить социалистическое общество. Между прочим, в отличие от всех предшествующих социалистов (которые представляли себе новое общество как нечто законченное и считали, что оно должно строиться согласно заранее определенной модели) для Маркса даже будущее общество оставалось обществом в его историческом развитии, так что в этом случае можно было предполагать лишь какие-то принципы и основные направления его развития, оставив в стороне конкретные проекты. В-третьих, Марксов социализм выявил способы перехода от старого общества к новому. Пролетариат является носителем этих способов, реализуя их в классовой борьбе, которая достигнет цели только через

революцию, «экспроприацию экспроприаторов». Социализм переходил из категории «утопического» в категорию «научного».

Теория Маркса не только заменила, но и впитала мысли и идеи его предшественников. На языке Гегеля она «сняла» («aufgehoben») их. С любой точки зрения (если только мы не говорим о научных исследованиях и трудах) все они были забыты или стали частью предыстории марксизма, или же, как это произошло с некоторыми сен-симонистскими тенденциями, их развитие пошло по идеологическим направлениям, ничего общего не имеющим с социализмом. В лучшем случае они еще живы (Оуэн, Фурье) среди теоретиков воспитания. Единственный автор социалистического направления домарксова периода, который все еще сохраняет некоторое значение как теоретик для социалистического движения в широком смысле, — это Прудон, которого до сих пор цитируют анархисты (не говоря уже о крайних правых во Франции или других антимарксистских элементах, время от времени ссылающихся на него). Здесь мы усматриваем глубокую несправедливость по отношению к мыслителям, которые по разным причинам, хотя и не дошли до озарений крупнейших утопистов, были все-таки оригинальны и идеи которых сегодня могли бы во многих случаях стать предметом серьезного изучения. Однако остается фактом, что в качестве социалистов они уже интересуют одних историков.

Но все это не должно привести нас к мысли, будто домарксов социализм умер сразу же после того, как Маркс разработал свое особое видение мира. Марксизм не приобрел особого влияния в рабочем движении до 80-х — максимум 70-х годов⁵⁷. Сама история, политические и идеологические перипетии развития Марксовой мысли не могут быть поняты, если не принять во внимание, что тенденции в рабочем движении, которые он критиковал и против которых боролся в последний период своей жизни или же с которыми должен был пойти на компромисс, шли прежде всего в русле взглядов левых домарксовых радикалов. Они принадлежали к потомкам тех, кто совершил Французскую революцию, выступая за радикальную демократию, то есть за якобинский республиканизм в форме пролетарского революционного необабувистского коммунизма, который сохранился благодаря Бланки. Время от времени Маркс мирился с этой тенденцией, когда дело шло о ее политическом аспекте. Иногда эта тенденция рождалась или по меньшей мере вдохновлялась левыми гегельянцами или же фейербахянцами, чье влияние испытал и сам Маркс. Примером влияния этой тенденции служат взгляды многих русских революционеров, в осо-

⁵⁷ См. статью Г. Гаупта в настоящем томе.

бенности Бакунина. Но в общем, она была результатом и— более того — продолжением домарковского социализма.

Первые утописты не дожили до середины XIX века, и их доктрины и движения к началу 40-х годов уже отмирали, за исключением фурьеризма, который существовал вплоть до революции 1848 года, когда его вождь Виктор Консидеран вынужден был выступить в неожиданной и плохо подходившей ему роли. С другой стороны, продолжали процветать различные типы ассоциаций и кооперативных теорий, частично порожденных утопизмом (Оуэн, Буше), а частично разработанных в 40-е годы на менее мессианских основах (Луи Блан, Прудон). В них даже поддерживались стремления к преобразованию всего общества на основах кооперации, из которых сами же они и исходили. Если это было реально даже для Англии, где кооперативная форма утопии, якобы способной освободить труд от капиталистической эксплуатации, растворилась в коммерческих кооперативах, еще сильнее чувствовались подобные тенденции в других странах, где кооперация производителей сохраняла доминирующее положение. Для большинства рабочих во времена Маркса это был социализм, или, лучше сказать, социализм, сторонником которого являлся рабочий класс еще в 60-е годы, когда была жива мечта о группах независимых производителей без капиталистов, которых общество обеспечит капиталом, достаточным для того, чтобы сделать их жизнеспособными, защитить и поощрить. В свою очередь эти независимые производители должны выполнять свой коллективный долг по отношению к народу. В этом политическая суть значения прудонизма и лассальянства. Это было естественным для рабочего класса, политически сознательные представители которого в большинстве своем принадлежали к ремесленникам или же были близки к ремесленничеству. Мечты о независимой производственной единице или о независимом производственном объединении, которое само могло бы контролировать ход своих дел, принадлежали не только мужчинам (и реже женщинам), еще не ставшим пролетариями в полном смысле этого слова. Во многих отношениях эта перспектива, носившая первоначально «синдикалистский» характер, отражала также и опыт пролетариев середины XIX века.

Таким образом, домарковский социализм, далекий от исчезновения в эпоху Маркса, продолжал жить среди последователей Прудона, анархистов и бакунинцев, а позднее среди революционных синдикалистов и многих других, которые с годами из-за отсутствия собственной удовлетворительной теории усвоили Марксов анализ и нередко прибегали к нему для достижения собственных целей. Но нельзя утверждать, что с середины 40-х годов Маркс что-то принимал из тради-

ций домарксова социализма. После исчерпывающего полеми-
ческого анализа прудонизма в «Нищете философии» (1847)
уже нельзя говорить о том, что критика домарксова социа-
лизма сыграла сколько-нибудь заметную роль в формирова-
нии Марксовой мысли. Иногда она была скорее частью его
политической полемики, но не компонентом его теоретическо-
го развития. Возможно, единственным заметным исключени-
ем является «Критика Готской программы» (1875), в кото-
рой возмущенный протест против неоправданных уступок
лассальянцам со стороны Социал-демократической партии
Германии вынудил его теоретически сформулировать свою
мысль, которая если и была не нова, то по крайней мере
прежде не была так точно сформулирована. Возможно к то-
му же, что разработка им идей относительно кредита или
финансов частично была вызвана необходимостью критики
веры в различные панацеи, связанные с товарообращением
и кредитом, веры, все еще бытовавшей среди рабочих дви-
жений прудонистского типа. Однако, в общем, в середине
40-х годов Маркс и Энгельс уже взяли из домарксова социа-
лизма все, что было достойно изучения. И основы «научного
социализма» были уже заложены.

Дэвид Маклеллан

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ИСТОРИИ

Лишь в процессе работы над «Немецкой идеологией», которая была им начата вместе с Энгельсом в сентябре 1845 года в Брюсселе и завершена летом следующего года, Маркс приходит к тому материалистическому пониманию истории, которому суждено было стать «путеводной нитью» всех его последующих исследований. В предшествующие десятилетия творчество Маркса прошло ряд этапов развития под знаком идеализма — вначале романтического, затем гегельянского, который сменился либеральным рационализмом и основательной критикой гегелевской философии, вызвавшей к жизни целый ряд важных аспектов марксистского понимания социализма. Согласно Энгельсу, в основе теории Маркса лежит синтез немецкой идеалистической философии, французской политической теории и английской классической политэкономии. В его первых работах (включая «Экономическо-философские рукописи 1844 года») прослеживается процесс ассимиляции всех этих трех влияний, хотя в то время Марксом еще не была предпринята попытка их соединения. Эти работы можно определить как предмарксистские в том смысле, что они еще не содержат какой-либо интерпретации истории с классовых позиций, с точки зрения способов производства, ни тем более каких-либо упоминаний таких экономических категорий, как рабочая сила, прибавочная стоимость и т. п., которые лягут в основу многих его последующих работ. Несмотря на бесспорную важность этих первых трудов Маркса, позволяющих проследить генезис его мысли, их рассмотрение в общем контексте его творчества было (и остается) источником острых споров. Их характер — для тех марксистов, которые заинтересованы в сохранении определенного единства теории с практикой, — очевидно, выходит за рамки обычного академического диспута.

Интеллектуальная атмосфера семьи, в которой воспитывался Маркс, и школы, которую он посещал, отличалась рационализмом эпохи Просвещения и подслащенным протестантизмом, особенно ценились могущество разума, скромность в быту и упорный труд. Тесть Маркса, барон Людвиг фон Вестфален, открыл перед ним совершенно иную перспективу. Элеонора, дочь Маркса, пишет, что барон «привил

Марксу любовь к школе романтизма и, в то время как отец читал ему Вольтера и Расина, барон читал ему Гомера и Шекспира — которые на всю жизнь остались любимыми авторами Маркса»¹. Поэтому в первые годы учения в Боннском университете Маркс увлекся идеями господствовавшего в те годы романтизма. Однако переезд в Берлин в 1836 году произвел в нем решительный переворот. До этого Маркс читал Канта и Фихте, стал последователем субъективного романтизма. Будучи убежден в том, что высшее существо оторвано от мирской суеты, он сначала отвергал концептуальный рационализм Гегеля. Однако теперь он полагает, что Идея имманентна действительности. Прежде Маркс, как он сам писал о себе, «читал отрывки гегелевской философии, и мне не нравилась ее причудливая дикая мелодия»². Теперь же он принял гегельянство, причем его обращение было столь же глубоким, сколь неожиданным. С точки зрения его духовного развития это был, по-видимому, наиболее важный шаг в его жизни. Даже при том, что ему приходилось критиковать Гегеля как идеалиста, когда он пытался поставить его диалектику «с головы на ноги», он всегда первым признавал, что его, Маркса, метод является прямым следствием метода того, кто был его учителем в 30-е годы.

Гегель исходил из посылки, что, как им было сказано по поводу Французской революции, «существование человека имеет своим центром голову, или разум, по вдохновению которого он строит мир реальности»³. В своей крупнейшей работе «Феноменология духа» Гегель проследил развитие разума, или духа, рассматривая историю с позиций философии и утверждая, что человеческий разум способен постигнуть абсолютное знание. Им было проанализировано развитие человеческого сознания начиная с непосредственных ощущений типа *hic et nunc* (здесь и теперь) и вплоть до уровня самосознания, то есть такого сознания, которое позволяет человеку анализировать окружающую действительность и, следовательно, управлять своими действиями. Эта фаза сменяется самим разумом — осознанием явлений окружающей действительности, благодаря чему дух, посредством религии и искусства, постигает абсолютное знание — уровень, на котором человек осознает в явлениях окружающей действительности этапы развития собственного разума. Гегель определяет эти этапы как «отчуждение» — то есть продукты человеческого мышления, считающиеся, однако, независимыми от человеческого мышления как нечто более высокого порядка. Абсолютное знание было для него в то же время чем-то вроде итога развития человеческого духа: каждая по-

¹ *E. Marx. Karl Marx. — „Die Neue Zeit“, 1883, S. 441.*

² *K. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 40, с. 15.*

³ *G. W. F. Hegel. Werke. Berlin, 1832. Bd. 9, S. 441.*

следующая фаза сохраняет в себе элементы предыдущих этапов даже в момент их преодоления. Это развитие, которое одновременно преодолевает и сохраняет, определяется Гегелем как *Aufhebung* (снятие) — термин, включающий в немецком языке оба эти понятия — преодоление и сохранение. Гегель говорит также о «власти отрицания», полагая, что всегда существует своего рода поле напряженности между состоянием вещей в настоящем и в будущем. Любое временное состояние вещей в действительности лишь часть процесса собственного отрицания, и вещь находится в постоянном превращении во что-то другое. Именно этот процесс был определен Гегелем как диалектический.

Философия Гегеля противоречива: хотя он сам любил повторять, что философия изображает серое серым и что сова Минервы вылетает лишь в сумерки, акцентирование момента негативности и диалектики могло, очевидно, привести к радикальному повороту в этой философии, который и был произведен группой интеллектуалов, известных под названием «младогегельянцев». Ими был начат процесс секуляризации — от критики религии к критике политики и общества в целом. Важно отметить, что в своих первых работах Маркс выступает в тесном сотрудничестве с остальными участниками этого единого движения. Его докторская диссертация непосредственно отражает интеллектуальный климат младогегельянства: тема исследования — греческая послеаристотелевская философия — была весьма существенной в кругу младогегельянцев и типичной для их антирелигиозного идеализма, о чем заявляет сам Маркс: «Философия этого не скрывает. Признание Прометея: «По правде, всех богов я ненавижу», — есть ее собственное признание, ее собственное изречение, направленное против всех небесных и земных богов, которые не признают человеческое самосознание высшим божеством»⁴. Путь, открывавшийся перед Марксом, предполагал, таким образом, применение в «реальной» действительности принципов, открытых Гегелем.

Но Марксу не сразу удалось приступить к разработке этого направления своей мысли: лишенный возможности начать профессорскую карьеру, он получает возможность соприкоснуться с реальной действительностью, работая в «Рейнской газете». В семи его наиболее значительных статьях для этой ежедневной газеты он редко достаточно отчетливо очерчивает свои идеи; эти статьи представляют собой критику, демонстрировавшую абсурдность идей его противников. С этой целью Маркс использовал любое оружие, находившееся в его распоряжении, сочетая в себе радикальность гегельянства с рационализмом просветителей. В октябре

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 40, с. 153—154.

1842 года Марксу, ставшему редактором «Рейнской газеты», пришлось отвечать на обвинение, выдвинутое против газеты, в ее чрезмерной приверженности идеям коммунизма.

«„Rheinische Zeitung“... — писал Маркс, — не признает даже теоретической реальности за коммунистическими идеями в их теперешней форме, а следовательно, еще менее может желать их практического осуществления...»⁵ Далее следовала радикальная критика этих идей. Однако в скором времени обстоятельства вынудили Маркса обратиться к социально-политическим вопросам, таким, как закон о краже леса, бедственное положение мозельских виноградарей — проблемы, которые, как он впоследствии утверждал, «дали первые толчки моим занятиям экономическими вопросами»⁶ и навели его на мысль о том, в сколь тесных отношениях находятся законодательство и интересы властвующих кругов.

Восемнадцать месяцев, последовавшие за закрытием «Рейнской газеты», оказали решающее влияние на развитие мысли Маркса: он повел атаку на метафизический туман не только Гегеля, но и младогегельянства. Этому способствовали два фактора. Прежде всего, прочтение большого количества политических и исторических работ. Еще до переезда в Париж Маркс познакомился с трудами французских социалистов. Кроме того, он обладал весьма широкими познаниями Французской революции. Его произведения, относящиеся к тому периоду, можно считать обширным исследованием причин, помешавших Французской революции, выступившей поначалу со столь славными принципами, разрешить основополагающую проблему перераспределения общественного богатства. И наконец, большое влияние на него в этот период оказал один из представителей младогегельянства — Людвиг Фейербах. Хотя Энгельс и утрирует, утверждая: «все мы стали сразу фейербахянцами»⁷, это влияние действительно было весьма глубоким. Фейербаха интересовала преимущественно религия, и его основной тезис заключался в том, что бог есть не что иное, как проекция человеческих свойств, желаний и возможностей. Если бы люди приняли это во внимание, они были бы в состоянии познать эти свойства, увидев, что они сами создали бога, а не наоборот, и могли бы, следовательно, вернуть себе собственную «родовую сущность», или общую, снятую сущность.

Маркса интересовало прежде всего применение этого метода к философии Гегеля, которого Фейербах считал последним оплотом теологии, ибо Гегель исходил из идеального, а не из реального. Фейербах утверждал, что истинное отношение между мышлением и бытием заключается в том, что

⁵ Там же, т. 1, с. 117.

⁶ Там же, т. 13, с. 6.

⁷ Там же, т. 21, с. 281.

бытие есть субъект, в то время как мышление есть предикат, и, если мышление рождается из бытия, последнее не рождается из мышления⁸.

Этот фейербахский тезис был включен Марксом в объемистую рукопись, написанную им летом 1843 года. В ней на основе критики Гегеля начинают зарождаться идеи Маркса относительно демократии и упразднения государства. Согласно политической философии Гегеля, сознание объективно проявляется в виде юридических, социальных и политических институтов, созданных человеком, — единственных гарантов возможности обретения им полной свободы. Лишь самый высокий уровень организации общества — государство — способен, по его мнению, объединить индивидуальные права со всеобщим разумом. Таким образом, Гегель отвергает идею, что человек свободен от природы. Более того, с его точки зрения, государство является единственным средством превращения свободы человека в реальную действительность. Иными словами, Гегель отдает себе отчет в существовании социальных проблем, порождаемых конкурентным обществом в условиях экономической войны всех против всех, — ситуация, которую он определяет как «гражданское общество». Вместе с тем он полагает, что конфликт может быть улажен с помощью государства путем преобразования общества в единство «высшего порядка». Вслед за Фейербахом Маркс также критикует Гегеля, и его критика по своей сути заключается в утверждении, что, подобно тому как в религии существуют представления о боге как о создателе и о человеке как зависящем от него существе, так же и Гегель ошибочно полагает, что в основе лежит Идея государства, а все остальное — семья и различные социальные группы — находится в зависимости от этой Идеи. Применяя этот общий подход к частным проблемам, Маркс выступает за демократию: «Подобно тому как не религия создает человека, а человек создает религию, подобно этому не государственный строй создает народ, а народ создает государственный строй»⁹.

Особой критике со стороны Маркса, которая представляет собой скрупулезный анализ в несколько страниц, был подвергнут гегелевский тезис относительно выполнения бюрократией функции посредника между различными общественными группами, то есть бюрократия якобы оказывается «универсальным классом», действующим в интересах всех и каждого. Согласно Марксу, бюрократия способствует политической разобщенности общества, которая необходима ей в целях самосохранения; она преследует, таким образом, эго-

⁸ См.: *L. Feuerbach. Anthropologisches Materialismus.* — In: „Ausgewählte Schriften“. Frankfurt, 1967, Bd. 1, S. 84.

⁹ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 1, с. 252.

истические цели в ущерб обществу. Последние страницы рукописи Маркса содержат объяснение того факта, что право на всеобщее голосование знаменует собой начало реформы гражданского общества. Он исследует два возможных пути: если государство и гражданское общество сохраняют самостоятельность, в этом случае все индивиды участвуют в законодательстве через своих депутатов, и только через них, — «выражением их раздельности и лишь дуалистического единства»¹⁰. В случае если гражданское общество превращается в политическое общество, представительская функция законодательной власти отпадает, так как она зависит от отделения государства от гражданского общества в теологическом смысле. Таким образом, то, к чему должен стремиться народ, не законодательная власть, а правительственная. Маркс следующим образом резюмирует развернувшуюся дискуссию, что позволяет судить о том, как летом 1843 года он представлял себе будущие политические события: «В неограниченном активном и пассивном избирательном праве гражданское общество впервые действительно поднялось до абстракции от самого себя, до политического бытия как своего истинного, всеобщего, существенного бытия. Но доведение этой абстракции до конца одновременно является ее упразднением. Утвердив свое политическое бытие как свое истинное бытие, гражданское общество тем самым сделало свое гражданское бытие, в его отличии от своего политического бытия, несущественным; а с отпадением одного из оторванных друг от друга моментов отпадает и его противоположность. Избирательная реформа представляет собой, следовательно, в рамках абстрактного политического государства требование упразднения этого государства, но вместе с тем и упразднения гражданского общества»¹¹.

В данном случае Маркс приходит к аналогичному заключению, что и во время дискуссии об «истинной демократии». Соблюдение демократии требует всеобщего голосования, а последнее приводит к отмиранию государства.

Из рукописи ясно, как Марксом были восприняты принципиальный гуманизм Фейербаха и взаимозамена субъекта и предиката гегелевской диалектики. Маркс полагал решенным вопрос о том, что в результате будущих событий будут восстановлены утраченные общественные позиции индивидуума, тем более что Французская революция нивелировала права всех граждан в едином политическом государстве, акцентируя тем самым внимание на индивидуализме, типичном для буржуазного общества. Маркс недвусмысленно утверждает, что частная собственность не должна более составлять

¹⁰ Там же, с. 358.

¹¹ Там же, с. 361.

основу общественной организации, однако нет прямых указаний на то, что он боролся за ее полную ликвидацию, равно как нет ясности, какова роль различных классов в развитии общества.

Рукопись о Гегеле никогда не публиковалась, но содержащиеся в ней в эмбриональном состоянии идеи нашли свое более четкое выражение после того, как Маркс прибыл в Париж. Зимой 1843/44 года Маркс написал два очерка для «Немецко-французского ежегодника». Обе работы написаны ясным, отточенным слогом — в противоположность рукописи, незавершенной и темной. Первый очерк, озаглавленный «К еврейскому вопросу», содержит анализ мнения старого Бруно Бауэра, учителя Маркса, по поводу эмансипации евреев. По мнению Бауэра, еврейская эмансипация наступит лишь тогда, когда государство перестанет быть христианским, иначе дискриминация евреев неизбежна. По Марксу же, Бауэр слишком рано остановился на достигнутом: простая секуляризация политической жизни не включает в себя эмансипацию человека как существа гуманного. Соединенные Штаты не имеют никакой государственной религии и все же слынут религиозностью своих обитателей: «Но так как бытие религии есть бытие несовершенства, то источник этого несовершенства надо искать лишь в *сущности* самого государства. Религия для нас уже не *причина* мирской ограниченности, а лишь ее *проявление*... Мы не превращаем мирские вопросы в *теологические*. Мы превращаем теологические вопросы в мирские. После того как историю достаточно долго объясняли суевериями, мы суеверия объясняем историей. Вопрос об *отношении политической эмансипации к религии* становится для нас вопросом об *отношении политической эмансипации к человеческой эмансипации*»¹².

Опять-таки, по Марксу, проблема возникает в результате того, что «человек... ведет двойную жизнь... жизнь в *политической общности*, в которой он признает себя *общественным существом*, и жизнь в *гражданском обществе*, в котором он действует как *частное лицо*, рассматривает других людей как средство, низводит себя самого до роли средства и становится игрушкой чуждых сил»¹³.

Бауэр представлял себе государство, основанное на исключительном уважении всеобщих прав человека в том виде, в каком они были провозглашены Французской революцией и американской Декларацией независимости. Согласно Марксу, напротив, права человека суть лишь права атомизированных индивидов, враждебных друг другу и составляющих человеческое общество. Поэтому «...право человека

¹² Там же, с. 388.

¹³ Там же, с. 390—391.

на частную собственность есть, следовательно, право по своему усмотрению (*à son gré*), безотносительно к другим людям, независимо от общества, пользоваться своим имуществом и располагать им; оно — право своекорыстия. Эта индивидуальная свобода, как и это использование ее, образует основу гражданского общества. Она ставит всякого человека в такое положение, при котором он рассматривает другого человека не как *осуществление* своей свободы, а, наоборот, как ее *предел*»¹⁴.

Отмечая, что общество, начало которому было положено Французской революцией, во многом утратило свое социальное и объединительное значение, какое имело общество при феодализме, Маркс обращается к Руссо для того, чтобы схематично проиллюстрировать свою мысль о заполнении промежутка между индивидом как гражданином, членом сообщества, и изолированным индивидом, эгоистичным членом гражданского общества: «Лишь тогда, когда действительный индивидуальный человек воспримет в себя абстрактного гражданина государства и, в качестве индивидуального человека, в своей эмпирической жизни, в своем индивидуальном труде, в своих индивидуальных отношениях станет *родовым существом*; лишь тогда, когда человек познает и организует свои «собственные силы» как *общественные* силы и потому не станет больше отделять от себя общественную силу в виде *политической* силы, — лишь тогда свершится человеческая эмансипация»¹⁵.

В статье «К еврейскому вопросу» рассматривается проблема полной эмансипации человека, а уже в своей второй статье для «Ежегодника» Маркс указывает средства достижения этой цели. Статья должна была составить введение к его критике гегелевской философии права, готовившейся к публикации, и содержала ставшие афоризмом слова Маркса о религии: «Основа иррелигиозной критики такова: *человек создает религию*, религия же не создает человека... Но человек — не абстрактное, где-то вне мира ютящееся существо. Человек — это *мир человека*, государство, общество. Это государство, это общество порождают религию, *превратное мировоззрение*, ибо сами они — превратный мир... Следовательно, борьба против религии есть косвенно борьба против *того мира*, духовной *усладой* которого является религия.

Религиозное убожество есть в одно и то же время *выражение* действительного убожества и *протест* против этого действительного убожества. Религия — это вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира, подобно тому как она — дух бездушных порядков. Религия есть *опиум* народа»¹⁶.

¹⁴ Там же, с. 401.

¹⁵ Там же, с. 406.

¹⁶ Там же, с. 414—415.

Но, однажды уже разоблачив роль религии, философ должен был обратиться к политике, требовавшей именно участия людей подобного склада в этот период истории Германии, которая, согласно Марксу, еще не вступила в эпоху 1789 года. Единственной надеждой Германии была ее весьма прогрессивная политическая философия: немцы переживали мысленно то, что другие народы делали.

Критика этой философии, а затем ее преодоление создавали условия для определения, по крайней мере в теории, по какому пути пойдет развитие общества. И, несмотря на то что Маркс недвусмысленно заявлял: «Критика религии завершается учением, что человек — высшее существо для человека, завершается, следовательно, категорическим императивом, повелевающим ниспровергнуть все отношения, в которых человек является униженным, поработанным, беспомощным, презренным существом...»¹⁷, — несмотря на это, вся трудность заключалась в том, очевидно, чтобы найти «пассивный элемент», «материальную основу»¹⁸, необходимую для революции. Ответ на вопрос содержится в следующем отрывке, часто используемом теми, кто видит в Марксе мессианскую пророческую фигуру; решение проблемы заключалось «в образовании класса, скованного радикальными цепями, такого класса гражданского общества, который не есть класс гражданского общества; такого сословия, которое являет собой разложение всех сословий; такой сферы, которая имеет универсальный характер вследствие ее универсальных страданий и не притязает ни на какое особое право, ибо над ней тяготеет не особое бесправие, а бесправие вообще, которая уже не может ссылаться на историческое право, а только лишь на человеческое право, которая находится не в одностороннем противоречии с последствиями, вытекающими из немецкого государственного строя, а во всестороннем противоречии с его предпосылками, такой сферы, наконец, которая не может себя эмансипировать, не эмансипируя себя от всех других сфер общества и не эмансипируя, вместе с этим, все другие сферы общества, — одним словом, такой сферы, которая представляет собой полную утрату человека и, следовательно, может возродить себя лишь путем полного возрождения человека. Этот результат разложения общества, как особое сословие, есть пролетариат»¹⁹.

Таким образом, для Маркса вопрос о том, кто будет носителем революции, был ясен: на долю пролетариата выпала роль, которую Гегель ошибочно приписывал бюрократии. Кроме того, вырисовывалась идея о том, что Германия именно

¹⁷ Там же, с. 422.

¹⁸ См. там же, с. 423.

¹⁹ Там же, с. 427—428.

благодаря своей отсталости сможет возглавить европейское революционное движение. Эта идея периодически вновь появлялась в менее «ортодоксальных» вариантах марксизма.

Вплоть до сего момента работы Маркса почти исключительно посвящались политическим вопросам, хотя сам их автор уже отдавал себе отчет в том, что политики здесь недостаточно. Искрой, которая разожгла интерес Маркса к масштабности экономических вопросов, была статья, опубликованная в «Немецко-французском ежегоднике» вместе с его вышеуказанными двумя статьями. Автор ее был Энгельс. Она была озаглавлена «Наброски к критике политической экономии»²⁰.

В этой статье Энгельс выдвигает обвинение в адрес частной собственности, подвергает критике дух конкуренции, который является ее следствием. Рост капиталистического накопления необходимо влечет за собой снижение заработной платы, обостряя, таким образом, борьбу классов. Неконтролируемый рост экономики вызывает частые кризисы, а научный прогресс способствует лишь дальнейшему обнищанию трудящихся. Маркс был восхищен этим «гениальным очерком» (как позднее была охарактеризована им эта статья), и заметки, относящиеся к лету 1844 года, начинаются цитатами из этой статьи. Эти заметки (которые не были опубликованы Марксом при жизни) получили от своих первых редакторов заглавие «Экономическо-философские рукописи» и представляют собой радикальную критику капитализма, основанную отчасти на работе Энгельса, отчасти на взглядах некоторых представителей немецкого романтизма, таких, как Шиллер, отчасти на гуманизме Фейербаха. После их первой публикации в 1932 году они были объявлены некоторыми специалистами основополагающей работой Маркса.

Тот факт, что рукопись, представляющая собой такую ценность, не была опубликована самим ее автором, требует краткого комментария по поводу манеры ее написания. Со студенческих лет Маркс сохранил привычку выписывать в тетради длинные отрывки из прочитанных книг²¹ (а это означает, что их источники довольно легко определимы, что, в общем-то, необычно). В этих же тетрадях он набрасывал планы своих будущих работ. Стремление сделать свои идеи доступными публике и вместе с тем нужда в средствах к существованию заставляли его довольно легко идти на заключение договоров с издателями. Однако, несмотря на то что до 1848 года Марксом была завершена и опубликована большая часть его произведений, чем в любой другой последующий период его жизни, нерешительность, с какой он

²⁰ Там же, с. 544—571.

²¹ См.: *M. Rubel. Les cahiers d'étude de Karl Marx (1840—1853).* — In: „International Review of Social History“, 1957.

публиковал свои рукописи, выявилась уже в 40-е годы, чем объясняется также его нерешительность при издании первого тома «Капитала». Эта врожденное сдержанное отношение к публикации своих рукописей в значительной мере объяснялось тем обстоятельством, что Маркс почти фанатически стремился к доведению стиля до полного совершенства и проверял исходный материал до тех пор, пока не получал уверенности в его абсолютной достоверности, так что материал все более накапливался. Несомненно, парадоксален тот факт, что такие работы «для себя», как «К критике гегелевской философии права» (1843), «Экономическо-философские рукописи 1844 года» и «Немецкая идеология» (1845), возымели большее влияние, чем произведения, опубликованные самим автором. Что касается его последующих трудов, ряд ученых также придают его неизданным «Экономическим рукописям 1857—1859 годов» не меньшее значение, чем первому тому «Капитала». Так или иначе, очевидно, что способность не изданной автором рукописи представлять отточенные мысли автора сама по себе проблематична.

«Экономическо-философские рукописи» состоят из трех основных разделов: критика классической политэкономии, достигающая кульминации в главе об отчуждении труда; описание коммунизма; критика гегелевской диалектики. Первая часть содержит длинные цитаты из классиков политэкономии — главным образом Адама Смита и Давида Рикардо, — имеющие цель продемонстрировать растущую поляризацию классов, а также пагубные последствия частной собственности. Вопреки существовавшему мнению о том, что классики политэкономии достоверно указывали на сущность функционирования капиталистического общества, Маркс подверг критике их подход к этому вопросу с трех основных позиций: во-первых, допуская, что труд является основой функционирования экономики, они отводили ему крайне незначительное место в своих работах; во-вторых, они не принимали во внимание систему экономики как одну из многочисленных сил взаимодействия, иными словами, они исходили из незыблемости законов капитализма и не были в состоянии, таким образом, дать объяснение происхождению той системы, о которой они писали; наконец, они однобоко рассматривали человека, считая его простой шестерней в механизме экономики, и «в безработное для него время»²² не рассматривали его как человека.

Затем Маркс открывает новый раздел, посвященный «отчужденному труду», в котором занимается описанием всеобщего обнищания и дегуманизации рабочих в капиталистическом обществе. Отчужденный труд приобретает четыре ас-

²² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 42, с. 54.

пекта. Во-первых, рабочий относится к продукту своего труда как к объекту постороннему, возникающему перед ним и ему противостоящему как некая независимая сила. Во-вторых, рабочий самоотчуждается в самом процессе производства: он не считает труд частью своей реальной жизни и «в своем труде не утверждает себя», «только вне труда чувствует себя самим собой, а в процессе труда он чувствует себя оторванным от самого себя». В-третьих, его «родовая жизнь», его социальная сущность от него отчуждается в процессе трудовой деятельности, которая не представляет для него гармоничной деятельности человека как «родового существа». В-четвертых, происходит процесс разобщения людей.

В пространной заметке о Джемсе Милле, относящейся примерно к тому же периоду (к сожалению, часто ее не включают в «Рукописи»), Маркс выступает с критикой кредита, который есть «политэкономическое суждение относительно нравственности человека. В кредите вместо металла или бумаги посредником обмена стал сам человек, но не в качестве человека, а как бытие того или иного капитала и процентов»²³.

В современном обществе, считает Маркс, производство растет с единственной целью обмена, и, следовательно, «ты не находишься ни в каком отношении к моему предмету, так как и я сам не имею к нему никакого человеческого отношения»²⁴.

Отрывок в конце заметки представляет собой своего рода позитивный противовес положению об отчужденном труде и заслуживает того, чтобы привести его целиком:

«Предположим, что мы производили бы как люди. В таком случае каждый из нас в процессе своего производства двояким образом утверждал бы и самого себя и другого: 1) Я в моем производстве опредмечивал бы мою индивидуальность, ее своеобразие, и поэтому во время деятельности я наслаждался бы индивидуальным проявлением жизни, а в созерцании от произведенного предмета испытывал бы индивидуальную радость от сознания того, что моя личность выступает как предметная, чувственно созерцаемая и потому находящаяся вне всяких сомнений сила. 2) В твоём пользовании моим продуктом или твоём потреблении его я бы непосредственно испытывал сознание того, что моим трудом удовлетворена человеческая потребность, следовательно, опредмечена человеческая сущность, и что поэтому создан предмет, соответствующий потребности другого человеческого существа. 3) Я был бы для тебя посредником между тобою и родом и сознавался бы и воспринимался бы тобою как

²³ Там же, с. 22.

²⁴ Там же, с. 34.

дополнение твоей собственной сущности, как неотъемлемая часть тебя самого, — и тем самым я сознавал бы самого себя утверждаемым в твоём мышлении и в твоей любви. 4) В моём индивидуальном проявлении жизни я непосредственно создавал бы твоё жизненное проявление, и, следовательно, в моей индивидуальной деятельности я непосредственно *утверждал бы и осуществлял бы мою истинную сущность, мою человеческую, мою общественную сущность*»²⁵.

Второй раздел «Рукописей» содержит предлагаемое Марксом решение проблемы отчуждения — коммунизм. Несмотря на то что в свою бытность в Германии Маркс отрицал коммунизм, определяя его как «догматическую абстракцию»²⁶, когда он столкнулся с парижской действительностью, с её социалистическими салонами и кружками, ему не потребовалось много времени для того, чтобы обратиться в новую веру. Однако коммунизм Маркса не был «грубым», исполненным «всеобщей зависти», отрицающим всякую культуру, которая нивелируется по нижнему уровню. Его идеи суммируются в следующем отрывке, почти мистического характера:

*«Коммунизм как положительное упразднение частной собственности — этого самоотчуждения человека — и в силу этого как подлинное присвоение человеческой сущности человеком и для человека; а потому как полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства предшествующего развития, возвращение человека к самому себе как человеку общественному, т. е. человеческому. Такой коммунизм, как завершённый натурализм, = гуманизму, а как завершённый гуманизм, = натурализму; он есть... подлинное разрешение спора между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом»*²⁷.

Следующие части рукописи (которые с полным правом можно определить как суть всей работы) содержат детальный анализ трёх специфических аспектов Марксовой концепции коммунизма. Во-первых, Маркс подчеркивает, что коммунизм есть явление историческое, генезис которого следует искать во «всем движении истории». На современном этапе принципиальный характер носит проблема экономики, и прежде всего отмена частной собственности: «Поэтому положительное упразднение *частной собственности*, как утверждение *человеческой* жизни, есть положительное упразднение всякого отчуждения, т. е. возвращение человека из религии, семьи, государства и т. д. к своему *человеческому*, т. е. *общественному бытию*»²⁸.

²⁵ Там же, с. 35—36.

²⁶ Там же, т. 1, с. 379.

²⁷ Там же, т. 42, с. 116.

²⁸ Там же, с. 117.

Во-вторых, Маркс отмечает, что все то, что имеет отношение к человеку, начиная с языка, носит общественный характер. Даже взаимоотношения человека с окружающей его природой включаются Марксом в эту общественную структуру: «Таким образом, *общество* есть законченное сущностное единство человека с природой, подлинное воскресение природы, осуществленный натурализм человека и осуществленный гуманизм природы... Ибо не только пять внешних чувств, но и так называемые духовные чувства, практические чувства (воля, любовь и т. д.), — одним словом, *человеческое* чувство, человечность чувств, — возникают лишь благодаря наличию *соответствующего* предмета, благодаря *очеловеченной* природе. *Образование* пяти внешних чувств — это работа всей предшествующей всемирной истории»²⁹.

В-третьих, несмотря на все это, Маркс настаивал на том, что важность, придаваемая социальным аспектам человеческой деятельности, есть не что иное, как стимуляция его индивидуальности в коммунистическом обществе, его стимуляция как человека неотчужденного, определяемого Марксом в качестве «тотального», или «всестороннего». Действительно, в той мере, в какой отчужденность подавляет все человеческие способности, ее преодоление представляет собой их полное раскрепощение. И оно не ограничивается обладанием материальными предметами или употреблением их — все человеческие способности и каждая в отдельности становятся средством освоения действительности. Подобное трудно представить себе человеку отчужденному, ибо частная собственность настолько притупляет его ощущения, что он может представить какой-либо предмет своим лишь в том случае, если он им непосредственно обладает — все физические и интеллектуальные ощущения его заменяет простое ощущение обладания. Наконец, взаимоотношения человека с окружающей его природой найдут свое отражение в единой всеобъемлющей науке: «Впоследствии естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание: это будет одна наука»³⁰.

Третий, и последний, раздел «Рукописей» посвящен критике гегелевской диалектики в том виде, в каком она представлена в наиболее известной работе Гегеля, «Феноменология духа». Маркс начинает с похвального слова Фейербаху за его определение сущности философии Гегеля как рационализированной теологии, а также за то, что, исходя из общественных отношений между людьми, он обосновал истинно материалистический метод. Однако отношение Маркса к Гегелю было далеко не абсолютно негативным:

²⁹ Там же, с. 118, 122.

³⁰ Там же, с. 124.

«Величие гегелевской «Феноменологии» и ее конечного результата — диалектики отрицательности как движущего и порождающего принципа — заключается, следовательно, в том, что Гегель рассматривает самопорождение человека как процесс, рассматривает опредмечивание как распредмечивание, как отчуждение и снятие этого отчуждения, в том, что он, стало быть, ухватывает сущность *труда* и понимает предметного человека, истинного, потому что действительно, человека как результат его *собственного труда*»³¹.

С другой стороны, вся эта диалектика рассматривалась (Гегелем) с идеалистической точки зрения, так как понятие объективированных, отчужденных способностей человека выступает у него прежде всего как процесс чисто мыслительный, происходящий в мозгу человека, то есть абстрактно. Для Маркса же отправным моментом был «действительный, телесный человек, стоящий на прочной, хорошо округленной земле, вбирающий в себя и излучающий из себя все природные силы»³², и Маркс определял свою позицию как завершенный натурализм и гуманизм в отличие от идеализма и материализма. Гегель исходил из определения человека как бестелесного сознания, а окружающей его природы как чего-то непременно враждебного удовлетворению человеческих желаний. Маркс, напротив, полагал, что лишь современные отношения человека с природой неправильны: человек нуждается в окружающей его природе, с тем чтобы иметь возможность развиваться, или «объективировать» себя. Согласно Гегелю, любое объективирование есть отчуждение; согласно Марксу, человек способен преодолеть отчуждение лишь в том случае, если он объективирует себя путем воздействия на природу в сотрудничестве с другими людьми.

Нетрудно себе представить, почему выход в свет «Рукописей» в 1932 году вызвал столько споров. В среде интеллигенции вновь возник интерес к Гегелю благодаря опубликованию в начале века нескольких ранних его произведений. А поскольку ранние работы Маркса несли на себе печать прямого влияния Гегеля, интеллигенция готова была принять и их. С другой же стороны, существовал политический фактор: в начале века социал-демократические и коммунистические партии были вплотную заняты выработкой и провозглашением своего Weltanschauung (мировоззрения), коренным образом отличающегося от мировоззрения буржуазных партий. И поскольку Гегель считался буржуазным мыслителем, влияние последнего на Маркса, очевидное для его ранних работ, нужно было свести до минимума. С наступлением уг-

³¹ Там же, с. 158—159.

³² Там же, с. 162.

розы фашизма марксисты все же стали всерьез подчеркивать близость гуманизма Маркса и либеральной буржуазии, противопоставляя эти ценности варварской идеологии фашизма, считавшейся предательством по отношению к западноевропейским традициям. Еще раньше, в 20-е годы, среди марксистов широко распространилась убежденность в том, что одной из причин поражения немецкой социал-демократии был закат Гегеля и восхождение Дарвина как одного из главных авторитетов для теоретиков II Интернационала (например, Каутского). Хотя со стороны большевиков дань памяти Гегеля была не столь очевидной («Философские тетради» Ленина были опубликованы лишь в 1929—1930 годах), авторы, связанные с коммунистической партией, Лукаш, Корш и в некоторой степени Грамши, предприняли попытку гегельянского прочтения Маркса, что, очевидно, повлекло за собой проявление значительного интереса к таким работам Маркса, как «Рукописи».

Сталинская ортодоксальная критика восприняла эти ранние произведения Маркса как *juvenilia* (юношеские), излишние на фоне более поздних работ автора, и поэтому они даже не были включены в издание Сочинений Маркса и Энгельса, вышедшее в Восточной Германии в конце 50-х годов. В Восточной Европе, где марксизм, вместо того чтобы выступать как кредо отверженных, укоренился в качестве официальной идеологии, очевидно, существовали достаточные причины для того, чтобы провести грань между человеком коммунистического будущего, о котором говорил Маркс, и продуктом государственной бюрократии сталинской формации. Довольно осторожно была выдвинута гипотеза о том, что отчуждение может совершаться даже в условиях социализма. Изучение ранних работ Маркса рассматривалось уже как возвращение к первоисточку коммунистической мысли; аналогичным образом протестанты-реформисты использовали Новый завет в целях обличения злоупотреблений церкви в эпоху позднего Средневековья. Адам Шафф в Польше, теоретики «пражской весны», группа «Праксис» в Югославии являют собой пример данной тенденции. В послевоенной Западной Европе и США все те, кто занимался поисками несталинской версии марксизма, жадно ухватились за молодого Маркса, которого некоторые исследователи считали лучшим представителем гуманизма или даже экзистенциалистом. Для этих теоретиков принципиальное значение имела идея отчуждения, гораздо более четко выраженная в «Рукописях», нежели в «Капитале». Как и следовало ожидать, неопределенность и отсутствие политической направленности у раннего Маркса вызвали соответствующую реакцию со стороны таких мыслителей, как Альтюссер, которые квалифицировали фейербахианскую проблематику ранних работ Маркса как идео-

логию, в то время, как более поздние работы автора рассматривались как научно основательные.

Бесспорно, что с переездом Маркса в Брюссель в 1845 году его творчество принимает систематизированный характер, чего не наблюдалось ранее, хотя по-прежнему оно оставалось «открытой системой». В работах этого периода делается попытка, исходя из идеалистических по своей тенденции посылок, сделать вывод о том, что основная деятельность человека сводится к производительному взаимобмену с природой, что эта деятельность извращена в результате разделения на классы в капиталистическом обществе, с появлением частной собственности и разделением труда, что от современного отчуждения можно избавиться в результате пролетарской революции, которая откроет путь к коммунизму.

Вопросом, который не был отражен в работах Маркса, относящихся к периоду до 1844 года, была природа исторических перемен: уже будучи коммунистом в начале 1844 года, Маркс к концу этого года еще не стал марксистом. Разумеется, было бы несправедливо утверждать, что в «Рукописях» нет эволюционного взгляда на общество, но этот взгляд еще весьма туманен. Даже если учесть, что Маркс использовал Гегеля против Фейербаха для доказательства важности самовоспроизведения человека в труде, сам этот процесс еще представляется ему абстрактным.

Маркс, работающий теперь в тесном контакте с Энгельсом, берется за уяснение собственной материалистической концепции истории путем сведения счетов «с нашей прежней философской совестью»³³. В этом отношении «Святое семейство», опубликованное в 1845 году, служит лишь преддверием к «Немецкой идеологии» по характеру атак против младогегельянцев и представляет определенный интерес лишь с точки зрения краткого резюме материалистических истоков социализма.

Позднее Энгельс будет вспоминать, что после переезда в Брюссель в начале апреля Маркс уже пошел дальше этих принципов, указав, что «политику и ее историю надо объяснять экономическими отношениями и их развитием, а не наоборот»³⁴, вплотную приблизившись к основным положениям своего материалистического понимания истории, а в предисловии к английскому изданию «Манифеста» он говорит, что уже весной 1845 года Маркс завершает свою теорию и «изложил ее мне почти в столь же ясных выражениях, в каких я привел ее здесь»³⁵. Единственной дошедшей до нас работой Маркса того периода являются знаменитые одиннадцать «Тезисов о Фейербахе», которые Энгельс впоследствии

³³ Там же, т. 13, с. 8.

³⁴ Там же, т. 21, с. 220.

³⁵ Там же, с. 368.

справедливо определит как «первый документ, содержащий в себе гениальный зародыш нового мировоззрения»³⁶.

Со времени своего первого знакомства с Фейербахом в начале 40-х годов Маркс не остается совсем уже не критичным по отношению к нему. Тем не менее парижские «Рукописи», как и «Святое семейство», содержат лишь положительные отзывы в адрес «подлинного гуманизма» Фейербаха. В этот период Марксу уже становится тесно пребывать в положении его ученика, а растущее внимание Маркса к экономике могло лишь отдалить его от статичных и антиисторичных взглядов Фейербаха. В «Тезисах о Фейербахе» Маркс привел краткую схему идей, которые он несколько месяцев спустя развил совместно с Энгельсом в «Немецкой идеологии». Эта последняя является одной из наиболее важных работ Маркса: критикой Фейербаха наиболее ярые «миряне» среди младогегельянцев, Маркс и Энгельс, завершили сведение счетов «с нашей прежней философской совестью»³⁷, кончив, таким образом, процесс, начатый докторской диссертацией 1841 года.

В конце 1845 года в Брюсселе Маркс и Энгельс сформулировали основную идею своего учения — «путеводную нить», как образно определил ее в 1859 году Маркс. Они писали: «Способ, каким люди производят необходимые им средства к жизни, зависит прежде всего от свойств самих этих средств, находящихся ими в готовом виде и подлежащих воспроизведению. Этот способ производства надо рассматривать не только с той стороны, что он является воспроизводством физического существования индивидов. В еще большей степени это определенный способ деятельности данных индивидов, определенный вид их жизнедеятельности, их определенный образ жизни. Какова жизнедеятельность индивидов, таковы и они сами. То, что они собой представляют, совпадает, следовательно, с их производством — совпадает как с тем, что они производят, так и с тем, как они производят. Что представляют собой индивиды, — это зависит, следовательно, от материальных условий их производства»³⁸.

И они утверждают далее: «Уровень развития производительных сил нации обнаруживается всего нагляднее в том, в какой степени развито у нее разделение труда»³⁹.

Показав, что разделение труда явилось причиной отделения города от деревни, а затем разделения промышленности и торговли и т. д., они переходят к определению различных стадий собственности, которым соответствуют различные стадии разделения труда: собственность племени, общинная и

³⁶ Там же, с. 371.

³⁷ Там же, т. 13, с. 8.

³⁸ Там же, т. 3, с. 19.

³⁹ Там же, с. 20.

государственная собственность, феодальная, или сословная, собственность. Маркс и Энгельс следующим образом резюмируют свои положения:

«Итак, дело обстоит следующим образом: определенные индивиды, определенным образом занимающиеся производственной деятельностью, вступают в определенные общественные и политические отношения... Общественная структура и государство постоянно возникают из жизненного процесса определенных индивидов — не таких, какими они могут казаться в собственном или чужом представлении, а таких, каковы они *в действительности*, т. е. как они действуют, материально производят и, следовательно, как они действительно проявляют себя в определенных материальных, не зависящих от их произвола границах, предпосылках и условиях»⁴⁰.

Затем они определяют общий подход к вопросу: «Не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание»⁴¹, и показывают, как разделение труда, на котором зиждется частная собственность, оказывается причиной общественного неравенства, борьбы классов и образования политических структур.

Сформировав у себя целостное мировоззрение, Маркс и Энгельс принялись за активную пропаганду своих идей путем создания в 1845 году корреспондентских комитетов, которые должны были внести свой вклад в распространение их идей в Германии и во всех основных центрах эмиграции немецких рабочих — Париже, Брюсселе и Лондоне. Главным результатом деятельности этих комитетов было установление тесных связей между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, и коммунистами Лондона — с другой, то есть с той колонией немецких рабочих, которая в этот момент была наиболее многочисленной и хорошо организованной. Лондон представлял собой центр самой активной организации социалистов-эмигрантов — «Союза справедливых». Было очевидно, что лондонские коммунисты численно и организационно давали Марксу и Энгельсу, несомненно, хорошую основу для развития политической активности рабочих, тем более что их корреспондентские комитеты к этому моменту так и не смогли достичь должного уровня. Руководители «Союза» в свою очередь понимали, что их деятельности препятствует отсутствие целостной доктрины. В 1847 году, после успешного завершения переговоров между Брюсселем и Лондоном, Марксу и Энгельсу было поручено написать «Манифест» будущего Союза коммунистов.

Вступление Маркса в политическую деятельность ознаменовано двумя диспутами. Первый — с Вильгельмом Вейтлин-

⁴⁰ Там же, с. 24.

⁴¹ Там же, с. 22.

гом, который в политическом плане, можно сказать, олицетворял собой «Немецкую идеологию». Картина человеческой природы, нарисованной Фейербахом, Вейтлинг противопоставлял пороки современного капиталистического общества и в мессианских выражениях требовал незамедлительно начать революцию. Маркс же выступал с исторических позиций прогресса, заявляя, что «сначала буржуазия должна взять бразды правления»⁴². Вторая дискуссия требует особого внимания, ибо в результате была написана «Нищета философии», которая содержала первую публичную и систематизированную декларацию материалистического понимания истории и которую сам Маркс рекомендовал читать в качестве введения к «Капиталу». Это была критика в адрес французского социалиста Прудона, направленная, как и критика в адрес Гегеля, против мистификации таких «вечных» категорий, как Разум и Справедливость, к которым постоянно апеллировал Прудон. Наряду с этим книга содержала систематизированное изложение идей Маркса по политэкономии, хотя еще не появились такие понятия, как рабочая сила и прибавочная стоимость. В своих «Экономическо-философских рукописях» Маркс отказывается от трудовой теории стоимости. Вслед за тезисами Энгельса, с которыми тот выступил в своих «Набросках», Маркс дает летом 1844 года определение стоимости и цены, критикуя Рикардо за то, что он исходит из спроса в своем определении стоимости. Иными словами, Маркс отрицал теорию стоимости, основанную на труде, так как она не принимала во внимание конкурентную борьбу, которая, согласно Марксу, лежит в основе реальной экономики. Однако после переезда в Брюссель, и в особенности во время своей поездки в Манчестер летом 1845 года, Маркс открывает социалистическую интерпретацию Рикардо в работах Уильяма Томпсона, Фрэнсиса Брея, а также таких авторов, как Ходжскин и Ревенстон. В «Немецкой идеологии» имеются положительные, хотя и редкие, ссылки на трудовую теорию стоимости: концепция человека как создателя материальных благ для собственного существования не могла, очевидно, не подкрепить этот тезис. Но лишь в «Нищете философии» это фундаментальное положение Марксовой мысли получает свое первое оформление.

Материалистическое понимание истории, содержащееся в «Немецкой идеологии», а также экономические гипотезы, сформулированные в «Нищете философии», представляют собой, таким образом, теоретическую базу политической деятельности Маркса в конце 40-х годов, особенно в период его участия в Союзе коммунистов. Многие места из «Манифеста Коммунистической партии» представляют собой не что иное,

⁴² См.: *D. McLellan. Il pensiero di Karl Marx. Torino, 1975, p. 233.*

как тезисное изложение положений, содержащихся в «Немецкой идеологии». После поражения революции 1848 года, и особенно после неудачных попыток революционного подъема в начале 50-х годов, Маркс все больше уделяет внимания вопросам политэкономии и работе над книгой о процессе производства в условиях капиталистического общества — «Капиталом» — и тем самым частично завершает исследования, начатые в 1844 году в Париже.

Пьер Вилар

МАРКС И ИСТОРИЯ

Я часто размышляю о том, чтобы написать книгу из двух частей, тесно связанных друг с другом: «история по Марксу» и «Маркс в истории». Суть ее, по-моему, должна заключаться в выяснении следующего: была ли удивительная и более чем вековая судьба марксизма как фактора исторического развития обусловлена аналитической и практической ценностью открытия Маркса в области истории? Данная работа в общих чертах посвящена теме «Маркс в истории», и мне представляется возможным уделить лишь немного внимания «истории по Марксу». Итак, я остановлюсь лишь на некоторых кардинальных вопросах, которые, надеюсь, подскажут тему для более обширного исследования.

Следует отметить, что уже при формулировании проблемы возникают своеобразные трудности. Слово «история» включает в себе понятие одновременно знания о предмете и сам предмет этого знания (чего не случается с естественными науками). «История по Марксу» представляет собой воплощение в мысль одной из древнейших потребностей человеческого духа в науке. «Маркс в истории» — это исследование той доли участия, которую принимает человек в процессе истории и преобразования общества. Таким образом, двойственность содержания этого слова — которая составляет его богатство и определяет его ценность и вместе с тем противоречивость — объясняет тот факт, что можно говорить об открытии Марксом для науки «континента истории» и незавершенности «концепции истории».

В многочисленных трудах Маркса содержится немало определений понятия «история» в обыденном значении и наряду с этим весьма точных и современных употреблений этого понятия. Выявить в этом кажущемся хаосе порядок, хронологию, разного рода отступления, «пороги», знаменующие собой приобретения мысли и открытия, — вот увлекательная и плодотворная работа, которая, несомненно, могла бы привести к созданию подробного каталога различных употреблений указанного понятия, а также к детальному анализу каждого из них. Излишне говорить о невозможности при данном объеме работы предпринять подобную попытку. Однако надо сказать, что дело не ограничивается только словоупотребле-

нием. В работах Маркса имеется много теоретических положений, часть которых цитировалась бесчисленное число раз, но другая известна гораздо меньше. И что особенно важно для историка, в них содержатся примеры практического применения того или иного предлагаемого метода. Если бы Маркс, открыв «континент истории», не предпринял попытки ступить на него, его труды наверняка утратили бы значительную долю своей ценности. Поэтому очень важно знать, каким образом была предпринята им эта попытка и что привело его к этому. Подобное исследование, касающееся генезиса мысли, несомненно, уязвимо для возражений. Но может ли быть что-либо более убедительное, чем сами первые открытия мысли, которые при всем их частичном характере, освобождаясь от первоначальной логики, подготавливают крупные события? Разве процесс исследования менее важен, чем процесс изложения предмета, освоить который, согласно Марксу, призвано само исследование? «Освоить» — это значит, что история есть одновременно открытие и завоевание. Шаг за шагом исследуя это завоевание Маркса, каждый историк, достойный этого звания, обнаружит свои собственные проблемы и способы подхода к ним. А последние часто и открывают путь к решению.

1. Приоритет гражданского общества

Уместно начать со студенческих лет Маркса. В насыщенной идеями гегельянства атмосфере университета, где, впрочем, Гегель принадлежал уже прошлому, с трудом различимы признаки того, что было воспринято, а что было отвергнуто молодым Марксом из прослушанных им лекций Риттера и Савиньи. Для тех, кто усматривает в Марксе прежде всего приверженца детерминизма, вполне закономерным было бы утверждение о том, что географический детерминизм Риттера не мог не оказать влияния на формирование его взглядов. Мне же кажется излишним утверждать, что географический детерминизм не характерен для Маркса, так же как, впрочем, и детерминизм экономический. И нет ничего более чуждого его мысли, чем современные попытки объяснить, прибегая к теории математических игр, человеческое существование условиями окружающей его среды. Конечно, Маркс никогда не упускал случая упомянуть о том, что в основе всякой истории и экономики лежат «географические, орографические, гидрографические, климатические и т. д. условия». То же самое говорил Гегель: всякая историография (*Geschichtschreibung*) должна исходить из этих естественных основ и их изменения в результате человеческой деятельности в процессе истории (*Geschichte*).

Прежде чем начать «творить историю» («um Geschichte machen zu können»), человек должен соразмерить свои силы с определенными условиями. Подобное обращение к очевидной истине будет часто повторяться на протяжении глобальной теории, согласно которой мера воздействия человека на природу является фундаментальным критерием. Природа не может приказывать, коль скоро техника способна однажды покорить ее. Но на каждом достигнутом этапе она в известной степени, нуждающейся в определении, может содействовать или противодействовать.

История в целом, отдельные ее конкретные примеры указывают на то, что первостепенная задача историка — соизмерить воздействие благоприятных и неблагоприятных сил природы. Нет истории без географии, как нет географии без истории. Задача этим не ограничивается, но это задача первостепенная. Таково знаменитое Маркса с передовыми методами современной ему историографии.

Наряду с проблемами взаимоотношений человека с окружающей средой — на стыке истории и географии — историк должен держать в поле зрения те отношения, которые устанавливают между собой сами люди, — институты, законодательство, принципы и практику права, которые, увы, слишком часто воспринимаются как заранее данные. В университете Маркс слушал курс права. Но, как известно из его собственных воспоминаний, он произвольно ставил эту дисциплину на третье место после философии и истории. Право и история взаимно дополняли друг друга в лекциях Савиньи, которые, как известно, посещал Маркс. Делались попытки ответить на вопрос, была ли историческая школа позитивного права — которая концепции натурального и рационального права противопоставляла право как конкретный продукт истории — более близка зрелым воззрениям Маркса, то есть пониманию права как исторически детерминированной надстройкой, нежели Кант или даже Гегель.

Как известно, в одной из своих работ раннего периода Маркс еще до своего расхождения с Гегелем по вопросам права предпринял яростную атаку против «исторической школы» по случаю юбилея ее создателя — Гуго. В действительности острое этой критики было направлено против Савиньи¹. Значит ли это, что его лекции не оказали воздействия на молодого Маркса? Нет, ибо для его интеллектуального развития было характерно страстное чтение и слушание других, с тем чтобы с наименьшей страстью отвергнуть те или иные положения, используя накопленный опыт для своих концепций. Так, в «Рейнской газете» от 9 августа 1842 года им нисколько не отвергается понимание Гуго и Савиньи права

¹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, с. 85—92.

как продукта истории, но он вменяет им в вину главным образом следующее: 1) присвоение себе звания законодателей (Савиньи поместил это звание в титул издания одной из своих работ, а незадолго до этого он был назначен министром законодательной реформы); 2) допущение мысли о том, что любая форма существования создает власть, а любая власть — право; 3) выдача самой школы на произвол химерам романтизма. От «позитивных, то есть некритических», моментов статья переходит к обличению «неисторических, умозрительных построений». Защита разума превращается в защиту истории — *истинной* истории.

С другой стороны, почти одновременно, в той же серии статей в «Рейнской газете» (1842—1843 годы), Марксу открывается новая возможность — и, как всегда, возможность политическая, то есть мысль, порожденная действием, теория как результат практической деятельности, — для того чтобы глубже проникнуть в глубины «истории, которую делаем». Маркс наблюдает за развитием нового «права в зародыше»: рейнский ландтаг превращает собрание хвороста — одну из традиционных форм поддержания существования бедноты — в «кражу леса», наказуемую в качестве преступления против собственности, которая, для того чтобы стать «современной», превращается в «абсолютную»². И вот, прочитав стенограмму дебатов в ландтаге, молодой Маркс приходит к исходным положениям своей будущей теории — теории истории, — своего «материалистического понимания истории», которое Энгельс назовет впоследствии одним из принципиальных открытий, сравнимым по значению с теоретическим ядром политэкономии Маркса — теорией прибавочной стоимости.

а) Право определяет и иерархизирует расхождения между действиями индивида и принципом существования общества. Но этот принцип не является извечным. Прежде решения ландтага хворост «собирается», затем, после принятия закона, он присваивается путем «кражи», то есть действие, которое, как отмечает один из депутатов, в обыкновенном сознании не считается преступным, объявляется таковым. Понятие собственности модифицируется. Возможно, это происходит в целях большей рационализации, большей справедливости? Маркс, оставаясь еще на позициях либерала, ученика Французской революции, и будучи пока что весьма рьяным приверженцем гегельянства, так как в его глазах государство воплощает Идею, неожиданно отмечает, что законодательство действует не абстрактно. Действительно, —

б) юридическое обоснование собственности находится в руках самих собственников. В статье есть прямое указание

² Там же, с. 119—160.

на этот факт, повторяющееся в разных вариантах: «лесовладелец затыкает рот законодателю»; «так как частная собственность не в состоянии подняться до уровня государственной точки зрения, то государство обязано опуститься до образа действий частного собственника»; удовлетворение интереса лесовладельца должно быть обеспечено, «хотя бы от этого погиб мир права и свободы». Сколько колебаний в подборе слов! Сколько сожалений по поводу фактического отрицания идеального государства, безмятежного законодателя! Но зато вопрос теперь ставится так: не гражданское ли общество создает государство вопреки устоявшемуся мнению о том, что государство создает общество? От ответа на этот вопрос зависит вся концепция истории.

в) Вследствие каких причин новое гражданское общество ведет к абсолютизации собственности? А об этом процессе свидетельствует законодательство не только о хворосте, но также по поводу собирания диких ягод — натурального продукта, на собирание которого также налагается запрет. Это происходит оттого, что ягоды тоже стали «статьей дохода» и отправляются бочками в Голландию» в обмен на деньги. Таким образом, натуральный продукт становится собственностью, как только он становится товаром: природа продукта требует монопольного права, так как ее открыл интерес частной собственности. Терминология вызывает чувство удивления — попытки отождествить монопольное право и собственность предпринимались еще в докапиталистический период развития общества, и особенно часто во время различных продовольственных бунтов в древности. Подобные попытки питались мифом об экономической свободе; для того, кто ничего не имеет, свободное пользование присвоенным продуктом обладает всеми прерогативами монопольного права. Среди основных постулатов капиталистической экономики часто теряется из виду главный: чтобы стать товаром, продукт должен превратиться в абсолютную собственность. В докапиталистическом обществе ни один продукт не был таковым. Это также один из уроков, извлеченных из дебатов в ландтаге.

г) Маркс размышляет также о состоянии общества до Французской революции, которое он называет «феодальным», согласно общепринятому в то время определению (оно не было изобретено им самим). Он считал это общество «иррациональным», однако теперь проявляется его рациональность, логика функционирования, которая, в частности, находит выражение в двойственности частного права: частное право собственника и частное право, не принадлежащее собственнику, сочетание публичного и частного права, как в эпоху Средневековья. Конечно, «законодательный разум» — молодой журналист иногда называет его просто «разумом» — уп-

ростил, сделал более логичными принципы функционирования общества. Однако пользование обычным правом, предоставляемое «по случаю» неимущим массам, было безжалостно отменено, и были приняты меры по укреплению неустойчивых привилегий господствующих классов. Так, была проведена секуляризация монастырского имущества, и Маркс одобряет это мероприятие. Однако, замечает он, много говорится о возмещении ущерба, нанесенного церкви, но ничего не говорится о возмещении ущерба беднякам, потерявшим определенные права на монастырских землях, которые им гарантировал обычай. Это никоим образом не означает, что Маркс оплакивает или тем более восхваляет старое общество, изжитое историей; но анализ «перехода», особенности которого объясняются игрой интересов и сил соответствующих классов, проводится здесь впервые.

д) Особенно глубокому анализу подвергаются отношения между обществом и государством. Существует не просто один класс и не просто одно абстрактное государство, декретирующее и законополагающее, но существует класс, который, с одной стороны, облекшись властью, обеспечивает себе все средства государственной власти, с другой — продолжает отстранять от государственной власти подчиненный класс. «Эта логика, превращающая прислужника лесовладельца в представителя государственного авторитета, превращает государственный авторитет в прислужника лесовладельца... Все органы государства становятся ушами, глазами, руками, ногами, посредством которых интерес лесовладельца подслушивает, высматривает, оценивает, охраняет, хватает, бегает»³.

К тому же «форма обычного права здесь тем более естественная, что само существование бедного класса остается до сих пор не более как обычаем гражданского общества, не нашедшим еще надлежащего места в кругу сознательно расчлененного государства. Разбираемые нами дебаты представляют собой наглядный пример определенного отношения к этим обычным правам — пример, в котором полностью отразился метод и дух всего этого хода прений»⁴. Иными словами, в старорежимном обществе политическая изоляция неимущих классов допускала в качестве компенсации существование обычного права; в «современном» обществе (в 1842 году оно было еще политически цензовым и экономически индивидуалистическим) неимущий становится все более неимущим.

Делались попытки утверждать, что статьи 1842—1843 годов свидетельствуют о гуманизме и анархизме истоков Марк-

³ Там же, с. 142.

⁴ Там же, с. 130.

совой мысли. Более того, пытались утверждать, что Маркс того времени — не Маркс. Сам Маркс в 1859 году скромно упоминает об этих статьях как о детских шалостях; однако он считает необходимым упомянуть о своем первом столкновении с проблемой «материальных интересов», с «экономическими проблемами». Представляется, что процитированные выше положения идут гораздо дальше того, что писал Маркс в работе «К критике политической экономии. Предисловие»⁵. Они знаменуют собой пусть интуитивное, но недвусмысленное вхождение Маркса в историческую проблематику. Можно возразить, что подобное обоснование марксистского мировоззрения с помощью ранних и еще незрелых работ Маркса означает «спрягать в прошедшем времени» историю мысли. Однако несправедливо видеть в этих работах лишь юношеское возмущение властью, лишь банальный протест «демократического» чувства против «злоупотреблений» собственников. В действительности, начиная с 1842 года Марксом была поставлена на обсуждение как раз тогда формировавшаяся проблема взаимоотношений собственности и государства, их природы. Многие марксисты, вспомнив об истоках своих убеждений, обнаружат здесь подобные своим наивные и прямолинейные откровения, основанные тем не менее на историческом опыте. Марксистами не становятся, лишь читая Маркса и вообще лишь предаваясь чтению, но ими становятся, пристально глядя вокруг себя, следя за развитием дебатов, наблюдая действительность и составляя о ней критические суждения. Таким образом стал марксистом сам Маркс.

2. «Мы знаем только одну единственную науку, науку истории»

Интеллектуальная биография Маркса, как и любого другого человека, неоднородна, так как не существует биографий чисто «интеллектуальных». Вслед за активной, но нелегкой журналистской деятельностью наступает период размышлений и интенсивного чтения — исключительный период его жизни, когда он проводит свой медовый месяц в Крейцнахе. Он занят критическим чтением «Философии права» Гегеля, а также многочисленных и весьма разнообразных работ по истории. Думаю, я вправе указать на то, что вопреки утверждениям Максимилиана Рюбеля этот период его жизни (1843 год) представляет собой для формирования личности Маркса некоторое отставание по сравнению с 1842 годом. В самом деле, как философ (и, следовательно, оставаясь на

⁵ См. там же, т. 13, с. 5—9.

тех же позициях) он является противником Гегеля, критикуя «Философию права»: формализм «отрицания отрицания», идеализм (при котором совершенно исчезает классовость подхода) в определениях «бюрократии» и «демократии», применение фейербаховской критики религии для критики гегелевской концепции государства, замечания по поводу гегелевской концепции собственности (например, в связи с майоратом), которые могли бы лечь в основу любой буржуазной критики. Что касается историографии, то чтение Руссо, Монтескьё и Макиавелли перемежается в Крейцнахе с книгами по истории подчас чисто дидактического характера; возможно, это свидетельствует о потребности Маркса в элементарных сведениях по истории, что подтверждается тем фактом, что он посвящает много времени составлению длинных хронологических таблиц античного времени.

Впрочем, вспоминая в 1859 году об этом периоде, он сам утверждает, что «путеводная нить» его дальнейших исследований была им найдена в Крейцнахе. Но он ставит это открытие на второе место после открытий парижского периода, когда он углубляется в политэкономия, анализирует работы некоторых французских социалистов и, наконец, завязывает дружбу с Энгельсом. С начала 1844 года в работе «К критике гегелевской философии права. Введение», да и в статье «К еврейскому вопросу» он с еще большей настойчивостью формулирует свой вывод (сделанный в 1842 году) о приоритете гражданского общества перед государством — вывод, в котором Энгельс усматривает подлинный прогресс. Но уже в том же номере «Немецко-французского ежегодника» Энгельс частично опубликовал свои «Наброски к критике политической экономии», которые спустя 15 лет Маркс еще определяет как «гениальные». Разумеется, очень важна (если не делать из этого еще один «решающий поворот») встреча этих двух людей, так как я считаю прогрессом любое завоевание мысли. Поэтому едва ли имеет смысл говорить о том, что друзья добились одного и того же результата разными путями — Энгельс это сделал путем индукции, исходя из английской практики; Маркс — путем дедукции, в процессе критики Гегеля. Но не это кажется мне существенным. Энгельс в действительности отнюдь не освободился от атмосферы гегельянства, в то время как Маркс, как мы видели, учитывал реальную жизнь. Встреча весьма сблизила этих людей и оказалась настолько плодотворной, что, когда в 1845 году они решили работать вместе, они были совершенно уверены, во всяком случае, в двух вещах:

1) политэкономия, служащая оправданием современных обществ, является единственной теоретической дисциплиной, могущей быть отправным пунктом науки, и поэтому следует посвятить себя ее критике и реконструкции; начиная с

«Набросков» Энгельса и вплоть до «Капитала» Маркса, «критика политической экономии» будет фигурировать во всех их проектах и трудах;

2) возникла необходимость оставить философию, и в особенности нездоровую почву постгегельянских теорий.

Они еще не могли знать, что не хватит всей их жизни, чтобы осуществить этот первый проект (в 1844 году они еще строили иллюзии по поводу своих знаний в области экономики, но с тех пор они уже ничего не публикуют, не будучи уверены в своей абсолютной правоте), в то время как их добросовестный анализ философии был окончательно предоставлен знаменитой «грызущей критике мышей». И все же между крепким орешком политэкономии — этой «последней инстанции», которую столь трудно постичь, — и эфемерной оболочкой философии есть туманность фактов общественной жизни, политики, юриспруденции, идеологии, составляющих единую материю; их следует упорядочить и выверить с помощью научного анализа в рамках политэкономии, которая, будучи отделена от этих фактов, может быть ошибочно истолкована. Решительно, для Маркса и Энгельса эта материя в целом представляет новый предмет науки: назовут ли они ее историей? «Wir kennen nur eine einzige Wissenschaft, die Wissenschaft der Geschichte» — «мы знаем только одну единственную науку, науку истории»⁶. Историк-марксист не без гордости воспользовался бы этой столь торжественной формулой в подтверждение значительности своей профессии. Но, к сожалению, речь идет о фразе, вычеркнутой из рукописи книги, оставшейся неизданной. А подобный факт не может не вызвать сомнений. И все же именно в «Немецкой идеологии» проблема истории как науки находит свое подлинное отражение.

Поучительны даже некоторые сомнения: перечеркнутые фразы, постановка в скобки слова «Geschichte», употребляемого в различных значениях. Гегель и его ученики достаточно широко применяют это слово и даже злоупотребляют им. Но разве историки-профессионалы нашли для него лучшее употребление? В 1845 году Маркс некоторое время занимается этой наукой: сначала читая работы других историков, а затем — сделав шаг вперед, который многие так называемые марксисты предпочитают не делать, — докапывается до самых источников, читает подлинные античные тексты. Некоторое время он подумывает над тем, чтобы написать историю Конвента, но впоследствии отказывается от этой мысли.

Но отказывается ли он, таким образом, от профессии историка? Я бы сказал — напротив. Маркс особенно хорошо

⁶ Там же, т. 3, с. 16.

понимает, что, посвятив себя какому-либо отдельному аспекту истории — в данном случае политике — или какому-либо отдельному сюжету, каким бы важным и глубоко проанализированным последний ни оказался, он лишь отдает дань истории в ее традиционном понимании, то есть поиску отдельного факта. А между тем для историка прежде всего необходимо пролить свет не на принципы какой-либо философии вообще, а на принципы научно-системного подхода. Эти принципы (*Voraussetzungen*, в небрежении которыми Маркс упрекает немецких историков) нашли свое воплощение в «Немецкой идеологии», хотя и не столь отчетливо, как например, в работе «К критике политической экономии. Предисловие» (1859). Дело в том, что «Немецкая идеология» представляет собой незаконченное полемическое произведение, при написании которого автор еще не совсем освободился от тех форм и способов выражения — а следовательно, и образа мыслей, — против которых собирался бороться. И тем не менее в книге содержатся термины, формулы и целые страницы, которые развивают суть будущей концепции истории. Несмотря на то что экономический орешек не позволит Марксу позднее сосредоточить внимание на историческом материализме как таковом, не так уж мало было сделано начиная с 1845 года (не будем, однако, возвращаться к сказанному Марксом в 1859 году), когда, пусть в незаконченном виде, был создан каркас из посылок и рассуждений, который для тех, кто захочет в них разобраться, может послужить основой для исторической конструкции, заслуживающей названия исторической.

И прежде всего, люди ли «делают историю»? Перед нами знаменитая формула «люди — творцы истории», которую будут открывать, переоткрывать, повторять на все лады, искажать и фальсифицировать различные околomarксисты и псевдомарксисты, внося в материализм Маркса струю идеализма и волюнтаризма. А пока в «Немецкой идеологии» слова «*Geschichte machen*» заключены в кавычки, приобретая иронический и скептический оттенок. Конечно, Маркс не хотел исключать из истории деятельность человека, проводя грань между «историей природы», выходящей за пределы этой деятельности, и «историей людей», взаимодействием между природой и человеком. Но ирония, содержащаяся в поставленных в кавычки словах «*Geschichte machen*», направлена не только против Гегеля и немецких идеологов, но также против колоссальной иллюзии, присущей почти всей историографии от самых ее истоков.

Разве не знаменателен тот факт, что Маркс (почти случайно продолжая полемику своих ранних произведений) приходит к обличению одной из величайших слабостей, присущих человечеству при обращении к своей истории, что нашло

отражение в самом историческом словаре? Согласно традиции, история начинается с письменности, то есть с той эпохи, когда человечество в результате возникновения письменности приняло на себя ответственность за свои поступки. Эпоха предшествующая считается доисторической. Таким образом, не было бы истории, если бы не было теологии, политики, литературы. И наоборот, там, где нет ничего, кроме предыстории, из-за отсутствия следов «грубых фактов» (или событий) открывается широкое поле деятельности для различного рода спекуляций, гипотез, которые с легкостью могут быть опрокинуты.

Маркс и Энгельс вменяют все это в вину «немцам». При чем делают они это со свойственным им юношеским задором, атакуя подвернувшегося им противника, своего соотечественника, представляющего собой частицу их собственной среды. И все-таки разве именно такой образ мышления не является наиболее жизнеспособным? Наши исследователи доисторической эпохи, располагая скудным, но внешне защищенным от «идеологических соблазнов» материалом, имеют видимость более «научных» историков. А не топчутся ли они на месте, на стадии бессмысленного повторения общих мест и изложения хрупких гипотез? Лишь с появлением надписей, хроник и памятников отходит в сторону взаимосвязанная действительность эпох, и для историографии остаются только факты относительно отдельных индивидов, меньшинств, мифов. Есть над чем серьезно поразмыслить: с одной стороны, голые факты, которые мы можем засвидетельствовать, изучая доисторическую эпоху, относящиеся к местам обитания, орудиям, изделиям первобытного человека, недостаточны для нас; с другой стороны, свидетельства самого человека обманывают нас или его самого. Историческая наука завтрашнего дня будет сочетать в себе объективную информацию, стройную и произвольную, с документами субъективного характера, которые будут подвергаться основательной критике. Надо сказать, что в этом отношении мы находимся пока что в самом начале пути.

3. Примат производства и отношения между людьми

Легко понять, что в Германии тех лет, полтора столетия тому назад, острая реакция двух требовательных умов на высокомерие Гегеля, на «революционные» претензии его критиков, на педантизм эрудитов формировавшихся тогда «исторических школ» была не удивительна. Не удивляет и то, что в подобной реакции было немало подчас несправедливых замечаний по отношению к Германии, которая рассматривалась как «слаборазвитая» страна (понятие, разумеется,

современное, но время от времени полезное и применительно к прошлому). Маркс и Энгельс, открывая историков Французской революции, английскую экономическую и околоэкономическую литературу, находят близкие для себя факты. Но они хотят докопаться до самой теории истории. И если «Немецкая идеология» по части полемики, философии или революционных умозаключений может выглядеть устаревшей, если здесь мы еще не находим силы «Манифеста» или глубины «Капитала», тем не менее здесь, безусловно, можно отметить наличие новаторских формулировок, существенных с точки зрения будущего любой гуманитарной науки, а также схем, ориентирующих историков относительно периодизации и проблематики (даже самой новейшей истории).

Речь идет прежде всего о примате производства, примате генетическом, который, однако, не следует смешивать с расхожими гипотезами относительно генезиса общества, так как очевидность этого факта противоречит обыденному сознанию, традиционному пониманию истории, которое всегда игнорировало его: «Первый исторический акт этих индивидов, благодаря которому они отличаются от животных, состоит не в том, что они мыслят, а в том, что они начинают производить необходимые им средства к жизни»⁷.

Ныне этот изначальный факт является фундаментальным условием развития всей истории: «Производя необходимые им средства к жизни, люди косвенным образом производят и самое свою материальную жизнь»⁸.

Но термин «производство» — не волшебный ключик: производство должно рассматриваться в связи с населением и на фоне отношений, возникающих между людьми. Маркс применяет здесь термин «Verkehr», равнозначный французскому «commerce», и, очевидно, применяет в его древнем значении отношений всякого рода. В эти отношения включены население и производство, находящиеся в постоянном взаимодействии: «Это производство начинается впервые с *ростом населения*. Само оно опять-таки предполагает *общение* (Verkehr) индивидов между собой. Форма этого общения, в свою очередь, обуславливается производством»⁹.

Таким образом, формируется «деятельный процесс жизни», только и могущий объяснить историю. «Когда изображается этот деятельный процесс жизни, история перестает быть собранием мертвых фактов, как у эмпириков, которые сами еще абстрактны, или же воображаемой деятельностью воображаемых субъектов, какой она является у идеалистов»¹⁰.

⁷ Там же, с. 19.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, с. 25.

Мы должны согласиться с этим обвинением против историка-эмпирика, который питает иллюзии насчет своей «конкретности», тогда как его усилия направлены на доведение понятия «факта в себе» до максимального уровня абстракции. Это, однако, не означает, что следует пренебрегать эмпирическим наблюдением; но нужна гипотеза — и прежде всего гипотеза о рациональности действительности, — организующая это наблюдение, которое в свою очередь подтверждает гипотезу, оспаривает ее или исправляет: «Итак, дело обстоит следующим образом: определенные индивиды, определенным образом занимающиеся производственной деятельностью, вступают в определенные общественные и политические отношения. Эмпирическое наблюдение должно в каждом отдельном случае — на опыте и без всякой мистификации и спекуляции — вскрыть связь общественной и политической структуры с производством»¹¹.

Говоря об «общественной и политической структуре», Маркс пока что воздерживается от употребления слова «Struktur» — латинского термина, вызывающего в памяти пластический архитектурный образ. Он употребляет слово «Gliederung», создающее функционально-анатомический образ и вводящее полезное понятие членения.

«Немецкая идеология» не скрывает (напротив, всячески исправления в тексте рукописи еще больше это подчеркивают), насколько трудно «построить» историю, прибегая к абстракции, но не впадая в философский идеализм: «Изображение действительности лишает самостоятельную философию ее жизненной среды. В лучшем случае ее может заменить сведение воедино наиболее общих результатов, абстрагируемых из рассмотрения исторического развития людей. Абстракции эти сами по себе, в отрыве от реальной истории, не имеют ровно никакой ценности. Они могут пригодиться лишь для того, чтобы облегчить упорядочение исторического материала, наметить последовательность отдельных его слоев. Но, в отличие от философии, эти абстракции отнюдь не дают рецепта или схемы, под которые можно подогнать исторические эпохи. Наоборот, трудности только тогда и начинаются, когда приступают к рассмотрению и упорядочению материала — относится ли он к минувшей эпохе или к современности, — когда принимаются за его действительное изображение. Устранение этих трудностей обусловлено предпосылками, которые отнюдь не могут быть даны здесь, а проистекают лишь из изучения реального жизненного процесса и деятельности индивидов каждой отдельной эпохи»¹².

Отдельные зачеркнутые слова (почему?) как раз уточня-

¹¹ Там же, с. 24.

¹² Там же, с. 26.

ли, в чем заключается анализ и классификация исторического материала: «искать действительную, практическую взаимозависимость различных слоев». Это замечание, на мой взгляд, важно. Возможно, Маркс решил избавиться от слова «слои»? Так или иначе, употребив любое другое слово, он избегает опасности, которую таит в себе современный социологический словарь: ни в истории, ни в обществе не существует «слоев», представляющих собой нечто статическое, наподобие геологического разреза или археологической раскопки. Реликвии прошлого на фоне современности — общественные классы при определенном способе производства — являются активными элементами, находящимися в состоянии прогресса или регресса, обороны или нападения, они никогда не бывают неподвижны или независимы. Их практическая, реальная взаимозависимость сама по себе является объектом исторического исследования и изложения и, разумеется, в любом случае должна быть объектом особо пристального внимания историка-марксиста. Приводимый выше текст, очевидно, не является «доказательством», но в нем содержится указание на то, каким образом у Маркса и Энгельса сформировалась новая и глубокая концепция истории, целиком принимающая во внимание трудности и препятствия, встающие на пути историка, когда тот движется между лишенным смысла эмпирическим описанием и абстракцией, отделенной от исторической действительности.

Следует также добавить, что, поскольку «Немецкая идеология» имеет философский характер, исторический аспект работы интересен для историка в связи с понятием истории и дискуссиями о ней; в ней имеются не только специально-научные замечания, но и попутные рассуждения о необходимости (или вредности) «исторического духа» вообще, а не одного лишь систематического «историзма». «Правильно мыслить» исторически, прежде чем строить какую бы то ни было историческую концепцию, — не в этом ли заключается духовная возможность и даже потребность? Так, Маркс и Энгельс критикуют Фейербаха, который «видит, например, в Манчестере одни лишь фабрики и машины, между тем как сто лет тому назад там можно было видеть лишь самопрялки и ткацкие станки, или же находит в Римской Кампанье только пастбища и болота, между тем как во времена Августа он нашел бы там лишь сплошные виноградники и виллы римских капиталистов»¹³.

Подобная неспособность мыслить в категориях, выходящих за пределы настоящего, вне статичной картины мира (на это способна только истинная культура историка), приводит Фейербаха — и многих других — к постоянному про-

¹³ Там же, с. 43.

тивопоставлению «истории» и «природы», «которая, кроме разве отдельных австралийских коралловых островов новейшего происхождения, ныне нигде более не существует»¹⁴. И они замечают в полемике с Бауэром, который говорил о «противоположности между природой и историей»: «как будто это две обособленные друг от друга «вещи», как будто человек не имеет всегда перед собой историческую природу и природную историю»¹⁵. Поэтому, «поскольку Фейербах материалист, история лежит вне его поля зрения; поскольку же он рассматривает историю — он вовсе не материалист»¹⁶. По сути дела, видя в человеке осязающий объект, он как бы не замечает осязаемой деятельности, а когда он говорит о реальном человеке, индивиде во плоти и крови, то речь идет о человеке, состоящем лишь из чувств и страстей и не связанном насущными материальными потребностями. Эта критика словно бы обращена на полстолетия вперед, в адрес Мигеля де Унамуно, который в среде историков также считался создателем «человека во плоти и крови», но питавшим высокомерное презрение к его реальным потребностям.

Не будем слишком негодовать по поводу этих обвинений в адрес литературной философии, в большинстве своем скорее банальных. Блестящие формулировки из области «истории» всегда находят более широкий отклик, нежели серьезная трактовка действительности. Вместе с тем существенно то, что Маркс и Энгельс, сводя счеты со своей прежней «философской совестью», заложили некоторые позитивные основы исторического материализма, хотя и в незавершенном виде.

1) Существует тесная связь между производительными силами, которыми располагает общество (о чем свидетельствует производительность труда), и разделением труда, определяющим формы общественных отношений (совокупность которых до сих пор определяется как «гражданское общество»), а также между функционированием этого «гражданского общества» и процессом политической истории и ее «событиями»: «Но не только отношение одной нации к другим, но и вся внутренняя структура самой нации зависит от степени развития ее производства и ее внутреннего и внешнего общения. Уровень развития производительных сил нации обнаруживается всего нагляднее в том, в какой степени развито у нее разделение труда. Всякая новая производительная сила... влечет за собой дальнейшее развитие разделения труда... Различные ступени в развитии разделения труда являются вместе с тем и различными формами собственности, т. е. каждая ступень разделения труда определяет

¹⁴ Там же, с. 44.

¹⁵ Там же, с. 43.

¹⁶ Там же, с. 44.

также и отношения индивидов друг к другу соответственно их отношению к материалу, орудиям и продуктам труда»¹⁷.

Это еще не «марксистский» словарь: «разделение труда», столь дорогое для классиков политэкономии понятие, частично будет уточнено и частично разрушено в ходе дальнейшего анализа. Однако здесь уже содержатся такие замечания, о которых многие историки, в том числе марксисты, забывают: не следует смешивать рост производительных сил с просто количественным расширением известных уже до того производительных сил (например, возделывание новых земель), когда большая площадь необрабатываемых земель обуславливает примитивность форм собственности. Мы обращаем внимание на это обстоятельство в противовес неправомерному приложению современных экономических законов к обществу, которое не могло бы ими воспользоваться: тот факт, что Маркс и Энгельс, всегда проявлявшие интерес к будущему и готовность к активным действиям в настоящем, в то же время столь часто обращались к первичным способам производства, говорит о том, что эти способы производства занимали во времени и пространстве гораздо больше места, чем те способы и экономические формы, которые нас преследуют теперь. Так вырисовываются контуры фундаментального закона: соответствие производительных сил производственным отношениям.

2) Соотношение, существующее между этими аспектами действительности и представлениями людей, следует понимать не как соотношение представление — действительность, а, наоборот, действительность — представление: «Люди являются производителями своих представлений, идей и т. д., — но речь идет о действительных, действующих людях, обусловленных определенным развитием их производительных сил и — соответствующим этому развитию — общением, вплоть до его отдаленнейших форм... Таким образом, мораль, религия, метафизика и прочие виды идеологии и соответствующие им формы сознания утрачивают видимость самостоятельности. У них нет истории, у них нет развития; люди, развивающие свое материальное производство и свое материальное общение, изменяют вместе с этой своей действительностью также свое мышление и продукты своего мышления. Не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание»¹⁸.

Борьба с идеализмом в 1845 году проливает свет на данное положение. Следует иметь в виду (как урок для историка), что существует необходимость — особенно острая в наше время — бороться против любой такой истории идей,

¹⁷ Там же, с. 20.

¹⁸ Там же, с. 24—25.

образа мышления и науки, которая полагается исключительно на внутренние, формальные законы, а не на «производство мыслей» (любого порядка), не на изменения их под воздействием социальной и материальной жизни. Каждый раз в историографической практике, и прежде всего в области философии, может появиться опасность автономной трактовки тех или иных явлений мысли; и часто под внешней видимостью абсолютной новизны скрывается традиционное упрощение.

3) Быть может, менее явно, но совершенно очевидно в «Немецкой идеологии» присутствует тема противоречия между производительными силами и производственными отношениями со всеми вытекающими отсюда революционизирующими последствиями: «В своем развитии производительные силы достигают такой ступени, на которой возникают производительные силы и средства общения, приносящие с собой при существующих отношениях одни лишь бедствия, являясь уже не производительными, а разрушительными силами (машины и деньги). Вместе с этим возникает класс, который вынужден нести на себе все тяготы общества, не пользуясь его благами, который, будучи вытеснен из общества, неизбежно становится в самое решительное противоречие ко всем остальным классам»¹⁹.

И именно зарождающееся «коммунистическое сознание» открывает для Маркса и Энгельса в реальной действительности это эмбриональное противоречие и предвосхищает (весьма заблаговременно) будущее. Однако историческая повторяемость революционных традиций указывает на то, что речь идет в равной степени о прошлом и будущем: «...условия, при которых могут быть применены определенные производительные силы, являются условиями господства определенного класса общества, социальная власть которого, вытекающая из его имущественного положения, находит каждый раз свое *практически*-идеалистическое выражение в соответствующей государственной форме, и поэтому всякая революционная борьба направляется против класса, который господствовал до того»²⁰.

4) Любопытно, что Маркс и Энгельс замечают, что традиционные историки, и в особенности экономисты, вполне допускают влияние неравномерного материального развития на отношения между «нациями», которое детерминирует борьбу между ними. И действительно, идеология весьма часто, вуалируя внутреннюю действительность, оправдывает из соображений материального и интеллектуального «превосходства» колониальные предприятия и завоевания: «Взаимо-

¹⁹ Там же, с. 69.

²⁰ Там же, с. 69—70.

отношения между различными нациями зависят от того, насколько каждая из них развила свои производительные силы, разделение труда и внутреннее общение. Это положение общепризнанно»²¹.

В «Немецкой идеологии» делается заключение, что в Германии с ее измученным «национальным сознанием» противоречие между производительными силами и производственными отношениями возникает или, вернее, проявляется «не в данных национальных рамках, а между данным национальным сознанием и практикой других наций»²². Современные проблемы слаборазвитости подтверждают это ранее интуитивное предсказание.

5) И все же, хотя марксистское новаторство, как очевидно, не проходит мимо проблемы передела мира между организованными группами — «государствами», само понятие «нации» остается под вопросом. Суть его заключается в противопоставлении классическому противоборству между «индивидуальными» и «коллективными» интересами противоборства классов, находящихся у власти, и классов подчиненных: «Отсюда следует, что всякая борьба внутри государства — борьба между демократией, аристократией и монархией, борьба за избирательное право и т. д. и т. д. — представляет собой не что иное, как иллюзорные формы, в которых ведется действительная борьба различных классов... Отсюда следует далее, что каждый стремящийся к господству класс, — если даже его господство обуславливает, как это имеет место у пролетариата, уничтожение всей старой общественной формы и господства вообще, — должен прежде всего завоевать себе политическую власть, для того чтобы этот класс, в свою очередь, мог представить свой интерес как всеобщий, что он вынужден сделать в первый момент»²³.

Историка как бы предупреждают: под иллюзорной оболочкой скрывается действительность; под покровом политики — общественные отношения; под покровом всеобщей заинтересованности — классовые интересы; под формами государства — структура гражданского общества: «...это гражданское общество — истинный очаг и арена всей истории, видна нелепость прежнего, пренебрегавшего действительными отношениями понимания истории, которое ограничивалось громкими и пышными деяниями»²⁴.

Маркс и Энгельс в целях достижения полемического эффекта (как, впрочем, это делают и другие историки: достаточно вспомнить Симмианда, Блока и Февра) придают современной им историографии карикатурные черты. Вообще ни-

²¹ Там же, с. 19—20.

²² Там же, с. 30.

²³ Там же, с. 32—33.

²⁴ Там же, с. 35.

когда не было недостатка в попытках высветить кулисы грандиозного театра истории; однако экономика, финансовые отношения, законы и язык экономики всегда считались полем деятельности специалистов — титулом историка награждались, как правило, официальные риторы и философы. После Маркса, во второй половине XIX столетия, позитивистская историография эрудитов еще более расширит поле этой «специализации», особенно в области политической истории, низведенной до уровня анекдотов (из жизни великих людей) и все менее соприкасающейся с явлениями социальной жизни; в учебниках истории придворную историографию заменят лубочные иллюстрации великих событий и морализаторские поучения. В данном случае это явная реакция на Маркса, не совсем осознаваемая и бледно выраженная ввиду того, что молчание в еще большей степени, чем попытки опровержения, способствовало развитию борьбы против истории, выступающей с революционными выводами. Поэтому верно и то, что в нашем столетии какое-нибудь открытие в области истории, не придающее значения отдельному «событию» в поисках «реальных отношений», может быть сделано без оглядки на Маркса и поэтому, несмотря на все свои достоинства, не будет иметь достаточной теоретической базы, а будет грешить чрезмерными иллюзиями относительно своей новизны. Это не мешает говорить об опасности Маркса и выступать с нападками против него, прибегая к помощи псевдоисторического структурализма и антиисторической социологии. Один момент в этой связи может быть проиллюстрирован с помощью удачного выражения из «Немецкой идеологии»: «Почти вся идеология сводится либо к превратному пониманию этой истории, либо к полному отвлечению от нее. Сама идеология есть только одна из сторон этой истории»²⁵.

6) Подобное низложение (или погребение под нагромождением консервативных теорий) какой бы то ни было революционной гуманитарной науки знаменательно с исторической точки зрения: «Мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями. Это значит, что тот класс, который представляет собой господствующую *материальную* силу общества, есть в то же время и его господствующая *духовная* сила. Класс, имеющий в своем распоряжении средства материального производства, располагает вместе с тем и средствами духовного производства, и в силу этого мысли тех, у кого нет средств для духовного производства, оказываются в общем подчиненными господствующему классу. Господствующие мысли суть не что иное, как идеальное выражение господствующих материальных от-

²⁵ Там же, с. 16.

ношений, как выраженные в виде мыслей господствующие материальные отношения; следовательно, это — выражение тех отношений, которые и делают один этот класс господствующим, это, следовательно, мысли его господства»²⁶.

Речь идет о еще одной грандиозной проблеме: должна ли (и может ли) история строить представление об обществе иной эпохи согласно современным критериям, которые в свою очередь являются продуктами общества, истории? Здесь имеется риск впасть в анахронизм, который Люсьен Февр считал страшным грехом и с которым боролся в связи с исследованиями творчества Рабле. Но для каких нужд служит определение «сословного общества» как общества, в котором неискушенный человек видит иерархию «сословий», или зачем говорить о том, что вассал был связан со своим сувереном понятием «верности»? «Когда, однако, при рассмотрении исторического движения, отделяют мысли господствующего класса от самого господствующего класса, когда наделяют их самостоятельностью, когда, не принимая во внимание ни условий производства этих мыслей, ни их производителей, упорно настаивают на том, что в данную эпоху господствовали те или иные мысли, когда, таким образом, совершенно оставляют в стороне основу этих мыслей — индивидов и историческую обстановку, — то можно, например, сказать, что в период господства аристократии господствовали понятия: честь, верность и т. д., а в период господства буржуазии — понятия: свобода, равенство и т. д. ...В то время как в обыденной жизни любой shopkeeper отлично умеет различать между тем, за что выдает себя тот или иной человек, и тем, что он представляет собой в действительности, наша историография еще не дошла до этого банального познания. Она верит на слово каждой эпохе, что бы та ни говорила и ни воображала о себе»²⁷.

Кто-нибудь может возразить: но ведь профессия историка не заключается только лишь в определении духовного склада людей определенной эпохи с помощью «воскрешения» условий их жизни и коллективных форм мышления? Правда, подобная «история-воскрешение» пользуется успехом в среде интеллигенции. Но это ненаучная история — не наука об обществе, изучающая развитие общества, исследующая его механизмы. Эта форма знания не может довольствоваться спиритизмом и реконструкциями, но требует последовательного анализа, в котором должны фигурировать взаимозависимые факторы. Говорить о том, что историю можно «творить» с помощью «идей» или «психологии», — такая же тавтология и такой же абсурд, как говорить о «психологии»

²⁶ Там же, с. 45—46.

²⁷ Там же, с. 47, 49.

экономических феноменов. Конечно, любая статистическая производная выражает индивидуальные, «психологические» решения, но тем не менее в период инфляции «склонность тратить» не приведет чернорабочего в дорогие рестораны. Психоанализ, несмотря на свои материалистические послышки, сам по себе не является надежной основой для исторического анализа: он способен пролить свет на сущность форм проявления человеческой реакции на то или иное событие, но не может внести полную ясность в сущность стоящих за этой реакцией социальных факторов. Почти полтора столетия спустя после написания «Немецкой идеологии» остается открытым вопрос, какая же часть исторической литературы ускользает от содержащейся в этой работе критики по отношению к источникам.

7) Следует подчеркнуть еще один момент, касающийся классового состава общества, относительно которого в книге содержится ряд указаний, все еще полезных для историка, социолога, исследователя современного общества. Часто Маркса обвиняют в недостаточной ясности трактовки понятия «класс» — как вследствие незавершенности той главы «Капитала», где должен был рассматриваться этот вопрос, так и вследствие крайней схематичности описания противоречий, присущих капитализму (буржуазия, пролетариат), а также использования в исторической части (Германия, Англия, Франция) нечетких, плохо определенных понятий (собственники, промышленники, мелкая буржуазия, крестьянство и т. д.).

Мне приходилось наблюдать (правда, аргументация заняла бы объемистый том), как не у Маркса, а в действительности соотношение между простотой и сложностью классовой структуры в значительной степени зависит от стадии развития способа производства; простое разделение на классы (трехстороннее при феодализме и двухстороннее при капитализме) характерно в основном для кульминационных моментов развития общественной формации — структура упрощается и приближается к своего рода модели, в то время как усложнение структуры или видимость ее усложнения происходит лишь в переходные периоды, когда развитость и слаборазвитость, разрушение структуры и образование новой наличествует синхронно и взаимообусловленно. Кроме того, внутри четко выраженных классов нетрудно заметить конкурентность отдельных категорий, то есть групп, неравномерно связанных с различными по своему характеру отраслями производства. Это и градации второго порядка внутри господствующих классов (промышленники — аграрии, импортеры — экспортеры, кредиторы — дебиторы), и «противоречия внутри народа». Давно уже стало классическим различие между противоречием и антиномией. Наконец, в ходе

классовых битв выявилась особая проблема сложных взаимоотношений между отдельными интеллектуалистскими движениями, проблема классовых притязаний духовенства и его современного эквивалента — «третьей силы»*.

Именно в «Немецкой идеологии» содержатся особенно поучительные для нынешнего времени положения об оттенках (то и дело возникающих и исчезающих в зависимости от переменного успеха в ходе классовой борьбы) между категориями одного и того же класса, а также между «активными» членами господствующих классов и их «интеллигенцией». Но как только опасность революции ставит под сомнение пребывание у власти того или иного класса, видимая сложность структуры уступает место упрощению. «Разделение труда, в котором мы уже выше... нашли одну из главных сил предшествующей истории, проявляется теперь также и в среде господствующего класса в виде разделения духовного и материального труда, так что внутри этого класса одна часть выступает в качестве мыслителей этого класса (это его активные, способные к обобщениям идеологи, которые делают главным источником своего пропитания разработку иллюзий этого класса о самом себе), в то время как другие относятся к этим мыслям и иллюзиям более пассивно и с готовностью воспринять их, потому что в действительности эти-то представители данного класса и являются его активными членами и поэтому они имеют меньше времени для того, чтобы строить себе иллюзии и мысли о самих себе. Внутри этого класса такое расщепление может разрастись даже до некоторой противоположности и вражды между обеими частями, но эта вражда сама собой отпадает при всякой практической коллизии, когда опасность угрожает самому классу, когда исчезает даже и видимость, будто господствующие мысли не являются мыслями господствующего класса и будто они обладают властью, отличной от власти этого класса»²⁸.

Таково положение, из которого каждый историк должен черпать свое вдохновение, находясь перед дилеммами «интеллигенции» в кульминационный момент классовой борьбы: к какому классу принадлежит эта интеллигенция? к какому классу апеллирует поддерживаемая ею идеология? как реагирует этот класс? В наше время, когда такие слова, как «буржуазия», «пролетариат», «власть», «демократия», «бюрократия», «идеология», столь часто и неосторожно употребляются не в собственном своем значении (если не сказать — ошибочно), постановка этих вопросов помогает провести

* В данном случае имеется в виду интеллигенция, которую именуют «третьей силой» (наряду с буржуазией и пролетариатом) некоторые французские социологи и политологи. — *Прим. ред.*

²⁸ Там же, с. 46.

грань между видимым конфликтом и конфликтом реальным, между классами, давно находящимися у власти, и классами, пришедшими к власти недавно (или по крайней мере не спутать их), между идеологиями — традиционной, псевдореволюционной и контрреволюционной. Задача политического деятеля в данном случае ничем не отличается от задачи историка, с той лишь разницей, что последний, зная о подводных течениях борьбы, способен к ее анализу. Но именно поэтому политика станет наукой лишь в том случае, если в науку превратится история.

Разумеется, «Немецкая идеология» не является учебником по истории, но она, безусловно, является работой подлинных историков — в особенности если принять во внимание принципы, извлеченные нами из текста, сущность которых раскрывается весьма полно и которые не поддаются произвольному толкованию в последующих формулировках, имеющих синтетический характер и привлекательных благодаря своей сжатой форме. Кроме того, надо принять во внимание содержание отдельных моментов, которые в более поздних работах найдут более адекватную трактовку и более уверенную форму выражения, пусть даже на различных информативных уровнях. Нам достаточно хорошо известны работы Маркса, написанные примерно в одно время с «Немецкой идеологией», по которым мы можем судить о прогрессе знаний автора в области истории техники, народного хозяйства, общественной истории. Из них следует, что ввиду отсутствия основополагающего понятия «способ производства» его социологическое видение еще довольно туманно и слабо мотивировано, однако употребление таких терминов, как «разделение труда», «отношения между городом и деревней», «смена различных типов собственности», многочисленные исследования по истории Европы свидетельствуют о необычайной точности отражения характерных черт действительности: беспомощность восстаний эпохи Средневековья, зарождение мануфактуры, роль бродяжничества в процессе становления современной эпохи, зарождение крупной торговли, появление фигуры «крупного» буржуа, противопоставляемой мануфактурщикам и кустарям, и «мелкого» по сравнению с современным индустриальным предпринимателем, двойственный характер капитализма, проявляющего ту или иную из своих сторон в зависимости от обстановки, — национальный, протекционистский капитализм и международный, выступающий за свободу торговли. Не следует забывать и о весьма многозначительном замечании Маркса относительно дальнейших судеб США — капиталистический мир, лишенный наследия прошлых эпох, свободный перед свободным пространством. Эта способность уловить пропорции, обратить внимание на решающий фактор и особенно отсутст-

вие непонятных мест, даже когда имеющаяся информация пестрит белыми пятнами, — все это свидетельствует о гениальности Маркса и Энгельса как историков с момента открытия ими истории или открытия ими самих себя.

Не менее поучителен пример Маркса и Энгельса как критиков историографии, каковыми они являлись с самого начала, выступив с детальным текстологическим анализом плагиата Карла Грюна или высмеивая «geschichtliche Reflexionen» Макса Штирнера, которые как раз имеют тот недостаток, что не являются «историческими» в попытках обнаружить параллели между эпохой и расой (детство — юность — зрелость = негроиды — монголоиды — белые); или же выступая с едкой сатирой на отождествление «святым Максом» догматизма Робеспьера с папским догматизмом. Правда, может встать вопрос: стоило ли все это их критики (кстати сказать, именно эта работа была предоставлена «грызущей критике мышей»), и все же эта реакция в защиту истории против абсурда как никогда отвечает нуждам нашей эпохи. Псевдонаучное, псевдореволюционное интеллектуальное перепроизводство в Германии 40-х годов XIX века словно перекликается с некоторыми примерами публицистики нашего времени: но кто займется добросовестным анализом «идеологии» наших дней, анализом всех наших прегрешений против истории?

4. «Ключ для того, чтобы определить направление»

Еще один шаг был сделан Марксом и Энгельсом в 1847 году — не столько в «Нищете философии», где первоначальная критика антиисторических робинзонад вскоре уступает место логическим спорам и где чересчур схематичные формулировки дают повод для скоропалительных обличений или неуместного цитирования со стороны плохих марксистов: «Ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница — общество с промышленным капиталистом»²⁹. На самом же деле вся деятельность Маркса противоречит такой схематичности, объяснимой лишь в контексте ответа Прудону, который смешивал экономические категории с действительностью. И все же «Нищета философии» предоставляет в распоряжение историка определенную модель анализа (машины, забастовки, рассматриваемые как результат и фактор истории одновременно).

В том же году «Манифест Коммунистической партии» ознаменовал собой поворот к обновлению мировой исторической литературы, которой ввиду определенных трудностей, от-

²⁹ Там же, т. 4, с. 133.

меченных впоследствии Фюстелем де Куланжем, как раз недоставало подлинного синтеза, общих взглядов, направлений на выявление своеобразного характера развития истории. Я всегда подозревал, что утверждение Раймона Арона: «Искать причины в истории имеет больше смысла, нежели изображать крупными штрихами историческую панораму или приписывать прошлому неуверенность в будущем», — основано на страхе перед будущим, которое уготовано в «Манифесте» для буржуазии. Блестящая картина исторических триумфов буржуазии, предвосхищающая ее закат, воспринималась как дурной навет, который необходимо предотвратить с помощью заклинаний! Этой задаче полностью посвятила себя позитивистская история, пытаясь низвести марксизм до уровня «философии истории», а пророчества «Манифеста» — до ранга несбывшихся прорицаний. И действительно, если во фразе, которой открывается «Манифест», — «Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма» — слово «Европа» заменить на слово «мир», станет отчетливо видно вся его актуальность сегодня.

Вот одно воспоминание личного характера. В 1943 году в лагере для военнопленных в Германии я позволил себе роскошь (правда, это было не слишком опасно благодаря невежеству наших надсмотрщиков) прочесть вслух «Манифест» перед многочисленной аудиторией, внимавшей в напряжении и страхе. Один из моих старых друзей, талантливый историк и педагог, вдруг воскликнул: «Какой текст! Казалось бы, знаешь его наизусть, но всегда изумляешься, когда перечитываешь его». Действительно, этот очерк мировой истории со времен Средневековья до наших дней — который, разумеется, не представляет собой какого-то «описания» мировой истории, но является анализом ее «разделов», «факторов», преобразующих мир, — ныне нашел свое подтверждение и ассимилирован (и одновременно порядком сдобрен и стерилизован) благодаря общедоступности информации. Так что его содержание теперь может выглядеть банальным, изложение — всего лишь изящным, а сутью можно пренебречь («вещи, о которых давно всем известно»), свести его революционизирующее значение к простой формальности. Но кому было под силу писать историю подобным способом в 1847 году? Как отмечал по иному поводу Альтюссер, Маркс представляет собой такую новизну для своего времени, что не успеваешь его понять. «Манифест» получает должное распространение лишь в 1870 году. Совершенно очевидно, что он не мог появиться из ничего. Его предшественниками были Адам Смит, французские историки — представители третьего сословия и — что было необычайным совпадением с любознательностью Маркса — зародившаяся к середине XIX столетия немецкая экономическая история. Но Смит был

к тому времени уже общепризнанным авторитетом для экономистов, в то время как немецкая экономическая история замкнулась на эмпиризме эрудитов. «Манифест» же остается первым шедевром истории-синтеза, истории-объяснения.

Я не ставлю здесь своей задачей рассмотрение его революционизирующего значения; хотелось бы лишь вскользь упомянуть о значении третьей части «Манифеста», часто упускаемой из виду. В самом деле, эта часть служит важнейшим уроком методологии. Под одним и тем же термином «социализм» дается понимание его различными классами: «феодалный социализм», «клерикальный социализм» классов, потесненных буржуазией, «мелкобуржуазный социализм» тех классов, которым она угрожает, «консервативный, или буржуазный, социализм», предлагаемый как контрреволюционная плотина, различные формы «критически-утопического социализма», способные соблазнить отдельные секторы пролетариата, но обреченные на немощное сектантство. Налицо классовое развенчание этого слова в контексте времени. Эта работа историка будет возобновлена и сознательно калькирована в 1904 году молодым Сталиным в связи с понятием «национализм». Сталин займется составлением текста, очень важного с точки зрения не только марксистской литературы, но и всей историографии.

Именно принимая во внимание методологическую важность наименее цитируемых фрагментов из других работ Маркса и Энгельса, хотелось бы указать на плачевную общепринятость считать «историческими работами» (кроме «Крестьянской войны») только «Революцию и контрреволюцию в Германии», «Классовую борьбу во Франции», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» и «Гражданскую войну во Франции». Мои сожаления по этому поводу весьма относительны, так как очевидно, что речь идет о крупных исторических работах. Но боюсь, что они признаны таковыми лишь потому, что они больше, чем другие работы Маркса и Энгельса, похожи на традиционную историю — историю партий, политических деятелей, избирательных кампаний, возмущений, репрессий и т. д. К тому же с некоторых пор стало модой приправлять все что угодно социально-экономическим соусом (когда заводят речь об экономических кризисах, структуре общества, «буржуазии», «пролетариате», борьбе трудящихся). Случается, некоторые забывают, что (как это произошло с «Манифестом») не Маркс пишет, как мы, а мы хотели бы писать, как он. Думать, как он, еще труднее.

В так называемых «исторических работах», упомянутых нами (так же, как и в «Крестьянской войне»), речь идет о неудавшихся революциях. И первый совет, который дают Маркс и Энгельс историкам и политикам (в особенности по-

литикам, потерпевшим поражение) в отношении негативного исхода событий, заключается в том, чтобы не обижаться на господина Икс или гражданина Йтрек (сегодня следует добавить — товарища Зет). И если «народ» (кавычки принадлежат Энгельсу) был «обманут» или «предан», следует объяснить, почему такое могло произойти. Ясного ответа не дадут коллективные заблуждения (той или иной партии, крестьянства, мелкой буржуазии и т. п.). Необходимо целиком переосмыслить всю историческую ситуацию. Но тут же угрожает другая опасность: механицизм, фатализм «обстоятельности», перечеркивающий всякую ответственность вплоть до утверждения закономерности любого события.

Как же выявить (с одной стороны, «по вине такого-то», с другой — «не могло быть иначе») необходимые условия, суждения или действия, которые определили, оценили или использовали те или иные события, придав им соответствующую направленность или оставив неизменными? Глобальная историческая оценка гораздо сложнее объективных данных военной стратегии, и было бы карикатурой представлять себе принятие политических решений как принятие определенной стратегии в теории игр: группы и индивиды сами по себе являются носителями своих особых решений и на протяжении почти всей истории действуют лишь инстинктивно, эмпирически. Историки, выступая со своей оценкой апостериори, сравнивают результаты этих решений с условиями, в которых они принимались и которые следовало учесть. Согласно Раймону Арону, они снова добровольно обрекают себя на неопределенность; согласно Марксу, они пытаются уменьшить эту неопределенность путем анализа и информации. Определение Арона подходит для классиков истории, начиная с Фукидида; новаторство Маркса и Энгельса имеет своей целью: 1) развеять иллюзии насчет свободы принятия индивидуальных решений — свободы, разумеется, не «детерминированной», но глубоко отмеченной печатью классовой принадлежности тех, кто за эти решения несет ответственность, и положения, занимаемого этим классом; 2) определить значение и тип информации, которой часто недостает политике; 3) провести грань между видимостью поставленной проблемы (экономические меры, тип власти, моральные аргументы) и реальностью, определяемой борьбой классов.

Первое заключается, следовательно, в комплексном анализе (*Zusammensetzung*) соответствующих общественных классов: не заниматься «стратификацией», а анализировать интересы, чаяния и взаимные возможности. Второе — в определении проблемы во времени и пространстве: сегодня мы говорим об анализе структуры и конъюнктуры, однако эти термины не привносят ничего нового, помимо того, что содержится в методологическом наследии Маркса. Такая сбалан-

сированная картина анализа материальных условий и наблюдений психологического характера, открывающая работу «Классовая борьба во Франции», завершается беглым обзором двух событий экономического характера; имеющих мировое значение: 1) продовольственного кризиса (сегодня мы могли бы назвать его «кризисом древнего типа»: болезнь картофеля, неурожай, голод, крестьянские волнения); 2) общего кризиса торговли и промышленности — капиталистического кризиса, природа и периодичность которого были показаны уже в «Манифесте».

Однако часто забывают сопоставить данное конъюнктурное замечание с содержанием 20 страниц, опубликованных в том же издании «Новой Рейнской газеты» за 1850 год, где на основе внушительной документации анализируется цикл (не только кризис) мирового значения: возвращение к периоду процветания изучается и рассматривается как фактор, моментально сводящий на нет революционную ситуацию с единственной определенностью: *«Новая революция возможна только вслед за новым кризисом. Но наступление ее так же неизбежно, как и наступление этого последнего»*³⁰.

Действительно, Маркс при необходимости, как, например, в «Классовой борьбе во Франции», анализирует фактор конъюнктуры с большой осторожностью, хорошо сознавая громоздкость цифрового материала и понимая, что забытые имена не найдут большого отклика. Тем не менее документированность его материалов значительно превосходит сжатость изложения, которую он считает оптимальной для своих работ. Это наводит на мысль, что современная «политология» часто содержит лишь поверхностные намеки на экономику, в то время как экономические журналы накапливают таблицы с цифрами и диаграммы с кривыми, словно экономика представляет собой простой механизм и словно только экономическая политика является определяющей, а не социальные силы, которые ее определяют.

Стоит принять во внимание также некоторые особенности композиции так называемых «исторических работ» Маркса и Энгельса. Сегодняшние историки, считающие необходимым рассматривать структуру общества в перспективе (в том случае, если не верят в непосредственное открытие), в соответствии с конъюнктурой данной эпохи и сообразно обстановке, складывающейся в результате тех или иных событий определенного периода, часто склонны последовательно излагать эти три аспекта всеобщей истории, рассматривая их строго обособленно друг от друга. Такой прием логически обоснован, а следовательно, правомерен. Но при анализе происходящих событий существует опасность неправильно

³⁰ Там же, т. 7, с. 100.

определить то звено, которое связывает эти события со структурой общества и конъюнктурой данной эпохи. Маркс и Энгельс избегают такой непосредственной, «запланированной» опасности: для них самое главное — связующее звено. Изложение событий может предшествовать или следовать за объяснением причин, их породивших; иногда событие определяется преимущественно конъюнктурой, а не структурой (общества), или наоборот. Таким образом, согласно определению Шумпетера, история Маркса не отделяет друг от друга, но и не смешивает экономические, социальные и политические факторы с простой случайностью; Маркс сочетает их. Более того, эта «разумная история» по непринужденности аргументации, остроте и добротности изложения есть живая история.

Но это также и воинствующая история. Прямо или косвенно она представляет собой историю современности. В этом ее отличие от позитивистской истории, претендующей на объективность и непривязанность к тому или иному времени, сводящей историю к простой любознательности по отношению к событиям прошлого, трактуемым как «несущественные». Однако любой пересказ событий, любой анализ причин ввиду неизбежности выбора вовлекает идеологию — почти безвредную, если она просто декларируется, и опасную, если она скрытая. Что касается современных событий, нет причин для того, чтобы не применить к ним исторический анализ, но «процветает» множество «политологий» и «социологий». Позволю себе еще раз отметить, что в условиях современной истории нечестно объявлять себя объективным, если известна твоя принадлежность к той или иной партии, и глупо верить в объективность того, кто принадлежит к какой-либо партии (а кто же не принадлежит к какой-либо партии?). Маркс и Энгельс, равно как и их великие ученики, открыто заявляют о своем политическом выборе, и вся их творческая деятельность посвящена единой цели. Вместе с тем они уверены, что лучшим способом для достижения этой цели является корректный анализ, способный дать по крайней мере достаточное обоснование событий, подлинно научную картину истории, принципы которой были предложены ими ранее, и, разумеется, создать хорошо функционирующий и оперативный аппарат на все случаи.

Не будет излишним ненадолго остановиться на вопросе о марксистской модели, предлагаемой исследователям-историкам, так как многие марксисты имеют тенденцию сводить эту модель к «Восемнадцатому брюмера», а антимарксисты склонны недооценивать именно этот тип марксистского творчества, квалифицируемый как «журнализм». Действительно, речь идет именно о журнализме, но в наилучшем значении этого слова. И это, безусловно, создает определенные преде-

лы, о которых предупреждает Энгельс: «Итак, если мы предпринимаем попытку разъяснить читателям «Tribune» причины, которые не только сделали необходимой германскую революцию 1848 г., но с такой же неизбежностью обусловили и ее временное подавление в 1849 и 1850 гг., то от нас не следует ожидать полного исторического описания событий, происходивших в Германии. Последующие события и приговор грядущих поколений позволяют решить, что именно из этой хаотической массы фактов, кажущихся случайными, не связанными друг с другом и противоречивыми, должно войти как составная часть во всемирную историю. Время для решения этой задачи еще не настало. Мы должны держаться в пределах возможного и будем считать себя удовлетворенными, если нам удастся раскрыть рациональные, вытекающие из бесспорных фактов причины, которые объясняют важнейшие события, главные поворотные моменты движения и дают ключ для того, чтобы определить направление, какое сообщит германскому народу ближайший, может быть, не особенно отдаленный взрыв»³¹.

Скромность, скрывающуюся за этими словами, можно сравнить только с точностью их употребления. Энгельс постулирует рациональность истории и возможность проникновения в ее глубины — причем в обозримом будущем только для живых умов и в определенных пределах, поставленных вынужденно общим недостатком информации, сравнительно непродолжительным промежутком времени, отведенного для размышлений, недостаточной дистанцией во времени, отделяющей от анализируемых событий, — но не для того, чтобы достичь «объективности», а чтобы определить значение последствий изучаемых фактов. Маркс и Энгельс, кажется, никогда не смешивали историю с политическим анализом современности. Они ознакомились со множеством работ по истории, экономике. Они были суровыми критиками, способными не согласиться и заклеить ту или иную идею, но также всегда готовыми принять те идеи, которые считали правомерными. Известно, что Маркс принимал Гизо как дальновидного историка, но отвергал Гизо-пасквилянта³². С другой стороны, мы никогда не находим у Маркса и Энгельса ни осуждений профессии историка, понимаемой как работа, необходимая для обеспечения информацией, ни размышлений на ту или иную тему из прошлого только лишь ради того, чтобы продемонстрировать собственную интеллектуальность: было бы излишним говорить об этом сегодня перед студентами или политиками, привыкшими презирать историческую эрудицию,

³¹ Там же, т. 8, с. 7.

³² См. там же, т. 7, с. 218—223.

в особенности если она не сосредоточена на революционных событиях или знакомых нам событиях нашего времени. И тем не менее вся история (прежде всего господствующих классов) может и должна быть доступной для оценки основных ставок, делаемых в политической борьбе.

Так называемые «исторические работы» должны быть, таким образом, переосмыслены с учетом тех пределов, которые были поставлены самими Марксом и Энгельсом сообразно условиям работы над этими произведениями. В предисловии к работе «Восемнадцатое брюмера» Рязанов вспоминает, что причиной написания ее было требование Вейдемейера (об этом сказано в письме Энгельса от 16 декабря); написать ее предлагалось в течение одной недели. 19 декабря Маркс сообщает Вейдемейеру о задержке работы до 23 декабря. Однако из-за тяжелой болезни Маркса работа была представлена, причем только ее первая часть, «лишь» 1 января 1852 года. Оставшаяся часть была представлена «только 13 февраля», как пишет Рязанов. Мы восхищаемся этими «лишь» и «только», принимая во внимание тот факт, что Маркс влечит в этот период нищенское существование, его семья находится на грани отчаяния и заслуживает всяческого сострадания. Так что просто поражает сам выход работы в свет. Энгельсом планировалась всего-навсего талантливая, «дипломатичная» статья, которая могла бы произвести фурор лишь после редакции Маркса, которому он 3 и 11 декабря излагает соответствующие события в блестящих выражениях, делясь своими впечатлениями о совершившемся государственном перевороте. Маркс, припертый к стенке своей первой частью, отосланной Вейдемейеру, перефразирует текст Энгельса, составленный в непосредственных выражениях, вложив в него от себя лишь собственный литературный гений. Таков знаменитый зачин насчет повторения исторической трагедии «в виде фарса» или фразы типа «люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается» и т. д., которая много раз цитировалась, упоминалась и была предметом подражания. Либкнехт по этому поводу вспоминает Тацита, Ювенала и Данте! Но истинное ли это лицо Маркса-историка? Сам Маркс отрицает это: он не стремится — как рискнул это сделать Виктор Гюго — обессмертить Бонапарта при помощи оскорблений, его цель заключается в том, чтобы показать, как классовая борьба (и мы могли бы сказать: страх высших классов и глупость средних классов) может возвести в ранг героя личность посредственную, если не гротескную. Аналогичная история повторилась уже в нашем столетии — Муссолини, Гитлер, Франко и им подобные. История неудавшейся революции «не есть история преступления». И все это говорит за то, чтобы, имея перед собой пример Маркса, избежать подражательства (невозможно

подражать неподражаемому, и никто не пишет «Восемнадцатое брюмера» по поводу всякого события) и заняться тщательным поиском истины под покровом блестящих формулировок — вот принцип серьезного анализа. Следует иметь в виду, что лишь в своей совокупности работы Маркса и Энгельса, написанные по поводу пережитой и осмысленной ими революции в период с 1848 по 1853 год, образуют историю. Наконец, следует помнить, что нельзя на основе отдельного эпизода, фигурирующего в конкретном времени и пространстве, строить теоретические обобщения, которых сам автор делать не собирался. Говорить о том, что Маркс признавал существование «крестьянского способа производства», или «парцеллярного» (мелкотоварного) способа производства, как это делалось только потому, что в 1852 году им было употреблено выражение «Produktionweise» в отношении французского крестьянства,— значит забывать о том, что в ту эпоху им еще не была построена теория способов производства и что, сравнивая массы французского крестьянства с мешком картофеля, он тем самым отвергает всякое подозрение на сколько-нибудь четкую его структуру. Так, его описание кризиса (четыре миллиона бедняков) не содержит указания на ныне дискутируемый противоречивый вопрос: способствовали ли «завоевания» революции созданию удовлетворенного класса крестьянства, достигла ли таким образом равновесия Франция, были ли сколько-нибудь скомпрометированы темпы «развития» Франции в связи с замедлением темпов пролетаризации крестьянства? Вероятно, возможны и утвердительный и отрицательный ответы, однако ответ может быть дан лишь в результате углубленного анализа, но требовать его от Маркса — поистине сомнительный способ воздавать ему должное.

С другой стороны, существует привычка недооценивать его труды, считающиеся «политическими» в отличие от «исторических». Речь идет о многочисленных статьях на «актуальные» темы, не говоря уже об обширной переписке. Между тем их историческое содержание весьма значительно. Будучи маститыми журналистами, Маркс и Энгельс хотя и не увлекались корреспондентской работой и не брали интервью, но зато внимательно изучали как статьи различных периодов, так и различные документы—от парламентских дебатов до расследований, от законодательных актов до статистики, и все это не только использовалось, но и широко цитировалось ими. И читали они все это на языках оригинала, ибо могли свободно писать на немецком, французском, английском, знали итальянский, русский, испанский. Их многочисленные цитирования и ссылки безукоризненны, а их рецензии на работы Карлейля и Гизо вполне могли бы быть опубликованы в специальных исторических журналах. Вооб-

ше, с технической точки зрения, они работали как историки.

Вместе с тем следует поставить под сомнение прием объединения в одной и той же статье тем о Персии и Турции, о Крымской войне и Пальмерстоне, о религии и искусстве; было бы лучше провести грань между, с одной стороны, импровизированными или написанными по заказу фрагментами и, с другой, более продуманными статьями (которые часто бывали подсказаны именно этими фрагментами), проливающими свет на их аналитический метод. Наши авторы «специализировались» лишь в экономике (Маркс) и военных вопросах (Энгельс), а между тем вся история XIX столетия может быть переосмыслена, если целенаправленно использовать их творчество.

Кроме того, следует отметить, что Марксу случалось переосмысливать национальную «историю» тех или иных стран на протяжении нескольких эпох, например Испании, с которой я сам знаком лучше и которая наиболее характерна. Исследуя с журналистской точки зрения вопрос об «испанских революциях» — а Марксу заведомо было известно, что, несмотря на столь громкое наименование, речь идет всего лишь о «*rgopunciamentos*» и «*militarades*», — он почувствовал потребность в более глубоких знаниях о «революционной» Испании, которая реально существовала, а поэтому ему были необходимы более глубокие знания об Испании вообще. Перед ним стояла задача не писать «историю Испании», а осмыслить Испанию в историческом плане. Поэтому он выучил испанский язык и читал Кальдерона и Лопе де Вега в оригинале. Надо заметить, что, начиная с «Немецкой идеологии», Маркс любил цитировать Сервантеса и Кальдерона, но в переводе, поэтому его ссылки носили литературный, «гуманитарный» характер. Но уже после 1856 года речь пойдет о ссылках исторических: в «Капитале» о Дон-Кихоте упоминается как о не приспособленном к своему времени человеке, как об анахронизме, а не как о характере. В статьях 1856 года описание войны за независимость строится на контрастах: от герильи, где действия не подкрепляются мыслью, к кадисским кортесам, где мысль не подкрепляется действием. Старая Испания Карла V также рассматривается без каких-либо натяжек. Что касается XIX века, то Маркс выбирает своим гидом Марлиани, итало-испанского историка и политического деятеля, «околомарксистские» формулы и выражения которого должны были бы шокировать его. К сожалению, вплоть до 1930 года в Испании игнорировалась картина ее собственной истории, обрисованной Марксом, который был известен скорее как устаревший и большей частью непонятый теоретик в среде революционеров, несмотря на усилия Энгельса и Лафарга.

5. Всемирная история как результат

Десять лет спустя после написания «Манифеста» Маркс вновь приступает в своем «Введении» (которое не будет им издано) к величайшему труду его жизни, к наброску плана трактата по экономике, а также и по социологии капиталистического мира, который, по сути дела, является также историческим, если учесть сделанные по ходу общие замечания о развитии производства или, как в четвертом абзаце, «пункты, которые следует здесь упомянуть и которые не должны быть забыты»: первый пункт — «война», последний пункт — «природная определенность», субъективно и объективно (племена, расы и т. д.); исследование типов историографии (включая *Kulturgeschichte*), диалектики производственных отношений, анализ «неодинакового отношения развития материального производства, например, к художественному производству»; наконец, весьма важное замечание: «Всемирная история существовала не всегда; история как всемирная история — результат»³³.

Исследуя «Введение» 1857 года, мы можем сделать заключение о различиях, существующих между той работой, которую предполагал написать Маркс, и «Капиталом», который получил в результате. Ограничиваться чтением первого тома «Капитала», тем более первой его главы, не обращая внимания на историческую аргументацию, считая ее простой «иллюстрацией» к теоретической части работы, означает обеднять мысль Маркса, если не исказить ее, равно как при изучении Маркса-историка на материале «Капитала» ссылаться главным образом на главы о рабочем дне, первоначальном накоплении и генезисе торгового капитала. Конечно, это лишь обозримая, декларированная история, не «классическая», однако и не столь необычная ввиду ее конкретности в пространстве и времени. Гораздо труднее и вместе с тем гораздо более важно вести поиск истории там, где она сознательно завуалирована, где двадцать лет поисков и размышлений уместаются на двадцати страницах с виду абстрактного текста. Исследование, которое я пытался провести в области денег³⁴, может быть распространено на все основные понятия «Капитала»: заработная плата, производительный труд, резервная армия труда и т. д., за которыми всегда стоит огромный запас информации и исторического анализа в прямом смысле слова. Это своего рода масса информации, которую Маркс склонен постоянно наращивать: для него каждая формула является одновременно программой. Приведем хотя бы один пример — факторы производительности.

³³ Там же, т. 12, с. 736.

³⁴ См.: P. Vilar. Oro e moneta nella storia. Bari, 1971, p. 421 ff.

Маркс напоминает о том, что «развитие общественной производительной силы труда предполагает кооперацию в крупном масштабе, что только при этой предпосылке могут быть организованы разделение и комбинация труда, сэкономлены, благодаря массовой концентрации, средства производства, вызваны к жизни такие средства труда, например система машин и т. д., которые уже по своей вещественной природе применимы только совместно, могут быть поставлены на службу производства колоссальные силы природы и процесс производства может быть превращен в технологическое приложение науки»³⁵.

Сколько труда для историка скрывается за каждым из этих положений! Заметим, что такой исторический фон — приобретенный синтез и предлагаемая программа — уже присутствует на первых же страницах «Капитала», в главах о стоимости и товаре. Барбон, Локк, Ле Трон, Батлер, Петти, аноним 1740 года, Верри и т. д. цитируются не случайно: речь идет о наиболее ценных проявлениях английской, французской и итальянской мысли, представленной в своих источниках; впрочем, таким же образом, когда перед нами выдержка из Аристотеля, мы имеем дело со ссылкой оригинального характера. Любая мысль, явно или неявно, дана в естественном окружении эпохи, в которую она зародилась; она представляет свое время. Так, на каждой странице своей работы Маркс не только сочетает экономическую теорию и исторический анализ (как указывал Шумпетер), но также детально разрабатывает теорию истории в сочетании с историей теоретической мысли, то есть то, что сам Шумпетер упускает из виду, несмотря на всю мощь его мысли и широкую эрудицию, причем главным образом его спасает эрудиция.

Можно было бы провести следующую параллель. Я часто ловлю себя на мысли о том, что всю теорию «Капитала» можно было бы уместить на сотне с небольшим страниц — размеры книги Хикса о стоимости и капитале (1946). Но это значило бы исказить Маркса. Недавно Хикс опубликовал свою теорию экономической истории, на сей раз объемом в двести страниц, где он не преминул сделать почтительные ссылки на труды Маркса. Но он предлагает использовать материал, накопленный историками за последнее столетие, которым мог бы располагать и Маркс. А ведь сам Хикс не засиживался часами в Британском музее, чтобы превзойти результаты исследований, проведенных непосредственно Марксом. «Кембриджская современная история» («Cambridge Modern History») считается им достаточной для этой цели. В действительности можно легко заметить, что для Хикса

³⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 637—638.

старая «наивная антропология» экономистов, более или менее дополненная современной игрой в «теорию решений», выдерживает дипломатию и политэкономия, но не труднодоступный и сложный анализ классов и классовой борьбы. Решительно, история экономистов, равно как часто и экономия историков, с трудом удовлетворяет условиям, поставленным перед ними Марксом.

«Капитал», как и «Немецкая идеология», если бы мне пришлось дать им определение в рамках темы «Маркс и история», являются не книгами по истории, а трудами историка. В конечном итоге если верно то, что Маркс оставил нам задачу определения понятия истории (при этом нельзя сказать, чтобы мы справлялись с этой задачей достаточно успешно), то мы можем утешить себя, перечитывая работы молодого Маркса, в которых разворачивается энергичная критика абсурдного культа «понятия», насаждаемого плохими гегельянцами.

Морис Добб

КРИТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Обычно полагают, что интерес Маркса к экономическим проблемам (в отличие от проблем философии и историографии) пробудился с его исследованием положения мозельских крестьян в 1840—1843 годах, когда он руководил «Рейнской газетой». Seriously изучать произведения экономистов, в частности Смита, Рикардо, Джемса Милля, Мак-Куллоха и Сэя, вероятнее всего, Маркс начал во время своего пребывания в Париже, куда он переехал в 1843 году, и продолжил его, находясь в изгнании в Лондоне, куда он попал после революционных событий 1848 года.

После 1850 года Маркс и Энгельс согласились с точкой зрения Союза коммунистов, согласно которой «революция стала невозможной в ближайшем будущем». В такой ситуации «задача Союза заключалась в том, чтобы сделать упор на образовательную работу, изучение и развитие революционной теории» — решение, «подействовавшее на пылкую фантазию изгнанников, как ушат холодной воды»¹. Начало 50-х годов было для Маркса годами нищеты, прожитыми в тесных и убогих комнатухах Сохо, частых визитов в ломбард и материальной зависимости от Энгельса. Это был период, когда Маркс использовал читальный зал Британского музея для глубокого и всестороннего изучения экономики и философии, получившего свое блестящее завершение около двадцати лет спустя в «Капитале».

1. Пролог к «Капиталу»

Плодом этого периода напряженного изучения экономики явились объемистые рукописи (почти семь тетрадей), получившие название «Экономические рукописи 1857—1859 годов», которые увидели свет в 1939—1941 годах². Зато в 1859 году (восьмью годами раньше выхода первого тома

¹ Предисловие Мартина Николауса к английскому изданию «Экономических рукописей 1857—1859 годов»

² В «Экономические рукописи 1857—1859 годов» входит небольшая рукопись, известная под названием «К критике политической экономии. Введение», опубликованная Каутским в 1903 году в газете „Neue Zeit“.

«Капитала») была опубликована менее известная работа, озаглавленная «К критике политической экономии». Эта работа была названа «прологом» к великому произведению Маркса: в ней рассматривается преимущественно методологический аспект и так же, как и первый том последующего великого произведения, она начинается с анализа товара, от которого Маркс переходит к исследованию денег и обмена. В «Экономических рукописях 1857—1859 годов» поднимается та же проблема методологического характера, касающаяся преимущественно сферы обращения и обмена. О стоимости, к примеру, говорится вкратце, лишь в одном параграфе, оставшемся на стадии наброска и прерванном на середине фразы. Написанная не для публикации, а лишь для того, чтобы прояснить и развить идеи автора, рукопись состоит из двух огромных глав, названных соответственно «Глава о деньгах» (меньшая из двух) и «Глава о капитале». Очевидно, что в то время Маркс попытался поднять в своем «наброске» проблемы (денежного обмена и меновой стоимости), уже поставленные до него; другими словами, он отталкивался от того, что было сделано его предшественниками, критикуя их и пытаясь выйти из-под их влияния, но и используя все то положительное, что было в их постановке проблем (может быть, этим объясняется растянутость и зачастую неясность Марксова текста и даже то, что было названо его «идеалистическими недостатками») ³.

Возникает вопрос: почему в «Экономических рукописях 1857—1859 годов» Маркс занялся исследованием обращения и обмена, а не производства (чего ожидали бы читатели его более зрелой работы)? По всей вероятности, автор сознавал, что именно в сфере обращения кроется ошибка, типичная для буржуазной политической экономии, заблуждение, которое — сознательно или бессознательно — играло определенную социальную роль, когда обходились стороной существование и подлинный источник прибавочной стоимости как основного элемента буржуазной экономии, капиталистического способа производства. Маркс постарался вскрыть и рассеять это заблуждение, проявлявшееся на уровне «внешнего», хотя и не постиг еще до конца существа проблемы, кроющейся за этой внешней стороной. В процессе обращения все, по видимости, сводится к обмену эквивалентов: покупатели и продавцы на равноправной основе договариваются друг с другом, чтобы обменять то, что они хотят обменять, на то, что они хотят приобрести. Участие в этом обмене многочисленных конкурентов гарантирует (по крайней мере «в среднем» или же «на длительный период»), что никто из участников обмена не воспользуется принуждением

³ Nicolaus. Op. cit., p. 17.

или своим преимуществом по договору, для того чтобы склонить чашу весов на свою сторону. Если же из такого рода торговли кто-либо и получает прибыль или сверхприбыль, то она не могла быть следствием недостаточной конкуренции или какого-то препятствия, которое мешало свободному обмену. Поэтому так называемые «рикардианские социалисты» приписывали прибыль «неравному обмену» вследствие определяемого договором более выгодного положения обладателем капитала. Но, как замечает Маркс, прибавочная стоимость не объясняется обменом, и он утверждает, что обмен посредством денег как «основного эквивалента» есть более высокая и развитая форма свободного обмена: «в определении денежного отношения... заложено, что в денежных отношениях, взятых в их простом виде, все имманентные буржуазному обществу антагонизмы кажутся погашенными; поэтому буржуазная демократия в еще большей степени, чем буржуазные экономисты... все снова и снова обращаются к денежному отношению в целях апологетики существующих экономических отношений»⁴.

Из этого следует, что, «коль скоро товар и труд определены еще только как меновые стоимости, а то отношение, в силу которого различные товары ставятся в соотношение друг с другом, определено как обмен этих меновых стоимостей друг на друга, как их приравнивание друг к другу, — индивиды, субъекты, между которыми происходит этот процесс, определяются просто как обменивающиеся. Поскольку во внимание принимается только определение формы, — а это есть экономическое определение, такое определение, в котором индивиды находятся друг с другом в отношении общения... постольку между индивидами не существует абсолютно никакого различия. Каждый из субъектов есть обменивающийся субъект, т. е. каждый находится в том же самом общественном отношении к другому, в каком другой находится к нему. Поэтому их отношение в качестве субъектов обмена есть отношение *равенства*. Невозможно уловить между ними какое-либо различие, а тем более какую-либо противоположность; между ними нет даже никакого несходства. Далее, товары, которыми они обмениваются, в качестве меновых стоимостей представляют собой эквиваленты или, по крайней мере, считаются таковыми»⁵.

Несколько дальше читаем: «В существующем буржуазном обществе, взятом в его совокупности, это положение товаров в качестве цен, их обращение и т. д. выступают как поверхностный процесс, между тем как в глубине, под ним, протекают совершенно иные процессы, в которых эти кажущиеся

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, с. 187.

⁵ Там же.

щиеся равенство и свобода индивидов исчезают... Но до этого момента не видно, что уже в простом определении меновой стоимости и денег в скрытом виде содержится противоположность заработной платы и капитала и т. д.»⁶.

Исследуя в работе «К критике политической экономии» ту же проблему, что и в «Экономических рукописях 1857—1859 годов», и рассматривая ее под тем же углом зрения (и действительно, первая страница работы прямо-таки предваряет начало первого тома «Капитала»), Маркс за меновой стоимостью постепенно обнаруживает стоимость, понимаемую как время труда, затраченное на производство продукта (*общественный* труд, где различный индивидуальный труд принимается как равный, то есть одинаковый по величине)⁷. Маркс подчеркивает, что «если справедливо положение, что меновая стоимость есть отношение между лицами, то к этому, однако, следует добавить: отношение, скрытое под вещной оболочкой». И продолжает: «Только благодаря привычке повседневной жизни кажется обычным и само собой разумеющимся, что общественное производственное отношение принимает форму вещи», в то время как «отношение товаров, как меновых стоимостей, есть, наоборот, отношение лиц в их производственной деятельности друг для друга»⁸. Здесь мы впервые сталкиваемся с явлением, которое позже Маркс назовет «товарным фетишизмом»; таким образом проясняется вопрос, имеющий непреходящее значение в Марксовом анализе обмена и денег.

Во второй из двух глав своей работы «К критике политической экономии» Маркс переходит к исследованию — несколько громоздкому и запутанному — «денег, или простого обращения». Глава открывается изречением Гладстона, заметившего как-то, что «даже любовь не сделала столько людей дураками, сколько мудрствование по поводу сущности денег». В этой главе Маркс исследует, в частности, мнения английских экономистов (среди которых Стюарт, Смит, Рикардо и Джеймс Милль) и так называемую количественную теорию денег, которую он соотносит с именем Давида Юма. Маркс полагает, что в данном понимании отсутствует должное признание того факта, что деньги (золото) сами по себе являются товаром и что поэтому их меновая стоимость по отношению к другим товарам определяется ценой их производства, или стоимостью.

⁶ Там же, с. 194.

⁷ «Рабочее время, представленное в меновой стоимости, есть рабочее время отдельного лица, но отдельного лица без всякого отличия от другого отдельного лица; это — рабочее время всех отдельных лиц, поскольку они исполняют равный труд» (там же, т. 13, с. 18).

⁸ Там же, с. 20—21.

2. Трудовая теория стоимости

Если мы обратимся к основному произведению Маркса, появившемуся восемь лет спустя, то обнаружим, что товар и его обращение и в данном случае представляют собой отправную точку исследования (первый из семи отделов, где рассматривается это явление, озаглавлен «Товар и деньги»). Но внимание автора в этот раз концентрируется главным образом на капитале («Превращение денег в капитал») как на деньгах, потраченных на приобретение товара особого рода, рабочей силы, в связи с созданием и получением прибавочной стоимости. При капитализме это стало возможным вследствие существования неимущего пролетариата, лишенного каких бы то ни было средств производства (например, земли) и вынужденного поэтому продавать за заработную плату свою способность трудиться, или рабочую силу, как единственное средство к существованию. Заключительная часть первого тома⁹ посвящена историческому воссозданию так называемого процесса «первоначального накопления», в ходе которого сформировался пролетариат.

Все, о чем говорилось до сих пор («Экономические рукописи 1857—1859 годов» и работа «К критике политической экономии»), может навести на мысль, что подход Маркса к исследованию, основанному лишь на анализе денег и обмена — к последнему автор проявляет почти навязчивый интерес, — слишком абстрактен и даже вводит в заблуждение. (Маркс заметил бы, наверное, что подобная абстрактность присуща именно обмену как таковому, взятому *отдельно*, и представляет собой отличительную черту буржуазной политической экономии.) Поражает же в «Капитале» его преимущественно *исторический* аспект: предметом анализа и доказательством служат особенности капитализма как социально-экономической системы, связанной с определенными историческими условиями, характеризующими его как особый способ производства. В это последнее понятие входят и так называемые общественные производственные отношения. Главная отличительная черта буржуазного, или капиталистического, способа производства, выявленная Марксом, — это та социальная поляризация, благодаря которой собственность концентрируется в руках меньшинства (буржуазии), в то время как по той же причине большинство населения (или существенная его часть) абсолютно лишается ее. Этот социально-экономический факт, лежащий в основе всей системы, давал ключ к пониманию явления обмена, объясняющего возможность прибыли капитала, — явления, проходившего в теори-

⁹ То есть того, что было опубликовано как первый том (ср. издание Мура — Эвелинга, 1886 год) и в основном известно под этим названием, хотя по замыслу и разделялось на две книги, или тома.

ях обмена как вещь в себе, взятая отдельно и неизбежно ставившаяся в один ряд с другими формами товарного обмена как обмен «эквивалентов». Только рассматривая данное явление в социально-историческом контексте, можно было полностью и реалистически понять его действительную природу и роль, которую оно играет во всей экономической системе. Маркс критиковал классических экономистов — несмотря на то, что он восхищался их «беспристрастной» и «научной» позицией, и несмотря на то, что Рикардо видел в распределении «основную проблему политической экономии» и сконцентрировал все свое внимание на отношении зарплата — прибыль, — именно за то, что им не удалось (или по крайней мере не до конца удалось) этого сделать.

В «Капитале» Маркс относит эту меновую зависимость к трудовой теории стоимости, известной еще классическим экономистам, по крайней мере Рикардо¹⁰. Таким образом, степень эксплуатации, или норма прибавочной стоимости, выражается как количественное отношение между двумя количествами труда: прибавочным трудом (то есть количеством труда, затраченным сверх того, что воплощено в материальных благах — зарплате) и другим трудом (необходимым, для того чтобы поддерживать способность рабочего трудиться). Другими словами, из чисто денежного это отношение преобразуется в количественное отношение между двумя качествами труда в сфере производства, то есть превращается в отношение между временем прибавочного труда, затраченным одним работником или группой работников за день, за неделю либо за один год, и «временем необходимого труда» для восстановления способности трудиться, или рабочей силы, истощенной в ходе трудового процесса. Таким образом, оно становится величиной, зависимой от условий производства и производственных отношений и определяемой ими, а не чем-то зависимым от сферы обращения и обмена.

Эта точка зрения в дальнейшем нередко критиковалась: говорили, что вся теоретическая структура основывается на ложном предположении, на примитивной и устаревшей теории стоимости, неточность — если не самая настоящая ошибочность — которой якобы доказана. Если обмен продуктов производится в действительности в соответствии не с вложенным в них трудом, а с ценами, определяемыми чем-то еще, тогда — как заявил в конце XIX века австрийский экономист Бём-Баверк — все здание, возведенное Марксом, рухнет и так называемая теория эксплуатации повисает в

¹⁰ Смит принимал эту теорию во внимание, но считал, что ее следует применять лишь к производству и обмену, существовавшим в «первобытном состоянии» общества, до накопления капитала и частного присвоения земли, то есть до возникновения капитализма.

воздухе. Он заключил также, что теория Маркса не имеет «какого-либо будущего».

В результате дискуссий, вызванных вновь возросшим интересом к классическим экономистам и к их подходу к проблеме, современные экономисты поняли достаточно хорошо¹¹, что значит выражать макроэкономические отношения через однородную величину труда: она позволяет рассматривать отношения вне зависимости от изменений, происходящих в сфере распределения, и вытекающих отсюда изменений цен. Как известно, Рикардо в своей теории прибыли первым выразил отношение заработная плата — прибыль через товар, конкретно — посредством зерна¹². Вначале такой подход не вызывал возражений, однако он плохо соотносился с тем фактом, что в мире существует множество товаров, и, естественно, не выдерживал критики Мальтуса¹³. Поэтому в своей более зрелой работе «Начала политической экономии и налогового обложения» Рикардо заменил меру товара (зерно) на меру, выраженную через труд (исходя из того, что цена пропорциональна вложенному труду, по крайней мере приблизительно). Можно сказать, что Маркс пошел по тому же пути в своей теории прибавочной стоимости, представляющей собой его открытие в политэкономии и являющейся в определенном смысле снятием (*Aufhebung*) классической политэкономии.

Но некоторые пошли еще дальше. Они утверждают, что теория прибавочной стоимости вытекает в некотором роде из трудовой теории стоимости и в определенном смысле является ее логическим продолжением. Отношения зависимости здесь с достаточной точностью так и не были выяснены. Более того, можно сказать, что связь эта до сих пор не ясна и представляет собой объект самых различных толкований¹⁴ и горячих споров как среди сторонников, так и среди критиков Маркса. Сразу же встает вопрос: есть ли какая-нибудь

¹¹ Особенно благодаря Пьеро Зраффа (*Piero Sraffa. Production of Commodities by Means of Commodities. Cambridge, 1960.* Этот вывод особо подчеркивал и Пьеранджело Гареньяни (*Pierangelo Garegnani. Il capitale nelle teorie della distribuzione. Milano, 1960.*).

¹² В эссе о прибыли, опубликованном в 1815 году, за два года до «Начал политической экономии и налогового обложения».

¹³ См.: *M. Dobb. Theories of Value and Distribution since Adam Smith. Cambridge, 1973.*

¹⁴ По мнению Поля Суизи, например, можно было бы говорить о Марксовой традиции, «противоречащей» подходу классических экономистов, так как для Маркса производство является «производством товаров за счет человеческого труда» („*Manthly Review*“, february 1976, p. 55). Однако, если бы Суизи обратился к Марксовой теории стоимости, то убедился бы, что вряд ли она «противоречит» теории классиков. Если же он хотел сказать, что человеческий труд — это *единственная* производительная сила, то, как мы увидим далее, весьма сомнительно, чтобы Маркс придерживался такой точки зрения.

логическая зависимость между трудовой теорией стоимости и теорией прибавочной стоимости или зависимость эта чисто формальная?

При первом и, может быть, наиболее очевидном толковании связь между двумя теориями рассматривается, исходя из принципа естественного права. В так называемом естественном порядке вещей, не зараженном типичными чертами «развитого» общества, вещи изменяются в зависимости от необходимого труда (в среднем), затраченного на их производство¹⁵. Этот «естественный порядок» представляет модель того, что *должно бы* происходить в идеале. Без такой модели, появившейся вследствие существования трудовой теории стоимости, эксплуатация не имела бы существенного значения, а лишь моральное, или этическое, значение.

Однако маловероятно, чтобы такая трактовка соответствовала намерениям Маркса. Нет причин полагать, что он искал моральную, или этическую, теорию эксплуатации, которую он признал бы удовлетворительной, а также что он был склонен к теориям «естественно-правового» типа. Сомнительно, чтобы тот же Адам Смит пошел по этому пути, хотя он и употреблял естественно-правовую терминологию, которая была в большой моде в то время. Еще менее вероятно — более того, крайне спорно — приписывать подобную идею Марксу, писавшему 70 лет спустя. Говорят также, что Маркс всегда особо подчеркивал, что рабочая сила продается не ниже своей стоимости, а по своей стоимости¹⁶, и это обусловлено историческими условиями, определившими особый характер капиталистического способа производства. Конечно, так называемые рикардианские социалисты утверждали, что заработная плата занижается и меньше «действительной стоимости» труда вследствие доминирующей системы «неравного обмена», возникшей в результате монополистической власти предпринимателей, но Маркс, считавший такое объяснение далеким от истины, разработал взамен свою теорию прибавочной стоимости.

Согласно другой часто встречающейся трактовке, трудовая теория стоимости, по крайней мере в Марксовой интерпретации, рассматривает труд как единственный производительный фактор, или фактор создания богатства. Эта концепция меньше, чем какая-либо другая, может быть приписана Марксу, определенно заявлявшему в работе «К критике политической экономии»: «Относительно труда, поскольку он

¹⁵ По терминологии Маркса, речь идет о «простом товарном производстве», где товаром являются плоды труда производителей — мелких собственников.

¹⁶ Поскольку рабочая сила подчиняется, как и все другие товары законам конкуренции в соответствии с классической политической экономией, а не является исключением из них.

производит потребительные стоимости, ошибочно утверждать, что он есть *единственный* источник произведенного им, а именно — вещественного богатства»¹⁷.

Третьи же говорят, что основной вклад Маркса в политическую экономию (в отличие от классической политической экономии) заключается в представлении производственного процесса как процесса трудового и что не обратить внимания на это обстоятельство — значит упустить из виду самое главное, что было у Маркса. Трудно сразу решить, какое значение следует придать подобному утверждению. Конечно же, Маркс подчеркивал роль труда в производственном процессе, но не ясно, была ли его трактовка качественно отличной от трактовок его предшественников, в то время как совершенно очевидно, что Маркс ставил акцент на соотношении между трудом и рабочей силой, рассматривая их в свете создания прибавочной стоимости. Возможно, тот, кто поддерживает этот тезис, считает допустимым толковать его, представляя весь предмет через труд; но нельзя, конечно, утверждать, что теория эксплуатации, не основывающаяся на постулате (или на тезисе), что товары обмениваются в соответствии с вложенным в них трудом, остается логически неполной¹⁸.

Верно, однако что при определении эксплуатации (либо того, что нас интересует в связи с прибавочной стоимостью) труд должен рассматриваться как функциональная деятельность особого рода в общественном производстве: например, он является единственной производительной деятельностью (которая не существовала бы в полностью автоматизированном мире) или, употребляя терминологию Альфреда Маршалла, он в конечном счете является единственной общественной «реальной издержкой». И именно это повторяют зачастую (в большинстве случаев в туманных и порой даже двусмысленных формулировках), говоря, что только труд способен создавать стоимость. Однако не мешает вспомнить о капиталистах (или землевладельцах), «присваивающих» себе часть плодов производительной деятельности так же, как помещики-феодалы и рабовладельцы «присваивали» продукты, произведенные своими работниками или рабами.

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, с. 22.

¹⁸ Развиваемый здесь тезис, вероятно, покажется более убедительным, если учесть, что недостаточно, чтобы теория была логически последовательной (какой она, возможно, и предстает в споре экономистов): если это и необходимое условие, то отнюдь не достаточное. Чтобы теория имела смысл как инструмент для толкования, нужно, чтобы ее положения соотносились с реальными фактами либо с процессами объективного мира (имеющими к тому же реальную значимость, то есть необходимо установить, являются ли они определяющими или случайными). В противном случае она останется «чистой» теорией, никак не связанной с конкретной экономической действительностью.

Но поскольку данное положение прекрасно вписывается в трудовую теорию стоимости, можно говорить о присвоении и об эксплуатации, ссылаясь на мир, где товары *не* обмениваются в зависимости от вложенного в них труда.

В самом деле, Маркс совершенно не верил, что в капиталистическом обществе товары действительно обмениваются пропорционально труду, затраченному на их производство: это было лишь допущение, принятое в первом томе «Капитала» с целью облегчить понимание теории прибавочной стоимости. В действительности же Маркс утверждал, что товары обмениваются не по своей стоимости, а по «цене производства»¹⁹, как ясно следует из третьего тома; они отличаются друг от друга в той мере, в какой различно в разных секторах производства «органическое строение капитала», как назвал его Маркс²⁰. Он утверждал, что эта цена производства может быть выведена (в количественном отношении) из «стоимости» при известной норме прибавочной стоимости, выраженной в единицах стоимости, то есть труда. Каким образом и насколько они связаны друг с другом — это узловой вопрос, лежащий в основе вызывающей большие разногласия «проблемы трансформации», не решенной Марксом должным образом. Причина такого неудовлетворительного решения заключается в том, что из числовых выражений «трансформации» только выход продукции каждого из секторов производства преобразуется из «стоимости» в «цену производства», в то время как затраты на производство продолжают выражаться в единицах стоимости. Мы находим достаточно свидетельств, позволяющих нам заключить, что сам Маркс сознавал недостаточность и неполноту решения проблемы, однако третий том «Капитала», где Маркс подходит к анализу на уровне «цен производства», остался незавершенным, представляя собой наброски и заметки. Здесь уместно упомянуть, что впоследствии была доказана возможность логического решения посредством одинаковой трансформации всей продукции (затраты на производство и выход продукции) в «цены производства»²¹, что осуществимо при системе из двух или трех секторов, как это было у Маркса (решение Борткевича), либо, в самом общем случае, при наличии какого-нибудь числа товаров или *n* продуктов (решение Сетона). Другими словами, реальные меновые отношения (по «ценам производства», о которых говорит Маркс в третьем томе) логически (математически) следуют из трудовой теории стоимости. Таким образом, в основе

¹⁹ Равной стоимости производства (зарплата, стоимость сырья и т. д.) плюс средняя норма прибыли на вложенный капитал.

²⁰ Или если различен «период обращения переменного капитала».

²¹ Включая зарплату как цену рабочей силы, зависящую от цен основных предметов потребления.

Марксовой системы нет никакого противоречия вопреки утверждениям его главного критика Эйгена фон Бём-Баверка.

В то же время эти решения свидетельствуют о том, что не все макроотношения системы могут оставаться неизменными в процессе перехода от «стоимости» к «цене производства». И обсуждалось, какие из них, будучи определенным количеством труда в единицах стоимости, Маркс считал наиболее важными и заслуживающими сохранения в первоначальном виде: норма прибавочной стоимости, совокупная прибавочная стоимость, совокупная прибыль или отношение между валовой прибылью и совокупным капиталом (постоянный капитал плюс переменный капитал), то есть норма прибыли. Некоторые (как, например, Аргири Эммануэль) утверждают даже, что если основные величины, определенные в единицах труда, не выдерживают процесса трансформации, то есть не переводятся в единицы цены производства, то теряется нечто качественно важное. Я же лично полагаю, что не слишком важен тот факт, остается ли неизменным то или другое из этих отношений стоимости после введения всех параметров, необходимых для обмена в условиях капиталистического строя²²; главное, чтобы основные отношения, выраженные через *цену*, какими бы они ни были, могли выводиться из величин, выраженных через *стоимость*, и могли рассматриваться, не противореча логике, как *определенные* этими величинами. Если это возможно, то, значит, аналитическая структура «Капитала» абсолютно верна.

3. Процесс накопления капитала

Важным аспектом Марксова анализа накопления капитала является особое значение, придаваемое растущей концентрации и централизации капитала как неотъемлемой части процесса накопления. По мнению некоторых исследователей Маркса, этот аспект — наиболее важный в его теории стоимости. Тенденция к концентрации связана с техническими изменениями и улучшениями, вызванными стремлением — под давлением конкуренции — неизменно повышать производительность труда. Передовая техника стимулирует увеличение доли основного капитала по сравнению с переменным капиталом и обеспечивает в условиях конкуренции преимущества предприятиям с большим запасом капитала. Включение в состав крупных капиталистических предприятий более мелких, конкурировавших с ними, а также слияние различных экономических единиц в единый комп-

²² В частности, перевод капитала из одной производственной отрасли в другую в погоне за прибылью с последующей тенденцией к созданию одинаковой нормы прибыли во всех отраслях.

лекс укрепляют силу и жизнеспособность крупных предприятий и приводят ко все большей централизации власти, контролирующей и определяющей политику в экономической сфере. Упомянув об «изменении в техническом строении капитала, благодаря которому переменная составная часть становится все меньше и меньше по сравнению с постоянной», Маркс утверждает, что «накопление представляется как возрастающая концентрация средств производства и командования над трудом», в то время как «возрастает минимальный размер индивидуального капитала, который требуется для ведения дела при нормальных условиях»²³. Что касается централизации управления капиталом, то она стимулируется развитием системы кредита: последний не только представляет собой «новое и страшное орудие в конкурентной борьбе», но и «посредством невидимых нитей стягивает в руки индивидуальных и ассоциированных капиталистов денежные средства, бóльшими или меньшими массами рассеянные по поверхности общества», превращаясь «в колоссальный социальный механизм для централизации капиталов»²⁴.

Если ортодоксальные экономисты, такие, как Джон Стюарт Милль, видели в конкуренции прогрессивную и благотворную силу (при условии, что естественный прирост населения был бы ограничен), то Маркс показал ее противоречивый характер: диалектическое противоречие, присущее конкуренции, превращает ее в конечном итоге в свою противоположность. Несмотря на то что Маркс написал относительно мало о монополиях и направлял свои усилия в основном на анализ фазы свободной конкуренции в развитии капитализма, можно сказать, что он был единственным в свое время исследователем, который предвидел переход к заключительной, монополистической стадии капитализма.

Однако были и другие направления исследований, непосредственно связанные с процессом капиталистического накопления, которое Маркс, как мы видели, в отличие от большинства экономистов понимал отнюдь не как спокойный и равномерный процесс количественного увеличения капиталовложений. Первое из этих направлений — это изучение начального эффекта технического прогресса, то есть замены ручного труда машинным (это отмечал Рикардо в главе, посвященной машинам, добавленной к третьему изданию его работы «Начала политической экономии и налогового обложения»), влекущей за собой рост промышленной резервной армии. По мнению Маркса, промышленная резервная армия на рынке рабочей силы в условиях конкуренции (то есть при отсутствии упорядоченной организации этого рынка)

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 639—640.

²⁴ Там же, с. 640.

являлась основным механизмом регулирования заработной платы, поддерживаемой на уровне простого существования, установившемся в определенную эпоху, несмотря на развитие процесса накопления²⁵. «В общем и целом всеобщие изменения заработной платы регулируются исключительно расширением и сокращением промышленной резервной армии, соответствующими смене периодов промышленного цикла»²⁶. Затем Маркс сформулировал сущность «цикличности» механизма занятости, заработной платы и прибыли: занятость возрастает в годы бума капиталовложений с последующей тенденцией к увеличению заработной платы за счет прибыли. Но этот период роста может продолжаться лишь недолгое время: сокращение прибыли, замедляя темпы накопления и инвестиций, влечет за собой новый рост промышленной резервной армии до тех пор, пока не будет достигнут более или менее прежний уровень реальной заработной платы, так чтобы процесс накопления мог идти более высокими темпами.

«Но как только... прибавочный труд, которым питается капитал, перестает предлагаться в нормальном количестве, наступает реакция: уменьшается капитализируемая часть дохода, накопление ослабевает, и восходящее движение заработной платы сменяется обратным движением. Таким образом, повышение цены труда не выходит из таких границ, в которых не только остаются неприкосновенными основы капиталистической системы, но и обеспечивается ее воспроизводство в расширяющемся масштабе»²⁷.

Другая тенденция, бывшая предметом многочисленных споров, — это так называемый закон тенденции нормы прибыли к понижению. Обсуждалось следующее: считал ли Маркс эту тенденцию кратковременной (как в приведенном выше случае) или долговременной, присущей системе; и в этом последнем случае следует ли ее понимать как абсолютный «закон», реально действующий во времени, или как нечто, действующее лишь в отсутствии «противодействия», которое могло бы возникнуть с различной степенью вероятности. Тенденция нормы прибыли к понижению определяется влиянием технических новшеств на зависимость между двумя составляющими капитала — постоянным и переменным капиталом (отношение, названное Марксом «органическим строением капитала»): технический прогресс усиливает эту зависи-

²⁵ Маркс, как и Рикардо, полагает, что этот уровень не определяется чисто физическими параметрами, а содержит в себе «социальный элемент», меняющийся во времени и пространстве. Более того, он не отрицает возможности воздействия со стороны профсоюзов на уровень заработной платы — возможности «побороты», говоря его словами, «закон спроса и предложения».

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 651.

²⁷ Там же, т. 23, с. 634.

мость, по крайней мере в физическом аспекте. Определенная норма прибавочной стоимости превращается, таким образом, в более низкую норму прибыли по сравнению с задействованным совокупным капиталом (постоянный плюс переменный капитал)²⁸. Маркс уточнял, что существуют некоторые «антитенденции», такие, как тенденция к возрастанию нормы прибавочной стоимости вследствие понижения стоимости заработной платы (благодаря чему можно достичь определенного уровня реальной заработной платы при более низком уровне денежной заработной платы) и тенденция к «обесцениванию элементов постоянного капитала» (то есть снижение стоимости машин и других материальных затрат на производство), которая — будучи достаточно сильной — может способствовать уменьшению, а не увеличению основного капитала в стоимостном выражении. Создается впечатление, что, по мнению Маркса, это «противодействие» может смягчить или ослабить основную тенденцию, но его недостаточно, для того чтобы подавить ее, и что — в продолжительный период — закон тенденции нормы прибыли к понижению может действовать эффективно, хотя и с меньшей силой. Однако противодействие, если оно достаточно сильно, способно не только смягчить, но и полностью подавить последствия роста (в физическом смысле) органического строения капитала. Необходимо помнить, что классические экономисты обычно допускали реальное существование тенденции нормы прибыли к понижению, чему давали различные объяснения: Адам Смит приписывал ее конкуренции капиталов, входящих во все большее количество промышленной продукции, Рикардо — падающей продуктивности земли и как следствие растущей стоимости продуктов питания в сравнении с естественным приростом населения. Маркс, приводя свои доводы и подчеркивая то, что отличалось от объяснений его предшественников, вполне возможно, разделял их убеждение в реальном существовании здесь определенного закона, но приписывал его какой-то другой причине.

Критику и споры вызвал также и Марксов тезис о так называемой растущей нищете, то есть якобы существующей тенденции к прогрессирующему обнищанию рабочего класса. Обсуждалось, следует ли понимать это обнищание как аб-

²⁸ Когда большая часть постоянного капитала употребляется вместе с определенным количеством переменного капитала, то очевидно, что (при неизменной норме прибавочной стоимости) если созданная прибавочная стоимость распределяется на большем количестве постоянного капитала, то полученная норма прибыли будет тем ниже, чем выше будет зависимость между постоянной и переменной частями капитала. В буквенном выражении: обозначив через C и V две составные части капитала и через S — прибавочную стоимость, при данном отношении S/V , разделив S на $C+V$, получим результат настолько меньший, насколько большей будет величина C/V .

солютное или относительное, интерпретировать ли его как снижение уровня жизни рабочего класса. Ссылки Маркса на обнищание рабочего класса мы находим сразу же после анализа процесса накопления капитала и образования резервной армии промышленных рабочих, и они не выходят за эти рамки. Другими словами, Маркс ссылаясь главным образом на колеблющуюся массу безработных и временно занятых рабочих, находящихся на обочине индустриального общества. Вспомним, что в тот период промышленной революции резервная армия промышленных рабочих постоянно росла за счет притока сельского населения (как сейчас происходит в развивающихся странах). Таким образом, возможно, Маркс считал, что тенденция к обнищанию действует на протяжении всей начальной фазы процесса капиталистической индустриализации, но необязательно вне этих границ. И вполне вероятно, что он, судя по его терминологии, мыслил не только категориями заработной платы (даже если величину резервной армии он считал основным регулятором уровня зарплаты), но намеревался обратить свое внимание на «общие условия» рабочего класса, включающие, кроме чисто экономических элементов, еще и такие, как социальная деградация и неуверенность в жизни. Во всяком случае, ясно, что Маркс имел в виду всецело подверженный конкуренции рынок рабочей силы, лишенной средств для заключения коллективных договоров, так как в конце рассматриваемого нами текста (отдел третий, гл. XXIII) он говорит о профсоюзной организации как о чем-то, что может изменить к лучшему положение рабочих: «Всякая связь между занятыми и незанятыми нарушает «чистую» игру этого закона» (закона спроса и предложения)²⁹.

4. Реализация прибавочной стоимости и империализм

Помимо споров по поводу теории стоимости, проблемы трансформации, преимущественного падения нормы прибыли и теории «обнищания», о которых говорилось до сих пор, разгоревшиеся с начала столетия дискуссии о Марксовом понимании капитализма велись главным образом вокруг двух вопросов: какое место занимает (если занимает) в теории Маркса так называемая проблема реализации, а также проблема современного империализма в связи с централизацией капитала и образованием монополий. Первый из этих вопросов, естественно, был вотчиной, охотничьим угощем экономистов; второй же представлял собой предмет более широкого обсуждения. В «Капитале» содержится один или два намека

²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 655.

на проблему «реализации прибавочной стоимости» (рассматриваемую как проблема, возникающая из-за недостатка спроса на продукты, уже произведенные, и те, которые могли бы быть произведены), но ничего более, и эти скудные ссылки, как таковые, малоубедительны. Одна из них представляет собой многократно цитировавшийся отрывок из третьего тома, гласящий: «Конечной причиной всех действительных кризисов остается всегда бедность и ограниченность потребления масс, противодействующая стремлению капиталистического производства развивать производительные силы таким образом, как если бы границей их развития была лишь абсолютная потребительная способность общества»³⁰, — отрывок, без сомнения отсылающий нас к теории недопотребления.

В начале XIX века многие экономисты рассматривали проблему недостаточного спроса на произведенные товары по сравнению с их предложением как следствие бедности потребительской массы наемных рабочих. Самый выдающийся из этих экономистов, Сисмонди, именно это обстоятельство считал причиной экономических депрессий и периодических кризисов. По тому же пути пошел и Мальтус, выступая против чрезмерной «экономии» и «бережливости», а также против недостаточного спроса со стороны наемных рабочих, что делало необходимым и оправданным «непродуктивное потребление» со стороны сборщиков доходов и прибылей. На это Рикардо отвечал, что сэкономленная часть прибыли, будучи вложенной в производство, становится спросом со стороны рабочих, занятых вновь создаваемым капиталом, так что процесс экономия/вложения представляет собой простой переход спроса от одной группы потребителей (на которых экономят) к другой группе (другим занятым рабочим). «Запросы потребителей... перешли, вместе с потребительскими способностями, к другой группе потребителей»; «потребительская способность не исчезает, она лишь передается другим рабочим»³¹. Самый общий и ортодоксальный ответ приверженцам теории «недопотребления» был, однако, дан Ж. Б. Сэем и стал известен как «закон Сэя». Согласно этому закону, обмен представляет собой в основном обмен одних продуктов на другие, а производство и предложение более чем одного товара автоматически создают добавочный спрос на другие товары. И как следствие этого, если и может создаваться перепроизводство некоторых отдельных товаров, произведенных одновременно в избытке по сравнению с другими товарами, то общего перепроизводства всех товаров быть не может.

Маркс отнюдь не признавал «закона Сэя». Более того, он поднял его на смех, заметив, что тот совершенно не прини-

³⁰ Там же, т. 25, ч. II, с. 26.

³¹ „Works and Correspondence of David Ricardo“, a cura di P. Sraffa, vol. 2, p. 309, 311.

мал во внимание посреднической роли денег между двумя частями товарного обмена (Т—Д—Т) и что ни о каком автоматизме не может быть и речи, так как первая часть операции всегда дополняется второй ее частью. В действительности же здесь может проявиться тенденция к сохранению дохода от первой части операции в деньгах, особенно в том случае, когда существует возможность получить прибыль, не расходуя денежных поступлений на приобретение других товаров. Маркс так и не разобрался, однако, до конца в вопросе о том, какие обстоятельства могут вызвать дополнительное приобретение товаров или рабочей силы. Кроме того, во втором томе «Капитала» знаменитые схемы воспроизводства, в том что касается расширенного воспроизводства, выявляют со всей очевидностью пропорциональность между различными секторами производства — включая сектор, производящий основные средства производства³², — как гарантию постоянного и неуклонного расширения накопления и производства³³. Это позволило русскому экономисту Туган-Барановскому заключить, что не было бы никаких кризисов или препятствий на пути производственного процесса, если бы соблюдались должные пропорции между различными секторами.

Роза Люксембург в начале столетия была основной противницей оптимистической теории «пропорций». В своей работе «Накопление капитала», написанной в 1913 году, она критиковала Маркса за то, что он уделил недостаточно внимания проблеме «реализации прибавочной стоимости» (посредством продажи продуктов) как отличающейся от проблемы условий, способствующих ее созданию в ходе производственного процесса. Люксембург допускала, что если не потребленная капиталистами часть прибавочной стоимости будет сразу же вложена в новый цикл капиталистического накопления и «расширенного воспроизводства», то не возникнет никакой проблемы реализации или недостаточности спроса. Но она решительно отрицала, что этот процесс может продолжаться неопределенное или по меньшей мере длительное время только лишь под действием капиталистического накопления, взятого как вещь в себе и для себя. Без стимула, порождаемого

³² Конечно же, при условии, что будет вложена часть прибавочной стоимости, превышающая расходы капиталистов на предметы роскоши.

³³ Стоит отметить, однако, что в конце второго тома, рассмотрев, какие пропорции должны соблюдаться между различными секторами или отраслями производства, Маркс приводит пример, когда капиталистам, производящим предметы потребления, нелегко бывает реализовать (на рынке) свою прибавочную стоимость в денежной форме, чтобы потом вложить ее в новые средства производства. Он любопытным образом преодолевает эту сложность, утверждая, что эти капиталисты реализуют свою продукцию, меняя ее на золото, находящееся у производителей данного металла. См.: *M. Dobb. On Economic Theory and Socialism. London, 1955, p. 269.*

растущим спросом и реальными перспективами получения прибыли, стремление вкладывать деньги, как показывает практика, несомненно было бы ослаблено.

Вот почему капиталистическое накопление может продолжаться и капитализм может выжить только при условии существования «внешнего рынка», который бы обеспечивал дополнительный спрос как следствие проникновения капитала в индустриально слаборазвитые и неразвитые в капиталистическом плане страны. Новые перспективы получения прибыли, возникшие в результате капиталовложений в эти страны, поддерживали бы процесс накопления и производства основных благ в старых и более развитых странах капитала. «Мировая торговля, представляющая собой, в конкретно существующих обстоятельствах, обмен между капиталистическими и некапиталистическими формами производства, есть историческое условие существования капитализма»³⁴. Развитый капитализм — для того чтобы продлить свое существование — делает ставку на расширение торговли этого типа; но расширение такой торговли не может продолжаться до бесконечности, и ее стимулирующее воздействие на расширенное воспроизводство должно в конце концов исчерпать себя. Стоит отметить, что теория Розы Люксембург представляет собой промежуточное звено между Марксовой теорией капиталистического накопления и действительностью современного империализма и дает теоретическое объяснение последнего. Таким образом, Люксембург предвосхитила самые современные теории о роли милитаризма и государственных расходов на вооружения как орудий увеличения спроса и капиталовложений.

«Если капитализм живет некапиталистическими формациями, то живет он — выражаясь более точно — их разрушением, и если для капиталистического накопления ему совершенно необходима некапиталистическая среда, то только для того, чтобы за счет ее обескровливания обеспечивать накопление»³⁵. В историческом аспекте процесс накопления капитала — это процесс органического обмена между капиталистическим и некапиталистическим способами производства. Без них накопление капитала невозможно, но вместе с тем накопление состоит в их разложении и ассимиляции... Невозможность накопления означает, с точки зрения капитализма, невозможность дальнейшего увеличения производительных сил и, как следствие этого, объективную историческую неизбежность упадка капитализма»³⁶.

³⁴ R. Luxemburg. L'accumulazione del capitale. Torino, 1960, p. 345—346

³⁵ Роза Люксембург имеет здесь в виду в основном мелкое крестьянское хозяйство. Главы XXVII и XXIX ее работы названы соответственно «Борьба против натурального хозяйства» и «Борьба против крестьянского хозяйства».

³⁶ Luxemburg. L'accumulazione del capitale, cit., p. 406—407.

И она заключает: «Капитализм — это первая экономическая форма... неспособная существовать изолированно, без других экономических форм, служащих для нее средой и условием ее развития. Поэтому, становясь экономической формой в мировом масштабе, капитализм терпит крах, наталкиваясь на заложенную в нем же самым невозможность быть мировой формой производства»³⁷.

Следует напомнить, что в России большевики пошли в диаметрально противоположном направлении. Ленин первым, полемизируя с народниками в своей работе «Развитие капитализма в России»³⁸, утверждал, что само развитие внутреннего рынка путем капиталистической индустриализации в основном обеспечивает расширение торговли, необходимое для развития капитализма. Затем Бухарин — самый выдающийся экономист-большевик — посвятил критике Люксембург отдельную работу.

Ленин в первой главе своей книги (озаглавленной «Теоретические ошибки экономистов-народников») склоняется — хотя и с некоторыми оговорками — к позиции Туган-Барановского по вопросу о пропорциях между различными секторами производства и еще больше к позиции Булгакова, раскритикованной впоследствии Розой Люксембург. По мнению Ленина, «рост капиталистического производства, а, следовательно, и внутреннего рынка, идет не столько на счет предметов потребления, сколько на счет средств производства». Прирост вторых происходит быстрее, чем первых. «...Подразделение общественного производства, которое изготовляет средства производства, должно, следовательно, расти быстрее, чем то, которое изготовляет предметы потребления. Таким образом, рост внутреннего рынка для капитализма до известной степени «независим» от роста личного потребления, совершаясь более на счет производительного потребления». Он признает, что здесь кроется некоторое противоречие, проявляющееся в более быстром росте производства, нежели потребления («Это — настоящее „производство для производства“»), но оно не способно помешать развитию: «это — противоречие не доктрины, а действительной жизни; это — именно такое противоречие, которое соответствует самой природе капитализма и остальным противоречиям этой системы общественного хозяйства». Ленин далее отрицает, будто Маркс «объяснял кризисы недостаточным потреблением»³⁹.

Из современных экономических теорий, известных в европейских и американских академических кругах, ближе всех

³⁷ Ibid., p. 460—461.

³⁸ Впервые работа была опубликована в России в 1899 году, второе издание вышло в 1908 году.

³⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, с. 41, 42, 46, 48.

к концепции Розы Люксембург (и открыто признавая ее влияние) стоит теория Михаила Калецкого⁴⁰. Она была разработана в первой половине 30-х годов, то есть в докейнсианскую эпоху, и заслуживает внимания главным образом в двух аспектах. Во-первых, он поставил прибыль и заработную плату (влияние прибыли на стоимостное содержание зарплаты) в отношении зависимости от степени монополизации, давая, таким образом, объяснение природе и основам прибыли. Во-вторых, совокупную занятость и валовой продукт⁴¹ — а следовательно, и валовую прибыль — он поставил в зависимость от факторов, относящихся к «реализации», то есть от совокупного спроса и, в частности, от потребления капиталистов и вложенной прибыли. В-третьих, он считал, что общая сумма капиталовложений (оставленная обеими сторонами в дискуссии о «реализации» почти без внимания) зависит от нормы ожидаемой прибыли на новые вложения, то есть от отношения между валовой реализованной прибылью и валовой производственной мощностью. В этом случае размеры капиталовложений увеличиваются или уменьшаются до известной степени самопроизвольно. Бум капиталовложений, вызванный повышением спроса и, следовательно, реализацией прибыли, способствует дальнейшему увеличению капиталовложений до тех пор, пока вновь созданная в результате новых вложений производственная мощность не повлияет на норму получаемой прибыли (результат деления валовой реализованной прибыли на валовую производительность) с силой, достаточной для ее понижения. Аналогичным образом после поворотного момента снижение капиталовложений имеет обратный эффект: всякое уменьшение вкладов влечет за собой понижение валового спроса и валовой реализованной прибыли до тех пор, пока сниженная производительность и падение занятости не подействуют с достаточной силой на норму прибыли. Эта логически хорошо построенная теория экономических кризисов и экономического цикла созвучна концепции Розы Люксембург. Стоит отметить, что, в то время как большинство экономистов — от Сисмонди до Гобсона — делали акцент на потреблении и недопотреблении, теория Калецкого прямо ставит проблему капиталовложений и их периодичности и/или их хронической недостаточности в рамках капиталистического способа производства, где главное — получение прибыли.

⁴⁰ Умер в Варшаве в 1970 году. См. о нем в: *G. Feiwel. The Intellectual Capital of Michal Kalecki*. Knoxville (Tennessee), 1975.

⁴¹ Все же при системе Калецкого налицо избыток производительных сил, так как (подобно Кейнсу) он отрицает наличие тенденции к полной занятости и полной реализации трудоспособности, существующим лишь в исключительных случаях, когда валовой спрос достигает высокого уровня.

Начиная с Розы Люксембург, как мы могли в этом убедиться, спор о реализации всегда велся в неразрывной связи с проблемой империализма⁴². Но с марксистской интерпретацией современного капитализма обычно ассоциируют два имени — Гильфердинга и Ленина. Первый связал феномен империализма главным образом с концентрацией капитала и монополиями, в частности с растущим господством крупного банковского капитала над промышленным в условиях развитого капитализма (как показывал пример Германии того времени), а следовательно, и с растущим господством финансового капитала (отсюда и название работы Гильфердинга — «Финансовый капитал»). Произведение Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» было написано весной 1916 и опубликовано в России после его возвращения на родину в апреле 1917 года. Оно начинается с признания важности работы Гобсона «Империализм», которая, как пишет Ленин, представляет собой «очень хорошее и обстоятельное описание основных экономических и политических особенностей империализма». О Гильфердинге он отзывается гораздо менее лестно, называя его «бывшим «марксистом», теперь соратником Каутского» и подвергая его — вместе с последним — резкой критике. Ленин утверждает, что в политическом смысле Гильфердинг «сделал по этому вопросу шаг назад по сравнению с *откровенным* пацифистом и реформистом, англичанином Гобсоном», но признает (хотя и с некоторыми оговорками), что «Финансовый капитал» «представляет из себя в высшей степени ценный теоретический анализ „новейшей фазы в развитии капитализма“».

Работа Ленина по империализму — это не столько теоретический анализ, сколько описательное изложение основных признаков капитализма в новой, достигнутой им в XX веке стадии. Главный из этих признаков — замена конкуренции монополиями: «Смена конкурентной борьбы монополиями представляет собой одно из самых важных, а может быть даже самое важное явление в экономике современного капитализма». «Громадный рост промышленности и замечательно быстрый процесс сосредоточения производства во все более крупных предприятиях являются одной из наиболее характерных особенностей капитализма»⁴³. Широкое развитие картелей началось «с кризиса 1873 г.», хотя в те годы они еще и были «преходящим явлением», в то время как 1860—1870 годы стали «предельной ступенью развития свободной конкуренции»⁴⁴. Ленин утверждает: «Отношения господства и связанного с ним насилия — вот что типично для

⁴² Дж. А. Гобсон в 1902 году объяснял экспорт капитала, расширение колоний и империализм недостаточным потреблением.

⁴³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, с. 307, 309, 310.

⁴⁴ Там же, с. 317.

„новейшей фазы в развитии капитализма”», — и подчеркивает (так же как и Гильфердинг) новые функции банков (то есть банков немецкого типа), «финансового капитала» и «финансовой олигархии». К этому добавляется вывоз капитала в менее развитые заморские «колонии» — явление, в котором, можно сказать, заключается сама суть империализма. Ленин дает ему такой анализ: «Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами». И далее он критикует Каутского, полагающего, что под империализмом надо понимать «не «фазу» или ступень хозяйства, а политику... «предпочитаемую» финансовым капиталом, что империализм нельзя «отождествлять» с „современным капитализмом”»⁴⁵. Следует заметить, что в отличие от Розы Люксембург и Гобсона Ленин в своей теории не связывает расширение колоний с явлением перепроизводства в империалистических странах или же с механизмом «реализации» и даже с так называемым законом Маркса о тенденции нормы прибыли к понижению⁴⁶. Оно, расширение колоний, непосредственно связано с необходимостью для больших монополистических групп расширять свое господство и усиливать свою монополистическую власть на рынках предметов потребления и особенно средств производства. Два различных подхода к проблеме (Ленина и Розы Люксембург) не являются, естественно, несовместимыми; они могут прекрасно сочетаться. Но различие это, однако, не случайно: в дискуссиях по империализму даже и после второй мировой войны всегда имелись две точки зрения. Достаточно вспомнить об огромном внимании, уделявшемся роли государственных расходов на вооружение как антициклическому средству; доказательством тому может служить работа Барана и Суизи «Монополистический капитал» (Нью-Йорк, 1966), где с позиции Розы Люксембург делается попытка дать новое и более точное определение «сверхприбыли». В целом, нам кажется, можно говорить о существовании двух различных марксистских теорий по этим вопросам: в одной из них при анализе кризисов империализма и экономической политики уделяется особое внимание проблеме «реализации» и недостаточного спроса, в другой делается акцент на «пропорциях» между различными секторами производства.

Излишне говорить о том, что основополагающим элемен

⁴⁵ Там же, с. 323, 387, 388.

⁴⁶ См.: J. M. Gillman. *The Falling Rate of Profit*. London, 1957
Автор отрицает, что норма прибыли в Соединенных Штатах с 1919 года уменьшилась, а скорее наоборот, полагает он, возросла.

том учения Маркса о динамике капитализма является тезис о растущем обострении классовой борьбы, которую данной системе все труднее сдерживать. Пролетариат не только растет численно, но и набирает силы и еще больше спланивается, развивает свою сеть профсоюзных организаций и ведет тяжелую, упорную борьбу за перераспределение прибыли, идущей на доходы и заработную плату. В экономической борьбе растет его политическая классовая сознательность, так что в конце концов пролетариат восстает, завладевает средствами производства и изменяет данную систему. Русская революция 1917 года с ее ярко выраженным классовым характером⁴⁷ была воспринята в основном как еще одно историческое доказательство правоты его предвидения. Но было немало и таких (особенно среди лидеров социал-демократических партий того времени), кто утверждал, что это событие, далекое от предвидений Маркса, напротив, представляет собой их опровержение, так как революция произошла в слабо развитой капиталистической стране, где господствовало крестьянское население, в то время как высокоразвитые капиталистические страны Западной Европы совершенно не вняли призывам к мировой революции. Ленин и большевики отвечали этим критикам, что в условиях кризиса, вызванного мировой войной, разрыва следует ожидать прежде всего в стране с относительно слабой промышленной структурой, лишь частично развитой, даже если наличие промышленного пролетариата и определенной степени индустриализации есть необходимое условие для революции. Советская революция произошла в России потому, что Россия в то время была «слабым звеном» в цепи мирового империализма. Говоря об этом же другими словами (может быть, более свойственными современной эпохе), можно отметить, что решение этой проблемы зависит от относительного веса, который придается — при оценке исторических ситуаций — так называемым объективным (в основном механистического характера) и субъективным (неэкономическим, в узком смысле этого слова, то есть политическим и идеологическим) факторам.

5. Проблема стоимости и социальный диагноз

Какое суждение можно вынести о Марксовой критике политической экономии по прошествии века? Что касается теоретического аспекта взглядов в этой области, то следует подчеркнуть растущий интерес к учению Маркса, особенно

⁴⁷ Достаточно вспомнить о решающей роли, которую сыграли Советы рабочих, и — в период гражданской войны — о четком классовом разграничении среди тех, кто стоял по разные стороны баррикады.

ярко проявившийся в 60-е и 70-е годы нашего столетия в академических кругах не только Англии (на второй родине Маркса) и в Европе вообще, но и в Америке; неизменный интерес оно вызывает у студентов и молодых преподавателей. Это оживление интереса к марксистской теории явилось в основном результатом жарких споров, вызванных выходом в свет в 1960 году книги Пьеро Зраффа «Производство товаров посредством товаров» (имеющей подзаголовок «Дополнение к критике экономической теории») и критикой «буржуазной» доктрины, в ней усмотренной. Какая из сторон одержала в этом споре формальную победу — вопрос, по которому мнения экономистов резко разошлись. Во всяком случае, я уверен, что большинство марксистов должно признать положительную роль этого спора в той мере, в какой он послужил пониманию важности особой точки зрения Маркса независимо от того, защищают они ее или нет⁴⁸.

Возникает вопрос, почему теория стоимости занимает в учении Маркса такое важное место. На это можно ответить: во-первых, Маркс — как Смит и Рикардо до него — считал подобную теорию ключом к пониманию «автоматического» действия (а следовательно, и «объективных законов») системы, основанной на рынке. Больше того, она явилась абстрактным отражением связанных с ней законов-тенденций. Во-вторых, как уже было сказано, трудовая теория стоимости подготовила почву для Марксовой теории прибавочной стоимости, поскольку отношения между товарами, выраженными через труд (в отличие от товаров, выраженных через цену), не изменяются при различной величине нормы эксплуатации. Возможно, была и третья причина: для того чтобы придать значимость понятию «эксплуатация», необходимо исходить из постулата, что труд есть единственный активный фактор (или «социальная издержка»?) производства⁴⁹. Выразив в этой форме теорию прибавочной стоимости (пусть даже приблизительно), можно принять данный постулат; совершенно очевидно, что в иной форме это не представлялось бы возможным. Это очень важно для понимания качественного аспекта проблемы стоимости.

Что касается социального диагноза и предвидений, то учение Маркса явилось в то время событием исключительной важности; поэтому не удивительно, что после начального периода непризнания оно вызвало огромный интерес.

⁴⁸ Имеется расхождение во мнениях относительно действительных целей этой дискуссии: хотели ли ее участники защитить концепцию Маркса или же скорее точку зрения классических экономистов вообще?

⁴⁹ И, кстати сказать, единственный необходимый фактор для производства ценностей, то есть меновых стоимостей; в производстве меновых стоимостей природа и машина («накопленный труд») также играют важную роль.

Классическая политическая экономия рассматривала систему частного предпринимательства и свободной конкуренции как идеальное и даже как конечное состояние экономического развития. Существование землевладельцев представляло собой единственную аномалию, не вписывавшуюся в то, что Бастиа называл «экономической гармонией». Но в то время как Кенэ считал земельную ренту излишком или «чистым продуктом», Бастиа был далек от ее негативной оценки и воспринимал ее как неотъемлемую часть установленного природой порядка; только Рикардо вскрыл «антагонизм» между рентой и прибылью, увидев в последней источник капиталистического накопления. Теории, определяющей всякий доход от собственности как форму «эксплуатации» и, следовательно, несущей в себе социальные противоречия, до того времени не существовало (единственным исключением можно считать так называемых «рикардианских социалистов»). Однако они связывали эксплуатацию не с внутренним механизмом конкуренции, а с некоторыми ее скрытыми недостатками, такими, как «неравный обмен» Годскина. Многие современные экономисты полагают, что заниматься подобными проблемами — значит вводить «социологические» понятия, не входящие в компетенцию экономической теории. Другими словами, раздвигаются границы того, что традиционно являлось предметом исследования политической экономии, то есть границы, установленные ортодоксальной теорией цен. Но с таким же основанием можно сказать, что границы последней, понимаемой как математический анализ рыночных цен, слишком тесны — теснее, чем границы, определенные классиками, препятствующие, таким образом, более глубокому анализу рынка — в глубь того, что Маркс называл «кажущимся» (в противовес «сути»), — и не позволяющие высказаться о том, что действительно важно и имеет решающее значение. Как бы то ни было, именно значимость, приданная прибавочной стоимости и ее влиянию на общество, цементирует всю Марксову теорию капиталистического производства и **выявляет** свойственные только ей одной притягательные черты.

Иштван Месарош

МАРКС-«ФИЛОСОФ»

Знаменитое высказывание Маркса о философии: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его»¹, — часто понимают односторонне: как полный отказ от философии и призыв преодолеть ее, заменив «научным социализмом». Единственное, чего подобные объяснения не принимают в расчет, — то, что Маркс представляет себе это преодоление (*Aufhebung*) не как буквальный, простой, теоретический переход от философии к науке, а как сложную практическую программу, для осуществления которой необходимо диалектическое единство между «оружием критики» и «критикой оружием»²; это означает, что философия остается составной частью борьбы за освобождение. Как пишет Маркс, «*вы не можете упразднить философию, не осуществив ее в действительности*»³, а это может произойти не в сфере чистой науки, а лишь в практической действительности, или общественной практике, которая, естественно, включает в себя и вклад науки. Кроме того, фраза, с которой мы начали, не может быть отделена от утверждения Маркса о необходимости взаимосвязи между этим «осуществлением философии» и пролетариатом. Ибо «подобно тому как философия находит в пролетариате свое *материальное* оружие, так и пролетариат находит в философии свое *духовное* оружие... Философия не может быть воплощена в действительность без упразднения пролетариата, пролетариат не может упразднить себя, не воплотив философию в действительность»⁴. По мнению Маркса, оба положения этой диалектической взаимосвязи либо одновременно сохраняются в силе, либо одновременно теряют свое действие.

Однако стоит ли принимать всерьез подобные утверждения или же считать их просто ярким проявлением юношеского темперамента и риторикой? Можем ли мы придавать какое-либо значение — и какое конкретно в данном случае? — идее осуществления философии без того, чтобы

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, с. 4.

² Там же, т. 1, с. 422.

³ Там же, с. 420.

⁴ Там же, с. 428—429.

пролетариат упразднил самого себя? И коль скоро мы не можем не учитывать того, что пролетариат до сих пор не выполнил исторической задачи упразднения самого себя, нам стоит, может быть, отказаться от решения трудной проблемы под предлогом, что программа Маркса воплотилась в «теоретической практике» путем замены философии *идеей* «научного социализма», «наукой истории» и т. д.? Какова в таком случае роль (при условии, что она сохраняется) философии в формировании социалистического сознания и в осуществлении практических задач, стоящих перед нами, если критические взгляды Маркса на философию прошлого и на отношения философии и общественной жизни последовательно применять при оценке тенденций развития после Маркса? Эти вопросы очень важны при нашем понимании значения Маркса для философии, равно как и при понимании значения философии для той социальной практики, за которую боролся сам Маркс.

1. Осуществление философии

Следуя пожеланию отца, Маркс (как и Лукач 70 лет спустя) вначале посвятил себя изучению права. Однако вскоре он «почувствовал желание испытать свои силы в философии», отдавая себе отчет в том, что, поскольку между философией и областью знаний, им избранной, существует глубокая связь, ему «без философии... не пробиться вперед». В 1837 году он писал отцу из Берлина не без самоуверенности: «Все крепче становились узы, связавшие меня самого с современной мировой философией, влияния которой я думал избежать»⁵. Для Маркса изучение философии — это не просто упорное стремление быть до мельчайших подробностей в курсе литературы в этой области. Самое чтение скучных юридических текстов было таким же неординарным, как и чтение с конспектированием в последние годы. Маркс не искал какой-либо умозрительной априорной альтернативы отдельным деталям юридических знаний; напротив, он искал связующую нить, подходящее теоретическое обоснование, которое объединяло бы их. Он понимал, что единственный способ добиться действительного понимания любого предмета исследования — это постижение его во всей сложности его динамических связей, и он настоятельно подчеркивал принцип: «нужно внимательно всматриваться в самый объект в его развитии»⁶. Отказ от некритического принятия существующего как чистой данности и требование поставить част-

⁵ Там же, т. 40, с. 10, 13, 16.

⁶ Там же, с. 10.

ные аспекты в зависимости от их многочисленных диалектических связей в сложном процессе должны были привести Маркса к строгому определению рамок изучаемого им предмета. Таким образом, переход от изучения эмпирических аспектов права («административная наука»⁷, как он ее называл) к юриспруденции, а от нее к философии вообще был для него естественным и совпал с углублением его понимания стоявших перед ней проблем.

Конечно, подобный процесс пережил не один Маркс. Тем не менее совершенно очевидно, что глубина и широта философских заключений, сделанных Марксом в результате критического изучения конкретного материала (будь то изучение судебных дел или судопроизводства, уголовного права или права владения собственностью), свидетельствовали о быстром развитии его огромного таланта и колоссальной тяге к знаниям в сочетании с невероятной способностью к обобщениям и ощущением тех скрытых сложностей, которыми чревата любая изучаемая тема. Поразительное единство цели и сознательное стремление слить воедино жизнь и труд, часть и целое ощущается уже с самых первых его шагов, свидетельствами о которых мы располагаем. Подтверждением тому — знаменитое письмо отцу: «Да будет мне позволено обозреть мои дела так, как я рассматриваю жизнь вообще, а именно как выражение духовного деяния, проявляющего себя всесторонне — в науке, искусстве, частной жизни»⁸. Поэтому не вызывает удивления, что прометеевское решение Маркса слить воедино жизнь и труд, его способность отдаваться проблемам философии столь бурно, что он не ограничивался их изучением, а просто жил ими, заставило Мозеса Гесса (он был на шесть лет старше Маркса) написать о нем с бесконечным восхищением и энтузиазмом: «Будь готов познакомиться с величайшим, быть может, *единственным* из ныне живущих настоящим *философом*; вскоре — как бы он ни предстал перед публикой, в печати или с кафедры, это не имеет значения, — на него обратит взоры вся Германия... Д-р Маркс, таково имя моего кумира, еще совсем молодой человек (едва ли ему больше 24 лет); он нанесет последний удар средневековой религии и политике, в нем сочетаются глубочайшая философская серьезность с тончайшим остроумием. Представь себе Руссо, Вольтера, Гольбаха, Лессинга, Гейне и Гегеля в одном лице (я говорю в одном лице, а не взятых вместе, как попало), и ты получишь д-ра Маркса»⁹. Все сказанное верно: глубину интуи-

⁷ Там же, с. 17.

⁸ Там же, с. 9.

⁹ Письмо Мозеса Гесса Бертольду Ауэрбаху, Кёльн, 2 сентября 1841 года (см.: Colloqui con Marx e Engels. Testimonianze sulla vita di Marx e Engels raccolte da H. M. Enzensberger. Torino, 1977, p. 5).

ции Маркса нельзя приравнивать к общей для всех норме. И все же, как правило, необходим некий общий метод решения проблем. Это связано с тем, что внутренняя логика каждой отдельной области знаний выходит за пределы своей сферы и требует помещения ее в более широкий контекст, пока не наступит момент, когда соответствующим образом определится вся гамма диалектических связей с единым целым. А философия в конечном счете и есть совокупная основа таких связей, без которой анализ отдельных областей знания останется фрагментарным и непоправимо односторонним.

Было бы неразумно утверждать, что последующая критика Марксом спекулятивного идеализма радикально изменила его позицию в вопросе о значении философии как таковой. Говорить о юношеском этапе философии Маркса, противопоставляя этот этап более позднему периоду изучения Марксом «науки» и политической экономии, было бы глубоко ошибочным, ибо за этим стоит крайнее невежество или искажение самых элементарных фактов¹⁰. Мишенью критики Маркса с самого начала был отрыв и противопоставление философии реальному миру, а также бессилие, которое было неизбежным следствием подобного идеалистического разделения. Именно поэтому уже в 1837 году Маркс писал: «От идеализма, — который я, к слову сказать, сравнивал с кантовским и фихтевским идеализмом, питаю его из этого источника, — я перешел к тому, чтобы искать идею в самой действительности»¹¹. Он сознавал, что вызывавшее сомнение развитие философии, как отчужденной всеобщности, было выражением объективного противоречия, и стремился найти выход из этого противоречия. Таким образом, когда он пришел к заключению (критически отвергнув немощные, чисто философские *объяснения*), что проблема возникла не внутри самой философии, а из совокупности отношений между ней и реальным миром и что решение, следовательно, заключается в *изменении* этого мира, он не выступил ни за капитуляцию перед фрагментарностью и разобщенностью, ни за отход от философских поисков всеобщности. Напротив, он подчеркивал, что степень освобождения определяется тем, насколько общественная практика получает универсальное распространение; эту задачу он называл также «осуществлением философии».

Естественно, Маркс отрицал законность существования самодовлеющей философии, которая из себя самой извлека-

¹⁰ См. по этому вопросу восьмую главу моей книги: *Marx's Theory of Alienation*. London, 1970 (ed. it., *La teoria dell' alienazione in Marx*. Editori Riuniti. Roma, 1976).

¹¹ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 40, с. 14.

ет собственную ориентацию¹², равно как и высмеивал идею раздельного существования политики, права, религии, искусства и т. д., поскольку все эти области (идеологические отражения) понимались им в связи с объективным развитием производительных сил и производственных отношений как составная часть всей совокупности общественной практики. Он в равной степени отвергал идею о том, что философия имеет собственную привилегированную сферу действия и обособленного существования¹³, которая противостоит реальной жизни. Он подчеркивал роль *разделения* труда¹⁴ в создании иллюзий, которые философия питает на собственный счет. Однако он спешил добавить, что то, из-за чего философия вступает в противоречие с существующими отношениями, «может происходить лишь благодаря тому, что существующие общественные отношения вступили в противоречие с существующей производительной силой»¹⁵. Таким образом, проблема была определена как глубокое противоречие внутри самого общественного разделения труда, которое отнимало у философии вместе с другими идеологическими формами ее всеобщность. Это означало в действительности, что исключалось не требование всеобщности как таковой, а лишь спекулятивный и воображаемый характер последней. Вот почему Маркс настаивал на соединении философии с реальной жизнью, понимая *необходимость философии* как необходимость ее осуществления на службе освобождения. Определяемая таким образом философия продолжала на-

¹² «Так как у этих младогегельянцев представления, мысли, понятия, вообще продукты сознания, превращенного ими в нечто самостоятельное, считаются настоящими оковами людей — совершенно так же, как у старогегельянцев они объявляются истинными скрепами человеческого общества, — то становится понятным, что младогегельянцам только против этих иллюзий сознания и надлежит вести борьбу»; «мораль, религия, метафизика и прочие виды идеологии и соответствующие им формы сознания утрачивают видимость самостоятельности. У них нет истории, у них нет развития; люди, развивающие свое материальное производство и свое материальное общение, изменяют вместе с этой своей действительностью также свое мышление и продукты своего мышления»; «если же наши теоретики когда-нибудь и берутся за действительно исторические темы, как, например, за историю XVIII века, то они дают лишь историю представлений, оторванную от фактов и практических процессов, лежащих в основе этих представлений...» (там же, т. 3, с. 18, 25, 40).

¹³ «Изображение действительности лишает самостоятельную философию ее жизненной среды» (там же, с. 26).

¹⁴ «Разделение труда становится действительным разделением лишь с того момента, когда появляется разделение материального и духовного труда. С этого момента сознание *может* действительно вообразить себе, что оно нечто иное, чем осознание существующей практики, что оно *может действительно* представлять себе что-нибудь, не представляя себе чего-нибудь действительного, — с этого момента сознание в состоянии эманиципироваться от мира и перейти к образованию «чистой» теории, теологии, философии, морали и т. д.» (там же, с. 30).

¹⁵ Там же.

правлять плодотворную деятельность Маркса до последних дней его жизни.

Идея всеобщности возникла в философии как абстрактный принцип еще до Маркса. Другой термин, относящийся к той же проблематике, — «целостность» — выдвигался аналогичным образом как философская и методологическая спекулятивная концепция. Маркс вскрыл истинное значение этих категорий, выявив основу их реального существования и трактуя их как наиболее общие *Daseinsformen* («формы существования») ¹⁶, которые нашли отражение в философии, будучи «поставленными на голову, словно в *камере-обскуре*», и таким образом стало возможно из «идей» вывести реальную сущность. Маркс дал описание реальных основ всеобщности и ее исторического результата, «всеобщей истории», следующим образом: 1) «огромный рост производительной силы»; 2) «эмпирическое осуществление *всемирно-исторического*, а не узко местного, бытия людей»; 3) «всеобщая конкуренция» и развитие универсальной взаимозависимости («*универсальное* общение людей», когда «каждый из... народов» становится зависимым от переворотов у других народов); 4) развитие «универсального» класса — пролетариата, который «может существовать... только во *всемирно-историческом смысле*, подобно тому как коммунизм — его деяние — вообще возможен лишь как «*всемирно-историческое* существование». А «*всемирно-историческое* существование индивидов означает такое их существование, которое непосредственно связано со всемирной историей» ¹⁷. Следовательно, проблема всеобщности, воспринимавшаяся в философии в иллюзорной форме, была не простым лишь уклоном спекулятивной философии, а реальной проблемой, которая решительным образом касалась каждого отдельного индивида, теперь *прямо* связанного со всемирной историей в ее реальном

¹⁶ Хотя это выражение употребляется лишь во «Введении» Маркса к «Экономическим рукописям 1857—1859 годов» (первоначальному варианту «Капитала»), но сама идея восходит к началу 1858 года (см.: там же, т. 46, ч. I, с. 17—48).

¹⁷ Эти цитаты взяты из «Немецкой идеологии» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, с. 33, 34, 35). Вот одна из пометок Маркса на полях «Немецкой идеологии»: «(Всеобщность соответствует: 1) классу *contra* [против] сословие, 2) конкуренции, мировым сношениям и т. д., 3) большой численности господствующего класса, 4) иллюзии *общих* интересов. Вначале эта иллюзия правдива. 5) Самообману идеологов и разделению труда» (там же, с. 47). Как видно из сказанного, Маркс говорит об очень важных объективных факторах, и не следует термины «иллюзия» и «самообман» понимать в волюнтаристско-субъективистском смысле. Действительно, Маркс сам уточняет, что «общий интерес» изначально истинен (он становится иллюзией в ходе развития капиталистических противоречий); связывая «самообман идеологов» с разделением труда, он вновь подтверждает свою убежденность в необходимости практического, объективного преодоления этих проявлений сознания.

развитии. Вот почему речь об «осуществлении философии» в процессе истинного исторического развития через посредство реальных общественных индивидов и их коллективных выступлений не была «юношеской риторикой».

Маркс поднял вопрос о всеобщности и ее осуществлении также и в другой жизненной сфере — сфере *присвоения*. Снова вместо простых трансформаций и концептуальных решений он предлагает нам реальную, существующую объективную диалектику. И снова в противоположность спекулятивной философской демонстрации грандиозного развития идеи нарисованная им картина отражает жестокую реальность и потенциальное высвобождение реального исторического развития. Он пишет: «...дело дошло... до того, что индивиды должны присвоить себе существующую совокупность производительных сил не только для того, чтобы добиться самодеятельности, но и вообще для того, чтобы обеспечить свое существование. Это присвоение прежде всего обусловлено тем объектом, который должен быть присвоен, производительными силами, которые развились в определенную совокупность и существуют только в рамках универсального общения. Уже в силу этого присвоение должно носить универсальный характер, соответствующий производительным силам и общению. Само присвоение этих сил представляет собой не что иное, как развитие индивидуальных способностей, соответствующих материальным орудиям производства. Уже по одному этому присвоение определенной совокупности орудий производства равносильно развитию определенной совокупности способностей у самих индивидов. Далее, это присвоение обусловлено присваивающими индивидами. Только современные пролетарии, совершенно оторванные от самодеятельности, в состоянии добиться своей полной, уже не ограниченной самодеятельности, которая заключается в присвоении совокупности производительных сил и в вытекающем отсюда развитии совокупности способностей. Все прежние революционные присвоения были ограниченными; индивиды, самодеятельность которых была скована ограниченным орудием производства и ограниченным общением, присваивали себе это ограниченное орудие производства и приходили в силу этого только к новой ограниченности. Их орудие производства становилось их собственностью, но сами они оставались подчиненными разделению труда и своему собственному орудию производства. При всех прошлых присвоениях масса индивидов оставалась подчиненной какому-нибудь единственному орудю производства; при пролетарском присвоении масса орудий производства должна быть подчинена каждому индивиду, а собственность — всем индивидам. Современное универсальное общение не может быть подчинено индивиду никаким иным путем,

как только тем, что оно будет подчинено всем им вместе»¹⁸.

Таким образом, Маркс показал, что философские концепции всеобщности и целостности тесно переплетаются и зависят от возможности полного присвоения, которое они предвосхитили в абстрактной форме, спекулятивно преодолевая недостатки (частичный и конфликтный характер) их эмпирического существования. Маркс отвергал это абстрактное отрицание и четко определял объективные условия, силы и тенденции общественного развития, которые он сам называл присвоением, как производство совокупности способностей индивидов в сочетании с развитием совокупности производительных сил и орудий производства в рамках всемирного взаимобмена. В том же плане позднее, в «Экономических рукописях 1857—1859 годов», он сформулировал проект «свободного развития индивидуальностей»¹⁹, а в «Капитале» предсказал людям «условия, наиболее достойные их человеческой природы и адекватные ей»; по ту сторону «царства необходимости» «начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы»²⁰. Всеобщность такого присвоения квалифицировалась Марксом не только как высшая степень совокупного объединения производительных сил и соответствующего всестороннего развития способностей индивидов в рамках всемирного взаимобмена, но и как радикально новая форма организации собственности, а именно: как отстранение от нее индивидов (поскольку они не отделены от собственности на средства производства) и установление эффективного контроля за этими средствами со стороны всей совокупности объединенных производителей.

Маркс с осторожностью оперирует выражениями об обусловленном «всестороннем развитии способностей» и о том, что масса орудий производства должна быть подчинена каждому индивиду, а собственность — всем индивидам. Таким образом, он не только подчеркивал необходимую зависимость между всесторонним развитием индивидов и сознательным контролем ими над собственностью и производством, но и выделял тот факт, что в реальной жизни до такого развития дело не доходит; философия обречена продолжать свое обособленное существование, вместо того чтобы вписаться в повседневную жизнь и в ней «осуществиться». В действительности изолированность философии является лишь выражением внутреннего противоречия общественной практики, которой пока еще не удалось осуществить на деле свои потенциальные возможности развития совокупности

¹⁸ Там же, т. 3, с. 67—68.

¹⁹ Там же, т. 46, ч. II, с. 214.

²⁰ Там же, т. 25, ч. II, с. 387.

способностей индивидов через присвоение всей суммы производительных сил под их совместным контролем. Это негативный аспект проблемы. Позитивный аспект заключается в том, что философия в данных условиях не является просто необходимым отражением этой несостоятельности, от которой в свою очередь нельзя отмахнуться псевдонаучным словесным жонглированием типа «теоретической практики» или высокомерным отказом от марксистской теории фетишизма как проявления гегельянства и порождения «немецкого культурного романтизма», а является одновременно жизненным стимулом позитивной потенциальной возможности преодоления этой несостоятельности. Если в современных условиях продолжает превалировать разобщенность, все более отдаляя всеобщность от реальности, то в этом философия неповинна. Вопрос состоит в том, должны ли мы склониться перед победившей разобщенностью, приняв ее в качестве постоянного условия существования (как это пытаются делать критики Маркса), или отвергать ее всеми возможными средствами, включая и то, когда философское «оружие критики» может и должно содействовать успеху практического отрицания. Не вызывает сомнения позиция, которую занимал Маркс по этому вопросу, призывая к «развитию свободных индивидов» и к «истинному царству свободы», «достойному человеческой природы». Напротив, спекулятивное, словесное упразднение философии при помощи «теории», «теоретической практики», так называемой «стройной научной концепции экспериментального суждения» и тому подобного может привести лишь к консервативному отрицанию единства теории и практики и к скептическому отказу от трудов Маркса как от несбыточных утопий.

2. Положительная наука

Разработка Марксом философского учения, которое произвело коренной перелом в истории философии, шла чрезвычайно быстро. Нечего и говорить, что Маркс не просто освободился от великого наследия прошлого; напротив, в течение всей своей почти пятидесятилетней интеллектуальной деятельности он продолжал широко ссылаться на классиков философии от Аристотеля до Спинозы, от Вико до Гегеля, давая им положительную оценку. Однако даже те идеи философов прошлого, которые он полностью разделял, Маркс включил в монументальную концепцию исключительной оригинальности как элементы, «превзойденные и одновременно сохраняемые». Маркс разработал эту концепцию в основных чертах еще в юности, когда ему было немногим более двадцати лет, затем он продолжал разрабатывать и развивать

эту новую концепцию мира в своих самых главных грудах обобщающего характера.

В 1886 году Энгельс писал о Марксе: «Маркс стоял выше, видел дальше, обозревал больше и скорее всех нас»²¹. Что бы мы ни думали о вкладе самого Энгельса в разработку марксизма, нельзя сомневаться в основополагающем значении этого его утверждения. То, о чем Мозес Гесс предупреждал и с энтузиазмом описывал в упомянутом нами письме и что Энгельс с неменьшим энтузиазмом обобщил в трех словах («Маркс был гений»²²), было ясно с самого начала. Письмо Маркса отцу, написанное, когда ему не было и девятнадцати лет, свидетельствует о его беспредельной страсти к синтезу в сочетании со способностью не только работать с материалом, который он анализировал, но и глубоко критически относиться к своей работе. Он неуклонно шел от общих оценок к более конкретным, отнюдь не упиваясь собственными достижениями, трезво признавая, однако, относительные заслуги собственной деятельности. Говоря о своей первой попытке кратко изложить философию права, он писал: «Трихотомические деления проходят через всю систему; она изложена с утомительной растянутостью, а римские понятия были искалечены самым варварским образом для того только, чтобы можно было втиснуть их в мою систему. Но, с другой стороны, я полюбил предмет и приобрел способность обозревать его в целом...» Следующий фрагмент говорит о том, что он был неспособен продвигаться вперед, не обобщая:

«...Я написал новую метафизическую систему принципов, в конце которой опять-таки вынужден был убедиться в непригодности как этой системы, так и всех моих прежних попыток». Глубокая неудовлетворенность таким подходом заставила его искать решение проблемы в совсем ином направлении: «...Я перешел к тому, чтобы искать идею в самой действительности. Если прежде боги жили над землей, то теперь они стали центром ее.

Я уже раньше читал отрывки гегелевской философии, и мне не нравилась ее причудливая дикая мелодия. Я захотел еще раз погрузиться в море, но с определенным намерением — убедиться, что духовная природа столь же необходима, конкретна и имеет такие же строгие формы, как и телесная; я не хотел больше заниматься фехтовальным искусством, а хотел испытать чистоту жемчуга при свете солнца». Но прежде чем этот этап можно было считать завершенным, одностороннее отрицание Гегеля, основанное лишь на отрывочном знакомстве с его трудами, уступило место более спо-

²¹ Там же, т. 21, с. 301.

²² Там же.

койной его оценке (хотя как всегда критической), в результате чего им снова овладело страстное желание к позитивному обобщению: «Во время болезни я ознакомился с Гегелем, от начала до конца, а также с работами большинства его учеников... Здесь обнаружилось в спорах различные, противоположные друг другу взгляды, и все крепче становились узы, связавшие меня самого с современной мировой философией, влияния которой я думал избежать; но все звуки утихли, меня охватило настоящее неистовство иронии, что легко могло случиться после того, как столь многое подверглось отрицанию»²³.

Безусловно, подобные и некоторые другие замечания, содержащиеся в том же письме, не были еще последовательной концепцией мира. Тем не менее они важны как свидетельство интенсивного поиска новых рамок для обобщений, чтобы иметь возможность постепенно охватить более широкий и глубокий круг знаний. В тот момент, когда перед Марксом появился на горизонте принцип «поиска идеи в самой действительности», возникло то напряжение, которое не могло получить разрешения в рамках философии как таковой. Вслед за этим предчувствием с настойчивой необходимостью заявили о себе два следующих момента (получившие, правда, законченную форму лишь несколько лет спустя): первый состоял в том, что неразрешимость философской проблематики прошлого объяснялась попытками философов найти решения в самой философии, то есть в границах самой абстрактной по форме теории — границах, которые она сама себе ставила; второй заключался в том, что конструкция соответствующей теоретической формы должна представлять собой связующее звено между теорией и практикой.

Этот последний принцип превращал все теоретические решения в переходные, неполные и «разнонаправленные» (в противоположность последовательности философии прошлого, которая сводила счеты лишь сама с собой). Словом, он превращал эти решения в *подчиненные* (поскольку диалектически они, естественно, были подчинены) сложной динамике общественной практики в ее саморазвитии. Он предусматривал упразднение в ходе исторического процесса любого философского концептуализма, включая новейший, в той мере, в какой последний зависит от расстановки общественных сил и антагонизма внутри них. Именно этот аспект привел тех толкователей Маркса, которые не могли понять диалектики теории и практики, к тому, что они придали новой концепции мира лишь чисто эвристическое значение, да и то весьма ограниченное. Ниже мы увидим, каким путем Маркс пришел к некоторым своим радикальным выводам; однако

²³ Там же, т. 40, с. 13, 14, 15, 16.

прежде мы должны познакомиться с некоторыми наиболее важными аспектами его новых обобщений, разработанными в сознательной оппозиции к философским системам его предшественников.

В очерке о Фейербахе Энгельс следующим образом резюмировал свою позицию в отношении характера проблем философских систем прошлого: «У всех философов переходящей оказывается как раз «система» и именно потому, что системы возникают из непреходящей потребности человеческого духа: потребности преодолеть все противоречия. Но если бы все противоречия были раз навсегда устранены, то мы пришли бы к так называемой абсолютной истине, — всемирная история была бы закончена и в то же самое время должна была бы продолжаться, хотя ей уже ничего не оставалось бы делать. Таким образом, тут получается новое, неразрешимое противоречие. Требовать от философии разрешения всех противоречий, значит требовать, чтобы один философ сделал такое дело, какое в состоянии выполнить только все человечество в своем поступательном развитии. Раз мы поняли это, — а этим мы больше, чем кому-нибудь, обязаны Гегелю, — то всей философии в старом смысле слова приходит конец. Мы оставляем в покое недостижимую на этом пути и для каждого человека в отдельности «абсолютную истину» и зато устремляемся в погоню за достижимыми для нас относительными истинами по пути положительных наук и обобщения их результатов при помощи диалектического мышления»²⁴.

Важным моментом анализа Энгельса является то, что новая концепция мира, вскрывающая главное противоречие самого метода трактовки старыми системами отношений между абсолютной и относительной истинами, должна быть *открытой системой*, которая на место *философа-одиночки* ставит коллективный субъект последовательно сменяющих друг друга поколений, которые будут продолжать двигать вперед знания в ходе прогрессивного развития человечества. Безусловно, исключительное влияние Маркса на историю человечества в целом нельзя отделить от факта, что он дал в корне новое определение философии как коллективной науки, в которую в зависимости от обстоятельств вносят свой вклад многие поколения в соответствии с их потребностями и возможностями. В этом смысле, учитывая радикальную переориентацию всей структуры знаний как большого коллективного труда, может существовать понятие «марксизм», но не «марксисты»: последние представляют собой социально-политические группы, объединенные приверженностью одному направлению, а для нового мировоззрения характерно то, что его становление требует непрерывных переоценок и обновле-

²⁴ Там же, т. 21, с. 278.

ний, коль скоро условия последующих этапов его развития существенным образом меняются в процессе развития истории и совершенствования знаний.

Не вызывает удивления, что стремление создать коренным образом перестроенную установочную структуру и одновременно разработать специфические социально-исторические проблемы не позволили Марксу завершить *ни один* из его крупнейших трудов, начиная с «Экономическо-философских рукописей 1844 года» и кончая «Экономическими рукописями 1857—1859 годов» и «Капиталом», не говоря уже о бесчисленных прочих проектах, которым он собирался посвятить себя, но не смог. Однако у нас нет причин для огорчений, так как, несмотря на незавершенность трудов, которым Маркс посвятил жизнь, она неотделима от всемирно-исторического значения начатого им дела и от широты взглядов, присущей его системе. Излишне говорить, что и самый большой талант не может избежать исторических и личных ограничительных рамок. Нынешние разговоры о «кризисе марксизма» свидетельствуют скорее о кризисе собственных убеждений некоторых лиц, а не о каких-либо пробелах в мировоззрении Маркса.

С другой стороны, утверждение Энгельса о «конце всякой философии», глубоко повлиявшее на многие оценки более позднего периода, порождает новые проблемы по причинам двоякого рода. Во-первых, даже если философия верно определена как коллективная наука, она продолжает оставаться областью знаний, реализуемой через отдельные достижения отдельных индивидов — как это делал тот же Маркс, — которые стремятся разрешить обнаруженные ими противоречия, насколько им позволяют сделать это их собственные способности, ограниченные не только личным талантом каждого, но и целью, которую можно достичь в каждый данный период развития человеческого рода. Таким образом, нет ничего более гегельянского, чем мысль Энгельса принять «весь род человеческий» за материалистический эквивалент «абсолютного разума» Гегеля, владеющего «абсолютной истиной», несмотря на то что этот абсолютный разум представлен как прямая противоположность гегелевскому. И действительно, движение философии вперед совершается в форме частичных обобщений, которые в каждый данный момент, включая послегегелевский этап развития, несомненно представляют собой некий тип *системы*, без которой сама идея «относительных истин» утратила бы всякий смысл. Альтернативой гегелевской концепции абсолютной истины является не «весь род человеческий» — воображаемый обладатель подобной «абсолютной истины», а устремленный к целостности синтез имеющихся на данный момент достижений знания, которые постепенно осваиваются в ходе коллективного

обобщения отдельных систем. Следовательно, как бы ни была изначально всеобъемлюща Марксова система как в ее исходных моментах, так и в общей направленности, она должна была постоянно приспосабливаться к различным этапам развития самого Маркса — начиная с парижских «Экономическо-философских рукописей 1844 года» и кончая «Капиталом», — с тем чтобы оставаться целостной системой знаний, соответствующей времени.

Второй ряд причин, который делает чрезвычайно спорным анализ Энгельса, тесно связан с первым. В самом деле, лишив философию ее жизненной функции как некой данной системы обобщающего познания (так как эта система не только *систематизирует* знания, но и *является* знанием, предвосхищая и ускоряя собственное развитие все тем же путем, то есть следя за знанием и обобщая его), он позитивистски сводил философию к простому обобщению «результатов» «положительных наук». Кроме того, смещение этой точки зрения на «положительные науки» с гегелевским понятием «положительного знания», приписанное Марксу Коллетти и другими, косвенно было следствием этого анализа, в котором Энгельс утверждал, что Гегель, «хотя и бессознательно, указывает нам путь, ведущий из лабиринта систем к действительному положительному познанию мира»²⁵. Поскольку сознательно Энгельс этого делать не собирался, внутренняя тенденция к искажению, которую мы обнаружили в его анализе, состоит в том, чтобы заключить критерий истины в рамки *теории как таковой* — от чего Маркс сознательно освободился — и, проверив этот критерий на примере «положительных наук», сделать его основой якобы самостоятельной «теоретической практики», более или менее открыто противостоящей марксистскому принципу диалектического единства теории и практики, служащего истинным водоразделом между точкой зрения Маркса и подходом его предшественников. Ирония состоит в том, что, поскольку ни в одном из огромного числа его трудов невозможно отыскать сколько-нибудь убедительного доказательства в пользу утверждения, будто «положительные науки» близки к такой модели²⁶, Маркса обвиняют сегодня в «гегельянстве» (или в

²⁵ Там же, с. 279.

²⁶ Маркс всегда очень настойчиво выступал за необходимость проводить различие между разными типами анализа, соответствующими качественно разным социальным явлениям: для этого применялись и разные методы исследования. В 1859 году он писал: «С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче — от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение» (там же, т. 13, с. 7). Совершенно

колебаниях между эмпирическим сциентизмом и романтическим гегельянством) за то, что он не привел позитивистских доказательств, так необходимых нынешней упрощенной схеме.

В своем становлении Маркс прошел действительно сложный путь. Он открыто отказался разрабатывать философию по образцу естественных наук, которые называл «абстрактно-материальными»²⁷, считая, что в условиях социальной

ясно, что здесь нет и следа «сциентистской упрощенности»: напротив, весьма строго говорится о ее невозможности. Нет также колебаний между «эмпирическим сциентизмом» и «романтическим гегельянством», а видна четкая граница между различными формами общественной практики, которые указывают на необходимость применения методов анализа соответственно «материальным преобразованиям», «идеологическим формам» и их сложной взаимосвязи. Маркс не раз издевался над попытками буржуазной политической экономии свести сложные человеческие отношения к категориям, подчиняющимся так называемым законам природы: «Грубый материализм экономистов, рассматривающих общественные производственные отношения людей и распределения, приобретаемые вещами, когда они подчинены этим отношениям, как *природные свойства* вещей, равнозначен столь же грубому идеализму и даже фетишизму, который приписывает вещам общественные отношения в качестве имманентных им определений и тем самым мистифицирует их» (там же, т. 46, ч. II, с. 198). Маркс писал о неизбежных последствиях социально-экономического развития Англии для Европейского континента и спешил добавить, что на континенте процесс развития «примет... более жестокие или более гуманные формы в зависимости от уровня развития самого рабочего класса» (там же, т. 23, с. 9). Нет нужды говорить, что это развитие нельзя определить «с точностью, свойственной естественным наукам». А так как в развитии сложной социальной целостности вовлекается множество качественно различных факторов, то и анализ материальных изменений экономических условий производства должен всегда дополняться неизбежными вариантами многочисленных *диалектических взаимосвязей*. Для Маркса общественные процессы неотделимы от их *исторической детерминированности*, и, значит, они не могут быть втиснуты в прокрустово ложе неизменных «законов природы», воспринимаемых на примере схематической «естественной науки». В отличие от сциентизма Маркс понимал необходимость, находящую отражение в общественных процессах, как *историческую необходимость* („historische Notwendigkeit“) и определял ее в «Экономических рукописях 1857—1859 годов» как «преходящую необходимость» („eine verschwindende Notwendigkeit“) (там же, т. 46, ч. II, с. 347), благодаря активному вовлечению человека во все эти процессы, которые, следовательно, можно принципиально противопоставить любой форме сциентистского упрощенчества.

²⁷ «Но зато тем более *практически* естествознание посредством промышленности ворвалось в человеческую жизнь, преобразовало ее и подготовило человеческую эмансипацию, хотя непосредственно оно вынуждено было довершить обезчеловечение человеческих отношений. *Промышленность* является действительным историческим отношением природы, а следовательно, и естествознания к человеку. Поэтому если ее рассматривать как *экзотерическое* раскрытие человеческих сущностных сил, то понятна станет и *человеческая* сущность природы, или *природная* сущность человека; в результате этого естествознание утратит свое абстрактно-материальное или, вернее, идеалистическое направление и станет основой *человеческой* науки, подобно тому как оно уже теперь — хотя и в отчужденной форме — стало основой действительно человеческой жизни, а принимать *одну* основу для жизни, другую для *науки* — это значит с самого начала допускать ложь» (там же, т. 42, с. 124).

практики им свойственны те же, что и ей, противоречия, с одной стороны, отделяющие теорию от практики, а с другой — усиливающие раздробленность теоретической и практической деятельности, противопоставляя их друг другу, вместо того чтобы содействовать их единству на общей основе. Его ссылки на «положительную науку» не были ни идеализацией естественной науки, ни уступкой гегельянству, а тем более их невероятным смещением; они были отражением программы, которая прочно соединяла теорию с «действительной жизнью» и «с воплощением в практическую деятельность», которые могли иметь место в естественных науках, построенных на основе общественного разделения труда лишь в абстрактно-материальной и односторонней форме. В противоположность утверждениям спекулятивной философии он писал: «...Мы исходим не из того, что люди говорят, воображают, представляют себе, — мы исходим также не из существующих только на словах, мыслимых, воображаемых, представляемых людей, чтобы от них прийти к подлинным людям; для нас исходной точкой являются действительно деятельные люди, и из их действительного жизненного процесса мы выводим также и развитие идеологических отражений и отзвуков этого жизненного процесса. Даже туманные образования в мозгу людей, и те являются необходимыми продуктами, своего рода испарениями их материального жизненного процесса, который может быть установлен эмпирически и который связан с материальными предпосылками... Этот способ рассмотрения не лишен предпосылок. Он исходит из действительных предпосылок, ни на миг не покидая их. Его предпосылками являются люди, взятые не в какой-то фантастической замкнутости и изолированности, а в своем действительном, наблюдаемом эмпирически, процессе развития, протекающем в определенных условиях. Когда изображается этот деятельный процесс жизни, история перестает быть собранием мертвых фактов, как у эмпириков, которые сами еще абстрактны, или же воображаемой деятельностью воображаемых субъектов, какой она является у идеалистов»²⁸.

И, подчеркивая, Маркс добавлял четкое определение того, как он понимает «положительную науку»: «Там, где прекращается спекулятивное мышление, — перед лицом действительной жизни, — там как раз и начинается действительная положительная наука, изображение практической деятельности, практического процесса развития людей»²⁹. Та же точка зрения изложена подробнее несколькими страницами ниже: «...Это понимание истории заключается в том, чтобы...

²⁸ Там же, т. 3, с. 25.

²⁹ Там же, с. 26.

рассмотреть действительный процесс производства... объяснить... все различные теоретические порождения и формы сознания, религию, философию, мораль и т. д. и т. д., и проследить процесс их возникновения на этой основе, благодаря чему, конечно, можно изобразить весь процесс в целом (а потому также и взаимодействие между его различными сторонами). Это понимание истории, в отличие от идеалистического, не разыскивает в каждой эпохе какую-нибудь категорию, а остается все время на *почве* действительной истории, объясняет не практику из идей, а объясняет идейные образования из материальной практики и в силу этого приводит также к тому результату, что все формы и продукты сознания могут быть уничтожены не духовной критикой... («теоретической практикой». — *И. Месарош*), а лишь практическим ниспровержением реальных общественных отношений, из которых произошел весь этот идеалистический вздор, — что не критика, а революция является движущей силой истории, а также религии, философии и всякой иной теории»³⁰.

Как видно из сказанного, интерес Маркса к «*действительной положительной науке*» свидетельствует о коренной переориентации философии на «*действительно деятельных людей*», на «*действительный процесс развития*», «на материальный жизненный процесс, который может быть установлен эмпирически», процесс, понимаемый диалектически как «*деятельный процесс жизни*», словом, как процесс «*практической деятельности, практического процесса развития людей*». Это вполне отвечало его юношескому стремлению «отыскать идею в самой действительности», но теперь, естественно, это делалось на гораздо более высоком уровне, поскольку более поздняя формулировка предлагала в отношении общественной практики также и *решение*, тогда как предшествующая не выходила за рамки пусть гениальной, но всего лишь догадки о *проблеме* как таковой. Использование одних и тех же образцов в обоих случаях поражало своим сходством. В написанном в юности письме после фразы о поиске идеи в самой действительности Маркс писал: «Если прежде боги жили над землей, то теперь они стали центром ее». А приведенному выше отрывку из «Немецкой идеологии» предшествуют следующие слова: «В прямую противоположность немецкой философии, спускающейся с неба на землю, мы здесь поднимаемся с земли на небо... для нас исходной точкой являются действительно деятельные люди...»³¹ Мы еще раз можем констатировать, что более высокий уровень разработки общих концепций позволяет раскрыть едва ли не загадочную двой-

³⁰ Там же, с. 36, 37.

³¹ Там же, с. 25.

ственность первоначального образа, отражавшую не только проблему (и программу) демистификации религии на базе земной действительности, но и одновременно неспособность юного студента сделать это удовлетворительно. Зато в «Немецкой идеологии» четко показано, что религия и другие фантастические представления являются неизбежным порождением противоречий определенных форм общественной практики, для разрешения которых требуется *практическое низвержение* общественных производственных отношений.

Другой момент, который нам не вполне ясен, — это замена Энгельсом единственного числа у Маркса (термин «положительная наука», употребленный в том значении, о котором говорилось выше) на эмпиристское множественное число — «положительные науки»; при этом предполагается, что новая философия просто «обобщает» результаты этих «положительных» (естественных) наук («их результаты») «с помощью диалектического мышления». Речь не идет о несущественной ошибке; напротив, эта ошибка имеет весьма серьезные и далеко идущие последствия. Вот фрагмент, принадлежащий Марксу и основательно переработанный Энгельсом: «Изображение действительности лишает самостоятельную философию ее жизненной среды»³². На его место с самого начала заступает «сведение воедино наиболее общих результатов, абстрагируемых из рассмотрения исторического развития людей»³³.

Итак, ясно, что «результаты», о которых говорит Маркс, вовсе не связаны с «положительными науками», которыеоставляют философии лишь «обобщать их результаты при помощи диалектического мышления». (Это уже само по себеобескураживает: как можно считать мышление диалектическим, коль скоро оно занимается не производством идей и их результатов, а должно лишь «обобщать» то, что ему предложат? Точно так же трудно представить себе, как можно считать диалектическим целое, если частные результаты не были получены тоже как диалектические, и на них нужно некое воздействие диалектики извне.) Напротив, в позиции Маркса результаты, о которых идет речь, являются продуктом теории, которая их сама обобщает, и получены они посредством исследования действительного исторического развития людей с выделением их наиболее значительных объективных характеристик, выявленных практическим путем. Кроме того, это ис-

³² То есть переориентирует философию как «действительную и положительную науку», связанную с «изображением практической деятельности, практического процесса развития людей» (там же, с. 26).

³³ Там же. Перевести „Betrachtung“ чрезвычайно сложно. Помимо «рассмотрения», это слово означает также «обсуждение», «созерцание», «размышление», «отражение», «наблюдение» и т. д. Когда мы говорим о сведении воедино результатов сложного исторического развития людей, эмпиристское «наблюдение» явно неуместно.

следование не является результатом простого наблюдения. Это диалектический процесс, позволяющий постичь чрезвычайно сложный «действительный жизненный процесс» (резко противостоящий «собранию мертвых фактов, как у эмпириков, которые сами еще абстрактны») в рамках четко определенной теоретической структуры, направляемой практикой; процесс, позволяющий дать оценку огромному множеству факторов, влияющих на практическую деятельность, изучаемую в ходе исторического развития людей в зависимости от определенных «материальных предпосылок», и позволяющий действенно-диалектически воссоздать структуру самой теории, которая охватывает последующий цикл исследования.

Именно это Маркс понимает под «положительной наукой», которая нужна всем, и поэтому нельзя данный термин употреблять во множественном числе, по крайней мере в Марксовом его понимании. Это становится совершенно очевидным, когда Маркс подчеркивает, что в его концепции, которая объясняет все теоретические положения в зависимости от их материальной основы и одновременно с помощью принципа единства теории и практики, — «весь вопрос может быть отражен в целостности», тогда как «положительные науки» не затрагивают важной задачи целостности, поскольку она выходит за рамки каждой из них. Другой важный момент, который подчеркивает Маркс, состоит в том, что диалектический взаимообмен между сложными материальными факторами и всем многообразием теоретических результатов и форм сознания — «взаимодействие, которое эти различные элементы оказывают друг на друга», — можно понять лишь в рамках некоей совокупности. Неважно, будут ли ее называть новой философской формой или (явно полемизируя со спекулятивной формой) «положительной наукой». Ясно одно: не может быть диалектической концепции истории без подобного понятия целостности, которое «положительные науки» не могут ни выхолостить, ни заменить.

К несчастью для тех, кто не считает с исторической очевидностью, единственный случай, когда Маркс говорил положительно о философии как о теоретической практике, относится к тому периоду, когда он был пленником идеалистического направления. В своей докторской диссертации, написанной между началом 1839 и мартом 1841 года, он замечал, что «сама практика философии теоретична. Именно критика определяет меру отдельного существования по его сущности, а меру особой действительности — по ее идее. Однако это непосредственное осуществление философии по своей внутренней сущности полно противоречий, и эта ее сущность формируется в явлении и налагает на него свою печать»³⁴.

³⁴ Там же, т. 40, с. 210.

Но и эта положительная оценка, как мы видели, не лишена оговорок. В самом деле, она сопровождается предупреждением о противоречиях, заключающихся в противопоставлении философии миру, хотя автор диссертации был не в состоянии четко определить природу этих противоречий и еще меньше — предложить соответствующее решение. А раз тогда он размышлял в таких рамках, он мог описывать напряженные положения и противопоставления, о которых шла речь, как безвыходный тупик: «В то время как философия в качестве воли выступает против являющегося мира, система низводится до абстрактной целостности, т. е. она становится одной стороной мира, которой противостоит другая его сторона. Отношение философской системы к миру есть отношение рефлексии. Одушевленная стремлением осуществить себя, она вступает в напряженное отношение к остальному. Внутренняя самоудовлетворенность и замкнутость нарушены. То, что было внутренним светом, превращается в пожирающее пламя, обращенное наружу. Таким образом, в результате получается, что в той мере, в какой мир становится философским, философия становится мирской, что ее осуществление есть вместе с тем ее потеря, что то, против чего она борется вне себя, есть ее собственный внутренний недостаток, что именно в борьбе она сама впадает в те ошибки, против которых она и борется, и что, лишь впадая в эти ошибки, она уничтожает их. То, что выступает против нее и против чего она борется, является всегда тем же, что и она сама, только с обратным знаком»³⁵

Противоречия не могли быть четко сформулированы, потому что считалось, что они вытекают из философии как таковой и вследствие этого способствуют «расколу отдельного философского самосознания» (в отличие от утверждений отдельных философов) и «внешнему разделению и раздвоению философии, как два противоположных философских направления»³⁶ (в отличие от философии в целом). Мысль о том, что проблема могла быть следствием «недостатка *мира*, который надо сделать философским»³⁷, возникла всего лишь на миг; однако в рамках проблематики, определяемой противопоставлением двух философских тенденций, она должна была стать подчиненным «элементом» общей схемы теоретической практики, в конечном счете имеющей собственную ориентацию.

Как бы то ни было, проблема возникла и своей нерешенностью бросала Марксу вызов. За годы, последовавшие непосредственно за защитой докторской диссертации, Маркс понял: 1) что субъективный аспект проблемы не может сво-

³⁵ Там же.

³⁶ Там же, с. 211.

³⁷ Там же.

даться лишь к рассмотрению *индивидуальной* субъективности, как это было в диссертации³⁸, а его следовало включить в диалектическую концепцию действительного исторического развития, являющегося продуктом *коллективного* действующего лица, в отношении которого может быть применено «действительное осуществление», неизбежно ускользающее от «отдельного самосознания»; 2) что это требование осуществления философии, которое проистекало из «неадекватности мира», определяемой конкретно как антагонизм, имманентный определенной форме общественной практики, должно быть связано с программой радикальной перестройки теории в рамках *единства теории и практики* и преодоления укоренившегося *общественного разделения труда*.

Чтобы прийти к этим заключениям, Маркс под давлением неотложных практических проблем предпринял необходимые шаги. Позднее он вспоминал об этом: «В 1842—1843 гг. мне как редактору «*Rheinische Zeitung*» пришлось впервые высказываться о так называемых материальных интересах, и это поставило меня в затруднительное положение»³⁹. Более того, в своей работе «Оправдание мозельского корреспондента» он развил чрезвычайно важное положение: «При исследовании явлений *государственной* жизни... существуют... *отношения*, которые определяют действия как частных лиц, так и отдельных представителей власти и которые столь же независимы от них, как способ дыхания»⁴⁰. Как должны были звучать пустые философские абстракции для человека, пришедшего к подобным убеждениям? Неудивительно поэтому, что он стремился привести теорию в соответствие с объективными требованиями существующих обстоятельств. В письме, написанном в августе 1842 года, он подчеркивал: «Правильная теория должна быть разъяснена и развита применительно к конкретным условиям и на материале существующего положения вещей»⁴¹. В соответствии с этим принципом он предпринял тщательное изучение условий и объективных сил, которые выявляются в действительных конкретных обстоятельствах, с тем чтобы понять динамику их взаимодействия и

³⁸ Определив «непосредственное осуществление философии» как *объективный* аспект проблемы, Маркс обращается к *субъективному* аспекту: «Это — *отношение* осуществляющейся философской системы к ее *духовным носителям*, к отдельным самосознаниям, в которых проявляется ее поступательное движение. Из самого этого отношения, которое в осуществлении философии противостоит миру, следует, что этим отдельным самосознаниям всегда присуще *обуюдоострое* требование: одно острие направлено против мира, другое — против самой философии... Освобождая мир от внефилософского состояния, они в то же время освобождают самих себя от философии, которая в качестве определенной системы держала их в оковах» (там же, с. 210—211).

³⁹ Там же, т. 13, с. 5—6.

⁴⁰ Там же, т. 1, с. 192.

⁴¹ Там же, т. 27, с. 367.

возможности сознательного вмешательства в их развитие. Результаты этого труда были обобщены в работе «К критике гегелевской философии права. Введение», в очерке «К еврейскому вопросу», в работе *in statu nascendi*, известной под названием «Экономическо-философские рукописи 1844 года», и в знаменитых «Тезисах о Фейербахе», связанных с работой над «Немецкой идеологией». В этих произведениях Маркс не ограничивался сведением счетов со спекулятивной философией, а одновременно разрабатывал схему нового типа целостности реального исторического развития с учетом всех его многочисленных факторов, диалектически взаимодействующих между собой, включая самые эзотерические формы и проявления сознания. Увидев в пролетариате то коллективное действующее лицо и материальную силу, с помощью которой можно было переосмыслить «осуществление философии» в совершенно новой форме и на качественно более высоком уровне, Маркс постоянно подчеркивал, что «пролетариат находит в философии свое *духовное оружие*»⁴². Таким образом, соотнося свою философию с конкретной социально-исторической силой и определяя ее назначение как неотъемлемое и необходимое условие успеха борьбы за освобождение, Маркс сумел сформулировать требование «*практического*» ниспровержения действительных общественных отношений как основополагающий принцип и критерий жизнеспособности новой философии, то есть философии, которая возникла в особой исторической обстановке и порождена определенным социальным опытом, философии, которая в соответствии с единством теории и практики вносит существенный вклад в раскрытие и полную реализацию тех возможностей, которые кроются в ее освободительном практическом опыте.

3. Открытия Гегеля

Отношения Маркса с гегелевской философией были весьма оригинальны. С одной стороны, гегельянство представляло для него мировоззрение, диаметрально противоположное его собственному, требовавшему «материальных предпосылок», которые можно проверить в отличие от «самоориентированной» спекулятивной философии. То есть это было мировоззрение, отталкивавшееся от динамического видения «с точки зрения труда»⁴³ в отличие от принятой Гегелем пристрастной,

⁴² Там же, т. 1, с. 428.

⁴³ Это чрезвычайно важно, и причина состоит в том, что *сами явления*, в которых непосредственно участвуют находящиеся в антагонизме классы, выглядят совершенно по-разному, потому что рассматриваются с противоположных точек зрения, а следовательно, и интерпретируются *в корне различно*. Маркс отмечал в «Экономических рукописях 1857—1859 годов»: «Этот процесс опредмечивания (овеществления) на деле вы-

некритической и в конечном счете неисторической «точки зрения политической экономии»⁴⁴. С другой стороны, Маркс не уставал подчеркивать огромное значение открытий Гегеля, сделанных в чрезвычайно важный период исторического развития — после Французской революции, в очень сложный момент столкновения общественных сил, когда возник мир труда как главенствующее движение, чему до тех пор история не знала примеров.

Критическое овладение этой философией отнюдь не завершилось для Маркса в юности. Напротив, упорядочив свои отношения не только с самим Гегелем, но и его последователями «неогегельянами» — в работах «К критике гегелевской философии права. Введение», «Экономическо-философские рукописи 1844 года» и «Немецкая идеология», — Маркс мог теперь использовать в положительном смысле те открытия гегелевской философии, которые считал чрезвычайно важными, ибо теперь для этого дорога была открыта. Вот почему в «Экономических рукописях 1857—1859 годов» и в «Капитале» ссылки на Гегеля не только часто встречаются, но и в основном носят гораздо более положительный характер, чем в его юношеских работах. Мы увидим, насколько значительно это сближение выявилось в период, когда Маркс занимался анализом некоторых наиболее запутанных положений своей концепции капитала и многочисленных внутренних противоречий, возникавших в процессе ее диалектической и исторической разработки⁴⁵. Ленин также это подчеркивал: «Нельзя вполне понять «Капитала» Маркса и особенно его I главы, не проштудировав и не поняв *всей* Логики Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса 1/2 века спустя!!»⁴⁶ К сожалению, после этого прошло еще полвека, а отношения Маркса и Гегеля оцениваются с ничуть не меньшей предвзятостью и предубеждением, чем это было во времена Ленина, когда он написал этот знаменитый афоризм.

ступает как процесс отчуждения труда со стороны рабочего или присвоение чужого труда со стороны капитала...» (*К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 46, ч. II, с. 347). Критическое принятие Марксом точки зрения труда допускало концепцию пролетариата не только для общественной силы, диаметрально противостоящей точке зрения капитала — и тем не менее, остающейся в орбите последнего, — но и как исторической силы, которая *упраздняет себя самое* и не может не преодолеть отчуждения (то есть исторической формы объективации) в процессе реализации собственных целей, совпадающих со «вторичным присвоением». О рассуждениях Маркса о пролетариате как «всемирном классе» в этом плане см. работу Маркса «К критике гегелевской философии права. Введение».

⁴⁴ «Гегель стоит на точке зрения современной политической экономии. Он рассматривает *труд* как *сущность*, как подтверждающую себя сущность человека; он видит только положительную сторону труда, но не отрицательную» (там же, т. 42, с. 159).

⁴⁵ См. по этому вопросу письмо Маркса Энгельсу от 2 апреля 1858 года (там же, т. 29, с. 253—260).

⁴⁶ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 29, с. 162.

Явное искажение значения Гегеля для развития философии и в связи с этим полное непонимание отношения Маркса к этому великому мыслителю отнюдь не случайны. Они свидетельствуют об упорном стремлении задвинуть диалектику в дальний угол, а это на руку всякого рода упрощенчеству. В одном из писем Маркс замечал по этому поводу: «Господа в Германии... полагают, что диалектика Гегеля — «мертвая собака». На совести Фейербаха большой грех в этом отношении»⁴⁷. А в другом письме Маркс саркастически комментировал: «...г-н Ланге удивляется тому, что Энгельс, я и другие принимаем всерьез мертвую собаку — Гегеля, после того как Бюхнер, Ланге, д-р Дюринг, Фехнер и т. д. давно сошлись на том, что они его, беднягу, давно похоронили. Ланге пренаивно говорит, что в эмпирическом материале я «двигаюсь на редкость свободно». Ему и в голову не приходит, что это «свободное движение в материале» есть не что иное, как парафраз определенного *метода* изучения материала — именно *диалектического метода*»⁴⁸. Как видно из сказанного, правильная оценка отношений Маркса с Гегелем — вопрос отнюдь не второстепенный. Она отражает до некоторой степени отношение Маркса к философии вообще и его концепцию диалектики в частности.

Как мы видели, первоначальный полный отказ Маркса от гегелевской философии, которую он обвинял в идеалистической отдаленности от социальной действительности, уступил место гораздо более гибкой оценке. Конечно, он решительно осуждал «это философское разложение и восстановление наличной эмпирии»⁴⁹, которые в зачаточном состоянии он обнаруживал уже в «Феноменологии». Однако не менее решительно Маркс подчеркивал, что Гегель «ухватывает сущность *труда* и понимает предметного человека, истинного, потому что действительного, человека как результат его *собственного труда*»⁵⁰. Чтобы понять значение этого достижения, следует обратиться к тому факту, что сейчас впервые в истории возникла возможность разработать подлинно всеобъемлющую историческую концепцию в противовес отрывочным догадкам мыслителей прошлого. Если сравнить гегелевскую концепцию истории с концепцией Маркса, станет ясно, почему Гегель сам не смог последовательно использовать результаты собственного открытия. Это сравнение объяснит нам также, почему Марксу не было необходимости обращаться с Гегелем как с «мертвой собакой», для того чтобы пойти дальше него. Маркс великодушно признавал, что «гегелевская диалектика является основной формой всякой диа-

⁴⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 32, с. 15.

⁴⁸ Там же, с. 571—572.

⁴⁹ Там же, т. 42, с. 157.

⁵⁰ Там же, с. 159.

лектики»⁵¹ именно потому, что он «освободил ее от ее мистической формы» в тех основных ее положениях, в которых «точка зрения политической экономии» трансформировала главную форму любой диалектики в искусственное построение, так что «мистический флер» уничтожал антагонистические противоречия общества путем их чисто теоретического разрешения.

Первый важный шаг в оценке гегелевской философии, сделанный Марксом, был связан с политикой — главной его заботой в ту пору. Именно политический радикализм отдал Маркса от его друзей-младогегельянцев; уже в марте 1843 года он критиковал и Фейербаха за неверный подход к политике. Причиной критики Маркса было то, что Фейербах «слишком много напирает на природу и слишком мало — на политику. Между тем, это — единственный союз, благодаря которому теперешняя философия может стать истиной»⁵². Маркс считал, что Фейербаху с самого начала был присущ этот недостаток в столь важном вопросе, и именно поэтому он лишь в очень ограниченной мере мог опереться на автора «Сущности христианства». Подчеркивая позднее, что на совести Фейербаха лежит тот факт, что в Германии установилась антидиалектическая атмосфера, Маркс писал и о положительном значении главного труда Фейербаха, сравнивая его с главным трудом Прудона «Что такое собственность?»: «Этой книгой Прудон стал приблизительно в такое же отношение к Сен-Симону и Фурье, в каком стоял Фейербах к Гегелю. По сравнению с Гегелем Фейербах крайне беден. Однако *после* Гегеля он сделал эпоху, так как выдвинул *на первый план* некоторые неприятные христианскому сознанию и важные для успехов критики пункты, которые Гегель оставил в мистическом *clair-obscur* [полумраке]»⁵³. Как свидетельствует критика, эта оценка была сделана не задним числом. Обстоятельное изучение Фейербахом природы в ущерб политике, естественно, не могло реально помочь Марксу в осуществлении задач, которые он перед собой ставил: в разработке диалектической концепции действительно общественного развития вместо гегелевского идеалистического обобщения замысловатых теоретических трансформаций. Он подчеркивал, что «сгусток всей мистики этой философии права и гегелевской философии вообще» содержится в параграфах 261 и 262 этой работы⁵⁴, которая оправдывает состояние политических дел, показывая, что условие «превращается... в обусловленное, определяющее — в определяемое, производящее — в продукт своего продукта»⁵⁵.

⁵¹ Там же, т. 32, с. 448.

⁵² Там же, т. 27, с. 375.

⁵³ Там же, т. 16, с. 24—25.

⁵⁴ Там же, т. 7, с. 226.

⁵⁵ Там же.

Гегель не ограничился «пантеистическим мистицизмом»⁵⁶, предполагающим, что семья и гражданское общество спекулятивно выводятся из идеи государства, искажив тем самым реальные отношения таким образом, что «факт, из которого исходят, берется не как таковой, а как мистический результат»⁵⁷. Само по себе указание на это искажение ничего не решало. Напротив, оно могло лишь способствовать созданию видимости, будто чрезвычайно сложные и противоречивые социальные структуры рационально восстановлены в первоначальном виде при том условии, что они лежат в основе различных идеологических представлений. Разоблачение обмана — подобно выявлению связи между «святым семейством» и земным — должно быть подкреплено, чтобы не превратиться в новую форму обмана, соответствующим анализом социальных противоречий, проявляющихся в тех сложных социальных структурах, которые в свою очередь порождают вводящие в заблуждение представления ложного сознания. Истинным объектом критики всегда является *главная детерминанта* — в данном случае специфическая форма социальных процессов, которые облачают индивидов определенными (более того, «предопределенными») функциями в рамках отнюдь не святой триады — семьи, гражданского общества и государства, — а также хотя и не простое, но вполне правильное утверждение о *непосредственной связи* между семьей и гражданским обществом, с одной стороны, и политическим государством, с другой, — связи, которая могла бы позволить всем трем сосуществовать гораздо теснее, чем это имеет место в критике религии Фейербаха, не затрагивающей даже вопроса о земной семье. Мысль о том, что можно обратиться к той, а не иной из двух сторон, наивно и недialeктически разрушает необходимую связь между ними, создавая иллюзию решенности вопроса в форме обманчивой, однобокой рациональности. Это гораздо слабее идеи Гегеля (вот откуда высказывание «по сравнению с Гегелем Фейербах крайне беден»), который уверенно выделяет диалектические взаимосвязи как комплекс «логически-метафизических определений»⁵⁸, хотя и в спекулятивной форме.

Как избежать «диалектического круговращения»⁵⁹, собственного гегелевскому решению, коль скоро развитие диалектически взаимосвязанных элементов «предопределено природой понятий»⁶⁰? Именно этот момент играет наиболь-

⁵⁶ Там же, с. 224.

⁵⁷ Там же, с. 226.

⁵⁸ Там же, с. 236.

⁵⁹ Слова Сартра; см.: Critique de la raison dialectique. Paris 1960, в частности, введение.

⁶⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, с. 232.

шую роль; что же касается термина «диалектическое круговращение», то он граничит с совсем недиалектической тавтологией⁶¹. Ответом Маркса был разрыв «круга»; он не только сохранил диалектическую структуру объяснения, но и раскрыл реальные рамки его действия. Он показал, что Гегель был вынужден предложить такой тип решения из-за «неразрешенной антиномии»⁶² между внешней необходимостью и имманентной целью в его концепции действительного и идеального государства. Коль скоро «с точки зрения политической экономии» разрешить эту антиномию невозможно, даже если приложить для этого усилия (внеся еще одно противоречие и определив возможные пути рассуждений), «эмпирическая действительность, таким образом, принимается такой, какова она есть; она объявляется также разумной, но разумной не в силу своего собственного разума, а в силу того, что эмпирическому факту в его эмпирическом существовании приписывается значение, лежащее за пределами его самого... Действительность превращается в феномен, однако идея не имеет никакого другого содержания, кроме этого феномена»⁶³. Такова необходимая завуалированность приведенного социального противоречия, которое отделяет Идею от ее содержания, сводя действительность к простому феномену, который, естественно, тяготеет к идеальности как собственной противоположности, а при ее изменении — как сфере собственной рациональности. Таким образом, «субъективная, отличная от самого факта идея»⁶⁴ создается спекулятивным путем и в свою очередь производит тождественный субъект-объект, с помощью которого «это философское разложение и восстановление наличной эмпирии» (со всеми ее действительными противоречиями), на которую мы ссылались, может быть осуществлено.

Как видим, Маркс не остановился на утверждении о том, что структура гегелевской концепции «перевернута с ног на голову»; он пошел дальше, показав ее откровенно идеологическую функцию и выявив противоречие — для Гегеля неразрешимое, — которое лежало в основе определения. Этот анализ был нацелен на самые радикальные *практические* выводы. Подобно тому как годом раньше в работе «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции» Маркс писал, что «*радикальным излечением цензуры* было бы ее *уничтожение*»⁶⁵, он не видел другого решения вопроса о государст-

⁶¹ В самом деле, Маркс часто указывает на подобную тавтологию. См. например, «К критике гегелевской философии права», а также введение к «Экономическим рукописям 1857—1859 годов».

⁶² Там же, т. 1, с. 223.

⁶³ Там же, с. 226.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же, т. 1, с. 27.

ве, кроме как его полное отрицание и устранение со всеми вытекающими из этого последствиями по отношению к семье и гражданскому обществу. Более того, именно в связи с неразрешимыми противоречиями «гражданского общества» (неразрывно связанного с семьей) вывод о радикальном устранении государства звучит категорично в 10-м тезисе о Фейербахе: «Точка зрения старого материализма есть *«гражданское»* общество; точка зрения нового материализма есть *«человеческое»* общество, или обобществившееся человечество»⁶⁶. В нем в немногих словах сконцентрировано одно из самых блестящих открытий Марксовой философии. Действительно, *вся* буржуазная философия считала самоочевидной аксиомой создание человеческого общества как «гражданского общества», основанного на неустранимом противоречии между отдельными его членами, что в свою очередь служило для утверждения — также в виде аксиомы — о неоспоримой необходимости государства, благосклонно управляющего противоречиями, которые возникли еще до него, и вследствие этого являющегося абсолютным, *необходимым предварительным условием* общественной жизни как таковой. Абсурдной логике подобного рассуждения — которое не ограничивалось тем, что дуалистически отделяло политическую основу правительства от его материальной основы, но и устанавливало абсолютный примат политической жизни над общественной, хотя первая была специфическим, историческим проявлением второй, — следовало дать определение, которого она заслуживала, даже если данная логика политического установления предстала у Гегеля в чрезвычайно сложной и туманной форме по сравнению с относительно наивной прозрачностью системы Гоббса. Чтобы понять роль политики в материальном процессе жизни общества, было необходимо отвергнуть как само политическое государство, так и воображаемую индивидуалистическую «человеческую природу» (пресловутый источник неразрешимых противоречий), то и другое в замкнутом круге буржуазной рациональности (куда более порочном, чем всякие иные) постулировало друг друга. «Человеческое общество, или общественный человек» как отправная точка новой философии — вот единственное положение, на основе которого можно было понять объективно развивающийся процесс социального обновления; этот процесс был противоположностью произвольно сдерживаемому историческому динамизму, который содержался в различных схемах самоузаконения государства и гражданского общества.

⁶⁶ Очевидно, что Маркс хотел своим афоризмом подчеркнуть, что *даже* материалистические теории, включая теорию Фейербаха, оставались привязанными к точке зрения о гражданском обществе, разделявшейся и представителями классической политэкономии (см. там же, т. 3, с. 4).

Другим четко выраженным элементом Марксовой критики гегелевской философии права является «субъект-объектное тождество», которое — в отличие от того, чем оно явилось для «Истории и классового сознания» Лукача и его последователей, — не могло оказать положительного влияния на мировоззрение Маркса. Напротив, именно благодаря критике в этой проблематике Маркс сумел воссоздать диалектику на радикально новой основе. Маркс не только показал важную роль субъект-объектного тождества в гегелевской системе (а именно «философское разложение и восстановление мира таким, каков он есть», как цитировалось выше), но и подчеркнул, каким образом Гегель, чтобы сделать эту роль возможной, должен был искусственно разрушить объективные диалектические факторы в «Идее-субъекте и самом факте», с тем чтобы вновь воссоединить их в ранее созданной структуре установлений. Здесь не место для детального обсуждения всевозможных осложнений, которые влечет за собой этот комплекс проблем. Достаточно просто указать на диаметрально противоположность подхода к нему Маркса и Гегеля. А поскольку проблематика субъект-объектного тождества в состоянии сдерживать движение, то это движение будет, в конце концов, стремиться к *остановке* в некой точке: к достижению телеологически постулированной цели. У Маркса в его выводах, напротив, движение не имеет конкретного завершения, его суть — не в затухании, а в дальнейшем развитии. Что касается объединения различных сил, которое делает доступной пониманию динамику социальных преобразований, то объяснение Маркса, весьма отличное от гегелевского, строится на: 1) единстве индивидуального и коллективного субъектов (при том, что второй «*übergreifendes Moment*» имеет, пусть самые незначительные, концептуальные и исторические отличия) и 2) единстве *идеального и материального*, опосредствованном диалектикой теории и практики. Ясно, что в обоих случаях возможные точки соприкосновения не фиксированы и соответствуют лишь некоему относительному единству, а не тождеству⁶⁷, тогда как побуждение к движению сохраняет свое определенно доминирующее значение⁶⁸, несмотря на частичную стабилизацию определенных фаз и несмотря на изначальную инерцию, которая стремится утвердить себя в ходе исторического развития.

Таким образом, с самого начала Марксова концепция

⁶⁷ Даже в «апокалипсические» моменты; эта концепция занимает важное место в теории Сартра, начиная с его юношеских работ и вплоть до «Критики диалектического разума».

⁶⁸ Приняв это во внимание, странно видеть применительно к Марксу обвинения в «миллениаристском утопизме», в «подталкивании истории к мертвой точке».

диалектики по двум основным причинам шла дальше Гегеля, несмотря на то что Маркс продолжал считать диалектику Гегеля основной формой всякой диалектики. Во-первых, критика гегелевской трансформации объективной диалектики в концептуальную спекулятивную конструкцию (через дуалистическое противопоставление Идеи-субъекта эмпирической действительности, превратившейся в феномен) определяла в процессе взаимообмена объективных сил действительную основу диалектики и истинную почву для установления субъективных факторов, включая и наиболее опосредованные. И во-вторых, демонстрация идеологических положений концептуально-спекулятивной диалектики Гегеля — «философское разложение и восстановление мира таким, каков он есть» (это неисторическое положение, противоречащее глубоко историческим потенциальным возможностям гегелевской концепции в целом) — служила подтверждением неудержимого динамизма действительного исторического развития и одновременно точно указывала на рычаги, необходимые для приведения в действие революционной движущей силы в соответствии с осознанными ею целями в процессе положительного развития объективной диалектики. Эти открытия *теоретически несовместимы* с философией Фейербаха; они были сделаны Марксом в 1843—1844 годах, когда (если следовать очень неточной схеме) он считался последователем «фейербаховского гуманизма».

Тем не менее выделение оригинальности подхода Маркса ни в коем случае не может стать причиной умаления огромного философского значения диалектики Гегеля. Попытка продемонстрировать значение выводов Маркса как полностью противоположных гегелевским приведет лишь к искажению и недооценке исторического значения философии Гегеля, и не только ее. Она лишит подлинной перспективы рассуждения Маркса, поставив их в полную зависимость от теоретических проблем его великого предшественника. Иными словами, подобное суждение будет означать нападки на Гегеля от имени Маркса и причинит ущерб истинному значению самого Маркса. Дело же в том, что, найдя свой угол зрения, то есть точку зрения, в корне отличную от «точки зрения политической экономии», Маркс сумел как исследовать «всю мистику гегелевской философии», так и оценить все ее исторические заслуги вопреки очевидной мистификации. Полное отрицание Гегеля не может быть мерилom величия Маркса, равно как и непреходящее значение открытий Гегеля не может быть ограничено их соответствием теории Маркса.

Если непримиримая критика гегелевской философии права и ее зависимости от государства была необходимой предпосылкой для соответствующего теоретического понимания диалектики истории, то некоторые наиболее важные откры-

тия теории Гегеля Маркс увидел лишь после того, как самостоятельно сделал выводы по ряду проблем в этой области. Именно поэтому рассматривать этот вопрос в свете «гегелевского влияния» или в свете воображаемого освобождения от него не имеет смысла. Приведу наиболее типичный пример: одним из выдающихся открытий Маркса была роль *рабочей силы* как товара в капиталистическом развитии. Маркс в связи с этим подчеркивал специфику капиталистических производственных отношений, при которых владелец рабочей силы может продать ее лишь на ограниченное время, иначе он превратился бы из владельца товара в товар (раба), нанеся ущерб форме необходимого воспроизводства при новом способе производства. Естественно, Маркс из этого утверждения сделал совершенно иные по характеру выводы, чем те, которые мог сделать Гегель с точки зрения политической экономии. Тем не менее ограниченность гегелевской точки зрения нисколько не умаляет того факта, что Гегелю удалось очень четко установить вышеприведенную специфику, и Маркс, не колеблясь, признал это, когда в «Капитале» процитировал знаменитый отрывок из «Философии права»: «...Мои особенные, телесные и духовные умения и мои возможности деятельности и ограниченное во времени пользование ими я могу отчудить другому, так как они вследствие этого ограничения получают внешнее отношение к моей целостности и всеобщности. Но если бы я отчудил все мое время, становящееся конкретным в процессе труда, если бы я отчудил мою производительную деятельность как целое, то я сделал бы собственностью другого самое сущность этой деятельности, мою всеобщую деятельность и действительность, мою личность»⁶⁹.

Аналогичным образом орудие производства как главный фактор опосредствования в человеческом развитии имеет в теории Маркса основополагающее значение. «Средство труда есть вещь или комплекс вещей, которые рабочий помещает между собою и предметом труда и которые служат для него в качестве проводника его воздействий на этот предмет. Он пользуется механическими, физическими, химическими свойствами вещей для того, чтобы в соответствии со своей целью применить их как орудия воздействия на другие вещи»⁷⁰

Ясно, что проблема, о которой идет речь, содержит этот важнейший принцип со всеми вытекающими отсюда последствиями для понимания диалектики истории. И по причинам, перечисленным выше, от философа, который эмпирической

⁶⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 179. Примечание 40.

⁷⁰ Там же, с. 190.

действительности придает значение чистого феномена, было бы неразумно ждать развития этого принципа так, как это делает Маркс. Тем не менее знаменательно, что (пусть в весьма абстрактной форме и, более того, с оттенком мистицизма в способе выражения) главный диалектический принцип опосредствования определен Гегелем на самом высоком уровне философского обобщения как взаимообмен факторов, следующих логике внутреннего движения, присущего каждому из них, как это видно из примечания в конце страницы, которое Маркс добавляет к собственной формулировке: «Разум столь же хитер, сколь могущественен. Хитрость состоит вообще в опосредствующей деятельности, которая, обуславливая взаимное воздействие и взаимную обработку предметов соответственно их природе, без непосредственного вмешательства в этот процесс, осуществляет свою цель»⁷¹.

Мы видим здесь, насколько изменилась ориентация Маркса по сравнению, в частности, с «Логикой» Гегеля. В работе «К критике гегелевской философии права» Маркс весьма саркастически высказался о священных регистрах *Santa Casa* (логики)⁷² и заявил, что «в центре интереса стоит (у Гегеля) здесь не философия права, а логика. Работа философии заключается здесь не в том, чтобы мышление воплощалось в политических определениях, а в том, чтобы наличные политические определения улетучивались, превращались в абстрактные мысли. Философское значение имеет здесь не логика самого дела, а дело самой логики»⁷³. Это справедливо само по себе, но не было доведено до конца. Не была оценена по достоинству сама «Логика», а точнее, разработка системы принципов, являющихся «основной формой всякой диалектики», пусть и окутанных флером мистики.

Гегелевская логика была в действительности продуктом двух основных определений, одно из которых было весьма, а другое гораздо менее проблематичным (то есть второе было проблематичным постольку, поскольку было неизбежно связано с первым и не могло не испытывать на себе его влияния). Автор работы «К критике гегелевской философии права» прекрасно отдавал себе отчет в первом — в идеологическом преобразовании определенной социально-политической действительности в логически-метафизические определения, с тем чтобы одна из этих форм, улетучившись, могла превратиться в другую, — но недостаточно уделял внимания второму определению. Однако после выявления круга задач систематического исследования природы капитала и многочисленных условий социальной и исторической победы над ним

⁷¹ Там же, примечание 2 (*Hegel. „Enzyklopädie“ Erster Teil. „Die Logik“*. Berlin, 1840, S. 382).

⁷² *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч. т. 1, с. 232.

⁷³ Там же, с. 236.

(а для этого он поневоле концентрирует вначале собственный интерес главным образом на политической перспективе как на «юридическо-политической надстройке», противоречия которой разрешатся не сами собой, а лишь в случае четкого понимания материальной базы в ее сложных диалектических взаимодействиях со всей совокупностью социальных структур с их опосредствованиями) назрела необходимость диалектического обобщения всей совокупности явлений. Теперь Марксу предстояло исследовать не только существующую действительность (и в еще меньшей степени «определенную политическую действительность»), но и совокупность сил и тенденций, находящихся в эмбриональном состоянии, со всеми их разновидностями и многообразием в рамках строгой диалектической оценки. В «Капитале» Маркс полностью вскрыл целый комплекс сложных проблем, обнаружил все многообразие связей в их внутреннем взаимодействии, последовательно и систематически проследил за ними до их логического конца, «соответственно свойственной им природе», сумел предвосхитить их будущее развитие на основе их объективного определения, а не ограничился постулированием бесполезно абстрактных возможностей. Нельзя представить себе, чтобы это было сделано в иной форме, а не в форме диалектического обобщения. Не случайно, что категория, к которой он постоянно обращается в «Экономических рукописях 1857—1859 годов» и в «Капитале», — это категория «Sichsetzen»⁷⁴, «самополагания», которая объединяет в

⁷⁴ Из-за недостатка места ограничимся двумя примерами. В первом речь идет о капитале и его отношении к обороту и меновой стоимости. «Первое определение капитала состоит в том, что проистекающая из обращения, а потому и предполагающая его меновая стоимость сохраняет себя в обращении и посредством обращения; вступая в обращение, меновая стоимость не утрачивается; обращение представляет здесь не движение исчезновения меновой стоимости, а, напротив, движение ее действительного самополагания [Sichsetzen] как меновой стоимости, ее реализацию в качестве меновой стоимости.

Нельзя сказать, что в простом обращении меновая стоимость реализуется как таковая. Она реализуется всегда лишь в момент своего исчезновения» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, с. 208).

Во втором примере анализируется функция капитала как полагания стоимости (Wertsetzen): «Для капитала само потребление товара не является заключительным актом; оно относится к процессу производства, само является моментом производства, моментом *полагания стоимости*. Но и сам капитал — в каждом из моментов, в которых он выступает то в качестве денег, то в качестве товара, то в качестве меновой стоимости, то в качестве потребительной стоимости, — теперь положен как стоимость, не только формально сохраняющая себя при этом изменении формы, но и как *возрастающая стоимость*, как стоимость, соотносящаяся с самой собой, как стоимостью. Переход из одного момента в другой является особым процессом, но каждый из этих процессов есть переход в другой. Капитал, таким образом, полагается как совершающая процесс стоимость, в каждом из моментов процесса являющаяся капиталом. Капитал, таким образом, полагается как *оборотный капитал*, в каждом из моментов он — капитал и одновременно — капитал, совершающий кру-

некотором смысле способ возникновения и утверждения объективных определений в ходе действительного социального исторического развития. Использование этой и подобных категорий⁷⁵ навечно, естественно, Гегелем, но не в смысле некоего проблематичного «влияния», которое навязывает чуждый элемент Марксову учению, а в виде категорий, рассматриваемых как *Daseinsformen*⁷⁶, которые в структуре глубоко оригинальной теории переходят от Гегеля в мир Марксовой теории, где они получают новую жизнь в совершенно ином качестве.

Маркс всегда подчеркивал в особенности тот факт, что Гегель первый разработал последовательную систему диалектических категорий — пусть в чрезвычайно абстрактной, спекулятивной форме, — поднявшись над своими предшественниками и современниками. В одном из писем Энгельсу Маркс квалифицировал Конта «по сравнению с Гегелем» как «нечто жалкое» («хотя Конт превосходит его как специалист в области математики и физики, то есть превосходит в деталях, ибо в целом Гегель бесконечно выше даже и здесь»⁷⁷). Необычайные способности Гегеля позволили ему применять собственную обобщающую концепцию диалектических категорий к каждой отдельной проблеме (то есть всякий раз,

гооборот из одного определения в другое. Пункт возвращения есть вместе с тем исходный пункт и *vice versa*, а именно — *капиталист*. Всякий капитал первоначально является оборотным капиталом, продуктом обращения, а точно так же и тем, что производит обращение, описывает его как свою собственную траекторию» (там же, ч. II, с. 28—29).

⁷⁵ Их слишком много, чтобы перечислять: начиная с “Fürsichsein” и „Sein für anderes“ и до „Aufhebung“, «отрицания отрицания» и т. д. Обратимся лучше к очень важному различию между «границей» (пределом) и ограничением, которое Маркс провел в соответствии с гегелевской «Логикой». «Всякая граница (Grenze) для него (т. е. для капитала) является и должна являться ограничением (Schranke). Иначе он перестал бы быть капиталом — самовоспроизводящимися деньгами. Если бы капитал уже не ощущал ту или другую определенную границу как ограниченне, а ощущал бы ее как такую границу, в пределах которой он чувствовал бы себя хорошо, то он сам превратился бы из меновой стоимости в потребительную стоимость, от всеобщей формы богатства он скатился бы до того или другого определенного субстанционального существования богатства... Количественная граница прибавочной стоимости представляется ему лишь как данный природой предел, как необходимость, которую он постоянно стремится преодолеть и за пределы которой он постоянно стремится выйти» (там же, т. 46, ч. I, с. 292). В соответствующих отрывках из «Логики» Гегеля говорится так: «Собственно граница [данного] нечто, положенная им, таким образом, как такое сущностное — в то же время отрицательное, есть не только граница как таковая, а *предел*. «То, что ощущает в пределе голода, жажды и т. д., есть стремление выйти за этот предел, и оно осуществляет этот выход» (там же, с. 198).

⁷⁶ См. в частности, работу Маркса «Экономические рукописи 1857—1859 годов» (там же, т. 46, ч. I, с. 17—48).

⁷⁷ См. письмо К. Маркса Ф. Энгельсу, от 7 июля 1866 года (там же, т. 31, с. 197).

когда идеологическая мотивировка не мешала ему это делать), что поставило его несравненно выше всех позитивистов, преклонявшихся перед обыденным «фактом» и безжизненной «наукой»⁷⁸.

В одном из цитировавшихся выше писем мы видели аналогичное замечание Маркса по поводу собственной работы. «Ланге,— писал он,— пренаивно говорит, что в эмпирическом материале я «двигаюсь на редкость свободно». Ему и в голову не приходит, что это «свободное движение в материале» есть не что иное, как парафраз определенного метода изучения материала — именно *диалектического метода*»⁷⁹. «Свободно двигаться в материале», когда, как в случае Гегеля, вопросы, о которых идет речь, перенесены в однородную сферу концептуально-спекулятивного мира, было относительно легко по сравнению с задачей, которую ставил перед собой Маркс. Он не мог ограничиться исследованием логики с ее концепциями как таковыми; он должен был постоянно соотносить их с эмпирической действительностью. В решении этой задачи на основе философской диалектической концепции, прочно связанной с действительностью, и заключается истинная мера интеллектуального величия Маркса.

⁷⁸ См. письма К. Маркса Ф. Энгельсу от 1 февраля 1858 года и Швейцеру от 24 января 1865 года (там же, т. 29, с. 221—224, и т. 16, с. 24—31).

⁷⁹ Там же, т. 32, с. 571—572.

Никола Бадалони

МАРКС И ПОИСКИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ СВОБОДЫ

1. Об обесценении капитала

В письме Энгельсу от 14 августа 1851 года Маркс обсуждает с ним теорию капитала Прудона. Для Прудона, говорит Маркс, «чисто экономическим проявлением капитала служит процент»; прибыль — это лишь «особая форма заработной платы»¹. Если уничтожить процент, то мы снова получим восстановленное, здоровое буржуазное общество. Когда Прудон предлагает превратить процент в «аннуитет» (годовые платежи по погашению капитала), он лишь предлагает в качестве меры то, что и без того делается в буржуазном обществе. В действительности никто никогда не взыскивал и не взывает гипотетические проценты, исчисляемые Прайсом. «...Капитал,—пишет Маркс,—не только не приносит процентов, он даже не воспроизводит себя по стоимости. И это в силу простого закона. Стоимость первоначально определяется первоначальными издержками производства, тем рабочим временем, которое первоначально было необходимо, чтобы произвести данную вещь. Но раз уже предмет произведен, то цена продукта определяется теми издержками, которые необходимы, чтобы его *воспроизвести*. А издержки воспроизводства постоянно уменьшаются, и тем скорее, чем более развита эпоха в промышленном отношении. Следовательно, закон непрерывного обесценения самой стоимости капитала парализует закон ренты и процента, приводящий иначе к абсурду. В этом также объяснение выдвинутого тобой [Энгельсом] положения, что ни одна фабрика не покрывает своих издержек производства. Таким образом, Прудон не может преобразовать общество путем введения закона, которому оно по существу следует и без его совета»².

Это письмо явилось следствием спора двух друзей, в ходе которого Маркс высказался за понижение процентной ставки с помощью плана, по которому следует учредить «Национальный банк с монополией бумажного обращения и с изъятием из обращения золота и серебра»³. Энгельс возразил, что такой план может провалиться из-за того, что мелким коммерсантам придется обратиться за помощью к

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, с. 279.

² Там же, с. 280—281.

³ Там же, с. 276.

ростовщикам. Увеличение оборотного капитала будет способствовать успеху лишь крупных предпринимателей. Тем не менее рассуждение Маркса не лишено основания. Классический тезис (в том числе и Рикардо) состоял в том, что оборотный капитал в виде бумажных денег должен соотноситься с движением золота и, следовательно, возрастать в момент притока золота в фазе расширения производства и интенсивного экспорта товаров и уменьшаться в фазе депрессии, когда, напротив, возрастает экспорт золота. По мнению же Маркса, банк во втором случае должен действовать наоборот, то есть поощрять операции обмена, а не свертывать их. Иными словами, повышенный спрос на ликвидные средства должен удовлетворяться полнее. Действуя иначе, банк «без необходимости» вмешался бы в процесс и усугубил «кризис рынка», который находился в стадии развития. Маркс пришел к такому выводу, так как считал, что более интенсивное движение оборотного капитала, как в виде золота, так и в виде бумажных денег, является не причиной, а следствием помещения в дело большего капитала. Депрессию можно победить, увеличив оборотный капитал, то есть обесценив существующий капитал, сделанные долги, норму процента и ренту и, следовательно, увеличив прибыль за счет накопленного богатства, узаконенного в форме собственности.

Энгельс лишь отчасти разделяет эту мысль Маркса. Он считает, что уже сама депрессия отчасти высвобождает оборотный капитал и стихийно воздействует на него. Действительно, во время депрессии уменьшение средств обращения становится осязаемым «лишь к концу», а «в общем и целом этот процесс развивается с самого начала депрессии, хотя в действительности его и нельзя проиллюстрировать в деталях»⁴. Однако Энгельс не считает полезным вмешательство в стихийное взаимодействие различных моментов обращения. Маркс, напротив, полагает, что воздействие на норму процента, не продиктованное непосредственно озабоченностью банка, могло бы смягчить последствия торгового кризиса, потому что обесценение капитала положительно повлияло бы на норму прибыли.

Как известно, Маркс занимался проблемой обесценения в работе «Нищета философии». В ней вслед за Рикардо он отметил, что закон стоимости как мера действительного труда является также «законом постоянного обесценения труда... Обесценение распространяется не только на товары, вынесенные на рынок, но и на орудия производства — на все предприятие»⁵. Чтобы противостоять этому непрерывному

⁴ Там же, с. 187.

⁵ Там же, т. 4, с. 99.

процессу обесценения, по мнению Маркса, существует «предварительное соглашение», предполагающее, с одной стороны, наличие общей суммы производительных сил (непосредственный труд как показатель производительных возможностей накопленного труда) и суммы существующих потребностей — с другой. По этому поводу он писал: «Сама природа крупной промышленности требует равного для всех рабочего времени. То, что сегодня является результатом действия капитала и конкуренции между рабочими, завтра, с устранением отношения труда к капиталу, будет достигаться посредством соглашения, основанного на отношении сумм производительных сил к сумме существующих потребностей. Но такое соглашение является смертным приговором индивидуальному обмену... В принципе нет обмена продуктов, но есть обмен участвующих в производстве видов труда. От способа обмена производительных сил зависит и способ обмена продуктов»⁶.

Общественные отношения — «творение людей», «действующих лиц и авторов их собственной истории»⁷, которые развивают эту историю с помощью трех факторов: «роста» производительных сил, «разрушения» общественных отношений, «формирования» идей.

В современном обществе, основанном на наемном труде, три перечисленные здесь модели рациональности (накопление знаний и технических достижений, а следовательно, повышение стоимости; критика, разрушение, перестройка системы знаний и техники, а следовательно, обесценение; изменение общественных отношений, а следовательно, формирование идей) действуют, подстегиваемые конкуренцией. Главным условием является развитие производительных сил (логика накопления и роста). Однако в рамках капиталистического общества это осуществляется только при наличии конкуренции, то есть под действием непрерывного разрушения (обесценения) тех же производительных сил (живых или мертвых). Это двойственное движение принимает историческую форму противоречия между накопленным трудом (превратившимся в частную собственность) и созданием новой прибыли. Положительным условием для валоризации (возрастания стоимости) является введение в эту систему новой рабочей силы. Однако этого не было бы достаточно для придания необходимой мобильности системе, если бы при этом не действовало отрицательное условие, а именно обесценение живого и накопленного труда. В эпоху кризиса капитал не колеблясь производит собственную переоценку. Капиталистическая система производства продолжает функцио-

⁶ Там же, с. 108.

⁷ Там же, с. 138.

нирование, потому что общая сумма наличных и прошлых производительных сил (наличный общественный труд) подвергается давлению и противоречивым воздействиям (сокращение времени необходимого труда для воспроизводства рабочей силы и обесценение накопленного капитала). На самом деле капитал — это «накопленный труд, который служит средством для нового производства»⁸.

В начале 50-х годов, ставших как бы водоразделом между Марксом — критиком идеологии и теоретиком движущих сил истории и Марксом — критиком политической экономии, внимание, которое Маркс уделил проблеме обесценения капитала как внутреннему противоречию и как инструменту, обеспечивающему жизнеспособность системы, свидетельствует о том, что он придавал большое значение конкуренции в связи с неизбежностью обесценения и кризисов. В рассмотренном нами письме есть кое-что и об этом, а именно указание на возможное вмешательство в отрицательный по своему характеру процесс — предполагаемое обесценение. Процесс, который в капиталистической системе развивается стихийно, можно сознательно, хотя и в известных пределах, регулировать при помощи экономической политики. Именно потому, что буржуазное общество утверждает частную собственность и стремится сделать ее основой уверенности, а иногда и смыслом жизни обладающих ею индивидов, капитал, который лежит в ее основе, должен непрерывно производить переоценку стоимости этой собственности. История, в ходе которой происходит накопление, становится ареной событий, превращающих обесценение богатства в инструмент производства и накопления нового богатства. Философия капитала — это философия кризиса того, что было реализовано в историческом плане в качестве нового уровня равновесия, достигнутого в рамках воспроизводства прежних условий. Положительным моментом этого постоянного нарушения равновесия является то, что оно всегда позволяет заново начать накопление.

2. Инфляция, заработная плата и благоприятные условия для накопления

В письме Маркса Энгельсу от 22 апреля 1868 года содержится — в виде наброска — объяснение отношения между изменением денежной стоимости товара и изменением за-

⁸ Там же, т. 6, с. 443. Произвольное цитирование. У Маркса: «Суть капитала заключается не в том, что накопленный труд служит живому труду средством для нового производства. Суть его заключается в том, что живой труд служит накопленному труду средством сохранения и увеличения его меновой стоимости». — *Прим. ред.*

рабочей платы. Маркс пишет: «Мне хочется теперь сообщить тебе вкратце «мелочь», *пришедшую мне на ум* при простом просмотре моей рукописи о норме прибыли. Этим просто решается один из труднейших вопросов. А именно, речь идет о том, почему возможен тот факт, что при падении стоимости денег, или золота, *норма прибыли* повышается, а при повышении стоимости денег — падает... Если при падении стоимости денег цена труда повышается не в той же пропорции, то цена труда *падает*, норма прибавочной стоимости повышается, а потому, при прочих равных условиях, возрастает и норма прибыли. Причиной роста последней, — пока продолжается падение стоимости денег, — является просто падение заработной платы; причиной же падения заработной платы является то обстоятельство, что изменение заработной платы лишь медленно приспособляется к изменению стоимости денег»⁹.

Здесь Маркс в связи с изменениями нормы прибыли ставит на обсуждение вопрос об инфляции цен. Они изменяются за куда более короткое время, чем может соответствующим образом измениться стоимость рабочей силы. Речь идет о проблеме, которую Маркс поднял в третьем томе «Капитала», где он утверждает, что увеличение денежной стоимости нормы прибыли не может вызвать значительного снижения заработной платы, потому что это увеличение должно сопровождаться ростом заработной платы, а также ростом товарных цен, которые образуют постоянный капитал. В письме, которое мы процитировали, этот вопрос был раскрыт точнее и было введено еще одно новое положение. Речь идет о разнице этого пропорционального выравнивания по времени, что фактически приводит к увеличению прибавочной стоимости, а следовательно, и прибыли. На протяжении какого-то времени рыночная цена заработной платы не соответствует изменению номинальной стоимости прибылей и делает ее вследствие этого не только номинальной, но и реальной. Кроме того, Маркс обсуждает вопрос, прекращается ли действие этого феномена после того, как происходит выравнивание цены труда и стоимости денег. Теоретики (включая Рикардо) отвечают, что в этот момент и зарплата, и прибыль выражаются в большем количестве денег и, следовательно, ничего не меняется; напротив, «специалисты, изучающие историю цен [то есть практики], возражают против этого, ссылаясь на факты»¹⁰. Действительно, если предположить, «что стоимость элементов, или некоторых элементов, *постоянной* части капитала снизилась бы вследствие роста производительности труда, продуктом ко-

⁹ Там же, т. 32, с. 55.

¹⁰ Там же, с. 56.

тогого эти элементы являются», и «если падение их стоимости больше падения стоимости денег, то их цена упадет, несмотря на понизившуюся стоимость денег»¹¹.

Тот же вопрос можно сформулировать так: время, необходимое для того, чтобы восстановить соответствие между прибавочной стоимостью и заработной платой, капитал, как правило, использует для увеличения производительности труда в той или иной отрасли производства. Когда цены, включая заработную плату, уравниваются, норма прибавочной стоимости и прибыли возрастет в соответствии с имеющимся на данный момент уровнем производительности труда. Восстановление равновесия величин произошло как будто через увеличение до прежнего уровня денежной формы заработной платы. Но за это время прежнее равновесие было снова нарушено, так как происходил скрытый рост производительности труда, который повлек за собой снижение стоимости постоянного капитала. В результате увеличилась норма прибыли. Сочетание системы обмена с возможностью использовать лучшую технологию ведет к изменению стоимости постоянной части капитала. Предел может быть достигнут, если развитие технологии вызовет снижение стоимости элементов постоянного капитала (или по крайней мере некоторых из них), и это вполне уравнивает рост денежной массы. В этом случае снижение стоимости денег, а следовательно, рост цен на все другие товары, вызвало бы обратные изменения в заработной плате и прибавочной стоимости, оставив неизменной норму прибыли. Кроме того, в то время как норма прибавочной стоимости в конце этого периода колебаний достигла бы равновесия, повышение нормы прибыли было бы настолько больше, насколько «стоимость постоянного капитала падала бы быстрее, чем стоимость денег, и меньше, если медленнее»¹².

Таким образом, импульсом для роста производительности труда, особенно в промышленности в собственном смысле, выступает «падение стоимости денег, простое разбухание денежных цен и всеобщая международная погоня в целях увеличения массы денег»¹³. Распространяя сказанное в отношении одной отрасли на всю систему производства, Маркс отмечает: «В какой мере в одном случае повышение нормы прибыли при падающей стоимости денег, в другом — падение нормы прибыли при повышающейся стоимости денег влияют на *общую норму прибыли* — это зависит частью от *относительного размера* тех отраслей производства, где происходит изменение, частью от *продолжительности* изменения, потому что требуется известное время, чтобы повыше-

¹¹ Там же.

¹² Там же, с. 57.

¹³ Там же.

ние и падение нормы прибыли в одних отраслях промышленности отразилось на других. Если колебание длится лишь сравнительно короткий промежуток времени, то оно остается местным»¹⁴.

Свою модель изменения Маркс прямо связывает с развитием производительности. Рассуждение Маркса основано на предположении, что за кажущимся восстановлением равновесия кроется фактически изменение нормы прибыли, которая на практике имеет по большей части тенденцию к возрастанию. Чтобы объяснить это изменение, необходимо представить себе комбинированное действие изменения отношений обмена на цену труда и его стимулирующее воздействие на повышение производительности. За движением денег в направлении к достижению равновесия скрыто и в разных направлениях действует почти постоянная для капиталистического производства тенденция к повышению производительности труда. Это способствует увеличению нормы прибыли.

Мы имеем здесь, по существу, две проблемы, которые останутся в центре внимания Маркса. Во-первых, система отношений, которая позволяет преобразовать обмен между капиталом и рабочей силой в главное условие поддержания и развития частной собственности, разделения труда и классового господства; во-вторых, рост производительности труда с учетом перечисленных выше предположений постоянно играет на руку господствующим слоям. Оба вопроса становятся у Маркса единой проблемой отыскания способа или способов направить по другим каналам рост производительности труда, изменив общественные отношения. Все теоретическое построение Маркса подчинено тому, чтобы в сложных взаимодействиях обмена сделать очевидными те из них, которые направляют развитие производительных сил к классовому господству, и наоборот, показать, как значение, придаваемое в анализе этим каналам, делает их не просто видимыми, но и доказывает, что с ними связана не логическая, или естественная, а историческая необходимость, которая зависит от предпосылок, основанных на фактах, входящих в систему и ассимилированных ею. Поэтому Маркс в своем анализе капиталистической системы никогда не исходит ни из юридических отношений, ни в особенности из отношений собственности; он отказывается от рикардовского упрощения, которое превращает существующие производственные отношения в отношения, отражающие в абсолюте и без опосредствующих звеньев развитие производительных сил. С другой стороны, этот анализ не исходит из рикардовской проблемы развития производительных сил. Речь идет здесь

¹⁴ Там же.

не о том только, чтобы увидеть, как старые отношения обмена поведут себя в новых условиях. Это могло бы породить иллюзию, будто в условиях меньшей автономии они откроют путь более цивилизованной организации общества (иллюзия Прудона). Напротив, речь идет об открытии возможности того, чтобы новые, более свободные общественные отношения поставили на службу всем возросшую производительность труда.

3. О власти буржуазии и обогащении человеческого индивида

Обесценение существующего капитала и рабочей силы обуславливается отношениями обмена; рост производительности труда вызван вмешательством в обмен науки и техники. Обмен завладевает человеческой натурой, его разумом и способностью распоряжаться вещами. Приспособление человеческой природы к рыночным отношениям обмена и отождествление человеческого индивида с частным собственником — изобретение отнюдь не Маркса; это утверждение не раз повторяли и защищали почти все философы его эпохи. Но именно Маркс критически утверждает: «Разнообразие человеческих дарований — скорее следствие, чем причина разделения труда»¹⁵ В центре внимания Маркса находится мысль «идеологов», и в частности Дестюта де Траси. Как для него, так и для Ж. Б. Сэя общество — это серия взаимных обменов, а производство невозможно без обмена. Последователи Рикардо, например Джеймс Милль, выступали против денежной системы, но эта полемика, писал Маркс, не может их «привести к решающей победе», несмотря на все их «умничанье». В самом деле, «если грубое политэкономическое суеверие народа и правительств цепко держится за такой *чувственный, осязаемый, бросающийся в глаза* предмет, как денежный мешок, и поэтому верит в абсолютную стоимость благородных металлов и обладание ими считает единственно реальным богатством, и если затем приходит просвещенный светски образованный политэконом и доказывает им, что деньги есть такой же товар, как и всякий другой, и что в силу этого их стоимость, как и стоимость любого другого товара, зависит от отношения издержек производства к спросу (конкуренция) и предложению, к количеству или конкуренции других товаров, — то такому политэконому справедливо возражают, что *действительная* стоимость вещей заключается все же в их *меновая стоимость*, что эта последняя в конечном счете существует в деньгах, а деньги существу-

¹⁵ Там же, т. 42, с. 143.

ют в благородных металлах, и что, следовательно, деньги являются *истинной* стоимостью вещей и потому—самой желанной вещью. Больше того, доктрины просвещенного политэконома в конечном счете сами сводятся к этой премудрости с той только разницей, что просвещенный политэконом обладает способностью к абстракциям, позволяющей ему распознавать существование денег во всех формах товаров и потому избавляющей его от веры в исключительную стоимость их официального металлического существования. Металлическое существование денег есть лишь официальное чувственно воспринимаемое выражение той денежной души, которая пронизывает все звенья производства и все движения буржуазного общества.

Противоположность новейшей политической экономии монетарной системе заключается лишь в том, что она *денежную сущность* ухватывает в ее абстрактности и всеобщности»¹⁶.

И далее Маркс замечает:

«Политическая экономия... исходит из *отношения человека к человеку* как отношения *частного собственника к частному собственнику*. Если человек предполагается в качестве *частного собственника*, то есть, следовательно, в качестве исключительного владельца, который посредством этого исключительного владения утверждает свою личность и отличает себя от других людей, а вместе с тем и соотносится с ними — частная собственность есть его личное, *отличающее* его, а потому его существенное бытие, — то *утрата*, или *упразднение* частной собственности есть *отчуждение человека* и самой *частной собственности*»¹⁷.

«*Деньги*, обладающие *свойством* все покупать, *свойством* все предметы себе присваивать, представляют собой, следовательно, *предмет* в наивысшем смысле»¹⁸. Так как они, «в качестве существующего и действующего понятия стоимости, смешивают и обменивают все вещи, то они представляют собой всеобщее *смешение* и *подмену* всех вещей, следовательно, мир наизуворот, смешение и подмену всех природных и человеческих качеств»¹⁹.

Отчуждению денег противостоит человек как предметное существо, то есть как существо, которое нуждается в предметах, чтобы увековечить собственное естественное существование, и которое нуждается в общественных отношениях для собственного обогащения. В основе идеи Маркса о человеке как предметном существе лежит новый взгляд на предметность, тесно связанный с потребностью в предметах,

¹⁶ Там же, с. 19—20.

¹⁷ Там же, с. 24—25.

¹⁸ Там же, с. 146.

¹⁹ Там же, с. 150.

и новая идея об обмене как форме общественных отношений между индивидами. Маркс пишет: «Существо, не являющееся само предметом для третьего существа, не имеет своим предметом никакого существа, т. е. не ведет себя предметным образом, его бытие не есть нечто предметное»²⁰. При таком положении вещей «то общественное отношение, в котором я нахожусь к тебе, мой труд для твоей потребности является всего лишь *видимостью*, и наше взаимное восполнение друг друга тоже является всего лишь *видимостью*, в основе которой лежит взаимный грабеж. Подоплекой здесь с необходимостью оказывается намерение ограбить, обмануть; в самом деле, так как наш обмен своекорыстен как с моей, так и с твоей стороны и так как каждая корысть стремится превзойти корысть другого человека, то мы неизбежно стремимся обмануть друг друга. Мера власти моего предмета над твоим предметом, которую я допускаю, нуждается, разумеется, в твоём *признании*, для того чтобы стать действительной властью. Но наше взаимное признание взаимной власти наших предметов есть борьба, а в борьбе побеждает тот, кто обладает большей энергией, силой, прозорливостью или ловкостью. Если достаточна физическая сила, то я прямо граблю тебя. Если царство физической силы сломлено, то мы взаимно стараемся пустить друг другу пыль в глаза, и более ловкий обманывает менее ловкого»²¹.

Противопоставление предметного человеческого существа и отчужденной реальности рыночных отношений, которые тоже предметны, но сводятся к чистой видимости, состоит не в обратном движении к природе, находящейся вне пределов обмена, а в повторном присвоении общественной отчужденной предметности. Отправная точка — новая ситуация, в которой каждый «действительно *делает* себя тем, чем он является в глазах другого...». Производство этого некоего другого «означает, *выражает* стремление *приобрести* мой предмет... Наша *взаимная* ценность есть для нас *стоимость* имеющих у каждого из нас предметов»²².

Как преодолеть ситуацию отчуждения, при которой наша власть выражается в возможности властвовать над другими, при которой как деньги, так и отношения господства-рабства едва освободились от своих наиболее типичных черт, но «это взаимное порабощение нас предметом в начале развития и в действительности выступает как отношение *господства и рабства*»²³? Маркс отвечает, что это отношение обоюдной полезности является лишь наивным выражением главной формы наших отношений и что, если бы мы могли

²⁰ Там же, с. 163.

²¹ Там же, с. 33—34.

²² Там же, с. 35.

²³ Там же.

представить себе, каким должно быть человеческое производство, «мой труд был бы свободным проявлением жизни». Действительно: «При предпосылке частной собственности... он является отчуждением жизни, ибо я тружусь для того, чтобы жить, чтобы добывать себе средства к жизни. Мой труд не есть моя жизнь.

Во-вторых: в труде я поэтому утверждал бы мою индивидуальную жизнь и, следовательно, собственное своеобразие моей индивидуальности. Труд был бы моей истинной, деятельной собственностью. При предпосылке частной собственности моя индивидуальность отчуждена от меня до такой степени, что эта деятельность мне ненавистна, что она для меня—мука и, скорее, лишь видимость деятельности. Поэтому труд является здесь также лишь вынужденной деятельностью и возлагается на меня под давлением всего лишь внешней случайной нужды, а не в силу внутренней необходимой потребности»²⁴.

В частности, из последнего отрывка, в котором ясно звучит тема необходимости как основы проблемы свободы, обретения вновь той формы участия в общественной жизни, которая в исторической действительности вовлечена в отношения господства-рабства, можно сделать вывод, что Маркс своей критикой показывает, что отношения собственности внутренне присущи всему миру обмена и богатства. Здесь явственно ощутимо влияние Фурье. Острые критики, как мы уже говорили, направлено против «идеологов» и «доктринеров». Для них человеческие качества и отношения собственности представляют нечто совсем иное, а природа подчинена и понимается в рамках отношений собственности. Критика обмена (в широком смысле слова), которая находится в центре внимания автора в приведенных нами отрывках, является в то же время критикой установления определенных общественных отношений, которые еще ощущают на себе подспудное присутствие фигуры раба-хозяина. В «Святом семействе» признается, что «идеологическое», «доктринальное», а также «позитивистское» сведение человеческой личности к личности собственника нашло в лице Прудона наиболее резкого критика. Прудон возразил О. Конту, заметив, что право собственности не может быть следствием ограниченности на «землю». Напротив, Конт должен был бы сделать вывод, что, раз количество имеющейся в наличии земли ограничено, она не может быть объектом присвоения. «Присвоение воздуха и воды никому не наносит ущерба по той причине, что их всегда еще достаточно остается, что количество их неограниченно... Пользование ею [землей] должно поэтому регулироваться в интересах всех»²⁵. Природа явля-

²⁴ Там же, с. 36.

²⁵ Там же, т. 2, с. 49.

ется условием для производительной деятельности, обеспечивается человеком при условии существования самой матери²⁶. Однако критика Прудона неполна. Она охватывает все экономические отношения, за исключением *рабочего времени и материала труда*. Он некритически соглашается сделать *рабочее время*, «непосредственное наличное бытие человеческой деятельности как таковой, мерой заработной платы и определения стоимости продукта». Таким образом, в политической экономии он делает решающим *человеческий элемент* (суждение, которое Маркс почти теми же словами выскажет и в адрес Рикардо) и при этом восстанавливает человека в его правах «все еще в политико-экономической, а потому противоречивой форме»²⁷. Критика Прудонем политической экономии «признает все существенные определения человеческой деятельности, но только в отчужденной, отрешенной форме». Именно поэтому она «превращает значение времени для *человеческого труда* в значение времени для *заработной платы*, для наемного труда»²⁸.

При всем уважении к критикам — которые расценили отношение между молодым и зрелым Марксом как эволюцию от интереса к философии к интересам научным, от гуманистического взгляда на человека к структурному рассмотрению общественных отношений, — следует сказать, что первоначальная особенность критики буржуазного общества Марксом состояла в том, что он нападал одновременно и на отношения собственности, и на их воплощение в политической экономии, подвергая их одинаковой критике. Недвижимая собственность, деньги, собственность на труд и на продукты труда, их обмен — все это отношения собственности. Различие в их феноменологии никогда не должно вводить в заблуждение. Общественный характер обмена предполагает эти отношения, в которых кроется власть. В этот период Маркс не ставит перед собой проблемы изучения развития производительных сил как средства освобождения. Рикардо и его последователи дали наиболее современное определение отношений собственности, которое как раз включает рабочее время. Прудон ограничился раскрытием отношений собственности, а следовательно, фигурой раба-хозяина с его наиболее архаическими чертами. Поиски более радикального решения вовсе не идут по пути выявления в развитии производительных сил хотя бы одного условия для коммунистической революции: напротив, политическая экономия (Рикардо) создает еще более последовательно картину буржуазного богатства. Конечно, в «Немецкой идеологии» достаточно четко отражено, что мир преобразован благодаря раз-

²⁶ См. там же, с. 51.

²⁷ Там же, с. 54.

²⁸ Там же.

витию промышленности. Результат общественно-исторического развития промышленности и человеческого труда, говорит Маркс, — тому наиболее простое и веское подтверждение. Человек — это чувственная деятельность. Именно живые индивиды, состоящие в общественных связях, в ходе исторического процесса подавили свои носившие животный характер качества. Племенное сознание человека «получает свое дальнейшее развитие благодаря росту производительности, росту потребностей и лежащему в основе того и другого росту населения»²⁹. Общественные возможности человека приумножаются, способствуя их превращению «в какую-то вещественную силу, господствующую над нами, вышедшую из-под нашего контроля, идущую вразрез с нашими ожиданиями и сводящую на нет наши расчеты»³⁰.

Из двух крупных школ права, одна из которых рассматривает силу как основу любого регулирования отношений между людьми, а другая считает, что законы являются порождением воли, Маркс решительно выбирает первую. Сила, которая распространяется на массы людей и властвует над ними, принимает куда более многообразные формы, чем форма государства. Если считать «силу базисом права, как это делают Гоббс и т. д., то право, закон и т. д. — только симптом, выражение *других* отношений, на которых покоится государственная власть»³¹. Помимо государства, сила (как мы уже видели) исходит от имущих слоев, а также от «теологических слоев». Умственный труд при капиталистическом способе производства должен принимать особые формы. Различные функции «взаимно предполагают друг друга; ...антагонизмы в области материального производства делают необходимой надстройку из идеологических сословий, деятельность которых — хороша ли она или дурна, — хороша потому, что необходима; ...все функции состоят на службе у капиталиста, идут ему на «благо»; ...даже высшие виды духовного производства получают признание и становятся *извинительными* в глазах буржуа только благодаря тому, что их изображают и ложно истолковывают как прямых производителей материального богатства»³². Ознакомившись с лекциями, прочитанными Г. Шторхом великому князю Николаю, Маркс замечает, что, по мнению Шторха, «врач производит здоровье»³³. И тут же возражает: «С таким же правом можно сказать, что болезнь производит врачей, глупость — профессоров и писателей, безвкусие — поэтов и художников, безнравственность — моралистов, суеверие — про-

²⁹ Там же, т. 3, с. 30.

³⁰ Там же, с. 32.

³¹ Там же, с. 322.

³² Там же, т. 26, ч. I, с. 281—282.

³³ Там же, с. 281.

поведников, а отсутствие всеобщей безопасности — государей. Эта манера утверждать, что все эти виды деятельности, эти «услуги», производят действительную или воображаемую потребительную стоимость, повторяется позднейшими авторами для доказательства того, что упомянутые выше лица являются производительными работниками в смитовском смысле, т. е. непосредственно производят не продукты *suī generis*, а продукты материального труда и поэтому непосредственно — богатство»³⁴.

Тот же способ представлять собственный труд как производительный, в смитовском смысле, мы встречаем у Нассау Сениора. Последний «по отношению к буржуа... выражает... раболепство, стремление изобразить все функции состоящими на службе у производства богатства для буржуа». По отношению к рабочим он развивает тезис о том, «что потребление больших масс продуктов непроизводительными элементами вполне в порядке вещей, так как непроизводительные потребители в такой же мере содействуют производству богатства, как и рабочие, хотя и на свой особый манер»³⁵. Маркс, таким образом, хочет показать возникновение иного по сравнению с эпохой Адама Смита духовного климата. Ссылаясь на Пеллегрино Росси, он замечает: «Говоря о разделении труда, Смит разъясняет, как эти операции распределяются между различными лицами, и показывает, что продукт, товар, является результатом их совместного труда, а не труда кого-либо одного из них. Но «духовные» работники вроде Росси озабочены тем, чтобы оправдать ту крупную долю, которую они получают из материального производства»³⁶.

Важно подчеркнуть эту разницу в духовном климате, чтобы понять и некоторые теоретические положения Маркса. Во-первых, речь идет о способе учета того, что, следуя смитовской традиции, Маркс называет «побочными издержками производства». По мнению Смита, «государство, церковь... правомерны лишь постольку, поскольку они являются комитетами для управления общими интересами производительных буржуа или для обслуживания этих общих интересов, и затраты на эти учреждения должны быть сведены к самому необходимому минимуму, так как сами по себе они относятся к издержкам (производства) (*faux frais de production*). Этот взгляд исторически интересен по своей резкой противоположности, с одной стороны, воззрениям античной древности, где материально производительный труд носит на себе клеймо рабства и рассматривается лишь как пьедестал для праздного гражданина, а с другой стороны — представ-

³⁴ Там же.

³⁵ Там же, с. 285.

³⁶ Там же, с. 290.

лениям возникшей из разложения средневековья абсолютной или аристократически-конституционной монархии, представлениям, которые Монтескье, сам еще находящийся в плену у них, столь наивно выражает в следующем тезисе («*Esprit des lois*», книга VII, глава 4): „Если богатые не будут много расходовать, то бедняки умрут с голоду”³⁷. Буржуазия при Адаме Смите изменила это отношение, но, с тех пор как буржуазия «овладела положением и отчасти сама захватила в свои руки государство, отчасти пошла на компромисс с его прежними хозяевами; с тех пор как она признала идеологические сословия от своей плоти и повсюду превратила их в своих приказчиков, преобразовав их сообразно своей собственной природе; с тех пор как сама она уже не противостоит им в качестве представителя производительного труда, а против нее поднимаются настоящие производительные рабочие и точно так же заявляют ей, что она живет за счет труда других людей; с тех пор как она достаточно просветилась для того, чтобы не отдаваться всецело производству, а стремиться также и к «просвещенному» потреблению; с тех пор как даже духовный труд все в большей и большей степени выполняется для ее *обслуживания*, поступает на службу к капиталистическому производству, — с тех пор дело принимает иной оборот, и буржуазия старается «экономически» со своей собственной точки зрения оправдать то, против чего она раньше боролась своей критикой»³⁸.

Совершенно необходимо подчеркнуть ту важность, которую отношения между производительными и непроизводительными слоями приобретают в свете закрепления различных способов производства и соответствующих им общественных отношений. Именно в этом, как мы увидим, — главный ключ к пониманию исторического материализма. Загадочный характер, который таит в себе продукт труда, определяется отношениями производства, из которого он выходит в виде «вещи». Сюртук есть сюртук. Но прикажите сшить его таким образом, чтобы это соответствовало обмену, при котором предприниматель и работник разделены, и «перед вами капиталистическое производство и современное буржуазное общество»; поручите сшить его непосредственно для вашего собственного потребления, и «перед вами некоторая форма ручного труда, совместимая даже с азиатскими отношениями или со средневековыми»³⁹.

Во-вторых, следует подчеркнуть, что давление интеллектуальных кругов, требующих признания их труда как производительного, само по себе ошибочно, хотя и важно с исторической точки зрения. В этом состоит известное различие

³⁷ Там же, с. 297.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же, с. 291.

между эпохой Адама Смита и эпохой Гарнье, Шторха, «идеологов» и позитивистов.

В «Немецкой идеологии» — основной работе, в которой нашла отражение эта проблематика (хотя в ней имеются и отклонения от темы, потому что стрелы критики направлены и на интерпретацию и спекулятивную трансформацию философии «идеологов»), — есть очень важное замечание о том, что гражданское общество — «истинный очаг и арена всей истории»⁴⁰. Власть гражданского общества представляется «невидимой рукой», которая осуществляет господство над индивидами и помимо них. Объект критики Маркса (как и Оуэна и Фурье) — всеобщая зависимость, навязанная невидимой рукой коммерции. Спасение дает лишь «контроль и сознательное господство над силами, которые, будучи порождены воздействием людей друг на друга, до сих пор казались им совершенно чуждыми силами и в качестве таковых господствовали над ними»⁴¹. В «Немецкой идеологии» производительные силы понимаются как выражение человеческой деятельности и подчиняют определенному ритму развитие истории. В капиталистическом обществе, как его видит Маркс в тот период, отношение между творческой деятельностью человека и продуктами его труда почти исчезает, потому что повсюду вмешиваются отношения полезности. Именно поэтому в центре критических размышлений Маркса находится Дестют де Траси, который отождествляет частную собственность и личность вообще⁴². Ему нельзя по крайней мере отказать, пишет Маркс, «в откровенности и бесстыдстве», если он «отождествляет себя как буржуа с собой как индивидом»; но теоретическое отождествление собственности буржуа с человеческой индивидуальностью необоснованно⁴³. Сходным образом И. Бентам, английский идеолог, по преимуществу стремится вызвать интерес к себе и своей жизнедеятельности⁴⁴. От каждой человеческой способности «требуется чуждый ей продукт»⁴⁵. Творческая деятельность человека подчинена отношениям полезности, высшим материальным выражением которых являются деньги — «представитель стоимости всех вещей, людей и общественных отношений»⁴⁶.

Иными словами, критика отчуждения человеческой личности является, в конечном итоге, критикой отношений полезности рыночного типа. В этой критике важное место зани-

⁴⁰ Там же, т. 3, с. 35.

⁴¹ Там же, с. 36.

⁴² См. там же, с. 216.

⁴³ Там же, с. 217.

⁴⁴ См. там же, с. 201.

⁴⁵ Там же, с. 410.

⁴⁶ Там же.

мает Рикардо, потому что это позволяет Марксу интерпретировать весь комплекс общественных буржуазных отношений как выражение широкой системы власти, имеющей прочную структуру (от власти собственников до государственной власти и власти представителей идеологии), сущность которой заключена в форме богатства вообще. В этом вопросе Рикардо стоял далеко впереди Прудона, потому что его идея богатства гораздо более абстрактна, она может включать в себя большее количество специфических форм. Тем не менее эта интерпретация вклада, внесенного Рикардо в политическую экономию как науку, оставаясь постоянной целью размышлений Маркса, представляет рикардианство как частный момент общей концепции богатства, которое, став абстрактным, может обретать все те новые свои черты как выразителя господства и власти, которые допускает трансформированная форма фигуры раба-хозяина. В своих поисках Маркс никогда не откажется от этой линии интерпретации: не случайно «Капитал» начинается с изучения товара и стоимости. Стоимость — это как раз материальное выражение, в рамках обмена, отношений господства и силы, которые ее обуславливают.

Тем не менее в 50-е годы у Маркса появляется новое убеждение в том, что Рикардо (даже полностью приняв общественную форму обмена) пришел к выводу, что основным и первичным элементом является рост производительности труда и что последний имеет тенденцию вступать в противоречие с предполагаемой формой обмена. У молодого Маркса об этом нет ни слова. Его критика системы обмена — это критика отношений полезности, которые накладываются как чуждые отношения на потребности предметного существа, каким является человек. Новый фактор (рост производительности труда), сталкиваясь с общественными отношениями, показывает их несостоятельность в течение длительного времени. Он делает автономной стоимость свободного времени, освобождает рабочее время от его функции быть первичным условием богатства, создает материальные условия для массового формирования богатых индивидуальностей.

Маркс стремился объединить два направления собственных исследований, и «Капитал» как раз явился результатом этих его усилий. Тем не менее именно это стремление постоянно подвергалось критике. Маркс — «пророк», «гуманист», «философ» — всегда был тем, кто подвергал критике буржуазные отношения производства и обмена; Маркс-ученый был тем, кто продолжил тему Рикардо о росте производительности труда. Объединение двух направлений, в результате которого «высвободившееся время» становилось материальным условием для теоретической и практической критики системы обмена, не нашло своего полного воплощения. С полити-

ческой точки зрения оно предоставляло свободу действию капиталистической системе и вообще осложняло проблему признания связи между социализмом и свободой. И все же только объединение этих двух направлений могло способствовать завершению программы исследований Маркса, которая, как известно, касалась и политики, и теории государства, и индивида. В этом смысле, развив тему противоречия между отношениями собственности и материальными производительными силами и изложив законы рождения, жизни и гибели общественных формаций, Маркс заключил «Предисловие» к работе «К критике политической экономии» следующими словами: «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации. Буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного процесса производства... но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают вместе с тем материальные условия для разрешения этого антагонизма. Поэтому буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества»⁴⁷.

Этот диагноз относительно процесса преобразования общества останется для Маркса установленной истиной. Он повторит его на одной из страниц «Капитала», где подвергнет критике воззрение, согласно которому лишь отношения распределения, а не производственные отношения являются историческими. Это воззрение, особенно у Дж. Стюарта Милля, «основано на смешении и отождествлении общественного процесса производства с простым процессом труда, который должен совершать и искусственно изолированный человек без всякой общественной помощи. Поскольку процесс труда есть лишь процесс между человеком и природой,— его простые элементы остаются одинаковыми для всех общественных форм развития. Но каждая определенная историческая форма этого процесса развивает далее материальные основания и общественные формы его. Достигнув известной ступени зрелости, данная историческая форма сбрасывается и освобождает место для более высокой формы. Наступление такого кризиса проявляется в расширении и углублении противоречий и противоположностей между отношениями распределения, — а следовательно, и определенной исторической формой соответствующих им отношений производства — с одной стороны, и производительными силами, производительной способностью и развитием ее факторов — с другой стороны. Тогда разражается конфликт

⁴⁷ Там же, т. 13, с. 7—8.

между материальным развитием производства и его общественной формой»⁴⁸.

В этом втором теоретическом изложении преобразования исторических форм ближе всего к отрывку, процитированному выше, находится упоминание о производительности (то есть о субъективной характеристике производительных сил). Кроме того, конфликты в сфере распределения считаются признаками более глубокого кризиса.

Об этом последнем аспекте вопроса следовало бы напомнить тем, кто и в наше время спросит причины конфликта лишь к сфере распределения богатства. На самом деле здесь участвует и способ производства, на который ссылается Маркс, цитируя работу неизвестного автора «Competition and Co-operation»⁴⁹. По мнению Маркса, развитие производительности труда создает материальные условия для исторического преобразования одного способа производства, основанного на конкуренции, в способ производства, основанный на кооперации. Теперь уже предметом обсуждения является не только отчуждение (отрицательное условие), но и повторное присвоение (как положительное условие, связанное с возможностью направить достигшую высокого уровня производительность труда в русло свободной ассоциации производителей). Экономика, если ее изучать критически, проливает свет на материальные условия свободы, а также указывает путь к ее достижению. Тем не менее мысль о том, что она свидетельствует также и о высшей степени отчуждения отношений собственности и указывает, каким образом подойти к их модернизации, постоянно сталкивается с первой возможностью. И в самом деле, подобное столкновение позволяет представить в общих чертах картину классово-вой борьбы и причин этой борьбы.

4. Развитие производства и денежное обращение

Понятие «деньги», по Марксу, имеет три качества. Во-первых, они понимаются как идеальная мера, как наделение

⁴⁸ Там же, т. 25, ч. II, с. 456.

⁴⁹ Работа, о которой идет речь, называется „A Prize Essay on the Comparative Merits of Competition and Cooperation“, London, 1834. В ней неизвестный автор в весьма реалистической форме излагает условие: если машины снижают стоимость жизненно необходимых товаров, то они «удешевляют и самого рабочего». С другой стороны, в работе показано, как вмешательство церковных приходов использовалось для поддержания конкуренции между ткачами у машин и ткачами, работавшими вручную: «Конкуренция между ткачами, работавшими вручную, и ткачами, имевшими механический ткацкий станок, поддерживалась налогом на бедных». Трудящиеся «из уважаемых, до некоторой степени независимых ремесленников были превращены в жалкие существа, которые живут, получая подаваемый им, как милостыню, хлеб».

товара ценой. На этом уровне цена предполагает обращение, хотя эта возможность не обязательно реализуется. Для того чтобы эта возможность стала реальностью, товар должен действительно обращаться — «реализовываться». Точно так же, как идеальные меры, то есть как соответствующие цены, присвоенные товарам до их действительного обращения, сами товары сравниваются на основе затраченного общественного труда, материальным выражением которого они являются. В действительности в процессе обмена они должны измеряться в деньгах. На этом «втором» уровне отношения уже не носят «идеального» характера. В процессе взаимного учета товарам и деньгам могут встретиться случайные препятствия (изменение стоимости товаров, или стоимости денег, или того и другого сразу). Экономисты (Рикардо, Сэй, Джеймс Милль и др.) стремятся объединить эти два момента. Отношениям купли-продажи они придают умозрительный характер, считая их выражением тождественности. Таким образом, отрицая разделение двух понятий и двух моментов, они в зародыше пресекают жизненную основу кризисов, видят гармонию там, где кроется источник противоречий. Исторически именно это разделение сделало самостоятельно существующей реальностью торговые сословия. Обмен сам по себе не является исключительной принадлежностью капитализма, как не являются ею общее падение или рост цен. Это явление становится капиталистическим, когда деньги становятся *выразителем* богатства вообще. В этом случае к идеальному характеру цены как меры, а к обмену как столкновению цен на рынке добавляется чисто рыночное по характеру явление — *автономность* денег как эквивалента богатства вообще, как *сокровища*.

После появления этой третьей характеристики деньги уже нельзя представлять как просто средство обмена, как механизм, заставляющий обращаться богатство. Они — предмет вожделеющих богатства, источник отношений собственности. Говоря об этом их третьем свойстве, Маркс воздает должное крупным теоретикам меркантилизма (У. Петти и П. Буагильберу), хотя и обвиняет их в фетишизме. Новая политическая экономия критиковала фетишизм, но на деле она лишь рафинировала его, не освободившись от него полностью. Отношения собственности, к которой стремились жаждущие богатства, отнюдь не исчезли. Юридическая надстройка, идеология приближают все виды человеческой деятельности (даже наиболее чуждые им) к форме отношений собственности. Это происходит потому, что всегда есть стремление к овладению богатством, к которому современное буржуазное общество приспособливает свои формы. Отсюда возникает потенциальное всеобщее стремление к владению. Буржуазная собственность подвержена колебаниям стоимос-

ти, а это означает, что ей, возможно, придется оказаться вовлеченной в отношения обмена. С другой стороны, стремление богатства к автономности, то есть тенденция к установлению отношений собственности и обладанию относительной властью, является тем стимулом, от которого зависит сам обмен.

Простую модель, о которой мы рассказали (более сложная модель, вовлекающая капитал, воспроизводит в более детально разработанной форме тот же простой процесс), Маркс разработал, исходя из *идеальности* или *всеобщности* цен (стоимостей), с тем чтобы перейти к *случайности-особенности* обмена, в котором цены должны реализовываться как меновые стоимости, и в конце концов к *сущности* меновой стоимости, которая выходит за рамки процесса, становится автономной и является его целью и стимулом. Исходный момент процесса — первичная *идеальность* (богатство как сумма цен), которая реализуется, сопровождаемая случайностью в действительном обмене, и выходит из процесса в виде денег, ставших стоимостью. Природу проблемы можно прояснить, проведя сравнение с Рикардо. Рикардо признает, что в политической экономии приходится иметь дело с меновой стоимостью, однако затем ограничивается рассуждениями о распределении продукта, «как будто в понятии богатства, основанного на *меновая стоимость*, речь идет только о *потребительной стоимости*, а меновая стоимость является всего лишь церемониальной формой»⁵⁰. Он приходит к выводу, что богатство растет только в своей материальной форме, то есть как потребительная стоимость. Но объективно, когда увеличиваются относительная прибавочная стоимость и капитал в абсолютном выражении, увеличивается также и меновая стоимость, «существующая не в качестве эквивалента для уже имеющихся в наличии меновых стоимостей или уже имеющегося в наличии рабочего времени»⁵¹.

Для Рикардо «в той же самой пропорции, в какой возрастает производительная сила данного количества труда — данной суммы капитала и труда, — падает меновая стоимость продуктов, и удвоенное количество продуктов имеет ту же самую *стоимость*, какую прежде имела половина этого количества»⁵². Уже установлено априори, что можно продать некоторое количество продуктов труда и можно продать удвоенную массу того же самого товара. Но увеличение массы — это лишь средство для определения излишка стоимости. Если верно то, что стоимость относительна, то верно и то, что, «для того чтобы стоимость прибыли повыша-

⁵⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, с. 288.

⁵¹ Там же, с. 309.

⁵² Там же, т. 44, с. 102.

лась, в наличии должно быть нечто третье, стоимость которого падает... Избыток состоит не в этом обмене, хотя и реализуется только в нем. Избыток состоит в том, что... в той же самой мере, в какой увеличивается производительная сила труда, стоимость заработной платы уменьшается»⁵³. Кроме того, обмен является решающим фактором реализации, то есть перехода от «идеальности» цен к реальности рынка, определяющего их взаимодействие. Иными словами, «обмен ограничен средствами и потребностями других в каждом определенном товаре, который может быть произведен в пределах какой-либо страны и даже какого-либо данного рынка в составе мирового рынка»⁵⁴. Это означает, что производству должно противостоять контрпроизводство, активный спрос. Рикардо решает проблему, утверждая, что капитал всегда можно перебросить в «некоторую» другую сферу применения; однако, замечает Маркс, «в слове «некоторую» как раз и заключается суть вопроса»⁵⁵. Кроме того, в то время как Рикардо постоянно говорит о капитале, который из одной отрасли производства перебрасывается в другую, капитал нередко «в значительной своей части состоит из небольшого недвижимого имущества» и разрушается, когда труд освобождается от своей связи с ним⁵⁶.

Итак, Маркс спорит с Рикардо, ибо тот исключил третье свойство денег и значительно приблизил второе к первому. С одной стороны, жажда денег стала нормой в системе, где прибыль — лишь показатель производительности; с другой, относительные определения стоимости, находящие выражение в движении капитала, сдвинуты в область «идеальности», что сглаживает имеющиеся противоречия. Систематический рост производительности труда обеспечивается без проблем с помощью рынка. Сводя роль денег и капитала к роли средств обращения (идеального со многих точек зрения), забывают о выходе из процесса (обретении автономности) денег как порождения исторически детерминированных отношений собственности и власти. Маркс сопоставляет рикардовскую теорию возросшей производительности труда с позицией современного меркантилизма Дж. Д. Стюарта⁵⁷, считая ее не результатом развития органического социального процесса (то есть обмена), а средоточием форми-

⁵³ Там же, с. 129—130.

⁵⁴ Там же, с. 132.

⁵⁵ Там же, с. 133.

⁵⁶ Там же, с. 124.

⁵⁷ «Стюарт является... рациональным выразителем монетарной и меркантилистской системы» (там же, т. 26, ч. I, с. 11). В действительности Стюарт полностью поглощен иллюзией *profit upon alienation* (прибыли от отчуждения); однако не следует забывать, что эта иллюзия — необходимость для капиталистической системы, которая изображает бесплатное присвоение рабочей силы как обмен.

рования жажды власти господствующих сословий. «Меркантилизм» в этом вопросе противостоит «упрощенчеству» Рикардо.

5. О производстве и обращении вообще

Мы уже приводили выдержку из «Капитала», в которой Маркс подчеркивает, что, «поскольку процесс труда есть лишь процесс между человеком и природой, — его простые элементы остаются одинаковыми для всех общественных форм развития». И тотчас же он добавляет, что «каждая определенная историческая форма этого процесса развивает далее материальные основания и общественные формы его»⁵⁸. Почти то же самое Маркс говорит в письме Кугельману от 11 июля 1868 года (это утверждение он, как мы увидим, повторит еще не раз): «...анализ реальных отношений, который я даю, все равно содержал бы в себе доказательство и подтверждение действительного отношения стоимости. Болтовня о необходимости доказать понятие стоимости покоится лишь на полнейшем невежестве как в отношении того предмета, о котором идет речь, так и в отношении метода науки. Всякий ребенок знает, что каждая нация погибла бы, если бы она приостановила работу не то что на год, а хотя бы на несколько недель. Точно так же известно всем, что для соответствующих различным массам потребностей масс продуктов требуются различные и количественно определенные массы общественного совокупного труда»⁵⁹.

Этот текст приведен как наиболее выразительное свидетельство постоянного натурализма Маркса. Категории производства вообще придается значение абстракции, характеризующей материальное содержание любой формы производства, которое, пройдя через всяческие видоизменения, остается постоянным и по существу неизменным. Не вызывает сомнения трезвая идея Маркса о том, что все общества являются производителями потребительных стоимостей, тех благ, которые позволяют осуществлять первичный обмен человека с природой. Формы присвоения меняются, содержание остается. Капиталистическое буржуазное общество является как раз той формой общественной организации, которая делает возрастание стоимости богатства (валоризацию) средством, увеличивающим наличие средств обмена. Специфика этой формы — в препятствиях, которые ставят общественные отношения способу производства, в постоянной угрозе кризиса.

Кроме того, мы хотели бы подчеркнуть, что слово «об-

⁵⁸ Там же, т. 25, ч. II, с. 456.

⁵⁹ Там же, т. 32, с. 460.

щий» имеет у Маркса не только одно значение. Маркс использует в своих целях грамматику, завещанную ему логикой Гегеля, и в частности логикой понятия с его тремя определениями *общего*, или *универсального* (всеобщего), *особенного* и *единичного*. Когда Маркс анализирует *капитал вообще*, он предполагает, что все исторические потенциальные возможности, содержащиеся в понятии «капитал», уже получили свое развитие или могут быть развиты. Особенность и единичность являются не только чертами общего понятия, они являются также моментами, которые ему противоречат, или, как в случае «единичного», «извлекают» его из абстрактности всеобщности. Так, в сфере *особенного* находятся конкуренция и кризисы; к сфере *единичного* относится выход «общественного индивида» из капиталистической системы как формации. Особым предметом исследования Маркса, естественно, является капитал вообще, то есть капитал, который гипотетически способен развить все свои потенциальные возможности. Только таким образом Маркс думал измерить жизнеспособность способа производства, развитие его внутренней логики при наличии препятствий или противоречий, которые определяли это понятие. Тем не менее капитал вообще, или капитал согласно его концепции, не является определением значения некоего наименования. Если разговор о капитале вообще имеет смысл (а это не простое производство, которое существует во все эпохи), то дать его определение можно лишь в рамках исторического процесса, выявив в исторических фактах те элементы, взаимодействие которых дало переломный толчок капиталу, чтобы тот сделал первые шаги. Капитал предполагает наличие определенных социальных условий, которые не являются капиталом, если их взять изолированно, но становятся им в момент, когда они вступают во взаимодействие между собой и навязывают обществу некое движение. Возможности капитала «заложены», таким образом, в нем самом, они составляют его основу и развиваются в той мере, в какой это позволяет эта основа, или база.

Такие предпосылки носят общественный характер, то есть не являются простыми техническими условиями производства, ставшими социально доступными. Напротив, они заключают в себе существование классов и эксплуатацию одного класса другим. На языке Маркса это можно выразить положением о том, что капитал является не абсолютной, а *исторической* формой производства, причем такой, при которой элементы ее генезиса становятся «естественными» условиями, тормозящими развитие производительных сил. Тем не менее он отражает тенденцию к абсолютной форме производства, и эта тенденция находит выражение в специфических формах капитала, связанных с жадной обо-

гашения, о которых уже шла речь выше. Таким образом, капитал — особая реальность, которая отражает универсальную тенденцию. Сравнивая Рикардо и Сисмонди, можно сказать, что первый больше понял «универсальную тенденцию» капиталистического производства, а второй — его «специфическую ограниченность» как главную фактическую реальность⁶⁰. Для Рикардо способность преодолевать препятствия заключена «в природе капитала». Сисмонди обнаруживает противоречия и хотел бы их устранить с помощью внепроизводственных препятствий — этических, юридических и пр. Рикардо акцентирует внимание на «универсальности», превознося простое производство (которое как таковое входит в капиталистическое производство) как *производство вообще*, когда его охватывает стремление к абсолюту, свойственное капиталу. Поэтому, чтобы капитал не оказался втянутым в кризис, Рикардо должен отвлекаться «от всех его специфических свойств, от определений его понятия» и рассматривать «его, наоборот, как простое производство ради *непосредственной потребительной стоимости*»⁶¹. Р. МакКуллох, Джемс Милль, Ж. Б. Сэй, как мы уже говорили, прямо отождествляют спрос и предложение. Момент возрастания стоимости, обретения автономности меновой стоимостью сбрасывается со счетов, а производство и потребление взаимно отождествляются, как если бы речь шла об абсолютной, а не определенной исторической форме производства.

Во избежание недоразумений стоит напомнить, что под абсолютным производством Маркс понимает тип организации производства, при котором универсальное развитие производительных сил имеет в качестве единственной предпосылки «преодоление исходного пункта». Иными словами, под абсолютной формой производства понимается форма, основанная единственно на состоянии техники, развитии производительности и способности субъектов предвидеть социальные потребности (вспомним неизданный проспект «Нищеты философии»). Капиталистическое производство не является абсолютным производством этого типа, даже если оно и стремится стать им, то есть, на языке Маркса, стремится развивать *производство вообще*. Последнее — абстракция, которая позволяет установить тип абсолютной формы развития производительных сил. Таким образом, ссылаясь на Рикардо, Маркс может написать: «Рикардо рассматривает капиталистический способ производства как самый выгодный для производства вообще... и Рикардо вполне прав для своей эпохи»⁶². В другом месте он говорит о пределе, при-

⁶⁰ Там же, т. 46, ч. I, с. 388.

⁶¹ Там же, с. 388—389.

⁶² Там же, т. 26, ч. II, с. 123.

сущем «не производству вообще, а производству, основанному на капитале»⁶³.

Еще большую важность приобретает значение термина «производство вообще», когда он связан с абстрагированием от различных форм производства через посредство их общей основы. Маркс в этом случае сказал бы: если исключить особые определения различных способов производства, абстрактное понятие, полученное в результате, является тем, что Гегель называет основой, то есть тенденцией, потенциальной возможностью, которую обретает понятие относительно особых определений, которые «пошли ко дну». Иначе говоря, если я рассматриваю общую сущность, которая реализуется в различных способах производства, освобождая ее от ее особых определений и не отождествляя ни с одним из них, я не остаюсь с простой абстракцией на руках, а вытаскиваю на свет тенденцию, движение действительности. Маркс тоже пытается логически выявить основу. Когда она выявляется на фоне различных способов производства, в ней есть нечто определенное, определенность как раз производства вообще, или абсолютного производства. Прочтите следующий отрывок, который, как нам кажется, совершенно непонятен, если не учитывать изложенных выше пояснений:

«Если свести заработную плату к ее общей основе, то есть к той части продукта собственного труда, которая входит в индивидуальное потребление рабочего; если освободить эту долю от капиталистических ограничений и расширить ее до того объема потребления, который, с одной стороны, допускается наличной производительной силой общества (то есть общественной производительной силой собственного труда рабочего как действительно общественного труда) и которого, с другой стороны, требует полное развитие индивидуальности; если далее свести прибавочный труд и прибавочный продукт к той мере, которая при условиях производства в данном обществе необходима, с одной стороны, для образования страхового и резервного фонда, с другой стороны, для непрерывного расширения воспроизводства в степени, определяемой общественной потребностью, если, наконец, включить в № 1 необходимый труд, и в № 2 — прибавочный труд, то количество труда, которое работоспособные члены общества постоянно должны затрачивать в пользу еще или уже неработоспособных его членов, то есть если снять с заработной платы, как и с прибавочной стоимости, с необходимого труда, как и с прибавочного, специфически капиталистический характер, то останутся уже

⁶³ Там же, т. 46, ч. I, с. 392.

не эти формы, но лишь их основы, общие всем общественным способам производства»⁶⁴.

В конце этой выдержки читатель, вероятно, ожидал ссылки не на *общую основу*, а, напротив, на то, что Маркс называет абсолютным производством, а это как раз производство, которое исходит из уровня развития техники и человеческой личности. Вспомните, как в «Критике Готской программы» Маркс утверждает, что из совокупного общественного продукта следует вычесть то, что нужно для восстановления израсходованных средств производства, затем — часть для расширения производства, резервный фонд и фонд страхования от несчастных случаев, убытки, понесенные вследствие стихийных бедствий, и т. д., затем — общие административные издержки, которые не входят в производство, затем — то, что предназначено для удовлетворения общественных нужд (школы, лечебные учреждения и т. д.), фонд для нетрудоспособных, чтобы в конце концов прийти к индивидуальному распределению того, что останется от совокупного общественного продукта. Ход рассуждений здесь обратный (от совокупного общественного продукта к распределению — во втором случае; от обнажения форм капиталистического распределения, чтобы выделить общественный фонд, — в первом случае), но суть одна и та же. И все-таки во втором случае Маркс говорит о коммунистическом обществе, а в первом — об обнажении основ капиталистического общества. Тайну можно разгадать, лишь предположив, что обнажение основы (если не вдаваться в подробности) выявляет «основу» как сущность той абсолютной тенденции, которой в капиталистическом обществе противостоят историко-фактологические формы способа производства — деление на классы и эксплуатация классов. Через основу мы добиваемся до производства вообще, а от сочетания производства с богатой индивидуальностью — к совершенно определенному отношению субъект — объект, а следовательно, к возможности возникновения коммунистического общества.

Мне не кажется, что в связи с этим сочетанием богатой индивидуальности и производительных сил, то есть в связи с проблематикой обнажения форм, следует говорить о натурализме. Напротив, речь идет о двух условиях: о производительности труда, с одной стороны, и богатой индивидуальности, — с другой. Пока материальные условия производства позволяли, чтобы труд многих служил формированию богатой индивидуальности меньшинства, было невозможно какое-либо обнажение основы. Когда же развитие производительности труда позволяет комбинировать эти два элемента — производительность и индивидуальность — таким об-

⁶⁴ Там же, т. 25, ч. II, с. 448.

разом, что становится материально возможным обеспечить свободное время массам и массы могут использовать его для формирования собственной богатой индивидуальности, тогда этот процесс обретает форму коренной перестройки всей истории человеческого общества, его революционно-го преобразования, в центре которого находится рост богатства и свободы масс. После превращения *производства вообще* в абсолютную форму производства можно рассматривать капитал как форму, стремящуюся только к абсолютному; однако в силу своих собственных свойств она, эта форма, не в состоянии этого осуществить.

Стремление подойти к производству вообще, или абсолютному производству, не обнажая его форм и не возвращая их к собственной основе, приводит к возвеличиванию капиталистического способа производства как абсолютной формы производства; иначе говоря, происходит подмена тенденции реальностью. Рикардо очень редко и не до конца понимает исторически преходящий характер капиталистического способа производства. Обычно он превращает капиталистическое производство в абсолютное производство, упраздняя его основы, забывая о генезисе категорий. Для его научного исследования типичны «редукция» и исключение тех аспектов, которые противостоят или противоречат его обобщениям. Например, для его метода исследования капиталистического способа производства характерно то, что проблема «реализации» в его расчетах принимается как уже решенная. В рассуждениях о капиталисте-производителе трудности реализации предполагаются равными нулю. Рикардо доводит эту концепцию до крайности, утверждая, будто кризисы не существуют даже как возможность, а те явления, которые некоторые экономисты называют этим именем, — просто-напросто осложнения, возникающие при перемещении капиталов из одной отрасли в другую.

Если затем принять концепцию капитала, приносящего доход (то есть концепцию экономистов дорикардовского периода, которую Маркс не считает возможным сбросить со счетов, ибо она неотделима от характеристики капиталистического общества), то сам производственный процесс окажется весьма запутанным, обретет видимость жесткой необходимости, которая, однако, лишь отражает то, что для капиталиста единственно важно, а именно возрастание меновых стоимостей. В этом случае рост производительности становится лишь средством для увеличения производства меновой стоимости. Идея Маркса состоит в том, что фигура капиталиста — производителя прибыли «с необходимостью» возникает вследствие того, что юридическая собственность на капитал отделяется от экономической собственности на него и присвоение части прибыли, под названием процента,

осуществляется таким *потенциальным капиталом* — или таким *собственником капитала*, — который совершенно отделен от процесса производства»⁶⁵.

Как мы уже отмечали, Прудон полагал, что абсолютное производство станет видимым, если исключить «из игры» эти формы. С точки зрения Маркса, как мы знаем, эти формы устранять нельзя. Устранить их — то же самое, что притвориться, будто их не видишь. Однако это не исключает того, что и Маркс в сложном перемещении товаров и капиталов стремился методологически изолировать производство от обращения. И все-таки здесь речь идет как раз об умении рассматривать комплексное их соединение во всех его проявлениях, так как оно, в конце концов, хотя бы в общих чертах не должно быть представлено упрощенно. Теоретически этот тип методологии направлен как бы против двух точек зрения, составляющих предмет спора: редукционизма Рикардо и философских рассуждений Гегеля, понимаемых как прямое отождествление производства и потребления, накопления и дохода. Иными словами, Маркс великодушно допускает, что действительное движение может проявиться в виде, оправдывающем редукцию реальности к некоей общей перспективе, исходя из которой, однако, Рикардо сводит исключительные аспекты действительности к норме. Как бы то ни было, универсальность, к которой тяготеет буржуазное производство, — это богатство в его общей форме, то есть в форме денег.

«...Капитал полагает *производство* самого богатства, а потому и универсальное развитие производительных сил, беспрестанные перевороты в своих существующих предпосылках. Стоимость не исключает никакой потребительной стоимости; следовательно, никакой особый вид потребления и т. д., общения и т. д. она не включает в качестве абсолютного условия; и точно так же всякая ступень развития общественных производительных сил, общения, знания и т. д. является для капитала лишь таким пределом, который он стремится преодолеть. Сама его предпосылка — стоимость — положена как продукт, а не как витающая над производством более высокая предпосылка. Пределом для *капитала* служит то обстоятельство, что все это развитие протекает антагонистично и что созидание производительных сил, всеобщего богатства и т. д., знания и т. д. происходит таким образом, что трудящийся индивид отчуждает самого себя; к тому, что выработано им самим, индивид относится не как к условиям *своего собственного*, а как к условиям *чужого богатства* и своей собственной бедности. Но сама эта антагонистичная форма преходяща и создает реальные ус-

⁶⁵ Там же, т. 26, ч. III, с. 483.

ловия своего собственного уничтожения. Результатом является всеобщее — по своей тенденции и по своим возможностям — развитие производительных сил и вообще богатства в качестве базиса, а также универсальность общения и поэтому мировой рынок в качестве базиса»⁶⁶.

Возможность перехода развития производительных сил в развитие богатой индивидуальности обеспечивается тем, что произведенное богатство сейчас, как и раньше, автономно и имеет тенденцию отграничиться и отчуждаться от отношений собственности. Капитал — это не общественная функция, а отношение власти и владения. Это отношение скрывается за видимостью исключительной общественной значимости, но оставляет открытыми ворота для субъективного присвоения.

Тенденция к абсолютному производству выражается у капитала в стремлении создать повсюду предпосылки для обращения. Время обращения само по себе является *«пределом для возрастания стоимости»*⁶⁷. Стремление свести к нулю время обращения является необходимым следствием всего этого. «...Если бы обращение не вызывало никаких перерывов, если бы скорость обращения была абсолютной, а его продолжительность равна нулю, т. е. если бы обращение не занимало времени, то это было бы лишь то же самое, как если бы *капитал* имел возможность возобновить свой процесс производства непосредственно после его завершения»⁶⁸. Очевидно также, что сведение к нулю времени обращения, по модели Маркса, — это максимум того, чего может достигнуть время производства, то есть тот промежуток времени, за который осуществляется производство стоимости, тем не менее опосредствованное реальным процессом производства, потому что если бы мы хотели свести весь процесс производства к валоризации (возрастанию стоимости), то само время реального производства с точки зрения стоимости стремилось бы к нулю. А согласно точке зрения Рикардо о примате капитала — производителя товаров, никакая скорость обращения не сможет увеличить воспроизводство капитала или, точнее, повторить процесс валоризации за пределами этой (идеальной) точки, по длительности равной нулю. «Время обращения само по себе не является *производительной силой* капитала, а представляет собой ограничение его *производительной силы*, вытекающей из природы капитала как меновой стоимости»⁶⁹. С точки зрения Рикардо, трудности валоризации некоего определенного капитала автоматически сводятся на нет благодаря многочисленным вариантам

⁶⁶ Там же, т. 46, ч. II, с. 34—35.

⁶⁷ Там же, с. 36.

⁶⁸ Там же, с. 38.

⁶⁹ Там же.

помещения капитала вообще. Для Маркса это лишь идеальное стремление капитала, которое сталкивается с реальностью обращения, и тем не менее, будучи стремлением, оно является частью действительности, потому что побуждает к действиям, порождает надежды и затемняет те аспекты действительности, которые им противоречат.

С позиции «вообще» «непрерывность производства предполагает необходимость снятия времени обращения»⁷⁰. Получается явное расхождение между идеальностью и реальностью. Торговый капитал имеет первостепенное значение⁷¹. И все же последний, как и банковский капитал, способствует созданию этой видимости идеальности. Кредит как «мера» прибавочной стоимости подчиняет себе деньги как средство обращения. Маркс показывает, как Рикардо стремится принять за некую данность «общий уровень прибыли» на основе отношения «совокупной прибыли к совокупной заработной плате, и этот уровень не изменяется вследствие конкуренции»⁷².

В объяснении, которое дает Рикардо, основной предпосылкой является «конкуренция без ограничений». Это равноценно утверждению, что «законы капитала реализуются полностью лишь в рамках неограниченной конкуренции и промышленного производства». На этом производственном базисе и на основе этих производственных отношений капитал развивается адекватно, и, следовательно, его имманентные законы обретают здесь полную реальность». Но если дела обстоят именно таким образом, замечает Маркс, то «следовало бы показать, каким образом неограниченная конкуренция и промышленное производство являются условиями осуществления капитала, условиями, которые капитал сам должен производить во все большей степени». Здесь же, напротив, гипотеза обретает идеальный вид лишь «внешне и

⁷⁰ См. там же, с. 42.

⁷¹ В письме Энгельсу от 30 апреля 1868 года Маркс, исходя из предполагаемой стоимости производства, пытается вычислить, каким образом торговый капитал влияет на среднюю норму прибыли. Если известны промышленный капитал общества и общая сумма торгового капитала, то, согласно гипотезе Маркса, коммерсант извлекает из своего капитала среднюю норму прибыли. Впрочем, под действием торгового капитала снижается средняя норма прибыли для отдельно взятого промышленного капитала. В этом случае «товары — в своей совокупности и в масштабе всего общества — продаются по их стоимости». Торговый капиталист реализует всю сумму общественного богатства, тогда как его собственный капитал в сочетании с промышленным нужен ему лишь как денежный оборотный капитал. «Все, что купец присваивает сверх... является либо результатом простого мошенничества, либо спекуляцией на колебаниях товарных цен, либо — у собственно розничных торговцев — это заработная плата, хотя и за паршивый непроизводительный труд, которая уплачивается в форме прибыли» (там же, т. 32, с. 64).

⁷² Там же, с. 50.

произвольно», не как развитие самого капитала, а как логические предпосылки этого развития. Впрочем, только таким образом у Рикардо «есть намек на историческую природу буржуазных экономических законов»⁷³. Иначе говоря, Рикардо считает, по мнению Маркса, решенным делом взаимодействие капитала с самим собой в форме чистого самовозрастания, которое через прибыль в процентах обеспечивает переход от экономической формы богатства к частнособственнической. Для Рикардо эта кажущаяся чистой форма является выражением не тенденции, которая сталкивается с жесткой реальностью капитала — производителя товаров (и которая, кроме того, подобно земельной ренте, возникла внутри отношений господства — рабства, выходящих за рамки капиталистической формы производства), а некоей самостоятельной реальности. Рикардо не понял процесса формирования капитала, его истории: «он всегда говорит только о делении готового количества продукта, а не о первоначальном возникновении этого различия»⁷⁴ (между прибылью и заработной платой).

Итак, по существу, Маркс видит в процессе обращения и в его действующих лицах некое образование, которое обусловливает своим генезисом и настоящее, несмотря на то что его пришлось определенным образом изменить ради соответствия концепции капитала. Соответствие здесь не логическое, не натуралистическое, а логическо-историческое, то есть оно определяется историческими, независимыми в основе своей предпосылками, ставшими затем функциональными при капиталистическом способе производства. Это не исключает того, что при раскрытии исторических форм в них не удастся распознать того, что Маркс определил как их общую основу.

Но раскрытие форм, обнаружение общей основы является в действительности генезисом того, что у Рикардо выступает как развитие производительности труда, как производство вообще и стремление к абсолюту. Эта тенденция проявляется в капиталистическом обществе в определенных исторических условиях в смысле как воображаемого его ограничения, так и «противоречия» ему на практике. И капитал, который в воображении выступает как субъект, развивающий сам себя (самовалоризирующий), на самом деле застывает в той или иной постоянной своей форме. Например, пока он не попадет на рынок, он — простой продукт труда, пока он находится на рынке без движения, он — товар; пока он не может произвести обмен с условиями производства (рабочей силой и опредмеченным трудом), он — деньги.

⁷³ Там же, с. 52.

⁷⁴ Там же, с. 92.

Тенденцию к абсолюту, заложенную в капитале, помимо производства вообще, поддерживает еще и обращение вообще, то есть неукротимое стремление капитала не застывать ни в одной из этих своих форм. С другой стороны, капитал, являясь не производством вообще, а только стремлением к нему, является также не воплощением обращения вообще, а лишь стремлением к нему. Как говорится в «Критике Готской программы», в капиталистическом обществе (и даже в первой фазе коммунистического общества) не исчезнет «порабощающее человека подчинение его разделению труда»; труд — это средство для поддержания жизни, а не «потребность жизни»; с общим развитием индивидов производительные силы не выросли соответственным образом, и «все источники общественного богатства» тоже не льются «полным потоком»⁷⁵. Именно обращение вообще могло бы явить собой полный поток из всех источников общественно-го богатства. Следует предположить, что в коммунистическом обществе это способствовало бы устранению внешних препятствий и исключению кризисов. Но капитал освобождается от кризисов не на деле, а в воображении, потому что, как мы знаем, стоимость обращения предполагается равной нулю. В идеальном типе капиталистического производства реализация заранее и полностью осуществлена.

Время обращения аннулируется не в действительности, а лишь в условиях «идеальности» капитала, когда предполагается, что весь продукт уже реализован. Рикардо думает, что это, пусть не гладко, происходит и в действительности. Для Маркса речь идет здесь о двух воображаемых экспериментах (производство вообще и обращение вообще), для которых реальным отправным моментом является тенденция, свойственная капиталистическому обществу. Это равносильно тому, что Маркс сказал бы нам: произошло бы то же самое, если бы в понятие капитала входила и его сущность. Последняя, однако, глубоко отлична от первого, так как складывается из: земельной ренты, эксплуатации труда, разделения труда, отношений собственности, жажды наживы и власти. Предпосылкой для всего рассуждения послужил воображаемый эксперимент (впрочем, для Рикардо он был реальностью), в рамках которого капитал с его невероятной жизнестойкостью может считать свою *идеальность* уже *реализованной*, а собственные «стремления» «осуществленными»; научная ценность эксперимента состоит в том, что он исследуется ученым.

Именно принимая идеальные гипотезы Рикардо, Маркс использует их, чтобы показать, как за «поэзией» капитала, который обретает ценность, «самоотражаясь», скрывается

⁷⁵ Там же, т. 19, с. 20.

проза присвоения неоплаченного труда. Однако, независимо от этого, гораздо сильнее в работах Маркса звучит отказ от идеализации действительности. С научной точки зрения полезно предположить, что обращение вообще получило реальное воплощение (кризисы отсутствуют); однако не менее полезно осознавать их реальное существование как проявление варварства докапиталистической поры, которое порождается отношениями раба и господина, скрытыми в форме собственности. Конечно, не просто понять это сочетание историко-фактических элементов, реальных тенденций и экспериментальной «идеальности». В этой связи Грамши указывал на законы-тенденции, приписывая их авторство Рикардо. На самом деле они отвечают Марксову методу интерпретации Рикардо, когда естественные законы системы превращаются в выражение ее идеальных тенденций. В наши дни при поверхностном обращении с этой проблематикой выдается за некое благо то, что отношения подчинения и эксплуатации будто бы недоказуемы, что отношения собственности и власти исчезли с лица земли, что деньги — лишь средство обмена и что кризисы — это память о прошлом. Критика Рикардо Марксом оказалась в тени, а различие между производством, которое стремится к абсолюту, и абсолютным производством теряет всякий смысл. Но прежде всего упускается из виду то, что было у Маркса главным (хотя и не было им развернуто), а именно что тенденция, выраженная в концепции производства вообще и обращения вообще, означает в конечном счете воздействие развития производительности труда на отношения обмена и собственности. Если деньги выражают обретение автономности отношениями обмена внутри отношений собственности, то свободное время служит выражением автономности развития производительности труда в рамках материальных условий, необходимых для возникновения новой цивилизации. Границы этой альтернативы будут уточнены ниже еще и в связи с тем, что, если, с одной стороны, невозможно продемонстрировать очевидное (что отношения собственности порождают свойственные им власть и эксплуатацию), то, с другой, как будто утверждается идея, что жажда власти — явление внеисторическое, оно присуще человеку и действует при любых человеческих отношениях. Только жажда власти освобождает от рассуждений и прожектерства. Интересно здесь то, что для Маркса выход из этого донаучного положения заключается в подтверждении того, что «*omnis determinatio est negatio*» («всякое определение есть отрицание») и что в специфических условиях свободное время масс может превратиться в отрицание тех рабских условий, которыми проникнут капиталистический способ производства.

6. Свободное время и формирование общественного индивида

Очень важно длинное примечание Маркса из «Экономических рукописей 1857—1859 годов», где он пишет, что «созданию прибавочного труда на одной стороне соответствует на другой стороне создание минус-труда, создание относительного безделья (или, в лучшем случае, создание *непроизводительного* труда). Это понятно само собой, во-первых, применительно к капиталу, а затем также и применительно к тем классам, с которыми капитал делится [прибавочной стоимостью]; стало быть, применительно к живущим за счет прибавочного продукта пауперам, лакеям, прихлебателям и т. д., короче — к целой веренице капиталистической челяди; применительно к той части *обслуживающего класса*, которая получает средства к существованию [путем обмена] не с капиталом, а с доходом.

Между этим обслуживающим классом и *работающим классом* в их отношении ко всему обществу имеется существенное различие с точки зрения создания *свободного времени*, а затем также — с точки зрения создания времени для производства, науки, искусства и т. д. Ход развития общества состоит отнюдь не в том, что индивид, после того как он удовлетворил свои самые насущные потребности, создает для себя избыток; наоборот, так как определенный индивид или класс индивидов вынужден работать больше, чем это требуется для удовлетворения его самых насущных потребностей, так как на одной стороне создается *прибавочный труд*, то на другой стороне создается не-труд и избыточное богатство.

В реальной действительности развитие богатства происходит только в этих противоположностях; но именно само развитие богатства включает в себе возможность уничтожения этих противоположностей. Иными словами, такого рода возможность существует потому, что индивид может удовлетворить *свои собственные* самые насущные потребности, лишь удовлетворяя вместе с тем самые насущные потребности *другого* индивида и создавая для него сверх того избыток. В условиях рабства это осуществляется в грубой форме. Лишь в условиях наемного труда это приводит к *промышленности, к промышленному труду*.

Вот почему Мальтус вполне последователен, когда он наряду с прибавочным трудом и избыточным капиталом требует существования избыточных бездельников, которые потребляли бы, ничего не производя, или проповедует необходимость расточительности, роскоши, мотовства и т. д.»⁷⁶.

⁷⁶ Там же, т. 46, ч. I, с. 375—376.

Отрывок интересен тем, что позволяет по-новому оценить Маркса как пророка: здесь ясно сказано, что использование свободного времени в целях формирования богатых индивидуальностей в массе — это лишь одна из возможностей. Теоретическое предвидение заключено в рамки теоретического определения возможности. Это обстоятельство не ведет и не может вести к гармонии (экономические противоречия в противовес экономической гармонии Бастиа и Кэри), а открывает дорогу разного рода возможностям⁷⁷. Это интересно и с точки зрения изображения действительности, потому что при капиталистической системе верхушка заинтересована в развитии подчиненного класса, обменивающего свой труд на доход. Хотя капитал представляется буржуазии как ее частная собственность и в качестве таковой позволяет ей выступать в обществе в роли хозяина, ей приходится все же выполнять и некую социальную функцию. Иногда сам капиталист пытается оправдать себя, представляясь работником, выполняющим эту социальную функцию. На самом деле это отношения собственности. Именно поэтому Маркс настаивает на том, что капиталист имеет возможности индивидуально *выбирать* момент, когда его прибыль в социальном плане выглядит как доход и только в этом качестве может быть превращена в капитал. Однако такой выбор, как бы реален он ни был в индивидуальном плане, остается теоретическим в отношении класса, который должен не только производить и потреблять, но и заботиться о воспроизводстве своего капитала. Отсюда — возрастание реальной власти капиталиста в момент, когда он, оставаясь таковым, может тем не менее увеличить число наемных работников из тех, кто обменивает свой труд на его доход. Таким образом, Мальтус отчасти прав, и Маркс, не колеблясь, говорит об этом, несмотря на оправданную враждебность, которую он проявляет в отношении его тезисов. Подход к вопросу с этой точки зрения также показывает, что увеличение свободного времени за счет уменьшения рабочего времени, а затем за счет завоевания условий для культурного развития масс — это всего лишь «возможность», то есть результат совокупной борьбы, скоординированной во времени и пространстве в соответствии с историческим замыслом.

Но, возвращаясь к другой возможности, когда (при неменяющемся или весьма мало меняющемся положении рабочих) свободное время идет на создание роскоши для верхушки и на развитие функций обслуживания, следует подчеркнуть, что Маркс ссылается здесь не только на Мальтуса. Вопрос этот по-разному затрагивается всеми политэкономонами, включая Рикардо. Как мы знаем, Маркс критикует

⁷⁷ По этому вопросу см.: Гегель. Сочинения, М., 1937, т. V, с. 667.

Рикардо за то, что тот не сумел создать теорию денег для условий капиталистической системы. Тем самым он хочет упрекнуть его в том, что в отношении обмена он не увидел процесса обретения деньгами автономности и формирования отношений собственности. Классовое столкновение схвачено по сути (конфликтность между заработной платой и тем, что Рикардо называет прибылью), но этим дело и ограничивается. Антитеза принимает форму поиска максимума чистого продукта относительно валового продукта, и этот поиск оправдывается и превозносится как естественная необходимость. Социологическим последствием всего этого является то, что «в этой антагонистической форме... те классы общества, время которых лишь отчасти поглощено материальным производством или совсем не поглощено им, хотя они и пользуются плодами этого материального производства, должны быть возможно более многочисленны по сравнению с теми классами, время которых целиком поглощено материальным производством и потребление которых поэтому образует всего лишь одну из статей издержек производства, всего лишь условие того, чтобы они были такими выючными животными для высших классов. Это все же означает пожелание того, чтобы на рабство труда, на принудительный труд обрекалась возможно меньшая часть общества. И это есть самое большее из того, до чего добираются те, кто стоит на капиталистической точке зрения»⁷⁸.

⁷⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. III, с. 265. Несмотря на приговор, грозящий такой карой трудящимся, занятым в производстве, кара эта никогда не принимает такой формы, как в высказывании Ницше: «Я не понимаю, что хотят сделать из европейского рабочего. Он слишком хорошо живет, чтобы выдвигать немедленные требования: в конце концов численный перевес на его стороне. Совершенно нет надежды на то, что появится тип человека скромного и бережливого, раба, в умеренном значении этого слова, в общем класс как нечто, что оставалось бы неизменным. Появился рабочий, годный к военной службе: ему дали право голоса, право на создание ассоциаций; было сделано все, чтобы разрушить инстинкты, на которых можно было бы построить рабочую аккуратность; в результате рабочий ощущает и уже сейчас заставляет ощущать других собственное существование как состояние убожества (в моральном смысле как *несправедливость*). Так что же нужно?.. Если хотят достичь цели, следует стремиться иметь средства; если требуются рабы (а в них такая нужда!), нечего воспитывать их, как господ» (F. Nietzsche. *Frammenti postumi*. 1887—1888. Milano. 1971, p. 241). В другом месте речь идет о том, как Ницше понимает решение проблемы свободного времени: «Превосходство грека и человека эпохи Возрождения общепризнанно, однако хотелось бы добиться того же без их дел и условий» (*ibid.*, p. 270—271). Это замечание, равно как и объяснение скрытой социологичности Рикардо, приведено с целью помочь пониманию Марксовой теории производства вообще как возможности организации свободного времени для масс. Не скрою, что они направлены на то, чтобы не допустить сокрытия за витгенштейновским умолчанием того факта, что неорикардянцы и неоницшеанцы стремятся к культурной гегемонии в рабочем движении.

Такую интерпретацию социологии, содержащейся в скрытой форме в экономической теории Рикардо, следует соотносить с приведенным выше отрывком о Мальтусе. И в том, и в другом случае вывод один: рост непродуцируемых прослоек и средних слоев находится в тесной зависимости от уровня развития капиталистического общества. В другом весьма важном отрывке из постоянного диалога с Рикардо Маркс указывает на две тенденции, которые всегда сталкиваются в попытке истолковать конфликтные отношения между капиталом и наемным трудом: одна из них направлена на то, чтобы освободить рабочую силу, другая — чтобы усилить ее поглощение.

«Одна тенденция, — пишет Маркс, — выбрасывает рабочих на улицу и создает избыточное население, другая снова поглощает их и абсолютно расширяет рабство наемного труда. Таким образом, судьба рабочего бросает его то туда, то сюда, но все же от этой судьбы он так и не избавляется. Поэтому рабочий рассматривает, и вполне правильно, развитие производительных сил своего собственного труда как нечто враждебное; с другой стороны, капиталист обращается с ним как с таким элементом, который постоянно подлежит удалению из производства.

Таковы те противоречия, в которых Рикардо бьется в этой главе. Что он забывает отметить, так это постоянное увеличение средних классов, стоящих посередине между рабочими, с одной стороны, капиталистами и земельными собственниками, с другой, средних классов, которые во все возрастающем объеме кормятся большей частью непосредственно за счет дохода, ложатся тяжким бременем на рабочих, составляющих основу общества, и увеличивают социальную устойчивость и силу верхних десяти тысяч»⁷⁹.

Несколькими страницами выше Маркс ссылается на теорию Рикардо о введении машин, чтобы сказать, что «если одна часть рабочих умирает с голоду, то другая часть их может лучше питаться, лучше одеваться; точно так же могут лучше питаться и одеваться непродуцирующие работники и промежуточные слои, стоящие между рабочим и капиталистом»⁸⁰.

Эта дискуссия с Мальтусом и Рикардо (которая затрагивает, кроме того, и Ж. Б. Сэя) очень важна в философском плане. Стремление капиталиста создать промежуточные слои, не занятые производительным трудом и живущие производительным трудом других, было замечено уже Бентамом. Соотношение между Бентамом и Рикардо можно сформулировать следующим образом: для Рикардо богатство общества

⁷⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. II, с. 636.

⁸⁰ Там же, с. 622.

не заключается в преобладании производительного труда в ущерб непроизводительному; как у Смита, оно заключается в интенсивности первого: число обреченных на труд должно быть относительно небольшим, а производительность труда — как можно более высокой. Когда это последнее условие выполняется, общество богато. Предчувствие такого результата философски выражено в теории Бентама, в его формуле наибольшего счастья для возможно большего числа людей. Я думаю, мы можем уловить известную близость между «остатком» несчастных, скрытым в бентамовском утилитаризме, и обречением на производительный труд как можно меньшего числа людей, которое Маркс различает в «цинизме» Рикардо. Есть те, кто может пользоваться возросшим общественным богатством, и те, кто обречен производить в еще худших условиях. Такой выход из положения, предполагающий достижение счастья в определенных пределах и лишь частью людей, тоже пронизан утилитаризмом.

Однако отношения философии и политэкономии этим не ограничиваются. Бентам считает буржуа типом нормально-го человека. Дж. Стюарт Милль, напротив, не принимает этого ограничения целиком, он идет дальше и выделяет прогрессивные тенденции в рамках капиталистической системы.

«Чтобы избежать недоразумения, замечу, что такие люди, как Дж. Ст. Милль и ему подобные, заслуживают, конечно, всяческого порицания за противоречия между их старыми экономическими догмами и их современными тенденциями, но было бы в высшей степени несправедливо сваливать этих людей в одну кучу с вульгарными экономистами-апологетами»⁸¹.

Прогрессивные тенденции Милля можно обобщить в трех пунктах: 1) он не согласен, чтобы часть общественного богатства, которая должна служить рабочим фондом или фондом заработной платы, оказалась опутанной цепями и окруженной непреодолимыми барьерами. Как показал историчес-

⁸¹ Там же, т. 23, с. 624—625. Ницше, наоборот, в этом вопросе выступает «против справедливости... против *Джона Стюарта Милля*. Я ненавижу его банальные утверждения: нет необходимости иметь два веса и две меры; то, чего не желаешь себе и т. д. ...не делай другим. Он хочет построить все человеческие отношения на *взаимности услуг* таким образом, что каждое наше действие будет выглядеть как оплата за действие, совершенное ради нас. *Намерение* здесь плебейское в самом низком значении этого слова; предполагается эквивалентность действий для тебя и для меня; *чисто личное* значение действия попросту ликвидируется. Взаимность — это порядочная вульгарность... В глубоком смысле слова на нее никогда не отвечают, потому что речь идет о *некоей единственной в своем роде вещи* и о совершении *единственных в своем роде поступков*. Это глубокое убеждение содержит в себе причину *изолированности аристократии от толпы*, потому что толпа верит в равенство, а следовательно, и в возможность компенсации и взаимности» (*Nietzsche. Frammenti postumi*, cit., p. 269—270).

кий опыт, заработная плата может расти при сохранении без изменения капиталистических производственных отношений; 2) он отвергает мысль о том, что счастье одних в данных исторических условиях неотделимо от несчастья других, обреченных на производительный труд. Отсюда его одобрительное отношение к ассоциативным формам организации труда и нетерпимость к юридическому и моральному господству мужчины над женщиной. То, как он объясняет психологическое восприятие существующих отношений господства, связано с логикой ассоциации, которая закрепляется в привычках и действиях. Последние, однако, могут меняться и открывать путь новым формам ассоциаций идей, потенциально менее конструктивных. Социалистическая организация, созданная на основе ассоциации производителей, являет собой для Милля одну из возможностей, некий предел, решающим элементом которого является расширение свободы, поддающейся тому или иному определению⁸²; 3) процесс духовного формирования с точки зрения передачи и совершенствования навыков является при всех обстоятельствах частью производительного труда.

Маркс считал справедливой эту поправку Милля. Однако по другим пунктам он его критиковал, и в первую очередь за апологетическое оправдание прибыли как результата воздержания от потребления со стороны капиталиста. А Нассау У. Сениор в своей теории торжественно заявил, что он хотел бы заменить выражение «труд и капитал» выражением «труд и воздержание».

«Напротив, г-н Джон Ст. Милль, — пишет Маркс, — на одной странице списывает рикардовскую теорию прибыли, а на другой — принимает сениоровское «вознаграждение за воздержание». Ему столь же свойственны плоские противоречия, сколь чуждо гегелевское «противоречие», источник всякой диалектики». И добавляет: «Вульгарному экономисту не приходит в голову та простая мысль, что всякое человеческое действие можно рассматривать как «воздержание» от противоположного действия. Еда есть воздержание от поста, ходьба — воздержание от стояния на месте, труд — воздержание от праздности, праздность — воздержание от

⁸² «Это то, что еще предстоит принять, если коммунистическая система окажется совместимой с тем разносторонним развитием человеческой природы, с теми многочисленными различиями человеческих индивидов, с тем расхождением во вкусах и разнообразием талантов и точек зрения человеческого ума, которые не только представляют собой в значительной степени жизненные интересы, но и, способствуя взаимному контакту человеческих умов и подавая бесчисленные идеи каждому человеку, до которых он не дошел бы самостоятельно, являются главным фактором духовного и общественного прогресса» (*J. S. Mill. Principi di economia politica. Torino, 1953, p. 206*).

труда и т. п. Этим господам следовало бы подумать о словах Спинозы: „Determinatio est negatio”⁸³.

Далее, он критикует его за «натурализацию» производственного процесса, рассматриваемого им в отрыве от истории. В то время как распределение в ходе исторического развития изменяется, производственный процесс остается почти в первозданном виде. Сочетание производственного процесса и естественных условий столь тесно, что ясно видно стремление свести сферу производства к простой технологии. В целом Милль привел в движение механизм социальных нужд, который он не смог соединить с теорией структурного преодоления капиталистической ограниченности рабочего фонда. По вопросу о коммунизме Милль (имея в виду главным образом Р. Оуэна) замечает, что «если рискнуть высказать догадку, то, вероятно, результат будет зависеть в значительной степени от одного-единственного соображения: какая из двух систем окажется наиболее совместимой с максимальным развитием свободы и спонтанностью человеческой личности»⁸⁴. Это — наивысшее достижение теории Милля; однако он отказывается высказывать свои соображения о степени свободы в конкретном историческом плане, которой можно было бы добиться, если бы осуществилась гипотеза Оуэна о «самоуправлении» труда и сознательном превращении свободного времени (как такового) верхушки и тех, кто прямо зависит от собственных доходов, в свободное время масс.

Итак, Бентам предвосхищает тенденцию, которую Рикардо сделает своей, установив для «несчастья» прямых производителей непреодолимые рамки и назвав «счастьем» отношения скрытого и явного рабства, которые устанавливаются у большинства людей с получающей доходы верхушкой. Идя дальше «цинизма» Рикардо, который никогда не отказывается от научных истин, и будучи поставлен перед выбором: истина или классовые интересы,— Бентам всегда предпочитает первую⁸⁵, но все же полностью остается во власти буржуазных отношений. Известна острополюемическая страница,

⁸³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 610.

⁸⁴ J. S. Mill. Principi di economia politica, cit., p. 204—205.

⁸⁵ «Прямолинейность Рикардо была, следовательно, не только научно честной, но и научно обязательной для его позиции. Но поэтому для Рикардо и совершенно безразлично, поражает ли насмерть дальнейшее развитие производительных сил земельную собственность или рабочих... Если точка зрения Рикардо и соответствует в целом интересам промышленной буржуазии, то это лишь потому, что ее интересы совпадают — и лишь в той мере, в какой они совпадают, — с интересами производства, или с интересами развития производительности человеческого труда. Там, где буржуазия вступает в противоречие с этим развитием, Рикардо столь же беспощадно выступает против буржуазии, как в других случаях — против пролетариата и аристократии» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. II, с. 123—124).

которую Маркс посвятил Бентаму: «Классическая политическая экономия искони питала пристрастие рассматривать общественный капитал как величину постоянную с постоянной степенью действия. Но предрассудок этот застыл в непререкаемую догму лишь благодаря архифилистеру Иеремии Бентаму — этому трезво-педантичному, тоскливо-болтливому оратору пошлого буржуазного рассудка XIX века... С точки зрения его догмы совершенно непостижимы самые обыкновенные явления процесса производства, например его внезапные расширения и сокращения и даже самый факт накопления. Догма эта применялась как самим Бентамом, так и Мальтусом, Джемсом Миллем, Мак-Куллохом и т. д. с апологетическими целями, именно, чтобы представить часть капитала, переменный капитал, т. е. капитал, превращаемый в рабочую силу, как величину постоянную. Была сочинена басня, что вещественное существование переменного капитала, т. е. та масса жизненных средств, которую он представляет для рабочих, или так называемый рабочий фонд, есть ограниченная самой природой особая часть общественного богатства, границы которой непреодолимы. Чтобы привести в движение... средства производства, необходима определенная масса живого труда. Последняя определяется техникой производства. Но не даны ни число рабочих, нужное для того, чтобы привести эту массу труда в текучее состояние — так как это число меняется вместе с изменением степени эксплуатации индивидуальной рабочей силы, — ни цена рабочей силы; известна только ее минимальная и к тому же очень эластичная граница. Факты, лежащие в основе этой догмы, таковы: с одной стороны, рабочий не имеет голоса при распределении общественного богатства на средства потребления нерабочих и на средства производства. С другой стороны, рабочий лишь в исключительно благоприятных случаях может расширить так называемый «рабочий фонд» за счет «дохода» богатых»⁸⁶.

Как мы уже отмечали, тезис Дж. Стюарта Милля выглядит иначе. Вопрос о социализме остается открытым, никаких жестких барьеров нет. Промежуточные классы могут даже способствовать появлению социальных перемен при условии, что последние не ограничат их свободы. Частично благодаря этой (а не бентамовской) линии, в странах развитого капитализма получили развитие факторы, которые ставят проблему распределения общественного богатства в соответствие с принципами Рикардо (то есть сохраняя за прибылью ее независимый характер⁸⁷). И все же критика

⁸⁶ Там же, т. 23, с. 623—624.

⁸⁷ «Причина, по которой заработная плата была сначала принята за независимую переменную, состоит в том, что предполагалось, что она представляет собой необходимый для существования минимум, опреде-

Маркса всегда оправданна. В самом деле, он пишет: «Закон капиталистического накопления, принимающий мистический вид закона природы, в действительности является лишь выражением того обстоятельства, что природа накопления исключает всякое такое уменьшение степени эксплуатации труда или всякое такое повышение цены труда, которое могло бы серьезно угрожать постоянному воспроизводству капиталистического отношения, и притом воспроизводству его в постоянно расширяющемся масштабе. Иначе оно и быть не может при таком способе производства, где рабочий существует для потребностей увеличения уже имеющихся стоимостей, вместо того чтобы, наоборот, материальное богатство существовало для потребностей развития рабочего. Как в религии над человеком господствует продукт его собственной головы, так при капиталистическом производстве над ним господствует продукт его собственных рук»⁸⁸.

Главный тезис Маркса по существу таков: капитализм развивает производительные силы, освобождает рабочее время; механизм капиталистического общества вновь направляет это высвободившееся время в производственный процесс, расширяет отрасли по производству предметов роскоши, сферу услуг, верхушку, прослойку церковников, государственных служащих и менеджеров⁸⁹. В результате выходит, что

ляемый физиологическими и общественными условиями, не зависящими от цен и нормы прибыли. Но едва появляются возможности варьирования при распределении национального дохода, как этот аргумент в значительной степени теряет свою силу. Когда же заработная плата принимается как «данное», выраженное в более или менее абстрактных единицах измерения, и не получает конкретного выражения, пока не определены цены на товары, ситуация становится прямо противоположной. Содержание нормы прибыли, являющейся отношением, не зависит от того, известны цены или нет, она может быть прекрасным образом определена до того, как будут установлены цены. Следовательно, ее определение зависит от факторов, не являющихся частью системы производства, и прежде всего от размера процента» (*P. Sraffa. Produzione di merci a mezzo di merci. Premessa a una critica della teoria economica. Torino, 1960, p. 43*). С другой стороны, не следует забывать, что, в то время как для Бентама заработная плата определяется естественными границами, соответствующими естественным законам, нахождение нормы прибыли за этими рамками и ее зависимость от размера процента определяются, по Марксу, отношениями собственности, которые становятся автономными по отношению к системе производства. Если предположить, что трудящиеся классы управляют соотношением заработной платы и нормы прибыли и определяют цены, то отношения собственности окажутся вне контроля, исходящего от системы производства, и, более того, начнут влиять на нее существенным образом. В этом вопросе тезис Маркса о том, что нельзя отделять критику политической экономии от критики власти и отношений собственности, весьма трудно обойти, если не принимать и власть за независимую переменную.

⁸⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 634—635.

⁸⁹ Сближение таких социальных фигур может показаться весьма своеобразным. Фигура менеджера вполне закрепились в позднекапиталистическом обществе. А у Маркса так: «Если человек свое отношение

в соответствии со своей тенденцией капиталистическое общество (хотя оно и не доходит до Геркулесовых столпов, о которых говорит Бентам) на деле препятствует росту свободного времени производителей, ограничиваясь уменьшением времени, необходимого для производства предметов первой необходимости, то есть фактически способствуя сокращению фонда заработной платы. Рабочий класс в связи с этим может начинать свою борьбу: в самом деле, история рабочего движения XIX века была борьбой не только за повышение заработной платы, но и за сокращение продолжительности рабочего времени. По этому поводу в письме к Больте от 23 ноября 1871 года Маркс пишет: «...Всякое движение, в котором рабочий класс противостоит как класс господствующим классам и стремится победить их путем давления извне, есть политическое движение. Так, например, стремление с помощью стачек и т. п. принудить отдельных капиталистов на какой-либо отдельной фабрике или даже в какой-либо отдельной отрасли промышленности ограничить рабочее время есть чисто экономическое движение; наоборот, движение, имеющее целью заставить издать закон о восьмичасовом рабочем дне и т. д., есть политическое движение. И, таким образом, из разрозненных экономических движений рабочих повсеместно вырастает политическое движение, т. е. движение класса, стремящегося осуществить свои интересы в общей форме, то есть в форме, имеющей принудительную силу для всего общества. Если эти движения предполагают некоторую предварительную организацию, то они, со своей стороны, в такой же степени являются и средством развития этой организации»⁹⁰.

Потенциально этот вопрос имеет, однако, и другие стороны. Речь идет о том, что сокращение рабочего дня тесно связано с ростом производительности труда. Оба вопроса тесно связаны потому, что, когда обращение (то есть обмен между капиталом и рабочей силой) невелико, рост производительности труда может компенсировать или прямо увеличить массу стоимости, которой завладевает верхушка. Вследствие этого проблема становится политической, как об этом и пишет Маркс в письме к Больте. Но политический взрыв

к своей собственной природе, к внешней природе и к другим людям представил себе на *религиозный лад* в виде каких-то самостоятельно существующих сил, так что эти представления приобрели над ним господство, то он нуждается в жрецах и *их труде*. Но с исчезновением религиозной формы сознания и связанных с ней отношений в общественный процесс производства перестает входить и этот труд жреца. Вместе с *жрецом* исчезает и труд жреца, а вместе с капиталистом аналогичным образом исчезает тот труд, который он выполняет как капиталист или который он поручает выполнять другому лицу» (там же, т. 26, ч. III, с. 521).

⁹⁰ Там же, т. 33, с. 282—283.

должен явиться следствием развития того, что он называет «огромной сознательностью» трудящегося, то есть способности признавать продукты «своими» и в то же время ощущать свою отделенность от них «как несправедливую, насильственную»⁹¹. В следующей социальной действительности машина, стоящая над трудом, предстает «как господствующая над ним сила»⁹², как власть, которую представляет собой сам капитал. «...Накопление знаний и навыков, накопление всеобщих производительных сил общественного мозга поглощается капиталом в противовес труду»⁹³, становится «технологическим применением науки»⁹⁴. Машины не приходят на помощь рабочему (как признал Рикардо в блестящей самокритичной XXXI главе своих «Начал»). Но если сформировалась высокая сознательность, тогда развитие общественного индивида становится главной опорой производства и богатства. «*Кража чужого рабочего времени, на которой зиждется современное богатство, предстает жалкой основой в сравнении с этой недавно развившейся основой, созданной самой крупной промышленностью*»⁹⁵. Вместо производства, основанного на меновой стоимости, появляется «свободное развитие индивидуальностей»⁹⁶.

Теория общественного индивида в субъективном плане точно отражает объективный «фундамент» капиталистической формы производства. Маркс подчеркивает, что необходимое рабочее время измеряется потребностями общественного индивида, так как «действительным богатством является развитая производительная сила всех индивидов»⁹⁷. Индивиды в новых условиях «воспроизводят себя как отдельные единицы, но как общественные единицы»⁹⁸. Здесь еще ощущается присутствие трех гегелевских определений понятий «всеобщее», «особенное», «единичное». Выход из капитализма — в производительности труда в сочетании с богатой индивидуальностью. Материальные предпосылки теперь заключены в самом индивиде.

В этом сочетании объединились два критических направления Марксовых исследований. Первое имеет предметом критику Рикардо и рикардистов. Конечный результат этой критики воплощен в отрывке, где Маркс замечает по поводу теории не называемого им пострикардианца: «*Рабочее время, даже когда меновая стоимость будет устранена, всегда останется созидающей субстанцией богатства и мерой издер-*

⁹¹ Там же, т. 46, ч. I, с. 451.

⁹² Там же, ч. II, с. 204.

⁹³ Там же, с. 205.

⁹⁴ Там же, с. 206.

⁹⁵ Там же, с. 214.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Там же, с. 217.

⁹⁸ Там же, с. 347.

жек, требующихся для его производства. Но свободное время, *время, которым можно располагать*, есть само богатство отчасти для потребления продуктов, отчасти для свободной деятельности, не определяемой, подобно труду, под давлением той внешней цели, которая должна быть осуществлена и осуществление которой является естественной необходимостью или социальной обязанностью, — как угодно»⁹⁹. С другой стороны, формирование общественного индивида не требует никакого специального обучения в том смысле, что человек сам убежден в необходимости преодолевать собственную природную ограниченность.

С этой точки зрения ощущаются и близость, и удаленность от проблематики утопического коммунизма. Уступки Дж. Стюарта Милля Нассау Сениору были сделаны именно тогда, когда «по эту сторону Ла-Манша рос оуэнизм, по ту его сторону — сен-симонизм и фурьеризм»¹⁰⁰. Теоретическая ограниченность этого крупного идейного течения состояла в том, что оно воспроизводило, видоизменяя терминологию философию «идеологов». Подобно тому как последние, так сказать, в природе обнаружили человека буржуазного общества и дали право гражданства индивиду-собственнику, так течения утопического социализма увидели в освобождении естественного человека корни здоровой общественной жизни. Для Маркса естественность, которую предстояло обрести как жизненный опыт, с тем чтобы вновь слить ее, так сказать, с человеческой способностью извлекать пользу и наслаждаться, была уже накоплена человеческим трудом и стала собственностью верхушки. Поэтому Маркс не ограничивается критикой Милля только за то, что тот обеднил великий план Оуэна; он критикует его главным образом за то, что он не подумал об историчности буржуазного способа производства. Антропологизм Маркса, следовательно, — это не теория естественного приумножения способностей, даже если развитие в области чувств ведет к той утонченности чувств, которой монопольно завладели господствующие классы. Марксистский антропологизм есть в то же время теория исторического присвоения достижений культуры и науки и последующего комплексного развития способностей общественного индивида.

В одной своей работе, написанной в довольно поздний период, когда его уже нельзя было обвинить в юношеском следовании Фейербаху, Маркс пишет о трудном процессе формирования человеческой личности: «Как и всякое животное они [люди] начинают с того, чтобы *есть, пить* и т. д., т. е. не «стоять» в каком-нибудь отношении, а *активно действовать*,

⁹⁹ Там же, т. 26, ч. III, с. 265—266.

¹⁰⁰ Там же, т. 23, с. 610.

овладевать при помощи действия известными предметами внешнего мира и таким образом удовлетворять свои потребности. (Начинают они, таким образом, с производства.) Благодаря повторению этого процесса способность этих предметов «удовлетворять потребности» людей запечатлевается в их мозгу... На известном уровне дальнейшего развития, после того как умножились и дальше развились тем временем потребности людей и виды деятельности, при помощи которых они удовлетворяются, люди дают отдельные названия целым классам этих предметов, которые они уже отличают на опыте от остального внешнего мира... Но это словесное наименование лишь выражает в виде представления то, что повторяющаяся деятельность превратила в опыт, а именно, что людям, уже живущим в определенной общественной связи [это — предположение, необходимо вытекающее из наличия речи]; определенные внешние предметы служат для удовлетворения их потребностей... эти предметы... им полезны; они приписывают предмету характер полезности, как будто присущий самому предмету, хотя овце едва ли представлялось бы одним из ее «полезных» свойств то, что она годится в пищу человеку»¹⁰¹.

В этом отрывке содержится множество проблем. Во-первых, Маркс предполагает активное поведение людей по отношению к вещам, о котором он говорил еще в своих юношеских тезисах; во-вторых, операция «наименования» (уже общественная, поскольку предполагает участие языка) служит демонстрацией полезности, которая закрепляет и отбирает активные действия; в-третьих, уже в этой операции, в которую вовлечен язык, содержится опасность опредмечивания, то есть тенденция переноса на свойства предметов тех отличительных признаков, которые опыт закрепил как отношения полезности. Отсюда следует заключить, что критический анализ требует с самого начала вовлечения языка — очень важное предупреждение, для того чтобы зафиксировать светский характер всякого знания, в том числе марксизма, и его теоретическую завершенность. Следует предположить, кроме того, что наука работает на основе лингвистического кодирования. Она тоже является выражением активного поведения человека. В одном фрагменте, ставшем популярным в связи с недавними дискуссиями по эпистемологии, Маркс пишет: «Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове»¹⁰². Но чтобы мысль Маркса была выражена полнее, к этой выдержке мы хотели бы добавить и другую, где он утверждает: «В

¹⁰¹ Там же, т. 19, с. 377—378.

¹⁰² Там же, т. 23, с. 189.

отличие от других архитекторов, наука не только рисует воздушные замки, но и возводит отдельные жилые этажи здания, прежде чем заложить его фундамент»¹⁰³.

Это заключение — выражение того, чем является или чем должен быть сам марксизм (не говоря о том, что оно характеризует состояние науки XIX века — дарвинизма, химии, математики и даже физики). В самом деле, интересно, что Маркс сознавал это. По сути, именно на этом осознании зиждется его критика теории Рикардо. Речь идет о том, что рост производительности труда становится реальностью, которую немедленно постигает общественное сознание, и что разделение классов с увеличением массы свободного времени у верхушки и ростом числа не занятых в производстве становится также общепризнанным фактом. Связующее звено этих двух видов явлений — социальные противоречия, кризисы. Маркс не верит, что «утонченность» сознания примет массовый характер независимо от проникновения в общественное сознание этих двух предпосылок. Отсюда нескончаемая научная работа и надежда, что она в той или иной форме поможет закрепить в общественном сознании основные положения его исследований.

У Маркса есть отрывок, который, согласно программе его работы, должен был войти в четвертый том «Капитала»; в нем Маркс очень четко определил рамки исторического развития, как он себе его представлял. Отрывок — выдержка из его спора с Т. Годскином, написанный нервно, в форме заметки, — звучит следующим образом: «Накопление крупных капиталов путем уничтожения мелких. Притяжение. Декапитализация промежуточных сочетаний капитала и труда. Это всего лишь последняя степень и форма того процесса, который превращает условия труда в капитал, затем воспроизводит капитал и отдельные капиталы в более широких размерах, наконец отделяет капиталы, образовавшиеся во многих пунктах общества, от их владельцев и централизует их в руках крупных капиталистов. Приобретая эту крайнюю форму противоположности и противоречия, производство, хотя и в отчужденной форме, превращается в общественное производство. Мы здесь имеем общественный труд и общность орудий производства в действительном процессе труда. Капиталисты в качестве *функционеров* указанного процесса, который вместе с тем ускоряет это *общественное* (ассоциированное) производство, а тем самым и развитие производительных сил, становятся в той же мере излишними, в какой они [рег] просига общества загребают себе доходы и перевозятся как *собственники* этого общественного богатства и *командиры* общественного труда. С ними происходит то же, что и с феодалами, притязания которых, как и их *услуги*,

¹⁰³ Там же, т. 13, с. 43.

сделались излишними с возникновением буржуазных обществ, превратились просто-напросто в устаревшие и не соответствующие своей цели привилегии и тем самым быстро приблизились к своей гибели»¹⁰⁴.

По поводу этого отрывка можно заметить, что он опровергает упрощенные версии «краха». Маркс говорит здесь о концентрации капиталов, но эта теория вовсе не означает (как еще совсем недавно считали знаменитые исследователи общественных классов) сокращения средних слоев. Как мы знаем, они растут, но их социальная функция становится иной. Маркс считает, что эта перемена выражает снижение интенсивности общественной функции и, напротив, усиление власти, командной функции. Функция производителя смещается ближе к функции собственника. Маркс всегда и последовательно проводил мысль о том, что за буржуазным производителем, которого Дестют де Траси отождествлял с человеческим индивидом, стоит собственник. Историческая тенденция, которую он выделяет, характеризуется как раз снижением производительной функции и ростом власти собственника. Это определяет рамки переходной исторической ступени. Производительные функции передаются общественным индивидам, собственнические — остаются сосредоточенными у старых классов, историческая роль которых идет на убыль.

Впрочем, даже если признавать гуманистическую сущность личности буржуазного производителя и собственника, то все равно она есть нечто глубоко отличное от «общественного индивида». Ссылаясь на Бентама, Маркс дал четкую характеристику первому, а следующее сопоставление позволяет увидеть некоторые черты второго: «Принцип полезности не был изобретением Бентама. Он лишь бездарно повторил то, что даровито излагали Гельвеций и другие французы XVIII века. Если мы хотим узнать, что полезно, например, для собаки, то мы должны сначала исследовать собачью природу. Сама же эта природа не может быть сконструирована «из принципа полезности». Если мы хотим применить этот принцип к человеку, хотим по принципу полезности оценивать всякие человеческие действия, движения, отношения и т. д., то мы должны знать, какова человеческая природа вообще и как она модифицируется в каждую исторически данную эпоху. Но для Бентама этих вопросов не существует. С самой наивной тупостью он отождествляет современного филистера — и притом, в частности, английского филистера — с нормальным человеком вообще»¹⁰⁵.

Сравним эти черты с чертами нового производителя, общественного индивида. Он придерживается принципа произ-

¹⁰⁴ Там же, т. 26, ч. III, с. 327.

¹⁰⁵ Там же, т. 23, с. 623.

водительного труда, но наивысшей ценностью, богатством само по себе является свободное время; он не нуждается в маскировке *всеобщего труда* (это «всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение. Он обуславливается частью кооперацией современников, частью использованием труда предшественников»¹⁰⁶) в форме производительного труда; он может судить о своем прошлом, отделяя его от себя. Говоря о Фурье, Маркс пишет: «Фурье считает характерными признаками эпохи *цивилизации моногамии и частную собственность на землю*. Современная семья содержит в зародыше не только кооперацию (рабство), но и крепостничество, так как она с самого начала связана с земельными повинностями. Она содержит в миниатюре все те антагонизмы, которые позднее широко развиваются в обществе и в его государстве»¹⁰⁷.

Занятия историей, наукой, обретение жизни через наслаждение свободным временем, то есть через обобществление развития производительности труда, а также через воплощение этого освобождения в устранении всех форм подчинения, — вот те черты общественного индивида, которые противопоставляются буржуазному утилитаризму. Уже в «Немецкой идеологии» Маркс писал: «Три... момента — производительная сила, общественное состояние и сознание — могут и должны вступить в противоречие друг с другом, ибо *разделение труда* делает возможным — более того: действительным, — что духовная и материальная деятельность, наслаждение и труд, производство и потребление выпадают на долю различных индивидов; добиться того, чтобы они не вступали друг с другом в противоречие, возможно только путем устранения разделения труда»¹⁰⁸.

Из отрывка, приведенного выше, видно, что Маркс считает возникновение противоречия свойством процесса развития. Неизменным остается направление движения — признак, которым люди наделили историю, где противоречие заявило о себе и стало импульсом к активным действиям. Устаревший цинизм Бентама (как выражение сущности класса, который ради самооправдания именовал себя производительным) принял сегодня явно другие формы, и теперь идеология верхушки — собственников, а не производителей — считает необходимым соблюдать «церемонность».

7. О методе «переходных» абстракций

Итак, нельзя понять отношение социализм — свобода, не направляя политическую борьбу в русло, указанное Марк-

¹⁰⁶ Там же, т. 25, ч. I, с. 116.

¹⁰⁷ Там же, т. 45, с. 249—250.

¹⁰⁸ Там же, т. 3, с. 30—31.

сом. Развитие производительности труда является составной частью освободительной борьбы масс. Последняя реализуется в ходе исторического процесса борьбы классов, распространения культуры, ограничения общественного разделения труда, ограничения власти и собственности верхушки. Условием для развития этого процесса является то, что различные аналитические «блоки», позволяющие нам рассматривать капиталистическое общество как «целостность», должны оставаться в поле зрения, быть на виду, чтобы то, что временно перестало быть предметом анализа, не оказалось окончательно «изъятым» из процесса. Иначе говоря, Маркс применяет метод «переходных» редуций или абстракций. Речь идет не только об анализе явлений в чистом виде, а о том, чтобы заставить их временно протекать таким образом, чтобы целое освещалось то с одной, то с другой стороны и соответственно другие его участки оказывались то больше, то меньше в тени.

Если, например, трудовой процесс рассматривается как процесс возрастания стоимости, как мертвый труд, который преобразуется в *самовозрастающую стоимость*, необходимо временно абстрагироваться от процесса обращения в целом. Это достигается не путем его устранения, а, напротив, путем «воображения» процесса в целом как функционирующего в полной мере, как если бы для капитала не существовало проблемы «реализации». В этом случае «малое обращение» — единственно допускаемый в процесс обращения компонент — выступает как переменная величина (то есть переменная эксплуатации). От процесса обращения в целом можно абстрагироваться, потому что цены установлены в *воображении*, но, как мы говорили, предполагается, что они реальны. Впрочем, если мы хотим продолжать оперировать с изолированным аналитическим блоком «эксплуатации», мы не можем остановиться в этой точке. Изучение произведенной ею по стоимости требует не только идеальности цен и их реализации, но и абстрагирования от варьирования стоимости той части капитала, которую Маркс определяет как постоянный капитал. В отношении постоянного капитала «мы... применили тот закон математики, при помощи которого она оперирует с переменными и постоянными величинами, когда постоянная величина связана с переменной только посредством сложения и вычитания»¹⁰⁹. Если в этом смысле постоянный капитал равен нулю, стоимость вообще предстает в виде простого опредмеченного труда, а прибавочная стоимость соответственно как сгусток рабочего времени.

В первом рассмотренном случае сведение обращения к нулю позволяет в воображении вернуть в производственный

¹⁰⁹ Там же, т. 23, с. 225.

процесс весь процесс формирования стоимости. Только в таких условиях, то есть в рамках «идеальности», цены и стоимости совпадают. Во втором случае при сведении постоянного капитала к нулю можно распознать произведенную его стоимость, лишь заставив переменную часть авансированного капитала выполнять исключительную роль. Следуя логике Гегеля (аналогичной здесь рикардовскому «редукционизму»), легко истолковать временное сведение к нулю как операцию приведения к единице. Например, следуя этой логике, абсолютную и относительную прибавочную стоимость можно было бы считать тождественными или же считать тождественными спрос и предложение, поменявшиеся местами. На первый взгляд нет ничего проще. Абсолютная прибавочная стоимость *относительна*, потому что предполагает развитие производительности труда, которая позволяет ограничить необходимое рабочее время лишь *частью рабочего дня*. Но если обратить внимание на *движение* прибавочной стоимости, то видимость тождества исчезает. Когда капиталистический способ производства достигает известного уровня развития, возникает альтернатива: каким образом можно повысить *норму прибавочной стоимости*; ее можно повысить «путем абсолютного удлинения рабочего дня» или, «при данных границах рабочего дня», «путем изменения относительной величины составных частей рабочего дня» (необходимый и прибавочный труд). Здесь, в рамках временного абстрагирования прибавочной стоимости, вновь появляется, как «изменение производительности или интенсивности труда»¹¹⁰, та часть постоянного капитала, которую Маркс называет основным. Теперь постоянный капитал опять пускается в дело или по крайней мере та его часть, которая способствует снижению стоимости рабочей силы.

Это только кажется, что Рикардо и его последователи идут тем же путем. Дж. Стюарт Милль, например, идеализирует цену. Для него «обмен, купля и продажа — эти общие условия капиталистического производства — объявляются чем-то совершенно случайным; прибыль будет даже и без купли и продажи рабочей силы»¹¹¹. Иначе говоря, метод «переходного» абстрагирования заменен редукцией, которая переходит в отождествление. Все отношение застывает в моменте идеальности. Говоря о прибавочной стоимости, ни Рикардо, ни Милль, оказывается, не понимают, что «норма прибыли может зависеть от обстоятельств, не оказывающих никакого влияния на норму прибавочной стоимости. Впоследствии, — продолжает Маркс, — ...я покажу, что при определенных обстоятельствах одна и та же норма прибавочной

¹¹⁰ Там же, с. 519—520.

¹¹¹ Там же, с. 525.

стоимости может выразиться в самых различных нормах прибыли и различные нормы прибавочной стоимости — в одной и той же норме прибыли»¹¹². Маркс хочет сказать, что, отождествляя норму прибыли и норму прибавочной стоимости, Рикардо препятствует возможности изолировать феномен прибавочной стоимости, так сказать, поместив его в рамки некоего условия. Даже поняв первостепенную роль этой проблемы, он не ограничивается описанием ее в пределах того пространства, которое нужно для ее временной изоляции от целого, а сводит целое к этой единственной проблеме. В результате, сведя прибавочную стоимость к прибыли, он не может уяснить обстоятельств, при которых изменение нормы прибыли не зависит от ее антагонизма по отношению к стоимости заработной платы. Прибавочная стоимость — вот та категория, которая при наличии данного «совокупного работника» может продемонстрировать связь между развитием производительности и малым обращением, и при этом не придется прибегать к редукционизму, который исключает влияние других факторов на норму прибыли.

Как мы знаем, этот вопрос важен для Маркса, потому что он никогда не отказывался от рассмотрения капиталистического способа производства как формы «автономизации» богатства, как системы собственности, которая осуществляет свою власть над живым и мертвым трудом и поэтому не замечает драматических проблем тех, кто, отказавшись от рассмотрения этого аспекта вопроса и решив рассматривать экономику не как науку о данных человеческих отношениях, познаваемых с помощью воображения, а как науку функциональной идеализации, не в состоянии более замечать форм эксплуатации, классового господства и отношений собственности. Во втором томе «Капитала» Маркс рассматривает обращение как потенциально непрерывный процесс. Это ни в коем случае не соответствует реальному ходу дел. Как «переходное» абстрагирование, он представляет и «идеальность» движения обращения (его тенденцию сводить время к нулю), и силы, которые реально действуют в этом направлении. Отсюда — особый способ вычисления времени обращения, на котором мы останавливались. Выше мы говорили, что по сравнению с Рикардо в теории денег Маркса придается новое значение теоретическим исследованиям, возникшим на заре капитализма и проводившимся с учетом взаимосвязанности целей и средств; впоследствии этот вопрос отошел на задний план, уступив место другим интересам. И все-таки второй том «Капитала» в значительной степени является полемикой с меркантилизмом, с *profit upon alienation* (прибылью от отчуждения). Прибавочная

¹¹² Там же, с. 533.

стоимость, пишет Маркс, «не вытекает ни из денежной, ни из натуральной формы заработной платы, или капитала, затраченного на покупку рабочей силы. Она вытекает из обмена стоимости на силу, создающую стоимость, из превращения постоянной величины в переменную»¹¹³. И еще: «время обращения капитала вообще ограничивает время его производства, а потому и процесс увеличения его стоимости»¹¹⁴. Важность этих утверждений очевидна: они не влияют на возможность расчета издержек обращения, а придают им особое значение. Знак минус, с которым вычисляются издержки обращения, указывает на их «историчность» и на тенденцию к снижению их в коммунистическом обществе. Иначе говоря, общественное, плановое производство сможет в значительной степени приблизиться к идеальной модели производства, которое развивается без противоречий.

И хотя Маркс в своих рассуждениях избрал именно это направление, во втором томе «Капитала» есть момент, о котором мы упоминали, где со всей очевидностью вновь ставится проблема отношения к происхождению буржуазного общества и использованию его возможностей. Маркс критикует концепцию *profit upon alienation*, но по-прежнему тверд в убеждении, что «класс капиталистов остается единственным исходным пунктом денежного обращения»¹¹⁵. Здесь вновь в виде «переходной» абстракции проявляется историческая сложность капиталистического способа производства. Приходится противостоять риску изобразить производство и доход как результат рефлексии, то есть по сути тождественные понятия. Центральным моментом является то, что «купля и продажа рабочей силы, в свою очередь, основывается на распределении *элементов* производства, которое предшествует распределению общественных *продуктов* и является предпосылкой последнего, а именно: основывается на отделении рабочей силы как товара рабочего от средства производства как собственности не рабочих»¹¹⁶. Иначе говоря, если верно то, что специфические части стоимости действуют как доход, также верно и то, что остальные функционируют как капитал. Вновь обращаясь к этой проблеме в конце третьего тома «Капитала», Маркс называет «в корне ложной» догму, «будто стоимость товаров в конечном счете может быть разложена на заработную плату + прибыль + рента»¹¹⁷. Логически «затруднение это заключается в том, что устойчивые определения дохода и капитала взаимно обмениваются и меняются местами, так что, с точки зрения отдель-

¹¹³ Там же, т. 24, с. 248.

¹¹⁴ Там же, с. 142.

¹¹⁵ Там же, с. 434.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Там же, т. 25, ч. II, с. 412.

ного капиталиста, кажутся лишь относительными определениями, которые, однако, исчезают при рассмотрении всего процесса производства»¹¹⁸. Несмотря на множество убедительных доводов, которые могут быть привлечены в защиту этой логики рассуждений «перспективного» типа, все они меркнут перед тем фактом, что капитал сам должен воспроизводиться в товарной стоимости, элемент которой он собой представляет. Логике перспективности и рефлексивных отношений, а также логике редукционизма Маркс противопоставляет логику «переходных» абстракций (которые исчезают, оставляя вполне определенные следы), чей функциональный сдвиг характерен для возможных исторических перемен. Как мы знаем, в рефлексивном отношении верно то, что отдельному капиталисту кажется, будто прибыль может преобразовываться в доход и ее «одинаково можно потребить как производительно, так и индивидуально, одинаково и как капитал и как доход»¹¹⁹. Форма рефлексивных отношений скрывает, таким образом, возможность решения и выбора на уровне отдельного капиталиста и является вследствие этого источником и формой его власти как собственника общественного богатства. В действительности эта альтернатива власти остается в рамках системы на индивидуальном уровне. В общем плане, то есть в плане совокупных общественных отношений, действуют *естественные законы* (на языке Маркса, исторические законы). Капиталистический процесс не просуществовал бы и недели, если бы решение не вкладывать капитал стало всеобщим. Дело в том, что эти решения остаются индивидуальными и в качестве таковых придают историческим законам видимость естественных законов.

Производство вообще базируется, таким образом, на предпосылке, что товары продаются по их стоимости. Приближение к «реальности», о которой Маркс собирался говорить в третьем томе «Капитала», по сути является прогрессивным ослаблением связей, которые следуют из «идеализации», то есть из предшествования стоимостей-цен реальному обращению. Обмен постепенно освобождается от этой «идеальности», даже если его реальный механизм выглядит таким образом, что он как бы недалеко ушел от предполагаемой «идеальности». Как бы то ни было, «реализация» остается открытым вопросом, а с ней — и вопрос о конкуренции. Торговый капитал не только в воображении выступает как непроизводительные издержки по отношению к идеальному условию, когда цены уже реализованы, но и реально влияет на норму прибыли. От земельной ренты тоже нет

¹¹⁸ Там же, с. 413.

¹¹⁹ Там же, с. 417—418.

больше нужды абстрагироваться. Ее капиталистический генезис объясняется в рамках специфических свойств такой области производства, как сельское хозяйство, органическая структура которого во времена Маркса демонстрировала явное преобладание живого труда над опредмеченным. Тем не менее и в развитии этого процесса сближения с реальностью процесс «переходного» абстрагирования продолжает оставаться центральным. Именно в связи с «рефлексивной» логикой Маркс замечает: «...хотя норма прибыли в числовом выражении отлична от нормы прибавочной стоимости, между тем как прибавочная стоимость и прибыль представляют в действительности одно и то же и равны также в числовом выражении, тем не менее прибыль есть превращенная форма прибавочной стоимости, форма, в которой ее происхождение и тайна ее бытия замаскированы и скрыты. В самом деле, прибыль есть форма проявления прибавочной стоимости, и эту последнюю лишь посредством анализа надлежит выводить из первой»¹²⁰.

В другом месте Маркс пишет, что прибыль — это наиболее развитая форма прибавочной стоимости¹²¹. В любом случае Маркс продолжает следовать линии, выработанной им в первом томе «Капитала». Прибавочная стоимость и прибыль не являются чистой игрой ума. Только благодаря тому, что очевидность малого обращения не была сброшена со счетов, Маркс может видеть в развитии производительности труда не только возрастание потребительных стоимостей, которые, будучи идеализированы, могут быть реализованы при любых обстоятельствах, а он также усматривает в ней возможность вскрыть либо жалкую основу кражи рабочего времени и поставить вопрос о свободном времени масс, либо же основу обретения автономности меновой стоимостью, формирования и упрочения отношений собственности или близких к ним отношений власти.

Знаменитый вопрос о «трансформации» тоже рассматривается на этом фоне. Установление рыночной стоимости, пишет Маркс, «представленное здесь *абстрактно*... совершает-

¹²⁰ См. там же, т. 25, ч. I, с. 55.

¹²¹ «Различие между *прибавочной стоимостью* и *прибылью* у учеников Рикардо так же не отмечается, как и у него самого... Ни самому Рикардо, ни его ученикам не приходит в голову, что даже если мы рассматриваем не капиталы в различных отраслях, а *каждый* капитал в отдельности, — поскольку он не состоит исключительно из переменного капитала, не является капиталом, затраченным лишь на заработную плату, — норма прибыли... должна представлять собой некоторую далее развитую, специфически модифицированную форму прибавочной стоимости. Различие между прибавочной стоимостью и прибылью они замечают лишь постольку, поскольку речь идет о равной прибыли — средней норме прибыли — для капиталов в различных сферах производства и с различным соотношением в них основного и оборотного капитала» (там же, т. 26, ч. III, с. 82—83).

ся на действительном рынке посредством конкуренции между покупателями, если спрос как раз настолько велик, чтобы поглотить данную массу товаров по ее установленной таким образом стоимости»¹²². Реальность, к которой мы приближаемся, таким образом, еще намеренно удерживается вблизи собственной концепции, то есть вблизи ее «переходной» воображаемой абстракции. С другой стороны, то реальное условие, которое больше всего давит на Маркса (рост производительности труда), сводится к нулю; оно появится вновь только в рамках закона тенденции нормы прибыли к понижению. Предполагаемые идеальные условия — это те, при которых товары продаются по их стоимости. Заметьте, что здесь Маркс понимает под прибавочной стоимостью не первоначальное условие присвоения рабочей силы, на основе которого появляется капитал и все отношения собственности, а то, что непременно признает каждый рикарданец, — специфичность отношений эксплуатации в отраслях производства, находящихся на разном уровне технического развития. Если заданы конкуренция капиталов, различный органический состав отраслей производства, зарплата и ее масса, ставшая показателем определенно количества рабочей силы, и прибавочные стоимости, которые приведены ею в движение, если известна норма прибавочной стоимости и производительность труда, если предполагается, что товары продаются в целом по их стоимости (то есть что общая сумма цен-стоимостей реализуется), — если известны все эти идеальные, предполагаемые условия, то можно сделать заключение о преобразовании прибавочных стоимостей в среднюю прибыль. Этого нельзя было бы сделать, не прибегая к «переходной» идеализации, которая позволяет говорить о сбыте по стоимости как о предположении и приостанавливает действие всех других переменных условий.

Следовало бы говорить не о натуралистических реминисценциях, а скорее о постоянном применении метода «идеализации» или «переходного» абстрагирования. В самом деле этот метод тотчас же показывает, что изменение производительности труда проявляет себя как постоянная тенденция. В стремлении приблизиться к реальности это приводит к закреплению закона, выражающего тенденцию нормы прибыли к понижению, а следовательно, к объективному выявлению границ и препятствий в капиталистической системе, которые принимает форму ее противоречий. О законах, выражающих тенденции, иногда говорилось, что они не представляют большой ценности с научной точки зрения¹²³. Но в методе

¹²² Там же, т. 25, ч. I, с. 202.

¹²³ В том, что касается закона тенденции, на помощь Марксу мог бы прийти логик Милль. В одном из текстов, который Маркс хорошо знал, он пишет: «Ошибка, когда она есть, не рождается из слишком

Маркса речь идет о том, чтобы сделать видимыми те признаки, которые при исследовании без помощи «переходного» абстрагирования остались бы не замеченными вовсе. А именно они позволяют Марксу говорить об альтернативе: либо общество, где обретение самостоятельности (автономизация) меновой стоимостью ведет к постоянному увеличению дисбаланса между живым трудом и обладанием мертвым трудом; либо общество, где признаки, выявленные в условиях, которые внешне их как бы исключили, служат для того, чтобы направлять к массовому освобождению развитие индивидуальных способностей. Эти указания, ориентиры Маркс оставил нам для построения коммунистической свободы.

Всем этим я вовсе не собираюсь до бесконечности защищать ценность научного метода Маркса. Процессы, рассматриваемые Марксом, иногда условны, открытия гениальны, но нечетко изложены, воображаемое не всегда соответствует результатам. В этой работе я хотел сказать о другом. С самого начала своего исследования, там, где внимание сосредоточено на обесценении капитала и на тезисе о том, что капитал никогда полностью не платит своих долгов; в изучении вопроса об «автономизации» меновой стоимости и отношениях собственности и господства, которые отсюда вытекают, и вплоть до встречи-столкновения с Рикардо относительно того, по какому руслу направить рост производительности труда, вплоть до альтернативы: наслаждение верхушки или свободное время масс,— Маркс дает нам последовательный анализ, направленный на освобождение экономичес-

широкого обобщения, то есть из включения слишком обширной группы частных случаев в одно суждение. Несомненно, человек часто говорит о целом классе то, что касается лишь части целого; но его ошибка обычно состоит не в том, что его утверждение слишком обобщенно, а в ошибочности *типа* утверждения: он говорит о реальном результате, когда должен был бы говорить лишь о *тенденции*, способствующей достижению этого результата, о силе, действующей с известной интенсивностью в этом направлении. Что же до *исключений*, то во всякой достаточно развитой науке их, собственно, нет. То, что принимается за исключение из принципа, — всегда какой-либо другой, отличный, принцип, который взаимодействует с первым, какая-либо другая сила, которая наталкивается на первую и заставляет ее отклониться от своего направления. Не существуют закон и *исключение* из закона, закон, действующий в девятиста девяти случаях, и исключение в одном. Есть два закона, каждый из которых, возможно, действует во всех ста случаях и которые дают общий эффект своим совместным действием. Если одна из двух сил, которая наименее выражена (она называется силой, нарушающей порядок), иногда берет верх над другой силой настолько, что этого достаточно, чтобы возникло то, что обычно называют исключением, то эта нарушающая сила, возможно, действует как причина, вносящая изменения во множестве других случаев, которые никто не назовет исключением» (*J. S. Mill. Saggi su alcuni problemi insoluti dell'economia politica. Milano, 1976, p. 132*). Вспомните полемику Маркса по поводу исключений у Рикардо, и вы будете недалеки от той истины, что понятие закона-тенденции родилось под влиянием этого отрывка из Милля.

кой науки от ее традиционной связи с имущими слоями и на сохранение ее как науки. Результатом является гипотеза о новом типе производителя (общественный индивид), который возьмет условия свободного развития и свободного движения индивидов под свой контроль. Маркс приходит к этой гипотезе не на философской и не на политэкономической основе; он подталкивает экономическую науку к разработке гипотезы о преобразовании и продолжает беспристрастным взглядом наблюдать за настоящим, в котором остатки насилия и варварства, подлежащие уничтожению, еще сохраняются внутри системы связей, совместимых с ними, и чья рациональность, следовательно, нуждается в радикальном преобразовании.

Лоуренс Крейдер

ЭВОЛЮЦИЯ, РЕВОЛЮЦИЯ И ГОСУДАРСТВО: МАРКС И ЭТНОЛОГИЯ

1. Естественная история и история человечества

Взаимоотношения человека с природой

Взаимоотношения человека с природой являются в то же время естественной наукой о человеке: уже в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс отмечал материальную преемственность между человеком и природой и материальный взаимообмен между ними. «Человек есть непосредственный предмет естествознания... А природа есть непосредственный предмет науки о человеке». Поэтому существует только одна всеобщая история — история человека и природы. Это единая история, то есть история человеческого труда во взаимоотношениях с природой, иначе говоря, история производства, промышленности и науки. Человеческая история — это история общества в своем развитии; хотя и в отчужденной форме благодаря промышленности, в ней содержится, следовательно, истинная антропологическая природа истории; она является реальной частью естественной истории, то есть очеловечиваемой природой. Понятие естественной истории охватывает, таким образом, понятие человеческой истории так же, как эта последняя включает в себя первую. На деле же всеобщая история раздвоена, так как природа и человечество взаимно отчуждены, но в потенции эти две истории являются единой¹. За изначальным отчуждением человека от природы, обязанным его труду, следует отчуждение труда в обществе, представляющее собой вторичное отчуждение. Причем первое отчуждение исторически обуславливает второе, но второе отчуждение не является логической необходимостью по отношению к первому. Второе отчуждение — это условия труда в гражданском и буржуазном обществе. Если бы оно проистекало по необходимости из первого, представляющего собой реальное положение человека во вселенной, то пришлось бы признать, что условие буржуазного отчуждения заключается в природе вещей².

Полемизируя с Прудоном, Маркс развивает свои экономические идеи и подчеркивает, что экономические категории представляют собой лишь теоретические выражения, абст-

¹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 42, с. 124—125.

² См. там же, с. 94.

ракции общественных отношений производства³. История — это всеобщий растворитель. Все существующее подвержено изменению, и для понимания людей нужно досконально изучить их потребности, «их производительные силы, их способ производства, применявшееся в их производстве сырье; каковы, наконец, были те отношения человека к человеку, которые вытекали из всех этих условий существования». Все является историей, и «углубляться во все эти вопросы» означает «заниматься действительной земной историей людей... изображать этих людей в одно и то же время как авторов и как действующих лиц их собственной драмы»⁴. Мысль о существовании неизменных законов была, несомненно, привлекательной для мидийских и персидских царей. Описания извечных законов бытия привлекают умозрительных философов и церковь так же, как неизменные законы рынка и прибыли — извечные законы, призванные до скончания века править обществом, — становятся мифом для экономистов-классиков⁵ с их исходным тезисом о неизменности человеческой природы, что является также предметом фантазий антропологов спекулятивного склада. Таким образом, история ипостазировалась, сводилась к метафизическому субъекту и превратилась наконец в фетиш, в снабженный собственной волей и сознанием механизм. «Как у прежних телеологов растения существовали для того, чтобы их пожирала животными, а животные для того, чтобы их пожирала люди, так и история существует для того, чтобы служить целям потребительского акта теоретического пожирания, *доказательства истины*». Человек существует для того, чтобы существовала история, история же для того, чтобы существовало *доказательство истины*»⁶. С самого начала и непрерывно в течение всего своего развития история людей — это история деятельности, посредством которой мы производим наше существование; эта непрерывность есть сам процесс общественного воспроизводства и, как таковой, составляет ту часть истории труда, которая состоит из взаимоотношений труда и природы. Творимая нами история — это история нашего труда, наших усилий⁷. Поэтому существует лишь одна наука — наука истории, которую «можно рассматри-

³ Там же, т. 4, с. 133.

⁴ Там же, с. 138.

⁵ Там же, с. 143.

⁶ Там же, т. 2, с. 86.

⁷ См. там же, т. 23, с. 31. Энгельс делал различие между понятием „work“, как созданием потребительной стоимости и конечного продукта, и понятием „labor“, как непрерывным процессом производства, создаваемым стоимостью. В своей «Диалектике природы» он проводит это различие иначе, в зависимости от того, в каком смысле рассматривается труд, в физическом или экономическом. Речь идет, однако, о специфической особенности английского языка, трудно передаваемой на другие языки.

вать с двух сторон, можно разделить ее на историю природы и историю людей»⁸.

История и идеология

Интерпретация истории является выражением идеологии, оказывающей практическое воздействие на умы людей. Именно этим путем сознание оказывает влияние на историческую деятельность. Первые «идеологи», такие, как Кабанис и Дестют де Траси, были убеждены в том, что научные идеи приведут к историческим результатам и что это произойдет благодаря их участию в политике наполеоновской Франции. Но, как известно, Наполеон их игнорировал, и их неосуществленные стремления перешли к Сен-Симону⁹. Немецкие идеологи Людвиг Фейербах, Бруно Бауэр, Мозес Гесс, Макс Штирнер разрабатывали свои идеи на путях чисто умозрительных, имея в виду их практическое применение на германской политической арене. Это было не историей, а метафизикой¹⁰. В то же время это была умозрительность заинтересованная, с расчетом на определенное политическое выражение. Немецкие идеологи предлагали такую спекуляцию в качестве основы для истории, но этого недостаточно для превращения ее в науку, поскольку она постулирует лишь умственную деятельность человека как основу истории в философском плане, то есть абстрактной. История же, как таковая, конкретна, является противоположностью абстрактной, спекулятивной истории. Индивид, напротив, одновременно абстрактен и конкретен. С одной стороны, индивид совпадает с общим бытием человечества, с сознанием принадлежности к определенному виду; с другой—общество не является чистой абстракцией по отношению к индивиду: естественная история человечества—это его биологическая история, путь, пройденный *Homo sapiens*. (Таким образом, если история вида едина, а всякое другое учение было бы расизмом, то история человечества, будучи историей социальной, многообразна: в целом история рода человеческого есть противопоставление одной истории множеству других.)

В обществе, как и в истории, никакая сила не действует иначе чем через деятельность индивидов, в которой послед-

⁸ Там же, т. 3, с. 16.

⁹ См.: *F. Picavet. Les idéologues. Paris, 1891.*

¹⁰ «История природы, так называемое естествознание, нас здесь не касается; историей же людей нам придется заняться, так как почти вся идеология сводится либо к превратному пониманию этой истории, либо к полному отвлечению от нее. Сама идеология есть только одна из сторон этой истории» (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, с. 17*).

ние сочетаются в различных комбинациях, а сознание не существует иначе как в умах и благодаря умам живущих индивидов: «...Как само общество производит человека как человека, так и общество производится человеком... Человеческая сущность природы существует только для общественного человека; ибо только в обществе природа является для человека звеном, связывающим человека с человеком»¹¹. С другой стороны, «производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей»¹². Так преодолевается фаталистическое учение, возникающее при абстрагировании общего хода истории от ее конкретного элемента — человеческих индивидов, — постулирующее зависимость исторического момента от некоей имманентной цели. Путем абстрагирования индивидуальная деятельность попадает в зависимость от некоей высшей силы, а сама история становится божеством.

Базис и надстройка общества

Производство посредством труда имеет два аспекта: природный и социальный—социальный в том смысле, что всякий труд предполагает кооперацию множества людей. Каждый способ производства или каждая промышленная стадия определяет, следовательно, условия существования общества, а не наоборот. История человечества представляет собой непрерывную серию стадий развития, отличающихся способом организации и реализации производства¹³. История человечества является поэтому эволюцией в узком смысле этого слова, ибо заключается в развитии одной стадии из пре-

¹¹ Там же, т. 42, с. 128.

¹² Там же, т. 3, с. 24.

¹³ См. там же, с. 28 и далее. Маркс писал: «Производство жизни — как собственной, посредством труда, так и чужой, посредством рождения...» Здесь связь между экономическим и социальным актом труда отделяется от биологического акта воспроизведения жизни другого индивида. Смешивание экономической и биологической деятельности категорически отвергается, ибо не находит места ни в теории, ни в практике марксизма и создает неприемлемые предпосылки для дальнейшего развития теории. Уже в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» (1884) Энгельс, исходя, по всей видимости, из программы, сформулированной в тогда еще не опубликованной работе «Немецкая идеология», выступал против различия между биологическим актом воспроизводства и экономическо-социальным актом воспроизводства с особой ссылкой на условия первобытной жизни человечества. Как уже говорилось выше, Маркс перед этим в одном впоследствии вычеркнутом примечании к «Немецкой идеологии» писал, что «история природы, так называемое естествознание, нас здесь не касается». В этом случае здесь налицо противоречие.

дыдущей под воздействием сил, присущих данной стадии и имеющих непрерывную связь с последующей, тогда как преобразование одной стадии в другую осуществляется общими внутренними силами обеих стадий развития. В истории способов производства, в преобразовании одной промышленной стадии в другую эти силы являются производительными силами, никоим образом не внешними по отношению к самому ходу развития производства, ибо отношения между трудом и природой возникают в результате прямого применения трудовой деятельности, посредством которой природные материалы преобразуются в ходе производственного процесса.

Понятие о стадиях развития в линейной прогрессии от низшей к высшей содержится в статьях Маркса об Индии, где говорится о том, что Англия находится на высшей ступени развития по отношению к Индии. При высокой степени индустриализации Англия находилась и на более высокой ступени цивилизации и общественного развития. Индия была на низшей ступени, потому что ее производительные силы были менее развиты, чем производительные силы английского капитализма. Она не достигла еще этой ступени, поскольку отставала от англичан в торговле и развитие ее задерживалось колонизировавшей ее державой. Но она без труда взяла верх над предыдущими захватчиками Индии — арабами, турками и т. д., не достигшими еще уровня развития производительных сил индусов и не имевшими, следовательно, более высокой цивилизации¹⁴.

В то время как история природы только конкретна, история человечества является одновременно и конкретной и абстрактной, ибо состоит из отношений между трудом и природой и социальных отношений, заключается в построении цивилизации на основе как натуральных отношений, так и социально-трудовых. История человечества есть процесс развития как в смысле того, что человек развился благодаря труду и преодолел животную стадию естественной истории, так и в том смысле, что человек развивался благодаря своему труду от низшей стадии или способа производства к высшей. Понятие развития есть абстракция, которую вводит тот, кто находится вне хода истории, абстрагируясь от него и подвергая сравнению производительные силы различных стадий развития. Развитие человеческой истории является, таким образом, одновременно внешним и внутренним фактом, так как абстракция — это внешняя история, сравниваемая с внутренней, конкретной историей. Стадии развития есть в одно и то же время средство классификации, то есть внешний фактор, и оболочка сущности, то есть производст-

¹⁴ См. там же, т. 9, с. 224—230, 130—136, 151—160.

венных отношений, представляющих собой внутреннюю динамику человеческой истории.

На этой основе способы производства классифицируются как азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный. Они взаимоотносятся как последовательные прогрессивные эпохи экономического формирования общества. Эти стадии последовательны, потому что сменяют одна другую как *dramatis personae* в порядке их исторического появления, и прогрессивны в том смысле, что каждая последующая стадия выше предыдущей¹⁵.

Способ производства — это экономическая формация данного общества, являющаяся одной из стадий его исторического развития, то есть явление преходящее. Способ производства не есть общество в своей совокупности, а его экономическая база, причем связанная с надстройкой общества. Несколько способов производства могут существовать в данном обществе лишь в переходные периоды или в периоды хаоса, возникающие из-за войны, завоевания или революции. И само общество представляет собой единое целое только тогда, когда его не раздирают процессы революционного преобразования.

2. Эволюция природы и общества

Маркс и Дарвин

Понятие эволюции как общего развития группы взаимосвязанных организмов под воздействием общих факторов на отдельных членов группы и общих взаимоотношений с окружающей средой получило мощное развитие после опубликования трудов Дарвина¹⁶, на что обратил внимание Маркс в письмах Энгельсу и Лассалю. Труды Дарвина, писал Маркс, составляют естественнонаучную основу понимания исторической борьбы классов, нанося смертельный удар телеологии в естественных науках¹⁷. Маркс рассматривал учение Дарвина в связи с мальтусовской «борьбой за существование», с «борьбой всех против всех» Гоббса и с гегелевской теорией человеческого общества как идеального царства животных¹⁸. В учении Дарвина Маркс нашел подтверждение уже сложившейся в его уме предпосылке, которая постулировала единство естественной и человеческой истории и была внутренне направлена против учения о великом божественном предначертании для природы и человека. Теле-

¹⁵ См. там же, т. 13, с. 7.

¹⁶ *C. Darwin. The Origin of Species. London, 1859.*

¹⁷ См.: *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 30, с. 475 и 102.

¹⁸ См. там же, с. 204.

ология — это учение о внешнем божественном руководстве, которому противостоят процессы естественного сохранения вида и естественного отбора, составляющие внутреннюю конкретную динамику происхождения видов¹⁹.

Маркс вскрыл связь между естественной и человеческой историей и подверг критике выдвинутый Томасом Годским тезис о накоплении трудовых навыков. Речь шла о накоплении и передаче навыков, об их сохранении и перенятии в ходе конкретного живого труда. Переход от накопления (Aufhäufung) наследственных признаков, о котором говорил Дарвин, к накоплению, осуществляемому человеком, происходит, по Марксу, под действием уже измененной человеческой природы и природы нечеловеческой, тоже измененной, преобразованной в орган человеческой деятельности. Накопление является результатом двойственного процесса; с одной стороны, исторического, превышающего длительность одной человеческой жизни, с другой — процесса передачи отдельного навыка одним работником²⁰.

По мнению Маркса, Дарвин осветил историю естественной технологии, так как процесс естественного отбора — это процесс приспособляемости животных и растительных органов в качестве орудий производства. Разница между двумя процессами производства заключается в изменении природы человеком. И Маркс, и Дарвин усматривали, однако, параллель между этими двумя процессами в связи со специализацией и взаимоотношением между формой и функцией. Так, в естественных органах и в орудиях производства человека чем больше специализирована функция, тем меньше остается свободы в выборе формы орудия. Нож, предназначенный для резки всего, что можно резать, может иметь любую форму. И наоборот, нож, служащий для резки чего-либо определенного, и притом единственным способом, должен иметь совершенно особую форму²¹. В этой свя-

¹⁹ См. там же, т. 32, с. 453—455, 570—572. Маркс послал экземпляр «Капитала» Дарвину, который сообщил о получении в письме от 1 октября 1873 года. Ходили слухи, что Маркс предложил Дарвину согласиться на посвящение ему одной из работ, не уточняя какой именно, и что Дарвин отказался по личным соображениям. Возможно, что слухи, кстати лишенные всякого основания, родились из-за того, что Дарвин в письме от 13 октября 1880 года отклонил предложение зятя Маркса Э. Эвслинга посвятить ему сборник своих статей.

²⁰ Там же, т. 26, ч. 1, с. 348, а также: *L. Krader. Dialectic of Civil Society Assen, 1977, p. 260ff.* Центральная тема цитируемых мест касается накопления трудовых навыков и их передачи из поколения в поколение, а также взаимосвязи человека и естественных законов. Текст из «Теорий прибавочной стоимости» обладает большей точностью и тонкостью суждений по сравнению с текстом «Капитала» и поэтому берется здесь за основу.

²¹ *Darwin. Origin., cit., p. 149; К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 352.*

зи и Маркс, и Дарвин старались доказать, что законы естественной и человеческой истории одинаковы.

История конкретная и абстрактная

Описанное Марксом движение истории — это процесс внутреннего развития производительных сил, производственных отношений, отношений обмена, связанных с этими отношениями форм собственности и конфликта между производительными силами и формами собственности. Движение истории проходит определенные стадии и перерывы постепенности, когда внутреннее развитие вступает в противоречие с внешними, юридическими формами. В ходе исторического процесса распада родов, кланов, единокровных групп и древнейших сельских общин совершался противоположный процесс — становление античных государств, происходившее на племенной основе, при сохранении принципов коллективной жизни древности²². Поскольку эти процессы распада и преемственности древних коллективных и общинных форм общественной жизни были распространены во всем мире, можно сделать вывод, что они принадлежат к особому рода истории, отличной от частной истории отдельно взятого народа, будь то римляне, германцы, инки или кто-либо еще²³. Эти процессы всемирного значения являются конкретно-историческими процессами, из которых складывается история гражданского общества, но не особыми историческими отрезками. Они развивались на разных континентах, в различных исторических и культурных условиях, то есть это процессы общие, но не универсальные. Иными словами, это не те процессы, в которых непременно принимают участие все народы без исключения, как в процессах труда и производства.

Общая конкретная история противостоит всеобщей абстрактной истории, как ее трактовали в XVIII веке философы Кант и Кондорсе, она противостоит и частным конкретным историям, написанным Нибуром и Моммзеном.

Процесс эволюции человечества одновременно совпадает и не совпадает с его общей историей. И тот и другая конкретны, но на этом совпадение кончается, что можно проследить на истории конкретных институций²⁴. Так, приме-

²² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, с. 462—463.

²³ Там же, т. 23, с. 88—101.

²⁴ Примером этого является теория труда. Подсчет рабочего времени, затраченного на производство общественно полезных предметов, составляет сущность теории стоимости. Но подсчет этой суммы является отличительной чертой обмена и производства товаров; мы не находим их в первобытном обществе, они развиваются в условиях, когда домини-

нение Марксом результатов филологических и исторических изысканий Нибура, Гримма, Маурера, Гакстгаузена, Ковалевского и др. к истории сельской общины у римлян, германцев, славян и индейцев относится к истории частных институций и одновременно является частью эволюции человечества²⁵.

Эволюция и революция: история, не творимая нами, и история, творимая нами

История, творимая нами, отличается от истории, нами не творимой²⁶. Их различие не абсолютно, ибо не творимая нами история является важным, определяющим фактором творимой нами истории и в то же время определяется в несравненно меньшей, но возрастающей степени этой последней. Не творимая нами история — это естественная история, история эволюции космоса, Земли и рода человеческого; она развивается по независимым от нас законам, которые мы можем только открывать, в то время как творимая нами история зависит как от этих естественных законов, так и от действий людей и отношений между ними, а также от законов сознательно-волюнтаристских, бессознательно-стихийных, естественных и установленных человеком, от законов инструментальных, предписывающих и запрещающих. Величайшее свершение творимой нами истории состоит в ради-

рует товарообмен, то есть в буржуазном обществе (см. там же, с. 235). В главе об истории экономических институтов Маркс приводит выдержку (см. там же, с. 497) из «Исследований ранней истории человечества» Э. Б. Тейлора. Маркс цитирует этот отрывок не без выпада в адрес Н. Сеннора, автора теории о воздержании от потребления с целью накопления капитала, а также теории о последнем, неоплачиваемом часе рабочего времени. Тейлор, которого, вероятно, можно считать основным эволюционистом своего времени, впоследствии практически исчезает из поля зрения Маркса.

²⁵ Для библиографических справок см.: „Karl Marx. Chronik seines Lebens in Einzeldaten“. М., 1934; См. также: L. Krader. Marx' Ethnological Notebooks. Assen, 1974, p. 379ff, nota 125. Противопоставление этих двух аспектов истории проявляется с наглядностью в отрывках, относящихся к практике землепользования в древней Мексике и Перу, а также в древней Евразии. Со своей стороны мы добавили соответствующую практику на древнем Ближнем Востоке и в Африке, к югу от Сахары. Эта тематика разрабатывалась в XIX и начале XX века. Проблема заключалась в выяснении того, было ли землепользование в первобытном обществе общим или индивидуальным.

²⁶ Маркс (см.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 383, прим. 89) заимствует это различие у Дж. Б. Вико в его книге «Основа новой науки» (1744). Маркс рекомендовал Ф. Лассалю ознакомиться с философией права Вико (письмо от 28 апреля 1862 года). Учение о том, что все вообще, природа и в равной степени человек, является объектом истории, восходит в современную эпоху к Фрэнсису Бэкону; такое объединение истории, независимо от его содержания, получило дальнейшее развитие у Бюффона, Канта, Лапласа и Адлунга.

кальном преобразовании общества: развитие истории человечества совершается во взаимодействии бесчисленных исторических моментов, сознательных и бессознательных, волевых и невольных²⁷. Радикальное преобразование общества — это история развития всемирного человеческого сознания, общественного сознания вообще и классового сознания в частности, расколотого подобно тому, как расколоты и взаимоотно противопоставлены социальные классы.

Маркс систематизировал не творимую нами историю вначале в связи с открытиями Дарвина, затем с идеями Вико. В этой же связи Маркс предсказал историческую роль техники, дающей человечеству материальную базу всех частных явлений.

Эти две истории составляют единое целое и вместе с тем разнятся между собой, продолжают друг друга и разделяются, раскрывая в истории человечества четырехсторонний процесс: 1) активное взаимодействие человека с природой; 2) процесс прямого продолжения человеческой жизни; 3) процесс социальных отношений в жизни людей; 4) умственные или духовные представления, проистекающие из этих отношений²⁸. (Порядок, в котором эти моменты появляются в теории, тоже имеет свое значение.) Все вместе составляет критическую историю техники и критического взаимоотношения природы и культуры.

Активные отношения с природой имеют свою историю: без сотрудничества в ходе производственного процесса производство не существует, без производства не существует жизни. Начатки культуры, которые мы находим у народов, занимающихся охотой, документально подтверждают такое сотрудничество, как и общинное земледелие в Индии. Это доказательства сотрудничества в малом масштабе или в масштабе общины. В простейшей форме крупномасштабное сотрудничество проводилось чиновниками азиатских древнееги-

²⁷ Роль сознания в истории была проанализирована Марксом и Энгельсом в «Манифесте Коммунистической партии» и в последующих работах. Современные им позитивисты, вроде Огюста Конта, изучали действие бессознательных законов, а юридическо-легалистские позитивисты занимались позитивными законами, созданными человеком, то есть идущими от сознания, в противовес законам божественным или естественным. Эта концепция закона, восходящая к Бэкону и Блэкстону, по-видимому, противоречит трактовке истории позитивизма Л. Колаковским (см. его книгу: „The Alienation of Reason“. New York, 1968). Сознание не может считаться определяющим фактором истории человечества; Маркс не признает его даже в качестве решающего разграничивающего фактора: «Людей можно отличать от животных по сознанию, по религии — вообще по чему угодно. Сами они начинают отличать себя от животных, как только начинают производить необходимые им средства к жизни» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, с. 19). «Сознание, следовательно, с самого начала есть общественный продукт и остается им, пока вообще существуют люди» (там же, с. 29).

²⁸ Там же, т. 23, с. 383 (прим. 39).

петских и этрусских монархов. Сложное крупномасштабное сотрудничество находило стихийное применение в античной и средневековой Европе. Форма капиталистической кооперации принимается в широком масштабе, она имеет систематический, а не спорадический характер, что отличает ее от докапиталистических экономических формаций²⁹. Развитие сотрудничества при капиталистическом способе производства представляет собой, с одной стороны, отрицание сотрудничества, начатого на заре человеческой культуры, с другой — его продолжение путем реализации заложенных в нем потенциальных возможностей.

В абстрактном плане развитие от первобытного способа производства к способам докапиталистическим и капиталистическому представляется упорядоченным, но в плане конкретном оно проходило по множеству линий, с фальстартами и отклонениями. Прогресс многообразен, он совершается путем незаметных глазу метаморфоз, за которыми следуют резкие перевороты. Бесклассовое общество — результат противоположных исторических моментов. Социальное единство состоит из огромной массы противоречивых форм: природа этих противоречий такова, что постепенное изменение не приводит к взрыву. Если в лоне данного общества, такого, как оно есть, мы не находим материальных условий производства и обмена, позволяющих создать бесклассовое общество, любая попытка разрушить существующее общество окажется тщетной³⁰.

Не творимая нами история является нашей естественной историей, или процессом эволюции. Это история без исторического субъекта, единственная конкретная история. Творимая нами история и абстрактна и конкретна, она имеет и субъект и объект. Это история общества и его становления, история борьбы социальных классов как необходимого условия общественного конфликта и развития классового сознания. История классового сознания проходит тот же исторический путь и подчиняется тем же критериям развития, на которые мы указывали в связи с социальной историей кооперации. В древних государствах и империях Азии, Африки, Европы и Нового Света классовое сознание проявлялось спорадически у непосредственных производителей в данном обществе. В современном же капиталистическом обществе классовое

²⁹ Там же, с. 333—347.

³⁰ См. там же, т. 1, с. 101. Здесь подспудно излагается теория социальной общности, в которой имеют место классовые различия. Концепция целостности по отношению к разделенному на классы обществу изложена у А. Грамши в «Тюремных тетрадах» (Турин, 1975), в частности в тетрадах 10 и 11. Первый тезис Маркса постулирует революционный процесс, второй — процесс эволюции, причем каждый из них является необходимым условием для другого.

сознание имеет постоянное развитие, как качественное (сила и уверенность), так и количественное (широта затронутых им трудящихся масс). Оно достигло высшей точки своего исторического развития в истории современного буржуазного общества во время революции и понижается по мере того, как породившая его революционная деятельность, в свою очередь крепнущая и проявляющаяся под его воздействием, идет затем на убыль, утрачивая свою социальную силу. То есть оно находится в зависимости от глубины противоречий между социальными классами. Классовое сознание проявляется по-боевому в потоке революционной деятельности и застывает, когда она иссякает, причем не однозначно, а следуя межклассовым различиям. Творимая нами история есть не что иное, как совокупность процессов взаимоотношения труда с природой, взаимодействия сил в обществе и умственных и духовных представлений, проистекающих из этих взаимоотношений и взаимодействий. Этим она отличается от не творимой нами истории, лишенной своих абстрактно-теоретических представлений, за исключением тех, которые привнесены человеком. На практике же ход творимой нами истории отделяется от не творимой нами истории только в спекулятивной философии и в религиозном мире мистиков³¹.

Выдвинутая социалистом-эволюционистом Эдуардом Бернштейном идея о том, что социализм может быть достигнут путем мирного преобразования буржуазного общества, основана, с одной стороны, на упрощении исторического процесса и, с другой, на смещении эволюции, то есть не творимой нами истории с творимой нами историей. Пропаганда действия не приведет ни к чему, кроме как к саморазрушению, если только не будет непосредственно связана с процессами радикального преобразования общества и его материальной базы, а следовательно, и его умственных и духовных представлений.

Личность и общество

Карлейль видит в личности главный двигатель истории и строит на этом культ героя³². Это его убеждение не лишено связи со сказкой, в центре которой находится фигура Робинзона Крузо, обязанного всем самому себе, одинокого на

³¹ О творимой и не творимой нами истории см. также работы К. Маркса и Ф. Энгельса «Немецкая идеология», К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта».

³² Рецензии Маркса и Энгельса на книгу Т. Карлейля «Герои, культ героев и героическое в истории», 1840 (см.: *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 7, с. 269). Об «Очерках» Карлейля, т. 1, см.: *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 1, с. 266. Здесь проявляется ирония Маркса в отношении культа героев у Карлейля.

своем тропическом острове³³. Проблема личности в истории имеет двойкий аспект: с одной стороны — реальность личности в обществе и, следовательно, в истории; с другой — вопрос о том, какова главная движущая сила истории. Тот факт, что личность предметна, а не является чистой абстракцией, выступает темой первой полемики Маркса с Фейербахом и его (Фейербаха) интерпретацией Гегеля³⁴.

Государство, писал Маркс, является формой, посредством которой индивиды господствующего класса выражают свои общие интересы и в которой концентрируется все буржуазное общество определенной эпохи. Таким образом, возникает иллюзия, что законодательные акты имеют в основе свободную волю индивида. В действительности они оторваны от своей реальной основы в обществе. Абстрактный индивид не имеет истории, индивид конкретный не только сам часть истории, но является единственной основой производительных сил, частных видов труда, сознания и, таким образом, основой социальной реальности и в материальном, и в историческом плане. Однако способности индивидов развиваются не самими индивидами, а только за счет их объединения, путем взаимодействия при их взаимном согласии на присвоение орудий производства и комбинированном применении этих инструментов³⁵: личность — это «совокупность общественных отношений»³⁶. Но общество не состоит из той же самой материальной реальности составляющих его индивидов: «общество выражает сумму тех связей и отношений, в

³³ Маркс в «Критике политической экономии» подвергает критике Рикардо, постулировавшего существование первобытного охотника, изолированного от общества наподобие Робинзона Крузо (см. также: *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, с. 86). Следует, однако, учитывать, что по замыслу Даниэля Дефо Робинзон Крузо не представляет собой архетипа обязанного всем самому себе человека. Он, напротив, подробно описал усилия Робинзона по спасению всего, что можно было спасти с потерпевшего крушение корабля, дабы снабдить себя всем, что могло предоставить ему цивилизованное общество того времени, и тем самым преодолеть все опасные моменты нового существования. Он не был одиочкой, так как обладал наследием прошлого. Дефо отмечает также, что Робинзон мог и чего не мог делать. Так, например, он не умел делать чернил.

³⁴ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 42, с. 161—162.

³⁵ Там же, т. 3, с. 47. Т. Масарик обвинял Маркса в иллюзионизме (*T. A. Masaryk. Die philosophischen und soziologischen Grundlagen des Marxismus. 1899, S. 147ff, 184ff*), то есть в том, что он отделил индивидуальное сознание от индивида, поместив его в социальный класс и превратив тем самым сознание в иллюзию. Это равноценно прямому искажению смысла приведенных здесь и чуть выше цитат. Аргументация Масарика должна была бы относиться к теме двигателя истории, к вопросу о том, кто движет ею, индивиды или классы?

³⁶ Шестой тезис Маркса о Фейербахе гласит: «Сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» (*К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 3, с. 3).

которых эти индивиды находятся друг к другу»³⁷; оно не состоит из самих этих индивидов и не составляет прямо основы отношений между индивидами. Поэтому взаимосвязь между индивидом и обществом асимметрична.

История общества разделяется на периоды, или стадии. Поскольку эта история не является независимой конструкцией, а состоит из взаимоотношений индивидов, реализующихся во времени, сами стадии не есть исторические реалии, доступные чувствам, как могло бы показаться. Деятельность индивидов при их взаимосочетаемости и в связи с естественным миром образует определенную стадию достигнутого ими прогресса. Реальность общества отличается от реальности нашего физического тела или же от реальности планет и звезд. Отсюда и реальность социального факта отличается от реальности фактов, изучаемых физиологами и физиками³⁸. Вопросы социальной онтологии затрагивают как сущность человеческого индивида, так и идеологию господствующего класса, причем как в эпоху античную, так и в современную буржуазную эпоху истории цивилизованного общества. Избранный царем на один год, жрец храма Дианы Неморенсис ходил по лужайке с обнаженным мечом; «война всех против всех» началась еще в Древнем Риме. Во время кампаний, организованных против Франклина Делано Рузвельта с 1932 по 1944 год, республиканская партия перевозила образ сурового индивидуалиста. По Гоббсу, общество — это не что иное, как масса индивидов. Альтернатива этой концепции была выдвинута еще Аристотелем, для которого индивид вне общества есть либо животное, либо божество, во всяком случае, бесчеловечное существо³⁹. Культ от-

³⁷ Там же, т. 46, ч. I, с. 214.

³⁸ Эта концепция изложена Дюркгеймом в работе «Правила социологического метода», 1895. Для него не существует никакой разницы между фактами социальными и фактами физики и физиологии. Данная концепция представляет собой значительное упрощение проблемы социальной реальности. Дюркгейму приходилось, конечно, остерегаться предвзятой абсурдности учения церкви своего времени и индивидуалистической социологии и психологии Гюстава Тарда. Следует, однако, заметить, что программные заявления Дюркгейма повторялись, причем с той же целью, против опасности сведения социальных наук к одной индивидуализирующей социальной науке Рэдклифф-Брауном, отцом английского структурализма (A. R. Radcliffe-Brown. *The Natural Science of Society*. Chicago, 1957). Индивидуалистическая ориентация была в некоторой степени возрождена неотомистом М. Дж. Адлером.

³⁹ «Жрец леса» — так называется рассказ, с которого начинается работа Джеймса Джорджа Фрейзера «Золотая ветвь». Аристотель может считаться критиком индивидуализма благодаря его учению о том, что человек по своей природе — политическое животное. По Арриану, Эпиктет начинает свой спор с Эпикуром словами: «Эпикур, так же как и мы, знает, что мы по природе общественные существа». Античные авторы отличали вопрос об общественной и индивидуальной сущности от вопроса об идеологии господствующего класса.

дельной личности, учение об общественном договоре, согласно которому каждый человек входит в общество на основе свободного выбора, и именно таков способ образования общества, представляют собой сведение социальной онтологии к онтологии индивидуальной, а социальных проблем — к проблемам индивида и индивидуального сознания. И напротив, свобода личности — это свобода личности господствующего класса, но такой свободе не хватает как раз сущности свободы. Чтобы предохранить себя от всеобщей забастовки и акций со стороны резервной промышленной армии, государственный аппарат должен взять под контроль не только рабочий класс: он должен также остерегаться уклонений отдельных капиталистов, преследующих цель умножить доходы в ущерб общему интересу своего социального класса, а также деклассированного терроризма отчужденной молодежи, продукта ответственного за ее отчуждение господствующего класса.

Вопрос о личности не был поставлен непосредственно в теории социализма, он был поставлен врагами социализма. Положение отдельной личности не является центральной проблемой социализма, наоборот, основной проблемой социализма остается образование общества как единого целого путем общественного труда. Индивидуальность утрачивает при этом классовый характер. Ложная индивидуальность идеологов современного буржуазного способа производства базируется в течение XIX и XX веков не на философских учениях классической античности Аристотеля и Эпиктета, а на атомистическом индивидуализме XVII века Декарта, Гоббса и Лейбница. Их общепринятая идеология не более чем уловка, благодаря которой государственный аппарат, господствующий класс и частная сфера, примыкающая к одному или другому, снимают с себя всякую ответственность за заботу о больных, голодных, старых людях, освобождают богачей от налогового бремени — вот что стоит за философией индивида⁴⁰.

Историческую категорию марксистской теории составляет отношение человека и природы, опосредованное трудом, а также общественные отношения человеческого рода в целом; поскольку общество в свою очередь есть выражение человеческих отношений во всей их сложности в определенный пе-

⁴⁰ Защита индивидуальности проводится идеологами господствующего класса в современном буржуазном обществе под тем предлогом, что без индивидуальной свободы мы рисковали бы остаться в будущем без новых Леонардо да Винчи и Шекспиров. Подобная предвзятая концепция не годится для того, чтобы обеспечить появление в будущем художественных шедевров, потому что в ней дается лишь отрицание: условия, в которых творили Гомер, Монтеверди и Бах, не будут такими же в будущем. О непригодности канонов прошлого для настоящего и будущего см.: *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 46, ч. I, с. 47.

риод времени. Период — это форма комбинации отношений, зависящая от самих этих отношений между людьми. Индивид как носитель и узловая точка общественных отношений детерминирован настоящими и прошлыми отношениями в ходе исторического процесса: сознание этих отношений заключено в индивиде, ибо не может не затрагивать всю его умственную и психическую систему. Тем не менее обладающий сознанием человек является не основным двигателем, а результатом отношений настоящего и прошлого в их переплетении с другими людьми и окружающей средой; эти отношения находят свое различное социальное выражение в зависимости от производственных отношений, которые в свою очередь есть фактор, определяющий становление и противостояние классов в современном буржуазном обществе. Меркой истории является не индивид, а общество как единое целое, а также отношения между теми классами, на которые оно разделено. Поэтому следует иначе понимать социалистический лозунг «Каждый по способностям, каждому по потребностям!»⁴¹: мы имеем здесь дело не со способностями и потребностями отдельного индивида, а с суммой способностей общественного труда и с суммой потребностей всего общества.

3. История и этнология

Маркс и Морган

Маркс принял тезис эволюционистов не потому, что они рассматривали естественную историю в свете истории человечества, а, наоборот, потому, что обращение к их тезису делает возможным включить историю человечества в естественную историю, дать таким образом основание материалистической теории и постулировать естественную историю как момент истории человечества⁴². Идея эволюции человечества как части всеобщей эволюции и, следовательно, как части нашей внутрочеловеческой истории, той истории, что не подвластна нашему контролю, подобно не творимой нами истории, была воспринята Тейлором, Леббоком, Морганом, Фиром и отчасти Мейном; М. Ковалевский был связан как с дарвинистским движением, так и с движением, восходящим

⁴¹ Там же, т. 19, с. 20. Работа Г. Плеханова «О роли личности в истории», опубликованная впервые в 1898 году, затрагивает эту тему и, как показывает само заглавие, дает ей известную трактовку в духе марксистской традиции.

⁴² Дарвин построил свою модель естественной истории в согласии с социальной доктриной Т. Мальтуса. (См.: *Darwin. Origin, cit.,* сар. 3; *Id. Descent of Man 1871, part I, ch. 2.*

к Мейну⁴³. По Гегелю, природа имеет с человечеством связь прямую и внешнюю⁴⁴, в то время как для школы эволюционистов эта связь только прямая; в данном случае не делается различий между практическими и теоретическими отношениями (связями). Обратившись к школе эволюционистской этнологии, Маркс отвернулся, с одной стороны, от гегелевской теории природы и, с другой, от позиции этнологов-неэволюционистов⁴⁵.

Эволюционистская доктрина Моргана постулирует прогресс человечества как органическое развитие, проходящее три стадии. Каждая последующая стадия развивается из предыдущей, от состояния дикости к варварству и к цивилизации. Более высокая стадия достигается при распаде рода в последней формации стадии варварства. Процесс эволюции охватывает весь мир, но принимает различные формы в разных регионах, так что прогресс оказывается многолинейным. Каждая стадия, однако, есть единое целое, хотя и достигается она различными путями. Более того, реален не отдельный человек, не исторический народ, а реальна стадия культуры. Импульс к смене одной стадии другой дают открытия и изобретения, так как техника, по Моргану, — это двигатель истории и благодаря ей общество развивается уже не на основе отношений между индивидами, а на основе территории и собственности. Прошрое, утверждал Морган, не умирает, и доказательства этого можно обнаружить среди живущих теперь народов. Так, например, семья берет начало в смешанной орде, а практику группового брака можно наблюдать у некоторых народов нашего времени, хотя у других она уже давно изжила себя⁴⁶. Морган проследил развитие собственности от первобытной стадии до современной и закончил свой труд обличением бесконтрольной власти, которую приобрела собственность над человеческим разумом. Изучив работу Моргана, Маркс пришел к заключению, что временной масштаб истории человечества необычайно широк и что привнесенные собственностью иска-

⁴³ См.: *Krader. Marx' Ethnological Notebooks*, cit. Маркс сделал извлечения из следующих трудов: *L. H. Morgan. Ancient Society*. New York, 1877; *J. B. Phear. The Aryan Village in India and Ceylon*. London, 1880; *H. S. Maine. Lectures on the Early History of Institutions*. London, 1875; *J. Lubbock. The Origin of Civilisation*. London, 1870.

⁴⁴ *G. W. F. Hegel. Enzyklopädie der philosophischen Wissenschaften* 1830, § 245.

⁴⁵ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 30, с. 97—98.

⁴⁶ Энгельс написал «Происхождение семьи» на основе «Первобытного общества» Моргана. При этом он знал, что исполняет тем самым волю Маркса. Разделяя позицию Моргана в вопросе о происхождении семьи, Энгельс написал заметку, опубликованную в 1892 г. газетой «*Нойе Цайт*» («Вновь открытый случай группового брака»), в основу которой были взяты результаты исследований Л. Штернберга среди гилеков (нивхов).

жения преходящи. Более того, как отмечал Маркс, они кратковременны⁴⁷ и являются не более чем абберрацией на данной стадии развития общества.

Заметки и комментарии Маркса оказали влияние на историю социализма, хотя следует иметь в виду, что моргановская критика собственности, будучи, несомненно, более резкой по отношению к другим критическим высказываниям некоторых представителей эволюционизма, изученных Марксом, не дает никакого основания считать Моргана критиком капиталистической системы как таковой. Маркс обращался к идеям Моргана для подкрепления своих не потому, что у них имелась общность принципиальных основ, а как раз потому, что Морган примыкал к противоположному лагерю. Его следует поэтому отнести к тем, кто укреплял дело социализма против своей воли⁴⁸.

Неустанная критика, которой Маркс подвергал индивидуалистическую концепцию истории, опиралась на исследование Моргана, утверждавшего, что Тезей был не отдельной личностью, а целым периодом или даже целым рядом событий⁴⁹. Роль объективных исторических факторов, технологических и правовых, была представлена Морганом в виде общего правила. В этом смысле он был материалистом, хотя

⁴⁷ *Krader. Marx' Ethnological Notebooks, cit., p. 139.*

⁴⁸ «Один американский писатель, которого никак нельзя заподозрить в революционных тенденциях и который пользуется в своих исследованиях поддержкой вашингтонского правительства» — так Маркс характеризует Моргана (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, с. 402*). Между тем Маркс совершает в отношении Моргана весьма серьезную ошибку. Морган ссылался на древнеримского юриста Гая и на Теодора Моммзена, когда описывал рабство в древнеримской семье. Маркс же со своей стороны ссылался на Фурье, давшего характеристику современной эпохе цивилизации на основе института моногамии и частной собственности на землю. Современная семья, полагал Маркс, содержит в зародыше не только рабство но и крепостничество; она заключает в себе в миниатюре все те антагонизмы, которые затем найдут широкое развитие в обществе и государстве. (Это краткое замечание нуждается в пояснении: под современной семьей подразумевается современная семья в древнеримской форме, включающая в себя слугу или раба. Последующая история семьи противоречит истории общества и его государства.) О Фурье см.: *Krader. Marx' Ethnological Notebooks, cit., p. 120*. В одном из примечаний в конце «Происхождения семьи, частной собственности и государства» Энгельс говорит о том, что вначале он собирался «привести рядом с моргановской и моей собственной критикой цивилизации блестящую критику цивилизации, которая встречается в различных местах произведений Шарля Фурье» (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 177*). Но это не значит, что Морган был критиком современной семьи, подобно Марксу и Энгельсу в «Манифесте» или Фурье. Тем не менее Эдуард Бернштейн в предисловии к итальянскому переводу «Происхождения семьи, частной собственности и государства» Энгельса называет Моргана социалистом-утопистом. Морган защищал в качестве адвоката интересы железнодорожных компаний в штате Нью-Йорк и ничего общего не имел с социалистами-утопистами своего времени.

⁴⁹ См.: *Krader. Marx' Ethnological Notebooks, cit., p. 209.*

и наивным, и за это его похвалил Энгельс. Среди перечисленных Морганом институтов доминирующим в варварском обществе является род. Маркс применил эту формулу к теории исторического формирования каст, сложившихся на основе увековечившегося родового принципа. В варварском обществе роды были связаны иерархической зависимостью снизу доверху, как касты в гражданском обществе. Равенство и братство имеют место одинаково и внутри рода, и внутри касты, базирующихся на родственных узах. Равенство и братство противоречат аристократическому принципу⁵⁰, базирующемуся на образовании социальных классов. По Марксу, образование социальных классов начинается не с ранговой дифференциации между отдельными родами, а с конфликта интересов между родовыми вождями, с одной стороны, и простыми членами рода — с другой. Вожди богаты, что связано с частной собственностью на жилища, земли, скот и, как следствие, с моногамной семьей. Простой же народ беден⁵¹. Однако частная собственность не является причиной расслоения на бедняков и богачей и не ведет к образованию моногамной семьи. Она — юридическое выражение различных моментов истории, движущая сила которых кроется в другом.

В концепции Моргана о стадии, предшествующей образованию буржуазного общества и государства, разложение рода или отмирание принципа родства становится движущей силой истории. Это положение Моргана, косвенно принятое Марксом и непосредственно — Энгельсом, противоречит Марксовой формулировке закономерности перехода к буржуазному обществу. Маркс писал, что племена образовывали древние государства двумя путями: либо из родственных, либо из местных групп, и указывал, что римские роды были корпорациями⁵². Не ограничившись одними только родственными связями, Маркс разработал общую теорию коллектива в его различных формах: клан, племя, род (группы, возникавшие на основе родственных уз); населенный пункт, сельская община (группы, возникавшие на основе географической близости) и, наконец, ассоциации, корпорации, общества с правом наследования и добровольные. Это более широкий и более научный подход, чем подход, сделавшийся

⁵⁰ См. *ibid.*, p. 183.

⁵¹ См. *ibid.*, p. 210.

⁵² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, с. 467. В. Фентон и другие ученые критиковали Моргана за то, что он выделил только фактор кровного родства, игнорируя другие общинные факторы, когда писал свои этнографические работы об ирокезах (см.: *Krader. Marx' Ethnological Notebooks, cit.*, p. 357, 376); можно также указать на опущение им в своей теории эволюции такого фактора общности, как географическая близость. Эту критику следует распространить и на использование его теории другими.

популярным благодаря книге Энгельса. Образование буржуазного общества и государства происходило на основе распада древних форм коллективной жизни (роды, кланы, сельские общины, ассоциации) и связанных с ними равенства и братства.

Маркс и Мейн

Буржуазное общество состоит из общественной и частной сферы, и его нельзя свести ни по происхождению, ни по развитию к одной только частной сфере, к которой принадлежит современная буржуазная семья. К хорошо видимым на примере семьи родственным связям добавляются отношения общественной сферы гражданского общества, общественного труда, общественного производства, обмена, торговли и принадлежащих к надстройке права, политики и государства. Гражданское общество образовалось и разделилось на общественную и частную сферы под влиянием межклассовых отношений. Описывая традиционных вождей ирландских сект и кланов или старейшин коллективных семей и сельских общин Индии, Мейн рассматривает все эти образования как простые агломераты частных семей; при изучении ирландских и индийских кланов и общин он имел в виду английскую частную семью. Маркс резко возражал против смешения общественной и частной сфер в своих комментариях к книге Фира, который, описывая социальную и земельную системы индоарийцев, исходил из предположения, что история общества и земельной собственности обязана своей динамикой внутренним отношениям в рамках отдельной семьи⁵³. В теории Мейна об общественном прогрессе, осно-

⁵³ См. *ibid.*, p. 281: «Этот осел выводит буквально все из частносемейного уклада». Семья в буржуазном обществе — это частная семья, она — частица частной сферы общества. Коллективная семья в Индии, югославская домашняя община, или задруга, в традиционные исторические периоды расширенная семья у монголов — это все тоже в той или иной форме частные семьи, потому что общество, в котором они находятся, представляет собой в той или иной форме гражданское общество, то есть такое, где в ходе истории выделились сферы частная и общественная. До образования гражданского общества, основанного на межклассовых различиях, и расширенная славянская семья, и домашняя община южных славян, и коллективная индийская семья, и аналогичные образования в Китае, Африке и Новом Свете не были, следовательно, ни общественными, ни частными, так как само гражданское общество возникает с появлением различий между общественной и частной сферами. Коллективные и коммунитарные институты в гражданском обществе также подразделяются на общественные и частные составные части. Семья в буржуазном обществе уже не та, какой она была на первобытной стадии общественной жизни. В буржуазном обществе род, клан и сельская община не то же самое, чем они были в первобытных условиях. Во времена Римской республики род сделался чем-то вроде публично и официально признаваемой корпорации.

ванном на эволюции, предполагалось, что историю определяют юридические и моральные факторы. Маркс критиковал его за то, что он такие вторичные факторы, как моральный, сделал первичными, определяющими ход истории, в то время как, по Марксу, на первом месте стоят факторы экономические. Для Мейна государство было реальной исторической материей, а не чистой видимостью, каковой оно является на самом деле. Маркс упрекал его в том, что он не увидел в государстве нароста на теле общества, то есть в том, что он не сумел понять особых конкретных социальных условий, определяющих исторически появление государства, которое исчезает вместе с их исчезновением. Полемика Маркса вовсе не была органической теорией общества и государства. Она не содержит, например, мысли о том, что государство подвергнется разложению, как переспевший плод: общество зависит от определенных условий, от определенных отношений между людьми, а государство является результатом этих исторически конкретных отношений и условий. Положения, согласно которым государство есть форма особых общественных условий, в основе образования государства находятся экономические факторы и государство представляет собой одно из преходящих явлений в истории, стали общими местами, потому что марксизм их сделал таковыми. Разделение общества на классы и на общественную и частную сферы имеет в основе факторы, действовавшие еще в архаичных общинах. Индивиды, которые в итоге формируют господствующий класс, отрываются от этих общин, и именно таким путем формируется индивидуальность, личность. Затем эти индивиды проявляют все в большей мере интересы, противоположные интересам непосредственных производителей данных общин, составляющих трудящийся класс. Интересы классовые, и отдельные личности выражают классовую индивидуальность; их интересы имеют в основе экономические условия, и именно на этой основе строится государство⁵⁴. Общины были преобразованы в эксплуатируемый класс непосредственных производителей и в то же время формально сохранили свой общинный характер. Поэтому социальный конфликт на заре истории гражданского общества является по существу конфликтом между социальными классами, но по форме это конфликт между отдельными личностями, принадлежащими к разным классам, между индивидами правя-

⁵⁴ См. *ibid.*, p. 329. Это, вероятно, самое обстоятельное и точное высказывание Маркса о процессе образования государства в обществе и о связанных с этим вопросах. Оно намечено в набросках ответа на письмо В. И. Засулич, где Мейн назван «ревностным сотрудником английского правительства» в деле насильственного разрушения индийской общины и «лицемерно уверяет нас, что все благородные усилия правительства поддержать эти общины разбились о стихийную силу экономических законов» (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 19, с. 402).

шего класса, с одной стороны, и лицами, принадлежащими к общине, — с другой. Отдельные личности являются юридическими лицами, будь то индивиды или группы, но их интересы не являются ни общинными, ни индивидуальными. Это интересы социальных классов, а отдельные личности являются личностями, принадлежащими к данным социальным классам. Индивидуальный интерес правящего класса есть, как мы видели, идеологическая фикция. С другой стороны, в своей внутренней, частной жизни личность противостоит внешнему выражению классовых интересов, которые интериоризируются отдельными членами данного класса в ходе истории гражданского общества. Основу интересов правящего класса составляет возможность располагать прибавочной стоимостью, в то время как интересы общественного труда в целом заключаются в наиболее рациональном использовании средств производства всего общества. В настоящих условиях наличие рабочего класса предполагает наличие класса капиталистов, так же как это последнее предполагает наличие рабочего класса; потенциально же совокупность общественного труда — это то, что определяет целостность общества⁵⁵.

4. Способы производства и теория стадий

Теория способа производства

Способ производства — это не само общество, а его экономическая формация. В ходе истории общества выделяются четыре экономические формации: азиатская, классическая античная, феодальная и современная буржуазная. Каждой из этих экономических формаций соответствует в обществе отдельная эпоха. Эти четыре экономические формации охватывают всю историю социальной и политической экономии. Соответствующие эпохи — восточное общество, древнее рабовладельческое, феодально-крепостническое общество средневековой Европы, современное буржуазное общество — охватывают в различных комбинациях всю историю гражданского общества. Эта комплексная история общества и его экономики совпадает с историей социальных классов, их взаимного противоборства, разделения на общественную и частную сферы и образования государства. Эти четыре общественно-экономические формации перечисляются в порядке их исторического возникновения. В то же время в своей взаимосвязи они представляют собой прогрессирующие ста-

⁵⁵ «Капиталист производит рабочего, а рабочий — капиталиста и т. д.» (там же, т. 46, ч. I, с. 447).

дии развития; производительные способности каждой последующей стадии, как правило, выше производительных способностей предыдущей.

На той ступени истории человечества, которая предшествует данным формациям общества, труд, организованный в кланах, родах, сельских общинах и племенах, был общим и коллективным как по форме, так и по существу. На этой стадии развития форма и существо труда не отделены друг от друга, так же обстоит дело и с общественной и частной сферами. В самой древней фазе истории азиатского способа производства труд еще остается формально организованным в сельских общинах и, следовательно, общим по форме, в то время как по существу он общественен, так как эти сельские общины связаны узами взаимозависимости в виде обмена товарами, а также тем, что они вынужденно поставляют органам высшего общества, государству, прибавочный труд и прибавочный продукт. При этом втором условии благодаря отношениям обмена и отчуждению прибавочного продукта труд, с одной стороны, производит меновую стоимость, а с другой — прибавочную стоимость; благодаря этим отношениям общий труд в восточных поселениях, по существу, преобразуется в общественный. Внешне азиатский способ производства выглядит примитивным, но на деле он просто сохраняет некоторые примитивные формы.

Ход истории представляет собой последовательное движение, одновременно непрерывное и прерывистое, где факторы стабильности и перемен приходят в столкновение друг с другом. В определенный исторический период достижение одной из стадий предполагает укрепление определенного количества факторов стабильности, которое позволит сохранить на определенный срок данную общественно-политическую систему. Все перечисленные способы производства устанавливались и устанавливаются силами, вступающими в конфликт. Так, первый по времени азиатский способ производства выглядит на первый взгляд застойной экономической формацией, а на деле внутри него действуют силы, ведущие к его распаду. Развитие специализации производительных функций и общественного разделения труда, выделение и взаимопротивопоставление между производством и потреблением, развитие и расширение товарообмена, отделение частного дохода от общественного налога, составлявших раньше единое целое, — все эти качественные изменения форм прибавочной стоимости были действующими внутри азиатского способа производства в восточных обществах. Эти внутренние факторы не привели к распаду и преобразованию азиатского способа производства, но не потому, что были лишены динамизма. Причина заключалась во вмешательстве внешней силы, ознаменовавшей конец восточного общества

как такового, в колонизаторской силе молодого капитализма, прервавшей процесс его внутреннего распада⁵⁶.

Иногда говорят, что развитие частной собственности, не только на землю, но и вообще, при азиатском способе производства было слабым. Это утверждение используется затем для объяснения того, что доход и налог, или же, соответственно, частное и общественное выражение прибавочной стоимости, имели тогда тенденцию к совпадению. Тем самым ставится с ног на голову теория собственности при азиатском способе производства в восточных обществах. В первый период истории этой социально-экономической формации собственность на землю была общинной, и для того, кто обрабатывал землю, условием и средством производства было пользование обрабатываемым участком, а не владение им. На данной стадии земля считалась общей собственностью. Государство в лице своих конкретных представителей не имело никакого юридического основания оспаривать право на собственность земли, оно могло только считать себя более крупной общиной. Община не могла формально-юридически обосновать разницу между общественной и частной сферами; доход и налог в начале истории общества Востока были, следовательно, не дифференцированы, они стали различаться позже. В начальный период истории восточного общества не различалась также и продукция деревни и города. В дальнейшем при азиатском способе производства сельская и городская продукция стали противопоставляться, хотя внешне они продолжали казаться недифференцированными⁵⁷. Города древнего Китая, Индии, Средиземноморья, Мексики были политическими и церемониальными центрами, функции и специализация которых слабо отличались от несельскохозяйственных функций села в первый период истории современного общества. В ходе дальнейшего исторического развития этих цивилизаций городская торговля и мануфактура стали отличаться от сельских в количественном и качественном отношениях.

Маркс и Ковалевский

Из четырех перечисленных способов производства два имеют исторически ограниченный ареал, а два других рас-

⁵⁶ О проблеме застоя см.: *Krader. The Asiatic Mode of Production*, cit., p. 153, 160, 185.

⁵⁷ См.: *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 46, ч. I, с. 461—472; об общине как индивидах — с. 461, общине как государстве — с. 464, азиатской истории как недифференцированном единстве города и деревни — с. 464; по поводу источников этих идей см.: *Krader. The Asiatic Mode...*, cit., ch. I, p. 1.

пространены во всем мире. Ограниченными являются классический и феодальный способы производства, базирующиеся, соответственно, на эксплуатации рабов и крепостных и сложившиеся в социально-трудовых условиях античной и средневековой Европы. Конечно, не все формы общественно-труда сводились в ту эпоху к рабству или крепостничеству, но эти последние превалировали. Переносить эти категории на другие части света можно лишь в контексте евроцентристской исторической перспективы, которая направляет умы европейских ученых в уже проложенную европейскими плугами борозду. Маркс столкнулся с проблемой этноцентризма, изучая работы Мейна, Фиера и Ковалевского⁵⁸. Найдя в истории Индии документы о бенефициях, подрядях и дарственных на землю, Ковалевский сделал вывод о существовании там феодализма. Маркс раскритиковал эту точку зрения следующим образом: 1) бенефиции и переуступки должностей характерны и для Древнего Рима, в этой практике нет ничего специфически феодального; 2) такой существенной черты западноевропейского феодализма, как крепостничество, в Индии нет; 3) Ковалевский сам признавал, что практикуемого в феодальной Европе имущественного законодательства империя Моголов в Индии не имела⁵⁹.

Само название «азиатский способ производства» в некотором роде неправомерно. Он вместе с соответствующей ему социальной формацией представляет собой стадию первой формации гражданского общества и государства. Переход к гражданскому обществу, образование социальных классов и их противостояние не осуществились сразу и повсеместно. Противопоставление общественной сферы и частной, общего и общественного труда имело место в истории многих народов в различных частях света и независимо друг от друга. Результатом всех этих многочисленных моментов было образование единой социально-экономической формации, которая стала называться азиатской, или восточной, только потому, что впервые была обнаружена именно в этой части мира, но могла быть с тем же успехом названа афро-азиатской, инкской или древнемексиканской, так как условия, не-

⁵⁸ Маркс комментировал выдержки из труда Ковалевского «Общинное землевладение». М.: 1879; замечания Маркса к этой книге опубликованы в: *Krader. The Asiatic Mode...*, cit., part II.

⁵⁹ *Krader. The Asiatic Mode...*, cit., p. 383. Ковалевский затем попытался доказать применимость категории феодализма к Алжиру в период до его колонизации Францией. Маркс считал это необоснованным (см. *ibid.*, p. 403). Фир также пытался применить категорию феодализма к Индии, в связи с чем Маркс заметил: «Этот осел Фир считает *феодальным* образованием поселения» (*Krader. Marx' Ethnological...*, cit., p. 256). В действительности Фир критиковал своего современника Ж. Ж. де ля Туша, который в докладе об Аймерсе и Мхайварре искажил факты, прибегая к заимствованной из феодальной Европы терминологии (см. *ibid.*, p. 283).

обходимые для ее образования, повторяются в различных частях Америки, Евразии и Африки. Более поздняя история азиатского способа производства уже не едина, хотя обычно она изучается как целое. Так, в истории восточного общества следует различать две фазы. В первой общественный труд остается по форме общим, доход и налог тяготеют к совпадению, а противопоставление города деревне еще не наблюдается. Во второй, более поздней фазе регионы восточного общества — Китай, Индия, Персия, Индонезия, Перу инков, Мексика ацтеков, Африка ашанти и ойо — следуют каждый своим историческим путем.

Азиатский, классический и феодальный способы производства группируются вместе как докапиталистические, поскольку от капиталистического способа их отличает одна характерная важная черта: при всех докапиталистических способах производства труд не свободен, тогда как при капиталистическом способе труд формально свободен. При азиатском способе производства общественный труд обладал двойной зависимостью, сельский труд не был свободным, во-первых, ввиду наличия общинных уз привычки и чувства⁶⁰ и, во-вторых, насильственного изъятия прибавочной стоимости государственным аппаратом, за счет чего восточные общины содержали господствующий над ними класс. В экономической формации классической античности основной формой общественного труда было рабство или связанная с ним форма клиентелы; существовали, правда, и убогие частные землевладельцы, но практически это была всего лишь особая форма клиентелы. При таком положении труд не был привязан к средствам производства, то есть в первую очередь к земле, и не зависел от обычаев, как при азиатском способе производства, но в лице рабов мог покупаться и продаваться отдельно от земли. Раба привязывали к хозяину личные узы; одновременно существовал в незначительном объеме и наемный свободный труд (в Греции *mistharnes*, в Риме *mercenarius*). Фактически рабский труд в афинском полисе во времена Аристотеля превышал свободный в два-три раза⁶¹. Производство в римских латифундиях, приведенное, по мнению Плиния, к распаду античной Италии, базировалось в основном на рабском труде. В средневековой Европе труд не был свободным, будучи привязан к земле в форме крепостничества или путем особых форм землевладения; таким образом, он не зависел от личности хозяина,

⁶⁰ *Krader. Marx' Ethnological...*, cit., p. 255. Так Фир определял одну из форм несвободы общественного труда при азиатском способе производства.

⁶¹ Данные взяты у В. Эренберга (*V. Ehrenberg. The Greek State. London, 1974, p. 31*), который очень приблизительно оценивает условия общественного труда в середине IV века до н. э.

а находился в безличной зависимости от средств производства и не мог продаваться отдельно от них. Затем труд в городах освободился от этой формы принуждения, но стал зависим от ремесленных норм и договоров об ученичестве в закрытых корпорациях, в цехах и гильдиях. Адам Смит раскрыл эту форму несвободы только в XVIII веке, то есть спустя много времени после того, как феодальный способ производства сменился капиталистическим⁶².

В изложении Маркса капиталистический способ производства — это всемирно-историческое явление, отличное по этому от классического и феодального. Он отличается и от азиатского тем, что получил развитие в определенных частях Европы — Северной Италии, Англии, Нидерландах, Каталонии и смежных регионах, — откуда двинулся на завоевание остального мира. Здесь основной формой труда является наемный труд, имеющий право свободно располагать своими трудовыми возможностями. Но наемный труд не избрание капиталистического способа производства; следы его развития можно найти, хотя и в скромных масштабах, в докапиталистических экономических формациях, например в последней фазе азиатского и классического античного способов производства. Эта форма труда была описана Аристотелем, который считал ее неестественной по сравнению с естественной, то есть с рабством. При капиталистическом способе производства свобода общественного труда располагать собой в обмен на зарплату затрагивает практически весь трудящийся класс. Это не означает, что в этих условиях труд, будучи свободным по форме, уже овладел существом своей свободы, что является его коренной потребностью.

Сельская община в истории

В центре историко-эволюционистских концепций Моргана находится род, в центре концепций Ковалевского — сельская община. Ни одно из этих теоретических построений нельзя назвать ни верным, ни неверным: оба составляют часть более широкой теории, относящейся к истории первобытной стадии общества и ее распаду в связи с переходом к гражданскому обществу, теории, намеченной Марксом, как мы имели возможность видеть, с редкой интуицией в 1857—1858 годах. Тот факт, что он, похоже, отказался впоследствии от этой более общей и более глубокой теории, согласно которой коллективные институты первобытного общества, основанные как на соседских, так и на родственных связях, распались с образованием гражданского общества, и отка-

⁶² См.: *A. Smith. An Inquiry into the Wealth of Nations (1776).*

зался в пользу теории, основанной исключительно на почерпнутой в трудах Моргана родственной близости и соответственно интерпретированной Энгельсом, в итоге обеднил развитие исторических исследований и теории общества, проводимое марксистами и социалистами как II, так и III Интернационала⁶³. Кроме того, работая над «Экономическими рукописями», Маркс открыл то, что впоследствии было забыто и им самим, и его сотрудниками и сторонниками: род также имеет свою историю, становясь корпорацией или гильдией в эпоху Римской республики.

Сельская община тоже имеет свою историю, причем историю сложную, поскольку та община, которую мы находим в самом начале писаной истории у народов Китая, Индии, Персии и Египта или же у древнеславянских и древнегерманских народов, уже не похожа на ту, которую в начале XIX века ван Эншут обнаружил у голландцев, Улафсен — у датчан, Караджич и Чаплович — у южных славян, или на ту, которую открыли тогда же Уилкс, Рэфлс, Кэмпбел, Мейн и Фир в Южной Азии. Община первого периода истории гражданского общества была в Древнем Риме и в еще более древних восточных обществах по форме приемницей доисторической общины, но по существу она была уже другой. Так, когда у Маркса речь идет об индийской общинной деревне, какой она выглядела в XIX веке, то есть в остаточной и почти карикатурной форме по отношению к тому, что было в прошлом⁶⁴, его определение подходит с одинаковым успехом для рода в начале древнеримского общества и для исторического общества Индии, государства инков и т. д. Маркс сознавал тот факт, что древняя община преобразовалась под влиянием цивилизации, а вот у изучаемых им авторов такого критического сознания еще не было, в частности у Маурера о прошлом германцев, у Моммзена о прошлом римлян, у Мейна и Ковалевского⁶⁵.

⁶³ Однако его интерес к истории и теории древней общины не угас и в период 1879—1881 годов, когда он возобновил этнолого-эволюционистские исследования. Община находится в центре его внимания в упоминавшихся черновиках письма к Вере Засулич. Кроме того, упрекая Мейна в том, что тот, отдав прерогативу языку, игнорирует в своих трудах племена и роды (*Krader. Marx' Ethnological...*, cit., p. 309), Маркс сосредоточил свое внимание на индийской сельской общине не только в связи с «Капиталом» (помимо прочих, он изучил по этому вопросу Уилкса, Рэфлса и Кэмпбела), но и (Ковалевский, Фир, Мейн) в более поздний период (см.: *Krader. Marx' Ethnological...*, cit.; *The Asiatic Mode...*, cit.; *Dialectic of Civil Society...*, cit., p. 124).

⁶⁴ См.: *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 46, ч. I, с. 44.

⁶⁵ Высказывания Маркса о Теодоре Моммзене см.: *Krader. Marx' Ethnological...*, cit., p. 218, 221, 408. Маркс был высокого мнения об исследованиях Маурера по древней и средневековой истории германцев и по достоинству оценивал работу Мейна (см. *ibid.*, p. 295, 299) и Ковалевского (см.: *Krader. The Asiatic Mode...*, cit., p. 383), проделанную на

Когда Гакстгаузен привлек внимание к существованию крестьянской общины в России XIX века, у многих социалистов возникло убеждение, что эти крестьяне уже воплотили в жизнь принцип, которому последует будущее человечество после социальной революции⁶⁶. Эти социалисты предприняли изучение истории сельской общины с целью показать, что земля изначально была в общем владении и обработке и что, следовательно, человек по натуре своей — общественное животное⁶⁷. Антропологи, историки и социологи, труды которых изучал Маркс, исходили из преимущества крестьянской общинной практики, продолжавшейся от

их основе. Однако Маркс уже начал критически дифференцировать то, что Маурер, цитируемый в первом томе «Капитала» (см.: *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, с. 81, 249), рассматривал совокупно. (В письме Энгельсу от 25 марта 1868 года Маркс заметил, что крестьяне окрестностей Трира сохранили старую германскую систему вплоть до наполеоновского нашествия, и вспоминал, что слышал об этом от своего отца, упоминавшего этот факт с юридической точки зрения.)

⁶⁶ Маркс прочел работу Гакстгаузена („Die Ländliche Verfassung Russlands. Leipzig, 1862) в мае 1875 года. Исследование русской сельской общины, или «мира», было опубликовано Гакстгаузенем в 1847—1852 годах в Ганновере под заглавием „Studien über die inneren Zustände, das Volksleben, und insbesondere die Ländlichen Einrichtungen Russlands“, 3 voll. Маркс цитирует Гакстгаузена в письме в редакцию «Отечественных записок», написанном в конце 1877 года и оставшемся неизвестным до 1884 года (см.: *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, с. 116). См. также «Наброски ответа на письмо В. И. Засулич» за февраль—март 1881 года (там же, с. 400—421). Эти соображения лежат в основе ссылок Маркса и Энгельса на русскую общину, содержащихся в предисловии 1882 года ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» (там же, с. 304—305). В английском издании «Манифеста» 1888 года Энгельс сделал следующее примечание: «Гакстгаузен открыл общинную собственность на землю в России, Маурер доказал, что она была общественной основой, послужившей исходным пунктом исторического развития всех германских племен, и постепенно выяснилось, что сельская община с общим владением землей является или являлась в прошлом повсюду первобытной формой общества, от Индии до Ирландии. Внутренняя организация этого первобытного коммунистического общества, в ее типической форме, была выяснена Морганом, увенчавшим дело своим открытием истинной сущности рода и его положения в племени. С разложением этой первобытной общины начинается расслоение общества на особые и в конце концов антагонистические классы» (там же, с. 424). Если в практической революционной деятельности Маркс и Энгельс были настолько едины, что составляли как бы одну личность — так было в 1848 году, во время организации и деятельности I Интернационала и т. д., — то в плане теории чем далее они отстояли от практики, тем менее выраженным было их сходство (см.: *L. Krader. Ethnologie und Anthropologie bei Marx. Ullstein, 1976, p. 11 ff.*

⁶⁷ Среди тех, кто приписывал древним римлянам и германцам собственность на землю в индивидуальной форме, были Н. Д. Фюстель де Куланж, Г. фон Белов и Макс Вебер, причем такой она была и до и после возникновения государства и исторического общества у этих народов (Фюстель даже приписывал татарам-кочевникам общинную собственность на землю). Белов и Вебер считали, что таким образом они наносят удар социалистическому учению (см.: *Krader. Dialectic of Civil Society, cit., ch. 2).*

самой глубокой древности до современной им эпохи⁶⁸. В целом этот спорный вопрос, возможно, представляет интерес для тех, кто намерен изучать прошлое как таковое, но представляется очевидным, что наша способность понять сущность человеческой природы не определяется исследованиями в области крестьянских общин и тем более они не могут определять природу социалистического общества. Исследование крестьянской общины в XIX веке проводилось Мейном, Ковалевским и некоторыми другими путем упрощения сложных вопросов. Так, Б. Чичерин утверждал, что первобытная и древняя крестьянская община исчезла с образованием Киевского государства в средневековой России и что современная община русских крестьян возникла в результате последовавших затем событий и мер: административные акты правительства, выступления землевладельческой аристократии в поддержку взимания ренты и т. д.⁶⁹ Было, наконец, изведено море чернил по вопросу о том, не ведут ли современные коммуны и колхозы Китая и Советского Союза свою родословную от сельских общин азиатского способа производства, что является еще более радикальным упрощением, чем вышеупомянутое, и, как кажется, бездумно перечеркивает все уже перечисленные различия. В действительности при попытке воссоздать ее такой, какой она была на заре цивилизации, сельская община становится абстракцией, поскольку конкретно-историческое развитие сельских общин в Китае, Индии, Персии, России и Германии совершенно различно.

Сельские общины — это маленькие республики, способные к самосодержанию и самоуправлению, имеющие внутри себя комбинацию различных отраслей производства при минимальной зависимости от внешнего мира⁷⁰. В этом случае

⁶⁸ В XIX веке существовали различные мнения по поводу общинных начал в истории. Первый комментатор «Русской правды» Д. П. Г. Эверс считал, что русское государство возникло на племенной основе; того же мнения придерживались русские историки С. М. Соловьев и К. Кавелин. Тезис о сельской общине был подхвачен славянофилом К. Аксаковым в его полемике с Соловьевым и Кавелиным. М. М. Ковалевский и Ф. И. Леонтович считали, что в ходе эволюции социальных институтов, например, югославская задруга предшествовала сельской общине. Из представителей поколения, непосредственно предшествовавшего русской революции, В. О. Ключевский считал основной социальной единицей, предшествовавшей образованию государства, родственную группу, основанную на общем родстве по отцовской линии (род). Его современник С. Ф. Платонов разделял эту точку зрения. Среди советских историков Б. Д. Греков выводил древнейшую историю славян от рода к общине, а затем к государству (по этому вопросу с библиографическими ссылками см.: *Krader. Dialectic of Civil Society*, cit., p. 137).

⁶⁹ Б. Чичерин. Областные учреждения в России XVII в. М., 1856; «Обзор исторического развития сельской общины в России». — «Русский вестник», 1856.

⁷⁰ Выражение «маленькая республика» принадлежит, вероятно, Уильяму Блэкстону; исследователи индийских сельских общин начина-

единица потребления и единица производства являются одним и тем же, поскольку эти общины производят все или почти все, что потребляют. Обмен и товар возникают не на основе внутренних отношений; наоборот, отношения обмена, и в частности обмен товарами, возникают между общинами-производительницами, и именно этим путем исторически вводится меновая стоимость⁷¹, а с нею и товар. Товары появляются не потому, что они произведены; полезные вещи, вначале обмениваемые как товары, поэтому преобразуются, а производство этих вещей, выступающих теперь как потребительные стоимости, становится, таким образом, производством товаров. Количественное и качественное развитие отношений обмена между деревнями и между городом и деревней преобразует общинные отношения в общественные, и весь процесс приобретает характер производства меновой стоимости. Путем развития отношений обмена преодолеваются автономия и автаркия общинного села и исторически начинает складываться общество в нашем современном смысле как воплощение отношений между людьми, составляющими его. Через отношения обмена абстрактная стоимость отделяется от конкретной, или потребительной, и создается абстракция индивида, общества и стоимости; общественная сторона общества и индивида, будучи стороной формальной, отделяется от частной стороны, и одна противопоставляется другой. Процесс отчуждения прибавочной стоимости идет наравне с созданием меновой стоимости; хотя один от другого и не зависит, они обуславливают друг друга: создание меновой стоимости определяет создание прибавочной стоимости, а создание прибавочной стоимости определяет создание меновой стоимости в истории гражданского общества. Эти процессы развиваются на основе не формального, а действительного распада древних общин, родов, кланов, поселений и племен, на основе их преобразования в современные общественные группы.

ют прибегать к нему как к общему месту с конца XVIII — начала XIX века, вероятно не задумываясь об источнике. Маркс использует его в своих работах об Индии. Об источниках употребления этого выражения у Маркса см.: *Krader. The Asiatic Mode...*, cit., p. 63, 83.

⁷¹ Конечно, обмен производился и в первобытных условиях, но он был другого типа, отличного от обмена в цивилизованных условиях. С другой стороны, ритуальный обмен производится при тех и других условиях: Маусс (*M. Mauss. Essai sur le don. Forme et raison de l'échange dans les sociétés archaïques, 1923—1924*) исследовал ритуальный обмен, не касаясь вопроса об обмене товарами. Хотя как ритуальный, так и товарный обмен исторически сложились из обыденных привычек и рационализации, их практика различна. Привычка к обмену товарами и его рационализация породили промышленность, торговлю и рынок, то есть то, что Вейтли и Рескин называют катализом. Рационализация ритуального обмена и привычка к нему приводили к дальнейшему развитию самого ритуала.

5. Двигатель истории: от порабощения к свободе труда

Отношения между трудом и природой и трудовые отношения в обществе составляют и форму, и существо жизни человека. Эти отношения по форме и по существу имеют свою историю. Отношения с природой — это материальный обмен между человеком и природой, в ходе которого человеческая жизнь производится и воспроизводится путем отчуждения вещества и сил природы и овладения ими для удовлетворения потребностей человека. Трудовые отношения в обществе — это сочетание и разделение труда, посредством которого организуется и реализуется производство средств существования. Производство, распределение и обмен этих продуктов есть материальный взаимообмен общества. История общества определяется двумя элементами труда: организацией и отношениями в обществе. Мы разберем эти элементы в обратном порядке в связи с главной движущей силой истории.

В условиях первобытного существования человека труд организован коллективно. Каждый, следовательно, работая на другого, работает на самого себя, поскольку в первобытном обществе не существует никакого прибавочного продукта. В гражданском и буржуазном обществе бывший первобытный труд становится общественным трудом, в производстве развивается специализация функций, разделение труда и его сочетание, обмен готовыми продуктами как товарами и, следовательно, все большая взаимозависимость производителей. Вместе со своим развитием трудовые общественные отношения разрушаются производством и отчуждением общественного прибавочного продукта. Это антиобщественная сторона трудовых отношений в гражданском и буржуазном обществе, которая выражается в том, что человек работает и на себя, и на другого, но его собственный труд в этом последнем случае не компенсируется. Созданием и разрушением уз общественного труда в обществе создаются и разрушаются основные отношения⁷².

Исторически преобразование общинного труда в общест-

⁷² Об определении общественного труда как отношения, при котором каждый работает на другого, см.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 81: «Наконец, раз люди так или иначе работают друг на друга, их труд получает тем самым общественную форму». См. также: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 42, с. 35—36: «Наша взаимная ценность есть для нас стоимость имеющихся у каждого из нас предметов... Предположим, что мы производили бы как люди. В таком случае каждый из нас в процессе своего производства *двоим образом* утверждал бы и самого себя и другого... В моем индивидуальном проявлении жизни я непосредственно создавал бы твоё жизненное проявление, и, следовательно, в моей индивидуальной деятельности я непосредственно *утверждал бы и осуществлял бы* мою истинную сущность, мою человеческую, мою общественную сущность».

венный за счет процессов создания меновой стоимости и отчуждения прибавочной стоимости создало для труда условия порабощения. Это порабощение вводится путем принуждения или угрозы принуждения, поскольку процесс эксплуатации при изъятии прибавочной стоимости у ее непосредственных производителей совершается не по логике, а вопреки интересам самих непосредственных производителей. Противоположностью этому является точка зрения наивного, в узком смысле, материализма. При всех способах производства, предшествующих капиталистическому в истории гражданского общества, общественный труд в той или иной форме не был свободен, потому что существовала обязанность поставлять господствующему классу прибавочный труд и прибавочный продукт. Этот класс в социальном плане определяется как эксплуататорский, поскольку участвует в обмене живого и мертвого труда, не возвращая его в виде труда такого же рода и той же величины производителям стоимости. Этот класс прибегает к силе с целью отчуждения прибавочного продукта. Для обеспечения принудительного исполнения этих обязанностей при азиатском способе производства труд привязан к деревне, при классическом — к личности хозяина или патрона, при феодальном — к земле; в первый период торгового капитализма — к мастерам корпораций, путем договоров об ученичестве и о продолжительной службе, путем ростовщического закабаления, при помощи возникающей в этих условиях надстройки, ложного сознания общественного долга по отношению к монарху, господину, хозяину, патрону, капиталисту, церкви, богу и отечеству. На последней стадии промышленного капиталистического способа производства труд свободен только в том смысле, что он может менять хозяина, переходя от эксплуатации одним капиталистом к эксплуатации другим или из одной страны в другую.

Историческая стадия не есть явление изначальной социальной реальности. Она есть производное, обусловленное общественными отношениями первоначального порядка. Переход от одной исторической стадии к другой определяется изменением трудовых отношений, переходом от первобытных социальных условий к условиям гражданского общества путем преобразования труда из общинного в общественный, а в этих условиях, в период промышленного капитализма, переходом от несвободы труда к его формальной свободе. Коренная потребность (Bedürfnis) общественного труда — это его свобода по существу, но удовлетворение этой коренной человеческой потребности требует коренного преобразования общества.

Общественная организация труда заключается в сочетании, специализации, разделении и накоплении навыков и в

их передаче. Общинный или гражданский способ организации общества определяет способ организации труда, посредством которого производство организуется социально. Так, общинная организация общества определяет общинную организацию труда и производства, а буржуазная организация общества определяет буржуазную организацию производства. И наоборот, общинная организация производства определяет общинное общество, а буржуазная организация производства определяет буржуазную организацию общества и т. д. Само буржуазное общество представляет собой организацию производства в буржуазный период истории, а гражданское общество вообще является организацией производства в обществе, разделенном на классы⁷³. Таким образом, движущая сила истории двойственна, она заключается в трудовых отношениях и в глобальной организации общества.

⁷³ «Буржуазное общество есть наиболее развитая и наиболее многообразная историческая организация производства» (*К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 46, ч. I, с. 301).

Эрик Хобсбом

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕХОДА ОТ КАПИТАЛИЗМА К СОЦИАЛИЗМУ

В этом очерке я собираюсь рассмотреть взгляды Маркса и Энгельса на государство и его институты, на политические аспекты перехода от капитализма к социализму: классовая борьба, революция, организация, стратегия и тактика социалистического движения — словом, их взгляды на политическую деятельность и теорию вообще. С аналитической точки зрения для них это были в некотором роде второстепенные проблемы: «...правовые отношения, так же точно как и формы государства, не могут быть поняты... из самих себя... они коренятся в материальных жизненных отношениях», в том самом «гражданском обществе», анатомией которого является политическая экономия¹. Крах буржуазного общества определяют внутренние противоречия капиталистического развития, и в особенности тот факт, что капитализм породил пролетариат, которому суждено стать его могильщиком. Более того, если для классового господства государственная власть необходима, то властью капиталистов над рабочими, как таковыми, «носители ее пользуются лишь в качестве олицетворения условий труда в противоположность самому труду, а не в качестве политических или теократических властителей, как это было при более ранних формах производства...»². Следовательно, не было нужды включать вопросы политики и государства в основной анализ, их можно было ввести в него на последующем этапе³.

Однако, с другой стороны, политика играла первостепенную роль не только потому, что Маркс и Энгельс были активными революционерами, но и потому, что для пролетариата, как и для предшествовавших ему классов, завоевание политической власти было первым условием изменения прежней социальной формы, поскольку в классовом общест-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, с. 6.

² Там же, т. 25, ч. II, с. 453—454.

³ Как известно, по первоначальному замыслу последние три тома «Капитала» должны были освещать вопросы государства, внешней торговли и мирового рынка (см.: R. Rosdolsky. *Genesi e struttura der „Capitale“ di Marx*. Bari, 1975, vol. I, cap. 2), правда, в томе о государстве предполагалось рассмотреть лишь «отношение различных форм государства к различным экономическим структурам общества» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 30, с. 527).

ве «социальные эволюции» должны быть «политическими революциями»⁴. Именно поэтому столь внушителен объем работ Маркса, посвященных политике. Эти работы тем не менее отличаются по характеру от его основных теоретических трудов. Так и не завершив своего обширного экономического анализа развития капитализма, Маркс все же выявил его структуру. Кроме того, он постоянно уделял внимание критике социальной философии, то есть тому, что мы можем назвать философским анализом природы буржуазного общества и коммунизма в 40-е годы. Но так или иначе, в его трудах нет аналогичной структуры применительно к политике. После прихода Маркса к коммунизму его работы в этой области почти полностью ограничиваются журнальными статьями, исследованиями недавнего политического прошлого, выступлениями во внутренних дискуссиях движения, частными письмами и заметками на полях в процессе чтения.

1. От демократической критики государства к первым коммунистическим формулировкам

Есть основания утверждать, что с течением времени интерес Маркса к истории происхождения государства возрастал наряду с постоянно растущим вниманием, которое он уделял общинной и доклассовой организации общества, хотя, впрочем, у него так и не нашлось времени, чтобы придать заверченный вид результатам своих исследований⁵. Энгельс пытался исследовать государство в более систематизированной форме в «Анти-Дюринге» и ряде работ, написанных после смерти Маркса, главным образом в «Происхождении семьи, частной собственности и государства».

Точный смысл суждений на эту тему Маркса и, в несколько меньшей степени, суждений Энгельса зачастую неясен, особенно в том, что касается вопросов, которым они не придавали особого значения и от которых, может быть, напротив, хотели отвлечь внимание других, так как «...именно эта видимость самостоятельной истории форм государственного устройства, правовых систем, идеологических представлений в любой области прежде всего и ослепляет большинство людей»⁶. Позднее, в последние годы жизни, Энгельс сам допускал, что, хотя он и Маркс справедливо подчерки-

⁴ Там же, т. 4, с. 185.

⁵ Его заметки были тщательным образом исследованы в: *L. Krader. Marx' Ethnological Notebooks. Assen, 1972.* См. также: *E. Lucas. Die Rezeption Lewis H. Morgan durch Marx und Engels.* — In: „Saeculum“, 1964, XV, p. 153—176; *ID. Marx' Studien zur Frühgeschichte und Ethnologie, ibid., p. 327—343.*

⁶ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 39, с. 83.*

вали первостепенное и основополагающее значение «выведения политических, правовых и прочих идеологических представлений... из экономических фактов, лежащих в их основе», они отчасти пренебрегли формальной стороной процесса в пользу содержания. Это касается не только анализа политических, юридических и других институтов, но и — как он заметил в своих знаменитых письмах, где рассматривается материалистическая концепция истории, — относительной автономии элементов надстройки. В известных нам высказываниях Маркса и Энгельса по этим вопросам имеются значительные пробелы; отсюда возникает серьезная неуверенность в том, какое содержание было или могло бы быть вложено в них. Последователи марксизма, которые пытались ликвидировать эти белые пятна (например, в вопросах права), когда возникла необходимость в более полной марксистской теории, обнаружили весьма мало рекомендаций в текстах классиков. У нас нет оснований полагать, что Маркс и Энгельс — и особенно Маркс с его обширнейшими эрудицией и кругом духовных интересов — столкнулись с трудностями в процессе развития собственной теории по этим вопросам. С другой стороны, отсутствие удовлетворительной работы на эту тему в известном смысле могло нанести вред и извратить теоретическое развитие марксизма в последующие годы.

Совсем не трудно понять, почему Маркс и Энгельс не позаботились заполнить эти кажущиеся нам столь очевидными пробелы в своей теории. Историческая эпоха, в которую (и о которой) они писали, отличается от последующих, включая и ту (не считая краткого периода последних лет жизни Энгельса), когда марксистские партии стали массовыми организациями или, во всяком случае, значительной политической силой. Положение активных деятелей коммунистического движения, к которым относились Маркс и Энгельс, можно лишь отчасти сравнить с положением их последователей, которые руководили этим движением или занимались политической деятельностью после них. В самом деле, хотя Маркс, пожалуй, в большей степени, чем Энгельс, вел широкую политическую практическую работу, особенно в период революции 1848 года, как главный редактор «Новой Рейнской газеты», а затем в I Интернационале, ни один из них не стоял во главе и не был членом политической партии того типа, который стал характерен для коммунистического движения после смерти Маркса. Самое большее, они консультировали (оставаясь сами в стороне) тех, кто руководил этими партиями; но вожди партий (например, Бебель) несмотря на восхищение и огромное уважение к Марксу и Энгельсу, не всегда принимали их советы. Единственным политическим опытом Маркса и Энгельса, который можно

сравнить с опытом некоторых руководителей марксистских организаций последующего периода, было руководство Союзом коммунистов (1847—1852); именно этот опыт был положен в основу дальнейшего ленинского развития марксизма. Но никогда не следует забывать специфической исторической обстановки того времени, когда жили Маркс и Энгельс, а также специфического характера их политического вмешательства в нее⁷.

Тем не менее, хотя большинство их работ писалось по специальным поводам, в основе некоторых из них лежал связный и последовательный анализ, который изменялся и разрабатывался с учетом исторического опыта, пусть даже они его никогда специально не формулировали. Это касается главным образом двух проблем — государства и революции, которые правильно объединил Ленин, пытаясь сформулировать их в виде системы.

Теория Маркса о государстве берет начало с попытки свести счеты с гегелевской теорией в работе «К критике гегелевской философии права. Введение» (1844). В тот период Маркс был демократом, но еще не был коммунистом, и его подход, следовательно, несколько аналогичен подходу Руссо, хотя ученые, которые пытались установить связь между двумя мыслителями, вынуждены были отступить перед неопровержимыми фактами, свидетельствующими о том, что «никогда Маркс ни малейшим образом не выказал, будто он отдает себе отчет» в том, что обязан этим Женевскому философу. Центральный момент Марксовой критики — это показ того, что государство является лишь одним из аспектов гражданского общества, которое, говоря словами из «Немецкой идеологии», «обнимает все материальное общение индивидов в рамках определенной ступени развития производительных сил... и постольку выходит за пределы государства и нации, хотя, с другой стороны, оно опять-таки должно выступать вовне в виде национальности и строиться внутри в виде государства»⁸. Следует заметить — и эта идея постоянно присутствует в последующей разработке Марксовой теории государства (хотя почти никогда не занимает доминирующего положения), — что в гражданском обществе, которое «как таковое развивается только вместе с буржуази-

⁷ L. Colletti. From Rousseau to Lenin. Studies in Ideology and Society. London, 1973. Первая серьезная попытка отыскать связь между Руссо и Марксом была предпринята в работе Делла Вольпе (*G. Della Volpe. Rousseau e Marx. Roma, 1957*). Кроме одной цитаты и хвалебного упоминания в работе «К еврейскому вопросу», в юпошеских работах Маркса очень немого ссылок на Руссо, и создается впечатление, что Маркс не читал других его работ, за исключением трактата «Об общественном договоре» (в 1843 году).

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, с. 58.

ей»⁹, одна из функций государства состоит в том, чтобы регулировать конфликт между частными интересами отдельных буржуа и общественными интересами системы¹⁰.

В некотором отношении «Критика» предваряла идеи, которые станут близки Марксу позднее: отождествление государства со специфической формой производственных отношений («частная собственность»), государство как порождение исторического процесса и его конечный распад (Auflösung) вместе с распадом «гражданского общества», когда демократия положит конец отделению государства от народа и конфликту между личными и общественными интересами. И все же эта работа интересует нас главным образом как критика ортодоксальной политической теории и, следовательно, как первый и единственный случай, когда Марксов анализ ограничивается исключительно рамками конституционных форм, проблемами представительства и т. д.¹¹ Надо отметить вывод Маркса, согласно которому конституционные формы вторичны по отношению к социальному содержанию, и его критику представительного правительства, для которого демократия сводится к *формальному* моменту в государстве, вместо того чтобы быть его сутью. Маркс выдвигал идею демократической системы, в которой участие и представительство не будут больше разделены; к этому вопросу он вернется позднее в связи с Парижской Коммуной¹².

Проблема государства в коммунистической фазе представляется ему неразрывно связанной с проблемой революции, а политическая теория — с активной политикой, так как обе они, как Маркс напоминал Прудону¹³, неотделимы от классовой борьбы. Маркс выделяет, таким образом, четыре главные темы: сущность государства — это политическая власть, она «есть официальное выражение противоположности классов внутри буржуазного общества»¹⁴; следовательно, государство должно прекратить свое существование в коммунистическом обществе; в современной системе государ-

⁹ Там же.

¹⁰ Этот вопрос точно поставлен во введении к книге Крейдера (*Krader. Marx' Ethnological Notebooks, cit., p. 68*): «Интересы собственников противоречивы: с одной стороны, это отношения общественной обязанности по необходимости, а с другой — это интересы частной привилегии по праву. Тот, кто обладает собственностью, хочет, чтобы закон обязывал других платить налоги или регламентировал торговлю, а для себя ищет уловок».

¹¹ Нам не кажется, что Маркс пытался осуществить план (конца 1844 года) создания работы о современном государстве именно в таком аспекте; как бы то ни было, он отождествлял возникновение современного государства с Французской революцией, а его отмену — с концом буржуазного общества (пункт набросков плана — «Избирательное право»); см.: *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 42, с. 227*.

¹² См. там же, т. 1, с. 323.

¹³ См. там же, т. 4, с. 184.

¹⁴ Там же.

ство представляет интересы не всего общества, а лишь господствующего класса (классов); после победы пролетариата государство исчезнет не сразу, оно примет в переходный период временную форму «организации пролетариата» как господствующего класса.

2. Классовые отношения и политическое общество

Эти идеи, несмотря на то что Маркс и Энгельс последовательно исповедовали их до конца своей жизни, были в значительной степени переработаны, особенно в двух аспектах. Во-первых, концепцию государства как классового господства они впоследствии развили, главным образом с учетом фактов, касающихся режимов, установившихся после 40-х годов, которые (например, режим Наполеона III) нельзя было определять просто как правление буржуазии. К этому придется вернуться позднее, но уже сейчас стоит заметить, что Маркс разработал тему относительной независимости государства по отношению также и к «своему» классу, например в своей концепции 1850 года (построенной не на одной только иронии), согласно которой государство есть «не что иное, как общество взаимного страхования буржуазного класса против отдельных своих членов, как и против эксплуатируемого класса, страхования, которое неизбежно становится все дороже и кажется все более самостоятельным по отношению к буржуазному обществу в силу того, что держать в подчинении эксплуатируемый класс становится все труднее»¹⁵.

Во-вторых, Маркс и в еще большей степени Энгельс описали, особенно после 1870 года, в общих чертах модель генезиса и исторического развития государства как следствия развития классового общества. Эта модель наиболее полно была рассмотрена в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884), которая, между прочим, стала отправной точкой для последующего изучения этого вопроса Лениным. К сожалению, разработку Марксом этих тем, которые связаны с возрождением живого интереса к первобытнообщинной, то есть догосударственной, формации и вследствие этого к коммунистическому обществу будущего¹⁶, можно восстановить лишь на основе его заметок и других отрывочных материалов. Теоретическая дискуссия по этой части политической теории Маркса завязалась лишь в по-

¹⁵ Там же, т. 7, с. 303.

¹⁶ Возрождение этого интереса, вероятно, связано с обнаруженными Марксом в 1868 году историческими работами Георга Людвиг фон Маурера (см. там же, т. 32, с. 37—38, 43—44), которые открыли ему новые перспективы в изучении первобытных обществ. С тех пор Маркс постоянно занимался этими проблемами.

следние годы, главным образом, после опубликования Крейдером «Конспекта книги Льюиса Г. Моргана „Древнее общество”», и, следовательно, до этого момента не могла влиять на изучение истории марксизма. По мнению Энгельса, с распространением в обществе непримиримых и неконтролируемых классовых антагонизмов для смягчения конфликта и для того, чтобы он не вышел за рамки «порядка», «стала необходимой власть, которая внешне поставила бы себя над обществом», с тем чтобы помешать классовому конфликту уничтожить в «бесплодной борьбе» оба класса и общество. Правда, по Энгельсу, «как правило», государство представляет интересы более сильного, господствующего класса, который, осуществляя контроль над ним, обрел новые средства для удержания в подчинении угнетенных классов. Однако следует заметить, что Марксова теория государства — и тогда, и раньше — была куда более сложной, чем простое уравнение: принудительная власть государства = классовому господству. За государством признается по меньшей мере функция отрицательного воздействия, препятствующего социальному распаду в классовом обществе, и положительного воздействия (как мы видели), регулирующего конфликт между частными и общественными интересами буржуазии. Кроме того, признается элемент маскировки власти путем мистификации или демонстрации согласия — в знак того, что государство якобы стоит над обществом. Впрочем, причины, по которым в своей политической практике ни Маркс, ни деятели пролетарского движения на этих элементах не настаивали, очевидны.

Так как Маркс и Энгельс верили в конечное отмирание государства и необходимость власти (пролетарской) в переходный период, а также в необходимость общественного планирования и существования власти после революции, вопрос о будущем политической власти поставил перед их последователями как теоретические, так и практические проблемы, заставившие их потрудиться. Эти проблемы нельзя было решить с помощью семантической уловки отрицания «государства» как характеристики политической власти в новом обществе, поскольку государство, политика и политическая власть ограничены — в соответствии с их определением — рамками классового общества. Как бы то ни было, Энгельс почти вплотную подошел к такому утверждению, неопределенно заметив, что государство начнет «отмирать» именно так, как было определено («само собой»), сразу же по завершении первого акта, благодаря которому оно «появится как реальный представитель всего общества», а именно после передачи в общественную собственность средств производства. Есть два основных возможных пути придания содержательности подобным формальным утверждениям.

Во-первых, с гибелью буржуазного общества цель существования политической власти как силы, навязанной сверху, исчезнет вследствие исчезновения классовой эксплуатации и вместе с ней отчуждения. В самом деле, пролетарии находятся «в прямой противоположности к той форме, в которой индивиды, составляющие общество, до сих пор выражали себя как некоторое целое, а именно к государству, и должны низвергнуть государство, чтобы утвердить себя как личности»¹⁷.

Во-вторых, с исчезновением необходимости управлять людьми аппарату управления, который переживет государство, придется ограничиться «управлением вещами». Различие между управлением людьми и вещами было, вероятно, заимствовано у представителей социалистической мысли прошлого: эту идею развивал главным образом Сен-Симон. Однако эта мысль выходит за рамки простого семантического выражения, возникшего на основе неких слишком оптимистических предпосылок, например идеи, будто «управление вещами» с технической точки зрения будет гораздо более простым и менее специфичным делом, чем оказалось впоследствии, и будто его вследствие этого сможет осуществлять на практике любой гражданин — идеал Ленина, согласно которому каждая кухарка может управлять государством. Нам думается, нет сомнений в том, что и Маркс разделял это оптимистическое предположение¹⁸. Тем не менее в переходный период управление людьми, или, точнее, говоря словами Энгельса, «вмешательство государственной власти в общественные отношения»¹⁹, сможет исчезнуть лишь постепенно.

Внимание, которое Маркс и Энгельс уделяют вопросу об исчезновении государства, интересно не столько тем, что они в действительности предвидят, сколько главным образом тем, что это внимание свидетельствует об их твердой вере в будущее коммунистическое общество и их понимании этого общества; это тем более важно, что их предсказания в этой области идут вразрез с их обычным нежеланием строить догадки в отношении не поддающегося предвидению будуще-

¹⁷ Там же, т. 3, с. 78.

¹⁸ См. первый набросок «Гражданской войны во Франции»: «Исчезла иллюзия, будто административное и политическое управление — это какие-то тайны, какие-то трансцендентные функции, которые могут быть доверены только обученной касте... Весь хлам государственных тайн и государственных притязаний был выметен вон Коммуной, состоявшей главным образом из простых рабочих, которые организовали оборону Парижа, вели войну против преторианцев Бонапарта, снабжали продовольствием этот огромный город, занимали все посты, распределявшиеся до тех пор между правительством, полицией и префектурой...» (там же, т. 17, с. 549).

¹⁹ Там же, т. 20, с. 292.

го. Таким образом, доставшееся их преемникам наследие по этой проблеме загадочно и неясно.

Следует отметить, что с течением времени их теория о государстве все усложнялась. В той мере, в какой речь идет не только об аппарате управления, но и о территории²⁰, государство в условиях экономического буржуазного развития играет роль «нации» — единицы, сложившейся в результате этого развития по крайней мере в форме целого ряда обширных территориальных единиц этого типа (см. об этом далее). Будущее подобных образований не обсуждалось Марксом и Энгельсом, но нет сомнений в том, что они настаивали на сохранении национального единства в любой централизованной форме и после революции, хотя это и создавало проблемы, на которые указывал Бернштейн и с которыми столкнулся Ленин²¹. Что касается Маркса, то он всегда высказывался против федерализма.

Идеи Маркса о революции, естественно, возникли в ходе анализа крупнейшего революционного события его эпохи — Французской революции 1789 года — и последующих революций²². На протяжении всей его жизни Франция оставалась типичнейшим примером классовой борьбы в ее революционной форме и главной лабораторией исторического опыта, в которой были разработаны стратегия и тактика революции. Вместе с тем, начиная с первых контактов Маркса с Энгельсом, к французскому опыту прибавился опыт массового пролетарского движения, единственным достойным внимания примером которого тогда и на протяжении нескольких последующих десятилетий была Англия.

С любой из этих двух точек зрения главным моментом Французской революции был период якобинской диктатуры. Отношения якобинцев с буржуазным государством носили двойственный характер²³, поскольку это государство по своей природе должно было предоставить свободу действий для анархических проявлений буржуазно-гражданского общества, в то время как и правительство якобинцев, и Наполеон стремились, каждый по-своему, подавить эти действия в рамках сообщества-нации, руководимой государством: первое — подчиняя их «перманентной революции» (этот термин Маркс употребил именно по данному поводу²⁴), а второй — целям захвата и перманентной войны. Подлинное буржуазное общество утвердилось после термидорианского переворота, и буржуазия в конце концов сумела создать эффективную его

²⁰ См. там же, т. 21, с. 169 и далее.

²¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, с. 51—54.

²² Это изучалось главным образом по литературе и зафиксировано в заметках, написанных в Крейцнахе и Париже в 1843 и 1844 годах.

²³ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, с. 132—138.

²⁴ См. там же, с. 137.

форму «как официальное выражение своей исключительной власти и как политическое признание своих особых интересов» в «конституционном представительном государстве»²⁵.

С приближением 1848 года приобрел первостепенное значение другой аспект якобинства. Оно лишь довершило разрушение остатков феодализма, которые в иных обстоятельствах, может быть, просуществовали бы в течение нескольких десятилетий. Как ни парадоксально, это произошло в результате вступления в революцию пролетариата, который был в ту пору еще слишком незрел, чтобы добиться собственных целей²⁶. Дискуссия продолжается (даже если сегодня мы не можем считать движение санкюлотов пролетарским движением), поскольку речь идет о важнейшей проблеме функции народных классов в буржуазной революции и об отношениях между буржуа и пролетарской революцией. Именно эти темы являются главными темами «Манифеста Коммунистической партии», работ 1848 года и дебатов послереволюционного периода; они же являются главными и в политическом наследии Маркса и Энгельса, а также в марксизме наших дней. Кроме того, в той степени, в какой свершение буржуазной революции порождало возможность (проверенную на практике в период якобинской диктатуры) создать режим, выходящий за рамки буржуазного правления, на примере якобинской диктатуры можно было выявить некоторые политические черты подобных режимов — такие, как централизм и функции законодательных органов.

Якобинский опыт проливал, таким образом, свет на проблему революционного государства в переходный период, в том числе и на «диктатуру пролетариата», концепция которой вызвала столько споров в последующих марксистских дебатах. Впервые этот термин появился в работах Маркса (был ли он перенят у Бланки или нет, не важно) вскоре после поражения революции 1848—1849 годов; в них речь шла о возможном повторении ситуаций, подобных тем, которые складывались в 1848 году. Последующие упоминания встречаются главным образом после Парижской Коммуны и касаются перспектив Социал-демократической партии Германии в 90-е годы. Несмотря на то что эта концепция остается одним из главных элементов в анализе Маркса²⁷, полити-

²⁵ Там же, с. 138.

²⁶ См. там же, т. 4, с. 299. Об истоках концепции см.: *H. Förder. Marx und Engels am Vorabend der Revolution. Berlin, 1960; W. Markow. Jacques Roux und Karl Marx. — In: „Sitzungsberichte der deutschen Akad. d. Wissenschaften zu Berlin“, Klasse für Philosophie, Geschichte, Staats-, Rechts- und Wirtschaftswissenschaften. Berlin, 1965.*

²⁷ По этому вопросу можно считать ключевыми высказывания Маркса в письме к Вейдемейеру от 5 марта 1852 года (см.: *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 28, с. 422—428*) и в «Критике Готской программы» (см. там же, т. 19, с. 27).

ческая обстановка, в которой она продолжает обсуждаться, коренным образом изменилась, в связи с чем последующие дебаты носят двойственный характер.

Насколько известно, Маркс никогда не употреблял термин «диктатура» для обозначения специфической институциональной формы правления; он использовал его всегда только для характеристики *содержания*, а не формы, которую принимает господство группы или класса. По его мнению, «диктатура» буржуазии могла существовать независимо от наличия или отсутствия всеобщего избирательного права²⁸. И тем не менее, возможно, в революционной ситуации, когда главная цель нового пролетарского режима состоит лишь в том, чтобы выиграть время и, «приняв необходимые меры, так скрутить буржуазию в бараний рог»²⁹, подобное правительство будет стремиться принять открыто диктаторские формы. Единственный режим, который Энгельс действительно определил как «диктатуру пролетариата» (Маркс об этом открыто не говорит), была Парижская Коммуна, хотя политические черты, которые он выделяет, не имеют никакого отношения к диктатуре (в буквальном смысле этого слова). В качестве специфической политической формы Энгельс выделял и «демократическую республику», «как показала уже Великая французская революция»³⁰, и Парижскую Коммуну. Во всяком случае, поскольку ни Маркс, ни Энгельс не собирались создавать универсальную модель *формы* диктатуры пролетариата и не стремились предугадать те ситуации, в которых она могла возникнуть, мы можем сделать единственный вывод из их замечаний, а именно что задача диктатуры пролетариата состоит в принятии в процессе демократического преобразования политической жизни масс таких необходимых мер, которые предотвратят контрреволюцию со стороны разгромленного господствовавшего класса. В работах Маркса и Энгельса нет указаний, позволяющих нам предположить, как они могли бы относиться к послереволюционным режимам нашего века, если не считать, что они почти наверняка прежде всего встали бы на защиту революционной пролетарской власти от опасности ее свержения. Армия пролетариата выступала непременным условием его диктатуры³¹.

Известно, что опыт Парижской Коммуны побудил Маркса и Энгельса развить дальше их идеи о государстве и диктатуре пролетариата. Теперь уже следовало не ограничиваться овладением старым государственным аппаратом, а разрушить его: похоже, что в этом случае Маркс имел в ви-

²⁸ См.: W. Mautner. Zur Geschichte des Begriffes „Diktatur des Proletariats“. — In: „Grünberg's Archiv“, 1970, p. 280—283.

²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, с. 132.

³⁰ Там же, т. 22, с. 237.

³¹ См. там же, т. 17, с. 438.

ду главным образом централизованную бюрократию Наполеона III, а также его армию и полицию. Рабочий класс «должен обеспечить себя против своих собственных депутатов и чиновников» с целью избежать того, чтобы государственная власть и государственные органы «из слуг общества превратились в его повелителей», как это случилось во всех государственных организациях прошлого³².

Хотя в марксистских исследованиях последующего периода такая перемена объясняется главным образом необходимостью защиты революции от опасности, в основе которой лежит живучесть *старого* государственного аппарата, эту опасность являет собой *любой* государственный аппарат, получивший возможность навязать собственную независимую власть, включая и власть, учрежденную самой революцией. Возникающая в результате система, о которой Маркс говорил в связи с Парижской Коммуной, была предметом бурных дебатов в ту пору и в последующие годы: в этом образе нового режима было очень мало бесспорно ясных моментов, разве только то, что он «должен был состоять из выбранных всеобщим голосованием по различным округам городских гласных», а не быть «корпорацией... стоящей над обществом»³³.

Какой бы ни была специфическая форма, господство пролетариата над поверженной буржуазией должно продолжаться в течение всего переходного периода (неизвестной и несомненно меняющейся продолжительности), в течение которого капиталистическое общество постепенно преобразуется в коммунистическое. Совершенно ясно, что Маркс предполагал, что в этот период число государственных институтов и главным образом расходы на их содержание будут сокращаться³⁴. Различая «первую фазу коммунистического общества в том его виде, как оно выходит после долгих мук родов из капиталистического общества», и «высшую фазу коммунистического общества», на которой осуществляется переход от принципа «каждый по способностям» к принципу «каждому по потребностям» — поскольку в этом обществе не будет прежних ограничений способностей и производительности труда людей³⁵, — Маркс все же не делает четкого хронологического разграничения между обеими фазами. Так как Маркс и Энгельс категорически отказывались рисовать картину будущего коммунистического общества, следует из-

³² Там же; т. 22, с. 199.

³³ Там же, т. 17, с. 601.

³⁴ «...Общие, не относящиеся непосредственно к производству издержки управления. Эта доля сразу же весьма значительно сократится по сравнению к тем, какова она в современном обществе, и будет все более уменьшаться по мере развития нового общества» (там же, т. 19, с. 17).

³⁵ См. там же, с. 19—20.

бегать попыток воссоздать ее на основе их фрагментарных или общих замечаний, дабы избежать ошибочных суждений. В связи с этим обратим внимание на то обстоятельство, что замечания Маркса по поводу неудовлетворительного, с его точки зрения, документа — Готской программы германской социал-демократической партии — нельзя считать исчерпывающими: они ограничиваются в основном подтверждением общих принципов.

Во всяком случае, послереволюционная перспектива представляется как долгий и сложный процесс развития, отнюдь не прямолинейный и прежде всего непредсказуемый при сложившемся положении вещей. «Общие требования французской буржуазии (*mutatis mutandis*) были перед 1789 г. почти столь же определены, как и первые непосредственные требования пролетариата в наши дни, приблизительно одинаковые во всех странах, где господствует капиталистическое производство. Но имел ли какой-нибудь француз XVIII века заранее, а priori, хотя бы малейшее представление о том, каким образом осуществятся требования французской буржуазии»³⁶. И после революции, как заметил Маркс по поводу Коммуны, «замена экономических условий рабства труда условиями свободного и ассоциированного труда может быть только прогрессивным делом времени»; «нынешнее «стихийное действие естественных законов капитала и земельной собственности» может быть заменено «стихийным действием законов общественной экономики свободного и ассоциированного труда» только в результате длительного процесса развития новых условий»³⁷, как были заменены в прошлом экономические законы рабства и крепостничества. Революция лишь привела в движение этот процесс.

Такая осторожность в предсказании будущего в значительной степени объясняется тем, что главный участник и вдохновитель революции — пролетариат — был еще развивающимся классом. В наиболее общем виде взгляды Маркса и Энгельса на это развитие, основанные главным образом на опыте Энгельса в Англии 40-х годов, нашли отражение в «Манифесте Коммунистической партии»: здесь идет речь о длительном процессе, в ходе которого индивидуальные формы протеста перерастают в экономические сначала в масштабах фабрики, потом отрасли, сначала без всякой организации, потом в хорошо организованных ассоциациях рабочих, пока эта борьба не переходит в «национальную классовую борьбу», которая представляет собой также политическую борьбу за власть. За «организацией пролетариев в класс» следует их организация «в политическую партию». В

³⁶ Там же, т. 35, с. 132.

³⁷ Там же, т. 17, с. 553—554.

основном Маркс придерживался этой точки зрения всю свою жизнь; он лишь незначительно скорректировал ее в связи со стабилизацией и экспансией капитализма после 1848 года и на основании конкретного опыта организованных рабочих выступлений. По мере того как сужалась перспектива экономических кризисов, способных незамедлительно спровоцировать рабочие выступления, Маркс и Энгельс все больше верили в возможность успеха рабочей борьбы внутри капиталистической системы путем профсоюзных действий или принятия выгодных для рабочих законодательных мер³⁸, хотя еще в 1845 году Энгельс выдвигал тезис о том, что заработная плата рабочего в значительной степени зависит от традиционного и достигнутого уровня жизни, а также от сил, действующих на рынке³⁹. Предреволюционное развитие рабочего класса представлялось теперь процессом, которому суждено развиваться гораздо дольше, чем предполагали Маркс и Энгельс до 1848 года.

Изучая эти проблемы, трудно, хотя и совершенно необходимо, отличать тексты самих классиков от того, что возникло в процессе более чем столетней полемики по вопросам марксизма. Во времена Маркса главной задачей, как ее понимали он и Энгельс, было объединение рабочего движения, превращение его в классовое движение, выдвижение главной цели его существования, а именно замены капитализма коммунизмом, а если говорить о ближайших планах, то речь шла о преобразовании рабочего движения в политическое движение, о политической партии рабочих, отличной от всех партий имущих классов и нацеленной на завоевание политической власти. Следовательно, это был жизненно важный вопрос для рабочих, которые не воздерживались от политических действий и не допускали отделения их «экономического движения» от их «политического действия»⁴⁰. С другой стороны, до тех пор пока это была классовая партия⁴¹, ее характер был вопросом второстепенным. Не следует путать эту точку зрения с тем, как воспринималась «партия» в последующую эпоху, и в связи с этим искать какие-либо указания исторического характера в работах Маркса и Энгельса. Первоначально сам термин носил довольно общий характер и широко применялся в середине прошлого века: его относили как к выразителям того или иного общественного мнения или людям, связанным общим делом, так и к

³⁸ См. там же, т. 16, с. 9 и далее.

³⁹ См.: *E. J. Hobsbawm. Introduzione a F. Engels, La situazione della classe operaia in Inghilterra. Roma, 1973; К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 16, с. 101—155.

⁴⁰ См. резолюции конференции делегатов Международного товарищества рабочих в 1871 году (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 17, с. 427) и запись речи Энгельса (там же, с. 421—422).

⁴¹ См. там же, т. 33, с. 282—283.

организованным членам учрежденной группы. Хотя в 50-е годы Маркс и Энгельс часто использовали термин «партия», говоря о Союзе коммунистов, о старом составе «Новой Рейнской газеты» или о том, что осталось от них обоих, Маркс счел своим долгом пояснить, что Союз, как и другие, предшествовавшие ему революционные организации, «был лишь эпизодом в истории партии, которая повсюду стихийно вырастает на почве современного общества» и которая является «партией в великом историческом смысле»⁴². В этом смысле Энгельс мог говорить о рабочей партии как о политической партии, «уже существующей в большинстве стран»⁴³.

Естественно, начиная с 70-х годов Маркс и Энгельс там, где это было возможно, содействовали учреждению в различных формах организованных партий, лишь бы это не были секты. Проблемы внутренней организации, структуры, партийной дисциплины и т. д., которые возникли в партиях, основанных их единомышленниками, находившимися под их влиянием (по модели, первоначально разработанной Лассалем), потребовали выработки в Лондоне соответствующих позиций. Там, где партий такого типа не существовало, Энгельс продолжал использовать термин «партия» применительно ко всем политическим (выборным) образованиям, которые выражали самостоятельность рабочего класса независимо от его организованности; «все равно, каким бы путем это ни было достигнуто, лишь бы она была действительно рабочей партией»⁴⁴. Мало внимания, и то лишь время от времени, Маркс и Энгельс уделяют проблемам структуры, организации и социального состава партии, которые будут очень интересовать теоретиков последующих времен: «Нужно избегать в Международном Товариществе сектантских «ярлыков». Общие чаяния и стремления рабочего класса простираются из реальных условий, в которые он поставлен. Именно поэтому они одинаково присущи всему классу, хотя в сознании рабочих движение отражается в самых разнообразных формах, более или менее фантастических, более или менее соответствующих этим реальным условиям. Именно тем, кто лучше всего понимает скрытый смысл классовой борьбы, происходящей на наших глазах,— коммунистам, менее всего свойственно впадать в такую ошибку, как одобрение и поощрение сектантства»⁴⁵. Партия, следовательно, должна стремиться стать организованным классом; Маркс и Энгельс ни разу не отступили от заявления, сделанного ими в «Манифесте», о том, что коммунисты не являются особой

⁴² Там же, т. 30, с. 400, 406.

⁴³ Там же, т. 17, с. 421.

⁴⁴ Там же, т. 36, с. 489 и 500.

⁴⁵ Там же, т. 32, с. 560.

партий, противостоящей другим рабочим партиям, они не выставляют никаких особых принципов, под которые хотели бы подогнать пролетарское движение.

Все политические споры в последние годы жизни Маркса велись вокруг следующих трех принципов: а) требования *политического* классового движения пролетариата; б) недопустимости рассматривать революцию просто как окончательную передачу власти, за которой последовало бы воплощение на практике какой-либо сектантской утопии, — ее следует рассматривать как момент кризиса, с которого начинается сложный и труднопредсказуемый переходный период; в) необходимости последовательно поддерживать систему политической власти, «революционную и преходящую форму» государства⁴⁶. Отсюда та резкость, с которой Маркс выступал против анархистов, отрицавших эти принципы.

Итак, не следует искать в работах Маркса предвосхищения последующих споров, подобных дискуссии между «реформистами» и «революционерами», или читать его работу в свете возникших впоследствии дебатов между правыми и левыми внутри марксистских движений. То, что они были прочитаны именно так, принадлежит истории марксизма, но относится к более поздней поре этой истории. Для Маркса проблема состояла не в том, были ли рабочие партии реформистскими или революционными, и не в том, что скрывалось за этими терминами. Он не видел никакого принципиального расхождения между повседневной борьбой трудящихся за улучшение условий жизни в капиталистическом обществе и формированием классового сознания, которое предполагает замену капитализма социалистическим обществом или политические действия, направленные на достижение этой цели. Проблема состояла в преодолении различных проявлений незрелости, тормозивших развитие классовых партий пролетариата и державших их, например, под влиянием различных форм демократического радикализма (а следовательно, под влиянием крупной или мелкой буржуазии), который стремился навязать им различные типы социалистических утопий и фантазий, но главным образом отвлекал их от необходимого соединения экономической и политической борьбы. Отождествлять Маркса с «правым» или «левым», «умеренным» или «радикальным» крылом Интернационала или любого другого рабочего движения — полнейший анахронизм. Именно поэтому столь же беспредметно, сколь абсурдно обсуждать вопрос о том, перестал ли Маркс в некий момент своей жизни быть революционером, чтобы стать умеренным.

Форма власти в переходный период, а значит, и последующее преобразование общества будут зависеть от степени

⁴⁶ Там же, т. 18, с. 297.

развития пролетариата и пролетарского движения, которая отражает как степень развития капитализма, так и процесс культурного развития и созревания пролетариата на практике. Естественно, все это тесно связано с социально-экономической и политической обстановкой. Так как совершенно очевидно, что Маркс не собирался ждать, пока численно пролетариат составит большинство населения, а классовые противоречия достигнут своего апогея, нет сомнения, что он понимал классовую борьбу как явление, которое будет продолжать развиваться и после революции, хотя и «наиболее рациональным и гуманным путем»⁴⁷.

Перед революцией и после нее в течение неопределенного времени пролетариат должен, следовательно, участвовать в политических выступлениях как главная сила и руководитель классовой коалиции, имея то преимущество (благодаря своему историческому положению), что он «был открыто признан единственным классом, способным к общественной инициативе»⁴⁸, хотя он еще оставался в меньшинстве. Не будет преувеличением сказать, что Маркс единственной потенциальной «диктатурой пролетариата» (проанализированной им на основе практического ее воплощения) считал Парижскую Коммуну, которой в идеале суждено было оставаться образцом народного фронта «всех классов общества, не живущих чужим трудом», при условии руководства и гегемонии рабочих⁴⁹.

В любом случае речь здесь идет о конкретной оценке. Она лишней раз подтверждает, что Маркс и Энгельс рассчитывали не на стихийные действия исторических сил, а на политические действия в рамках того, что исторически возможно. В любой период своей жизни они давали анализ ситуации с позиций действия. А следовательно, необходимо рассмотреть и то, каким образом они оценивали изменение таких ситуаций.

3. От перспектив 1848 года к революции большинства

В анализе Маркса и Энгельса можно различить три фазы: первая относится ко времени между серединой 40-х и началом 50-х годов; вторая охватывает последующую четверть века, когда рассчитывать в ближайший период на долговременную победу пролетариата не приходилось; и наконец, последние годы жизни Энгельса, когда образование массовых рабочих партий, казалось, открывало новые перспективы перехода к социализму в странах развитого капитализма.

⁴⁷ См. там же, т. 17, с. 553.

⁴⁸ Там же, с. 347—348.

⁴⁹ См. там же, с. 558.

Для других стран оставался в силе анализ, проведенный ранее, но с некоторыми изменениями; однако следует рассмотреть особо международные аспекты этой стратегии.

Перспективы «48-го года» основывались на гипотезе, впоследствии подтвердившейся, о том, что кризис старых режимов приведет к широкой социальной революции, а также на гипотезе, оказавшейся впоследствии ошибочной, о том, что развитие капиталистической экономики зайдет столь далеко, что станет возможной (в результате такой революции) окончательная победа пролетариата. Рабочий класс как таковой, какое бы определение ему ни давали, составлял в ту пору меньшинство населения; исключением была Англия, где, впрочем, — в противоположность тому, что предсказывал Энгельс, — вовсе не произошло революции. Кроме того, пролетариат был одновременно и незрел, и недостаточно организован. Перспективы пролетарской революции зависели, следовательно, от двух альтернатив: либо, как предсказывал Маркс (предваряя в некотором смысле Ленина), немецкая буржуазия обнаружит, что она не может или не хочет осуществить собственную революцию, и пролетариат, находящийся в фазе эмбрионального развития, руководимый коммунистической интеллигенцией, возьмет руководство в свои руки⁵⁰; либо (как это произошло во Франции) можно будет продолжить процесс радикализации буржуазной революции, начатый якобинцами.

Если первая возможность оказалась явно нереальной, вторая выглядела осуществимой и после поражения 1848—1849 годов. Пролетариат принял участие в революции как второстепенный, но важный участник классового союза, в который хотя и входили отдельные группировки либеральной буржуазии, но он включал также все левые силы. В революции такого типа возможностей для радикализации оказалось гораздо больше, чем тогда, когда умеренные считали, что революция зашла слишком далеко, а радикалы продолжали выдвигать требования, «соответствовавшие, по крайней мере, отчасти, подлинным или воображаемым интересам широких народных масс»⁵¹. Во время Французской революции эта радикализация способствовала лишь упрочению победы умеренной буржуазии; однако в эпоху капитализма потенциальное усиление классового антагонизма (проявившегося во Франции в 1848—1849 годах) между господствующим классом буржуазии, закрепившимся теперь на реакционных позициях, и фронтом сплотившихся вокруг пролетариата всех прочих классов могло впервые привести к тому,

⁵⁰ Этот вопрос блестяще изложен в книге Лихтхейма (*G. Lichtheim. Marxism. London, 1964, p. 56—57*), хотя и нельзя согласиться с тем, что автор подразделяет марксизм на марксизм до и после 1850 года.

⁵¹ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, с. 534.*

что вслед за поражением буржуазии «умудренный опытом пролетариат» мог стать «решающим фактором»⁵². Эта историческая ссылка на Французскую революцию в значительной степени утратила свой смысл после победы Луи Бонапарта⁵³. Естественно, многое — а в этом конкретном случае слишком многое — зависело от характера политического революционного развития, коль скоро рабочий класс континента, включая рабочий класс Парижа, имел за плечами недостаточно развитую капиталистическую экономику.

Главная задача пролетариата состояла в радикализации надвигающейся революции; если либеральная буржуазия во время этой революции встанет на сторону «партии порядка», у более радикальной «демократической партии» окажется больше шансов выйти победителем. Речь шла о том, чтобы сделать революцию «непрерывной», согласно лозунгу, выдвинутому Союзом коммунистов в 1850 году⁵⁴; она-то и должна была стать основой кратковременного союза между марксистами и бланкистами. Наиболее радикальной силой у демократов была «мелкая республиканская буржуазия», которая как таковая более всего нуждалась в поддержке пролетариата: ей предстояло испытать давление и борьбу со стороны пролетариата. Однако пролетариат составлял незначительное меньшинство и, следовательно, нуждался в союзниках, в том числе и на тот случай, если он собирался заменить мелкобуржуазных демократов в руководстве революционным союзом. Мимоходом заметим, что на протяжении почти всего периода 1848—1849 годов Маркс и Энгельс, как, впрочем, почти все левые, недооценивали революционный потенциал или даже просто радикализм сельских слоев, которым они уделяли очень мало внимания. Только после поражения, может быть, по совету Энгельса (который в «Крестьянской войне в Германии», написанной в 1850 году, уже проявлял большой интерес к этой теме), Маркс начал говорить (по крайней мере в отношении Германии) о «втором издании крестьянской войны» в поддержку пролетарской революции (1856). Революционное развитие, представленное таким образом, было сложным и рассчитанным на длительный срок, так что было невозможно установить, на какой стадии могла возникнуть «диктатура пролетариата». Основная модель предусматривала, во всяком случае, более или менее быстрый переход от начальной либеральной фазы че-

⁵² Там же, с. 535.

⁵³ Л. Перини в «Предисловии» к сборнику работ К. Маркса (*K. Marx. Rivoluzione e reazione in Francia. 1848—1850. Torino, 1976, p. LIV*), вышедшему под его редакцией, тщательно анализирует различные исторические ссылки Маркса в «Классовой борьбе во Франции с 1848 по 1850 г.» и в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта».

⁵⁴ См.: *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 7, с. 267.

рез радикально-демократическую фазу к той, на которой пролетариат возьмет в свои руки руководство.

Пока мировой капиталистический кризис 1857 года не продемонстрировал свою неспособность вызвать революцию в какой-либо стране, Маркс и Энгельс продолжали надеяться и даже предсказывать новый вариант революции 1848 года. С той же поры и впредь, в течение почти двух десятилетий, они уже не питали ни малейших надежд на скорую победоносную пролетарскую революцию, хотя Энгельсу (в большей степени, чем Марксу) и удалось сохранить вечно юный оптимизм. Естественно, они немножко ждали от Парижской Коммуны и в течение ее непродолжительного существования старательно воздерживались от каких бы то ни было оптимистических суждений. С другой стороны, быстрое развитие капиталистической экономики во всем мире и главным образом индустриализация Западной Европы и Соединенных Штатов привели к формированию в разных странах больших пролетарских масс. Именно на силу, на классовое сознание и организацию этих рабочих движений Маркс и Энгельс возложили свои надежды. Не следует думать, что это привело к радикальному изменению их оценки политических перспектив. Как мы уже видели, подлинная революция, то есть переход власти (преимущественно насильственным путем) мог произойти на различных фазах длительного пути развития рабочего класса и в свою очередь положить начало длительному переходу к социализму после революции. Нет сомнения в том, что перенесение смены власти на последующую фазу развития рабочего класса и капитализма могло бы повлиять на характер переходного периода, но, даже если бы оно разочаровало революционеров, жаждущих действия, оно вряд ли смогло бы изменить характер всего процесса. Словом, главный элемент политической стратегии Маркса и Энгельса в этот период заключался в том, что, даже если они и допускали любую случайность, они не считали ни неизбежным, ни вероятным переход власти в руки пролетариата.

Возникновение массовых социалистических партий, особенно после 1890 года, впервые создало в некоторых экономически развитых странах возможность прямого перехода к социализму с помощью пролетарских правительств, пришедших к власти в результате победы на выборах. Эта ситуация сложилась после смерти Маркса, поэтому мы не знаем, как бы он к этому отнесся, хотя у нас есть основания полагать, что он занял бы более гибкую и менее «ортодоксальную» позицию, чем та, какой оказалась позиция Энгельса⁵⁵. Тем

⁵⁵ Сравните его позицию по отношению к русским крестьянам (наброски ответа на письмо В. И. Засулич в: *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 19, с. 400—421) с мнением Энгельса (см. там же, т. 22, с. 438—453);

не менее, поскольку Маркс умер раньше, чем стремление немецкого пролетариата вступить в процветающую массовую марксистскую партию стало очень сильным, нам остается только строить догадки. Есть основания считать, что именно Бебель убедил Энгельса в возможности прямого перехода власти в руки пролетариата в обход «радикал-буржуазной промежуточной фазы»⁵⁶, считавшейся ранее обязательной для стран, в которых не было буржуазной революции. Во всяком случае, с этого момента и впредь рабочий класс был уже не меньшинством, которое самое большое могло надеяться на руководящую роль в широком революционном союзе, а значительной социальной прослойкой, которая готовилась стать большинством, организованным в массовую партию и способным объединить в этой партии своих союзников из других социальных слоев. В этом состояло отличие новой ситуации от той (единственной в своем роде), которая сложилась в Англии, где пролетариат составлял большинство занятых в бесспорно капиталистической по характеру экономике и достиг «известной степени зрелости и всеобщности», хотя ему и не удалось — по причинам, которые Маркс не выяснял, — создать подобающее классовое политическое движение⁵⁷. Перспективам этой «революции большинства», к которой можно было прийти путем создания массовых социалистических партий, Энгельс посвятил свои последние работы; в какой-то степени эти работы были ответом на ту специфическую ситуацию, которая сложилась тогда в Германии.

Новая историческая обстановка, которой Энгельс пытался теперь дать оценку, имела три особенности. У нового типа массовой рабочей социалистической партии на практике

кроме того, Маркс придавал исключительное значение поддержке крестьян и средних классов после революции (см. там же, т. 17, с. 558—559), а Энгельс подчеркнуто пренебрегал опасностью того, что на крестьян и мелких ремесленников может оказать воздействие реакционная демагогия (см. там же, т. 22, с. 501—525). Трудно представить себе, чтобы автор «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта» мог сказать о крестьянах и независимых ремесленниках, которым пришлось бы не по вкусу его предсказание об их исчезновении, следующее: «Таким людям место у антисемитов. Пусть пойдут к ним, пусть с них берут обещания спасти их мелкое хозяйство» (там же, с. 518).

⁵⁶ См. письмо Бебеля Энгельсу от 24 февраля 1884 года в: *A. Bebel. Briefwechsel mit Friedrich Engels, a cura di W. Blumenberg. Den Haag, 1965, p. 188—189.* См. также: *L. Longinotti. Engels e la „rivoluzione di maggioranza“.* — In: „Studi storici“, 1974, p. 821.

⁵⁷ См.: *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, с. 435.* Анализ Энгельса более тщательн. Уже случайное упоминание в 1858 году об «обуржуазивании пролетариата», порожденном всемирной английской монополией (см. там же, т. 29, с. 293), предвосхитило некоторые основные направления его исследований в 80-е и 90-е годы (см. его работы об Англии 1845 и 1866 годов, а также предисловие к немецкому изданию «Развития социализма от утопии к науке»; там же, т. 19, с. 322).

не было предшественников; то же можно сказать и о национальных «социал-демократических» партиях, которые получали все более широкое распространение и не имели, по сути, конкурентов среди левых сил, как это было в Германии. Условия, способствовавшие их численному росту и ставшие после 1890 года еще более благоприятными, включали легальность, конституционную политику и распространение избирательного права. Революционные же перспективы в их традиционном понимании, напротив, радикально изменились (мы обратим внимание на изменения в международном плане). Споры и дебаты социалистов эпохи II Интернационала отражают проблемы, возникшие в результате этих изменений. Энгельс принял участие в дискуссии лишь на начальной ее стадии, наибольшей же остроты она достигла уже после его смерти. Более того, можно утверждать, что ему так и не удалось составить себе полное представление обо всех возможных осложнениях в изменившейся обстановке. Тем не менее его суждения всегда отличались компетентностью и способствовали выявлению этих осложнений; позднее они становились предметом бурных дебатов в буквальном смысле слова, поскольку их нельзя было отождествить ни с одной из различных тенденций.

Особенно активные споры вызвало его мнение — которое он упорно отстаивал — о том, какие новые возможности открывает всеобщее избирательное право и отход от старых позиций по вопросу о восстании: его принципы были четко сформулированы в одной из его последних работ — комментариях к «Классовой борьбе во Франции с 1848 по 1850 г.» Маркса (1895). Именно объединение этих двух моментов стало предметом дискуссии, то есть мнение о том, что в Германии «буржуазия и правительство» стали «гораздо больше бояться легальной деятельности рабочей партии, чем нелегальной, а успехов на выборах — чем успехов восстания»⁵⁸. Однако на самом деле, несмотря на некоторую двусмысленность его последних работ, конечно же, нельзя усматривать в них одобрение или отражение возникших в рядах немецкой социал-демократии иллюзий относительно легальности и избирательного права.

Энгельс расстался с прежними надеждами на восстание не только по соображениям технического порядка, но и потому, что растущий антагонизм между классами, который создал возможность появления массовых партий, в значительной степени затруднил организацию революционных выступлений старого типа, вызывавших симпатии всех слоев народа. В связи с этим реакции теперь удавалось получать поддержку большего числа представителей средних слоев.

⁵⁸ Там же, т. 22, с. 540.

«„Народ”, таким образом, всегда будет выступать разделенным, а следовательно, не будет того могучего рычага, который оказался столь действенным в 1848 году»⁵⁹. И тем не менее Энгельс не отрекся — в том числе и в отношении Германии — от своей идеи вооруженной борьбы и со свойственным ему чрезмерным оптимизмом предсказывал революцию в Германии в 1898—1904 годах⁶⁰. В действительности его тезис 1895 года сводился к стремлению показать, что при существующем положении вещей такие партии, как немецкая социал-демократия, только выгадают от использования легальных возможностей. Вероятнее всего поэтому на вооруженное столкновение пойдут не восставшие, а правые—против социалистов. Здесь Энгельс возрождает тезис, выдвинутый Марксом уже в 70-е годы⁶¹: речь идет о странах, в которых не было каких-либо конституционных препятствий для избрания национального социалистического правительства. По его мнению, в таких случаях революционная борьба (как это произошло во время Французской революции и гражданской войны в Америке) принимает форму борьбы между «законным» правительством и контрреволюционными «мятежниками». Нет оснований полагать, что Энгельс когда-либо был не согласен с идеей Маркса о том, что «ни одно большое движение не обходилось без кровопролития»⁶². Очевидно, что Энгельс думал не об отказе от идеи революции, а о том, как приспособить ее стратегию и тактику к новым условиям, как поступали он и Маркс всю жизнь. Его анализ оказался предметом спора после того, как было обнаружено, что развитие массовых социал-демократических партий вело не к столкновениям, а к некоей интеграции движения в рамках существующей системы. Если Энгельс и заслуживает критики, то за недооценку этой возможности.

Тем не менее Энгельс прекрасно отдавал себе отчет в опасности оппортунизма — «принесении будущего движения в жертву настоящему»⁶³ — и сделал все возможное, чтобы спасти партии от этого искушения, собирая и тщательно систематизируя основные теоретические работы и опыт того, что теперь получило название «марксизма». Он настаивал на том, что «социалистическая наука»⁶⁴ необходима, говорил,

⁵⁹ Там же, с. 543.

⁶⁰ См. там же, т. 50, с. 491.

⁶¹ См. там же, т. 18, с. 154; т. 23, с. 34.

⁶² Marx, *Konспект der Debatten über das Sozialistengesetz*. — In: „Briefe am Bebel, Liebknecht, Kautsky und andere“. Moskva—Leningrad, 1933, vol. I, p. 516. *Intervista con la „New York Herald Tribune“*, 1878. — In: „Mew“, vol. 34, p. 515. (В русском издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса данное интервью приводится не полностью; см.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, с. 404. — *Прим. ред.*).

⁶³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, с. 237.

⁶⁴ См. письмо Бебелю в 1891 году по поводу возражений партии против публикации «Критики Готской программы» (там же, т. 38, с. 71—80).

что социалистическое продвижение вперед обеспечивает пролетариат⁶⁵, и особенно жестко определял границы, за которыми неприемлемы политические союзы, компромиссы и отступления от программы ради завоевания поддержки на выборах⁶⁶. Однако, несмотря на пожелания Энгельса, произошло (особенно в немецкой партии) увеличение разрыва между теорией и учением, с одной стороны, и конкретной политической практикой — с другой. Трагедия последних лет жизни Энгельса, как мы теперь можем констатировать, состояла в том, что его анализ конкретных условий движения — блестящий, реалистичный и часто чрезвычайно проницательный — не служил практическим указаниям, а, напротив, укреплял общую теоретическую основу, которая все больше отрывалась от практики. Его предсказание оказалось даже слишком точным: «Что может выйти из этого, кроме того, что партия внезапно в решающий момент окажется беспомощной, что по решающим вопросам в ней господствует неясность и отсутствие единства, потому что эти вопросы никогда не обсуждались?»⁶⁷

4. Формы буржуазной власти

Независимо от перспектив развития рабочего движения в результате непредвиденного изменения характера буржуазной политики после поражения 1848 года политические условия для завоевания власти значительно осложнились. В странах, где произошла революция, «идеальный» политический режим буржуазии — конституционное парламентское государство — остался недостигнутой целью, или же, как во Франции, от него отказались в пользу нового бонапартизма. Короче говоря, буржуазная революция 1848 года потерпела поражение и привела к неожиданному установлению режимов, природа которых беспокоила Маркса, может быть, больше любой другой проблемы, связанной с буржуазным государством. Ибо это были государства, явно выражавшие интересы буржуазии, но непосредственно не представлявшие ее как класс⁶⁸. В связи с этим возникла более широкая проблема, к которой до сих пор не исчез интерес: проблема отношений между господствующим классом и централизован-

⁶⁵ «Очевидно, не наше дело непосредственно готовить движение, не являющееся движением именно того класса, который мы представляем» (там же, т. 22, с. 450).

⁶⁶ См. там же, с. 501—525.

⁶⁷ Там же, с. 237.

⁶⁸ Об отношении Маркса к бонапартизму (сформулированном главным образом в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта», положения которого повторяются в «Гражданской войне во Франции») см.: *M. Rubel. Karl Marx devant le bonapartisme. Den Haag, 1960.*

ным государственным аппаратом, основанным вначале абсолютными монархиями и укрепившимся благодаря буржуазной революции в целях «гражданского единства нации», что было необходимым условием капиталистического развития, хотя такому аппарату была присуща неизменная тенденция к собственной автономии от всех классов, включая буржуазию⁶⁹. (Именно это соображение легло в основу тезиса о том, что победивший пролетариат должен не ограничиваться захватом государственного аппарата, а еще и разрушить его.) Эта идея конвергенции класса и государства, экономики и правящей элиты в XX веке, естественно, претерпевает множество изменений. С ней, этой идеей, связана также и попытка Маркса подвести под французский бонапартизм особую социальную базу, в данном случае — мелкобуржуазное крестьянство непосредственно послереволюционного периода, класс, «неспособный защищать свои классовые интересы от своего собственного имени... Они не могут представлять себя, их должны представлять другие. Их представитель должен вместе с тем являться их господином, авторитетом, стоящим над ними, неограниченной правительственной властью, защищающей их от других классов и ниспосылающей им свыше дождь и солнечный свет»⁷⁰. Именно здесь кроются истоки некоторых аспектов будущего демагогического популизма, фашизма и т. п.

Почему должны взять верх эти формы правления, из анализа Маркса и Энгельса не ясно. Идея Маркса о том, что буржуазно-демократическое правительство исчерпало свои возможности и что бонапартистская система — последний оплот против пролетариата — является и последней формой правления перед пролетарской революцией⁷¹, оказалась явно ошибочной. Впоследствии Энгельс разработал в более обобщенной форме теорию «классового равновесия» для режимов типа бонапартистского или абсолютной монархии (в основном в «Происхождении семьи, частной собственности и государства»). Эта теория основывалась на различных формулировках Маркса, выведенных из французского опыта, начиная с критического анализа в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» того, как «партия порядка» в 1849—1851 годах, пройдя через страхи и внутренние распри, «собственными руками уничтожила и в своей борьбе с другими классами должна была уничтожить все условия могущества парламента»⁷², до более простых заключений, согласно которым этот режим зиждился «на усталости и бессилии двух антагонистических классов общества»⁷³. С другой стороны,

⁶⁹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, с. 206.

⁷⁰ Там же, с. 208.

⁷¹ См. там же, с. 205, а также т. 17, с. 342 и 601.

⁷² Там же, т. 8, с. 181.

⁷³ Там же, т. 31, с. 450.

Энгельс, более скромный как теоретик, но более сильный как эмпирик, разработал гипотезу о том, что бонапартизм был принят буржуазией, потому что она не хотела или «не способна властвовать сама непосредственно»⁷⁴. Говоря о Бисмарке и иронически называя бонапартизм «религией буржуазии», он утверждал, что этот класс мог позволить аристократической олигархии руководить правительством в собственных интересах (как это было в Англии) или, в случае отсутствия такой олигархии, принять «полубонапартистскую диктатуру» как форму «нормального» правления. Это второе положение было разработано им несколько позднее; что касается особенностей сосуществования буржуазии и аристократии в Англии⁷⁵, то замечание об этом носило беглый характер. В то же время после 1870 года Маркс и Энгельс придерживались мнения (или вновь стали подчеркивать), что типичный буржуазный режим — это режим конституционно-парламентарный.

Однако что должно было стать со старой перспективой буржуазной революции, которой предстояло путем радикальных изменений превратиться в «перманентную революцию» в тех странах, где революция 1848 года потерпела поражение и были восстановлены прежние режимы? В некотором смысле сам факт свершения революции свидетельствовал о том, что поставленные ею проблемы должны быть решены: «*действительные*, не иллюзорные задачи революции всегда разрешаются в результате этой революции»⁷⁶. В данном случае они были решены «душеприказчиками революции — Бонапартом, Кавуром и Бисмарком». Но хотя Маркс и Энгельс это признавали и отмечали положительные стороны данного явления (испытывая при этом противоречивые чувства), они не смогли до конца оценить сложности «исторически прогрессивного» объединения Германии усилиями Бисмарка. Таким образом, поддержка «исторически прогрессивного» шага, предпринятого реакционной силой, могла вступить в противоречие с поддержкой левых политических союзников, которые были против этого шага. И в самом деле, это подтвердилось в отношении франко-пруссской войны, против которой Бебель и Либкнехт выступили с антибисмарковских позиций (и были поддержаны значительной частью бывших левых 48-го года), в то время как Маркс и Энгельс в частном порядке склонялись скорее к положительной оценке это-

⁷⁴ Там же, с. 174.

⁷⁵ «По-видимому, можно считать законом исторического развития, что ни в одной европейской стране буржуазии не удастся — по крайней мере на продолжительное время — овладеть политической властью так же безраздельно, как ею владела феодальная аристократия в течение средних веков» (там же, т. 22, с. 315).

⁷⁶ Там же, т. 35, с. 219—220.

го события⁷⁷. Весьма рискованно поддерживать «исторически прогрессивные процессы», не принимая в расчет тех, кто их начинает, если, конечно, эта поддержка не имеет место *ex post facto* (отвращение и презрение Маркса к Наполеону III избавило его от аналогичной дилеммы в отношении объединения Италии).

Словом, оставалось дать оценку (что было весьма серьезной проблемой) тем несомненным уступкам, которые буржуазия получила сверху (например, от Бисмарка), и вообще событиям, именуемым «революциями сверху»⁷⁸. Считая их исторически неизбежными, Энгельс (поскольку Маркс очень мало писал на эту тему) колебался, отказаться ли считать их временными завоеваниями или нет. Либо Бисмарк будет вынужден принять более благоприятное для буржуазии решение, либо «германский буржуа будет, наконец, вновь вынужден выполнить свой политический долг и стать в оппозицию к нынешней системе, чтобы дело хоть немного двинулось вперед»⁷⁹. История показала его правоту: в последующие 75 лет были сметены и компромисс Бисмарка, и господство юнкеров — хотя и иным путем, чем предвидел Энгельс. Однако в свое время (и в общей теории государства) Маркс и Энгельс не учли того факта, что для большей части буржуазных классов европейских стран компромиссные решения 1849—1871 годов были равноценны новому 48-му году, а не его жалкой подмене. Буржуазия не выражала стремления добиться большей власти или создать государство, которое было бы исключительно и открыто буржуазным, и не чувствовала в этом потребности, как признавал сам Энгельс.

В таких условиях борьба за «буржуазную демократию» продолжалась, но уже не носила прежнего характера буржуазной революции. Однако, даже если в этой битве, теперь все чаще возглавляемой рабочим классом, были завоеваны права, в значительной степени облегчившие мобилизацию и организацию массовых рабочих партий, все же не было конкретных оснований для тезиса (который Энгельс поддерживал в последние годы своей жизни) о том, будто демократическая республика, «последовательная форма господства буржуазии», была также формой, в рамках которой конфликт между буржуазией и пролетариатом должен был достигнуть своей наивысшей точки и разрешиться, наконец, на поле боя⁸⁰. Характер классовой борьбы и отношений между

⁷⁷ Там же, т. 33, с. 32—35, 36—37.

⁷⁸ Там же, т. 22, с. 451.

⁷⁹ Там же, т. 36, с. 445. По этому вопросу см. предисловие Э. Ван-германна к: *F. Engels. The Role of Force in History*. London, 1968.

⁸⁰ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 36, с. 46—49, 112. Вполне возможно, что Энгельс говорил лишь об одной фазе будущей революции; см. там же, т. 36, с. 214—218.

буржуазией и пролетариатом в буржуазной республике или в том, что ей соответствовало, был неясен. Словом, следует признать, что проблема структуры и политической функции буржуазного государства в рамках системы развитого и устойчивого капитализма не была в работах Маркса и Энгельса предметом систематического изучения с учетом исторического опыта, приобретенного развитыми странами после 1849 года. Естественно, это ни в коей мере не умаляет мудрости и глубины предсказаний и замечаний Маркса и Энгельса.

5. Обстановка в мире и национальная политика

Рассматривать политический анализ Маркса и Энгельса без учета международной обстановки того времени — это то же самое, что перенести действие «Отелло» из Венеции в другое место. Для них революция была прежде всего международным явлением, а не простой совокупностью национальных преобразований. Их стратегия была интернациональной по сути. Не случайно «Учредительный манифест» I Интернационала завершался призывом к рабочему классу проникнуть в «тайны международной политики» и принять в ней активное участие.

Интернациональные по характеру политика и стратегия были необходимы не только потому, что существовала международная система государств, от которой отчасти зависела возможность выживания революции, но главным образом потому, что в процессе развития мирового капитализма должны были возникать отдельные общественно-политические образования, о чем свидетельствует почти тождественное использование Марксом терминов «общество» и «нация»⁸¹. Хотя мир, созданный капитализмом, шел по пути все большей унификации, он в то же время всегда представлял собой «всестороннюю зависимость наций друг от друга»⁸². Судьбы революции зависели прежде всего от системы международных отношений, поскольку история, географическое положение, неравенство сил и разный уровень развития ставили ее успех в зависимость от того, что происходило в других странах, или придавали революции международное звучание.

Тот факт, что Маркс и Энгельс верили в развитие капитализма в целой серии отдельных («национальных») образований, не следует путать с тем, что в ту пору называлось «национальным принципом», а теперь зовется «национализмом». Хотя Маркс и Энгельс вначале и были связаны с глубоко национальными по духу республиканско-демократиче-

⁸¹ См.: S. F. Bloom. The World of Nation. New York, 1941, p. 17 ff.

⁸² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, с. 428.

скими левыми — ибо это было единственно реальное левое течение как в национальном, так и в интернациональном масштабах и до и в течение 1848 года, — они все же не признавали в качестве самоцели идею национальной принадлежности и самоопределения наций, равно как и демократической республики⁸³. Многие их последователи были куда менее осторожны в проведении разграничительной линии между пролетарскими социалистами и мелкобуржуазными демократами (националистического толка). Хорошо известно, что Энгельс навсегда сохранил кое-какие националистические немецкие идеалы поры своей юности и национальные предрасудки, которые из них вытекали, особенно в отношении славянских народов⁸⁴ (Маркс в меньшей степени испытывал влияние таких чувств). Тем не менее его вера в прогрессивный характер объединения Германии или поддержка военных побед Германии основывались не на немецком национализме, хотя, безусловно, как немцу, они ему доставляли удовольствие. Значительную часть своей жизни Маркс и Энгельс считали Францию не столько своей второй родиной, сколько родиной революции. Отношение их к России, остававшейся в течение длительного времени главным объектом их нападок и ненависти, изменилось, как только там возникла возможность свершения революции.

Таким образом, их можно критиковать за недооценку политической силы национализма в прошлом веке и за то, что они не дали соответствующего анализа этого явления, но их никак нельзя обвинить в политической или теоретической непоследовательности. Они не выступали в защиту наций как таковых и — еще менее — самоопределения некоторых или всех национальностей как таковых. Как заметил со свойственным ему реализмом Энгельс, «...нет страны в Европе, где под управлением одного правительства не было бы различных национальностей... и, по всей вероятности, такое положение остается и впредь»⁸⁵. Именно потому, что они внимательно изучали действительность, они считали, что развитие капиталистического общества идет по пути подчинения местных и региональных интересов интересам более крупных образований, с тем чтобы в конце концов, вероятно, прийти, как они надеялись еще со времен написания «Манифеста», к созданию подлинно всемирного общества. Они признавали и в свете исторической перспективы одобряли формирование некоторого числа «наций», в жизни и развитии которых мог проявляться ход исторического процесса и исторический прогресс, и потому отвергали предложения о федерализме, спо-

⁸³ См. там же, т. 5, с. 374—376; т. 36, с. 112.

⁸⁴ См.: *R. Rodolcky*, Friedrich Engels und das Problem der „Geschichtlosen Völker“. — „Archiv für Sozialgeschichte“, 4. Hannover, 1964.

⁸⁵ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, с. 160, 161.

собном нарушить «то единство, которое — у крупных наций, — хотя и создано было первоначально политическим насилием, стало теперь могущественным фактором общественного производства»⁸⁶. По аналогичным причинам они признавали и вначале одобряли завоевание отсталых районов Азии и Южной Америки развитыми буржуазными странами. Вследствие этого они допускали, что нет достаточно веских оснований для независимого существования многочисленных малых народов и что, более того, многие из них могли бы перестать существовать как национальности; очевидно, они не уловили обратных процессов, которые происходили уже в их времена, как это было с чехами. Как Энгельс писал Бернштейну⁸⁷, личные чувства отходили на второй план даже тогда, когда они, совпадая с политическими оценками (именно так обстояло дело с мнением Энгельса о чехах), сохраняли чрезмерную возможность для выражения националистических предрассудков и — как оказалось позднее — для того, что Ленин определил как «великодержавный шовинизм».

Однако, с другой стороны, Маркс и Энгельс как революционеры поддерживали борьбу наций, больших и малых народов, так как эти движения объективно помогали революции, и выступали против тех, кто объективно находился на стороне реакции. Такую же позицию они занимали в принципе и в отношении политики различных государств. Продолжателям своего дела они оставили в наследство твердое убеждение в том, что проблему образования наций и движения за национальное освобождение следует рассматривать не как самоцель, а лишь в связи с процессом, интересами и стратегией мировой революции. В ряде других случаев Маркс и Энгельс оставили в наследство целый круг проблем, не говоря уже о многочисленных отрицательных суждениях, которым вынуждены были давать свое толкование социалисты, стремившиеся организовать национально-освободительное движение у народов, обойденных вниманием отцов-основателей как народов антиисторических, отсталых или осужденных на исчезновение. Независимо от исходного принципа, марксистам пришлось впоследствии разработать теорию «национального вопроса», поскольку вклад классиков был очень невелик. Следует заметить, что причиной тому были не только коренным образом изменившиеся с приходом империализма исторические условия, но и то, что Маркс и Энгельс мало, чтобы не сказать — чрезвычайно мало, занимались изучением национального вопроса.

Три основные фазы их международной революционной

⁸⁶ Там же, т. 17, с. 344.

⁸⁷ См. там же, т. 35, с. 230—233.

стратегии определялись следующими историческими вехами: до 1848 года и включая его, с 1848 по 1871 год и с 1871 года до смерти Энгельса (1895).

Решающая фаза будущей пролетарской революции должна была охватить страны, прошедшие буржуазную революцию и достигшие высокого уровня развития капитализма, а именно Францию, Англию, немецкие государства и, предположительно, Соединенные Штаты. Маркс и Энгельс мало и редко интересовались небольшими и политически явно «отсталыми» странами до тех пор, пока развитие социалистических движений не вызвало необходимости прокомментировать их положение. В 40-е годы были основания ожидать революцию в развитых странах, и она там разразилась, хотя — как признал сам Маркс⁸⁸ — она была обречена на провал из-за неучастия Англии. Однако, с другой стороны, нигде, за исключением Англии, еще не существовало пролетариата или настоящего классового пролетарского движения.

В поколении после 1848 года в связи с бурной индустриализацией возросла численность рабочего класса в разных странах и получили развитие пролетарские движения; однако перспектива социальной революции в «развитой» зоне стала менее вероятной. Капитализм стабилизировался. В этот период Маркс и Энгельс могли лишь надеяться на то, что сочетание внутренней политической напряженности в отдельных странах с международным конфликтом приведет к возникновению революционной ситуации, как это действительно произошло во Франции в 1870—1871 годах. Тем не менее в последние годы этого периода, когда снова вспыхнул мировой капиталистический кризис, ситуация стала иной. Во-первых, массовые рабочие партии, находившиеся под сильным влиянием марксизма, изменили перспективы внутреннего развития в «развитых» странах. Во-вторых, на окраинах развитого капиталистического общества — в России и Ирландии — появился новый элемент социальной революции. Впервые Маркс понял это, почти одновременно в отношении обеих стран, в конце 60-х годов (первое упоминание о возможности революции в России относится к 1870 году)⁸⁹. Но если Ирландия после поражения фениев⁹⁰ во многом не подтвердила расчетов Маркса, то роль России в них все больше возрастала: ее революция могла послужить «сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополняют друг друга»⁹¹. Главное значение русской революции, естественно, должно было состоять в изменении ситуации в развитых странах.

⁸⁸ См. там же, т. 6, с. 158—160.

⁸⁹ См. там же, т. 32, с. 549.

⁹⁰ См. там же, т. 35, с. 280—284.

⁹¹ Там же, т. 19, с. 305.

6. Война и революция

Все эти перемены в революционной перспективе обусловили и значительное изменение позиции Маркса и Энгельса в отношении войны. В целом они были пацифистами не больше, чем таковыми были (тоже в целом) демократы, республиканцы или националисты. Они также не могли верить — прекрасно зная, что война, по справедливому определению Клаузевица, есть «продолжение политики иными средствами», — в чисто экономический характер конфликта (по крайней мере для своего времени). Эта проблема никак не затрагивается в их работах⁹². На первых двух фазах они ждали, что война внесет свой непосредственный вклад в дело, которому они служили, и в их планах надежды на войну играли важную, а иногда и решающую роль. С конца 70-х годов и далее (поворот наметился где-то к 1879—1880 годам⁹³) они, напротив, считали (но недолго) всеобщую войну препятствием развитию движения. А в последние годы жизни Энгельс все больше сознавал, насколько страшный характер примет новая война, которая могла, по его мнению, стать мировой. Как пророчески писал он, исход войны не вызывает сомнений: массовая бойня невиданных масштабов, изнурение Европы до небывалой дотоле степени и, наконец, полный крах старой системы⁹⁴. Он предполагал, что подобная война завершится победой пролетариата, но так как, чтобы прийти к революции, необходимости в ней нет, он, естественно, надеялся на то, что можно будет «обойтись без этой бойни»⁹⁵.

Война первоначально была составной и необходимой частью революционной стратегии, включая стратегию Маркса и Энгельса, по двум основным причинам. Во-первых, она была необходима, чтобы нанести поражение России, оплоту реакции в Европе, гаранту и реставратору консервативного статус-кво. В тот период России не грозили какие-либо внутренние возмущения, кроме революционного движения на ее западных границах — в Польше, которое в течение длительного времени занимало важное место в международной стратегии Маркса и Энгельса. Революция потерпела бы поражение, если бы не превратилась в европейскую освободительную войну против России, и, напротив, эта война могла бы способствовать расширению революции и расколу восточноевропейской империи. 1848 год принес революцию в Варшаву, Дебрецен, Бухарест, писал Энгельс в 1851 году; бу-

⁹² См.: *E. H. Carr. La rivoluzione bolscevica. Torino, 1964, p. 1312—1333: L'atteggiamento marxista verso la guerra.*

⁹³ См.: *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, с. 84—86, 367—369, 339—342; т. 35, с. 347—360.*

⁹⁴ См. там же, т. 36, с. 442—447.

⁹⁵ Там же, с. 330.

дущая революция должна достигнуть Санкт-Петербурга и Константинополя⁹⁶. Такая война неизбежно захватит и Англию, крупного соперника России на Востоке, который должен будет непременно воспротивиться русскому господству в Европе; а это в качестве дополнительного, но важного результата подорвет основы другого столпа тогдашнего статус-кво — все той же Англии, страны развитого капитализма, господствовавшей на мировом рынке, и, может быть, приведет даже к тому, что у власти окажутся чартисты⁹⁷. Поражение России было неперенным условием международного прогресса. Возможно, что яростная кампания, которую развернул Маркс против министра иностранных дел Англии Пальмерстона, объясняется разочарованием, вызванным нежеланием Англии пойти на риск и начать войну, серьезно нарушив тем самым равновесие сил в Европе. Действительно, в случае если европейская революция не произойдет (а может быть, и тогда, когда она произойдет), великая война Европы против России будет немыслима без участия Англии. Когда же, напротив, возникла возможность свершения революции в России, такая война перестала быть неременным условием для революции в развитых странах. Несмотря на это, тот факт, что русская революция не произошла при жизни Энгельса, заставил его в последние годы жизни продолжать считать Россию последним оплотом реакции.

Во-вторых, эта война была единственной возможностью объединить и сделать более радикальными европейские революции; прецедентом могли служить революционные войны во Франции последнего десятилетия XVIII века. Восстановление якобинских традиций во внутренней и внешней политике могло сделать Францию естественным вождем этого военного союза против царизма, как потому, что именно Франция положила начало европейской революции, так и потому, что ее революционная армия оказалась бы самой большой. Но и эта надежда в 1848 году не оправдалась; и хотя Франция продолжала занимать в расчетах Маркса и Энгельса центральное место (оба они, по существу, упрямо недооценивали стабильность и достижения Второй империи, ожидая ее неминуемой гибели), начиная с 60-х годов Франция уже не смогла бы играть в европейской революции ту решающую роль, которая ей отводилась прежде.

Однако если в 1848 году войну считали следствием и логическим продолжением европейской революции (помимо того что она была необходимым условием успеха последней), то в последующее 20-летие очень надеялись, что она разрушит статус-кво и высвободит скованные внутренние силы во

⁹⁶ Цит. по: *G. Mayer. Friedrich Engels. Den Haag, 1934, vol. 2, p. 47.*

⁹⁷ См.: *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, с. 158—160.*

всех странах. Надежда на то, что этого можно будет достичь благодаря экономическому кризису, после 1857 года угасла⁹⁸. С той поры и впредь ни Маркс, ни Энгельс больше особенно не надеялись, даже в краткосрочном плане, на экономические кризисы (в том числе и в 1891 году)⁹⁹. Их расчеты оказались в общем правильными: войны этого периода завершились так, как это предполагалось, хотя и не так, как надеялись Маркс и Энгельс, поскольку они не увенчались революциями ни в одной крупной стране, если, пожалуй, не считать Франции, чье международное положение, как мы видели, изменилось. Поэтому, как уже говорилось, Марксу и Энгельсу пришлось перейти на новые позиции и делать свой выбор, исходя из международной политики существовавших — буржуазных или реакционных — держав.

Естественно, это была в значительной степени чисто академическая позиция, поскольку Маркс и Энгельс не были в состоянии влиять на политику Наполеона III, Бисмарка или любого другого государственного деятеля, а социалистических или рабочих движений, с мнениями которых должны были бы считаться правительства, не существовало. Более того, даже если в отдельных случаях было относительно легко определить, какая политика может считаться «исторически прогрессивной» (следовало выступать против России; в гражданской войне в Америке следовало поддерживать Север против Юга), то все же сложность европейских отношений оставляла широкое поле для спекуляций и бесплодных дебатов. Позиция Маркса и Энгельса в вопросе об итальянской войне 1859 года отнюдь не бесспорно была более правильной, чем позиция Лассалья¹⁰⁰, хотя с практической точки зрения в тот момент ни та, ни другая не имела значения. Только после создания массовых социалистических партий, которые сочли бы своим долгом поддержать какое-то буржуазное государство, вступившее в конфликт с другим государством, политические нюансы этих споров могли бы обрести достойное внимания значение. Несомненно, Энгельс в последние годы (как и Маркс, тоже в последние годы) отказался от мысли, что международная война способна помочь делу революции, именно придя к заключению, что она вызовет «обострение шовинизма во всех странах»¹⁰¹ и сыграет на руку господствующим классам, ослабив движения, которые уже начали набирать силу.

Если в последовавший за 1848 годом период перспекти-

⁹⁸ О предсказании неминуемости революции см. письма Маркса Энгельсу (там же, т. 29, с. 57—59, 59—61, 167—172, 182—185).

⁹⁹ О брюссельском конгрессе и положении в Европе см. там же, т. 22, с. 244—246.

¹⁰⁰ См. об этом: *Mayer. Friedrich Engels, cit., vol. 2, p. 81—93.*

¹⁰¹ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, с. 140.*

вы революции оказались неблагоприятными, то это объяснялось главным образом тем, что Англия продолжала оставаться основным оплотом стабильности капитализма, равно как Россия — оплотом реакции: «Россия и Англия — два великих столпа современной европейской системы»¹⁰². Через много лет англичане вольются в движение, но лишь тогда, когда — начиная с 80-х годов — их страна утратит монопольное положение в мире; этот факт был неоднократно проанализирован и положительно оценен Энгельсом. Подобно тому как перспектива революции в России подрывала один из двух столпов системы, конец всемирной английской монополии подрывал другой, хотя еще и в 90-е годы Энгельс не возлагал особых надежд на английское движение¹⁰³. Маркс надеялся, что в короткое время удастся «ускорить социальную революцию в Англии», и, полагая, что это самая важная задача I Интернационала, не считал ее неосуществимой. В самом деле, писал он в 1870 году, Англия благодаря Ирландии — «единственная страна, в которой материальные условия этой революции достигли известной степени зрелости»¹⁰⁴. Ирландия разобщала английских рабочих на базе национальных различий, создавала у них представление, будто эксплуатация другого народа отвечает их общим интересам, и обеспечивала экономическую базу английской землевладельческой олигархии, уничтожение которой должно было стать первым шагом на пути прогресса в Англии¹⁰⁵. Указание на то, что национально-освободительное движение в аграрной колонии может стать решающим элементом революции в экономически развитой империи, предвосхищало развитие марксизма в эпоху Ленина, и не случайно, что у Маркса оно ассоциировалось со сделанным им открытием революционного потенциала в аграрной России¹⁰⁶.

Последняя фаза стратегического плана Маркса или, точнее, Энгельса совпала с коренным изменением международной обстановки, вызванным длительной мировой депрессией капитализма, закатом монопольного положения Англии, непрерывным промышленным развитием Германии и Соединенных Штатов и вероятностью революции в России. Кроме того, впервые после 1815 года становилась явно неизбежной мировая война: это заметил и с пророческой остротой и знанием военного дела проанализировал Энгельс. Как мы уже видели, международная политика великих держав играла все

¹⁰² Там же, т. 32, с. 549.

¹⁰³ См. там же, т. 22, с. 294—320.

¹⁰⁴ Там же, т. 32, с. 558.

¹⁰⁵ См. там же, с. 530—532. Более полно этот вопрос отражен в работе «Генеральный Совет — Федеральному Совету романской Швейцарии» (там же, т. 16, с. 406—409).

¹⁰⁶ См. там же, т. 32, с. 549.

меньшую, а то и вовсе негативную роль в планах Маркса и Энгельса. Она принималась в расчет главным образом в свете ее возможного влияния на судьбы набравших силу социалистических партий и представляла собой скорее препятствие на пути их движения вперед, чем возможную помощь.

В определенном смысле интерес Энгельса к международной политике все больше концентрировался на рабочем движении, которое в последние годы его жизни вновь приняло организационную форму Интернационала: действия одного движения могли укрепить другое движение, способствовать его развитию или повредить ему. Это ясно видно из работ Энгельса, хотя, может быть, здесь и неуместно подчеркивать случайное, по сути дела, сходство ситуации 90-х годов с кануном 1848 года¹⁰⁷. Более того, теперь со всей очевидностью можно было предполагать, что судьбы социализма будут решаться в Европе (из-за отсутствия развитого движения в Соединенных Штатах) силами движений, имевшихся в крупных континентальных странах, в число которых теперь входила и Россия (ибо в Англии мощного революционного движения не было). Хотя Энгельс одобрительно относился к революционным силам, действовавшим в Скандинавии и Нидерландах, он не уделял им большого внимания, равно как практически не писал и о революционных движениях на Балканах, а любое движение в колониальных странах расценивал как второстепенный и незначительный момент в развитии метрополий¹⁰⁸. За исключением подтверждения принципа, что «победоносный пролетариат не может никакому чужому народу навязывать никакого осчастливливания, не подрывая этим своей собственной победы»¹⁰⁹, нельзя сказать, чтобы он серьезно занимался изучением проблемы освобождения колониального мира. Удивляет также недостаточное внимание Энгельса к проблемам, которые (едва он умер) заявили о себе в международных левых силах в форме широкой дискуссии об империализме. «Мы должны сообща бороться за освобождение западноевропейского пролетариата и этой цели подчинить все остальное»¹¹⁰, — писал он Бернштейну в 1882 году.

Согласно этой идее, лежавшей в основе развития пролетарского движения, международное движение было теперь представлено национальными партиями, и это было закономерно, хотя и шло вразрез с тем, что произошло накануне 1848 года¹¹¹. В связи с этим вставал вопрос о координации и принятии решений в отношении конфликтов, возникавших

¹⁰⁷ См. там же, т. 39, с. 117.

¹⁰⁸ См. там же, т. 35, с. 289—291, 296—298.

¹⁰⁹ Там же, с. 298.

¹¹⁰ Там же, с. 230.

¹¹¹ См. там же, с. 296—298.

вследствие особых претензий или национальных амбиций отдельных движений. Некоторые из этих проблем, как, например, проблему окончательного самоопределения¹¹², можно было отложить по тактическим соображениям на будущее (не становившееся более определенным от применения соответствующих формул), хотя социалисты в России и Австро-Венгрии лучше Энгельса отдавали себе отчет в том, что применять решения этого типа к другому кругу проблем невозможно. Менее чем через год после смерти Энгельса Каутский искренне признавал, что «старая позиция Маркса» в отношении поляков, чехов и по восточному вопросу теперь неприемлема¹¹³. Кроме того, неравенство сил и стратегической значимости различных движений создавало хотя и меньшие трудности, но все же оставалось проблемой. Так, французы по традиции взяли на себя «всемирно-освободительную миссию», а следовательно, присвоили себе право встать во главе международного движения¹¹⁴; между тем Франция была более не в состоянии выполнять эту задачу, а французское движение, раздробленное, беспорядочное, с подрывавшими его изнутри радикальными, мелкобуржуазными, республиканскими и прочими уклонами, высказывало разочарованность и отнюдь не было расположено прислушиваться к Марксу и Энгельсу¹¹⁵. На какой-то момент Энгельс пришел к мысли, что заменить французов в роли «авангарда» движения могли бы австрийцы.

С другой стороны, бурный рост движения в Германии (не говоря уже о его тесной связи с Марксом и Энгельсом) сделал именно его главной силой социалистического наступления в мире¹¹⁶. Хотя Энгельс и не верил в возможность подчинения всех движений одной партии—вождю — разве что в момент непосредственного действия¹¹⁷, — было очевидно, что интересам мирового социализма больше всего содействовал бы прогресс движения в Германии. И не только немецкие социалисты были с этим согласны: эта точка зрения сохранялась еще в первые годы существования III Интернационала. С другой стороны, в других странах не разделяли высказанную Энгельсом в начале 90-х годов мысль о том, что в европейской войне Германия победит франко-русский альянс¹¹⁸, хотя перспектива революции в результате пораже-

¹¹² Например, в отношении Эльзаса и спорных районов, на которые претендовали Россия и Польша (см. там же, т. 37, с. 316—318).

¹¹³ См.: *G. Haupt, M. Löwy, C. Weill. Les marxistes et la question national. Paris, 1970, p. 21.*

¹¹⁴ См.: *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, с. 220.*

¹¹⁵ См. там же, т. 39, с. 226—231. Об ограниченности связей с французами (за исключением Лафарга) свидетельствует перечень корреспонденции в кн.: „*Marx—Engels, Verzeichnis*“, vol. 2, p. 581—684.

¹¹⁶ См. там же, т. 39, с. 117.

¹¹⁷ См. там же, т. 35, с. 220.

¹¹⁸ См. там же, т. 28, с. 138—139.

ния, которое он предрекал французам и русским, вполне устроила бы Ленина. Бесплезно сейчас пытаться представить себе, что подумал бы Энгельс в 1914 году, если бы был еще жив, и уж вовсе не следует предполагать, что он остался бы при том мнении, какого придерживался в 90-х годах прошлого века. Кроме того, вероятно, социалистические партии в любом случае решили бы выступить в поддержку своих правительств, даже если бы у германской партии не было возможности сослаться на авторитет Энгельса. И несмотря на это, оставленное им Интернационалу наследие по вопросу о международных отношениях, особенно в той части, которая касается войны и мира, можно толковать неоднозначно.

7. Многозначная и сложная задача

Каким образом можно резюмировать политическое наследие, оставленное Марксом и Энгельсом своим последователям? Во-первых, в нем подчеркивается подчинение политики историческому развитию. Исторически победа социализма неизбежна как результат процесса, обобщенного Марксом в знаменитом отрывке об исторической тенденции капиталистического накопления, завершающемся пророчеством об «экспроприации экспроприаторов»¹¹⁹. Политическая деятельность социалистов не может породить «возмущения рабочего класса, который... обучается, объединяется и организуется механизмом самого процесса капиталистического производства», но она должна на нем основываться. Перспективы политической деятельности социалистов зависят в своей основе от уровня развития капитализма как во всем мире, так и в отдельных странах, и марксистский анализ ситуации именно в таком свете составляет необходимую основу политической стратегии социалистов. Политика уходит корнями в историю, и Марксов анализ показывает, сколь беспомощна она в достижении своих целей, если не имеет этих корней, и, напротив, сколь непобедимо рабочее движение, имеющее такие корни.

Во-вторых, политика приобретает тем не менее первостепенное значение в той мере, в какой рабочий класс, который неминуемо одержит победу, организован политически (то есть в качестве партии) и стремится добиться политической власти, что привело бы к установлению переходной системы, в которой государственная власть принадлежала бы пролетариату. Политические действия играют, таким образом, важнейшую роль в исторической миссии пролетариата. Через политику — то есть в рамках, установленных историей, —

¹¹⁹ Там же, т. 23, с. 772—773.

он осуществляет свой выбор, свои решения и свои сознательно организованные действия. Вероятно, на протяжении жизни Маркса и Энгельса и в течение всего времени существования II Интернационала основным критерием отличия марксистов от большинства других социалистов, коммунистов и анархистов (за исключением тех, кто следовал якобинским традициям), а также от тред-юнионистских и «чисто» кооперативных движений была вера в главенствующую роль политики до, во время и после революции. Что касается послереволюционного периода, выводы из такой позиции продолжали оставаться весьма абстрактными. Напротив, для предреволюционного периода она предполагала, что в целях ведения всякой политической деятельности при капитализме необходима пролетарская партия.

В-третьих, Маркс и Энгельс рассматривали политику, по сути, как классовую борьбу внутри государств, представляющих интересы господствующего или господствующих классов, и делали исключение для особых исторических ситуаций, например когда возникает классовое равновесие. Подобно тому как в философии они придерживались принципов материализма, выступая против идеализма любого толка, столь же последовательно они критиковали мнение о том, что государство стоит над классами и представляет интересы всего общества (за исключением тех случаев, когда о нем говорилось в отрицательном контексте, как о защитнике общества от краха) или что оно занимает нейтральную позицию по отношению к классам. Государство — исторический феномен, созданный классовым обществом; пока оно существует как государство, оно означает господство одного класса, пусть даже и не в пропагандистски-упрощенной форме «исполнительного комитета господствующего класса». Это ограничивает вовлечение пролетарских партий в политическую жизнь буржуазного государства, а также сокращает возможность уступок, которых от него можно ожидать. Таким образом, пролетарское движение действует и в рамках буржуазной политики, и вне них. Так как власть была названа сущностью государства, нетрудно было предположить (хотя Маркс и Энгельс этого не сделали), что власть — это единственно важный аспект политики и дебатов о государстве во все времена.

В-четвертых, пролетарское государство переходного периода, независимо от тех функций, которые оно сохранит, должно будет устранить изолированность народа от правительства, понимаемого как обособленная клика правителей. Можно было бы сказать, что оно должно быть «демократическим», если бы на общепринятом языке это слово не означало особого типа правительства, учреждаемого собранием периодически избираемых парламентских представителей,—

типа, который Маркс отвергал. Тем не менее если говорить о значении этого слова вне связи с особыми институтами, а о том его значении, которое ему придавал Руссо, то речь шла о «демократии». Это была наиболее спорная часть наследия, оставленного Марксом своим последователям, поскольку — по причинам, выходящим за рамки нашего исследования, — все конкретные попытки воплотить в жизнь социализм согласно указаниям Маркса до сих пор сводятся к укреплению независимого государственного аппарата (аналогичного тому, который существует при несоциалистических режимах), хотя марксисты и не отказываются от того, что Маркс столь решительно считал главным аспектом развития нового общества.

Наконец (и это было в определенном смысле преднамеренным), Маркс и Энгельс оставили своим последователям множество пробелов и таких мест в своей политической теории, которые можно толковать неоднозначно. Коль скоро конкретные формы политической и конституционной структуры, предшествующей революции, казались им достойными рассмотрения лишь в той мере, в какой они способствуют или препятствуют развитию движения, они не уделяли им достаточного и постоянного внимания, хотя и бегло комментировали различные события и многие конкретные ситуации. Отказываясь строить сколько-нибудь подробные предположения о будущем социалистическом обществе и его устройстве и даже об особенностях переходного послереволюционного периода, они оставили своим последователям всего лишь кое-какие принципы общего характера, к которым можно было бы обратиться. Равным образом они не дали никаких конкретных указаний практического характера по таким проблемам, как обобществление экономики или необходимые меры для ее планирования. По этим темам, впрочем, они не оставили никаких рекомендаций, пусть даже общих, не вполне ясных или нуждающихся в обновлении, потому что никогда не ощущали потребности принимать эту проблематику в расчет.

И все же следует подчеркнуть не столько то, что конкретно последующие марксисты смогли или не смогли почерпнуть (или должны были разрабатывать самостоятельно) из наследия основоположников, сколько необычайную самобытность наследия. Маркс и Энгельс постоянно, активно и настойчиво отвергали позицию, традиционную для современных им революционных левых, равно как и позицию всех предшествовавших им социалистов¹²⁰, хотя она до сих пор не потеряла своей привлекательности. Они отвергали уп-

¹²⁰ Особенно хорошо это видно в «Анти-Дюринге» Энгельса, главным образом в части работы, опубликованной под названием «Развитие социализма от утопии к науке».

рощенческие концепции тех, кто хотел заменить плохое общество хорошим, иррациональное — рациональным, черное — белым. Они отвергали априорные программные модели, предлагаемые различными левыми течениями, не упуская возможности заметить, что, хотя каждое течение имело собственную модель, которая иногда принимала черты наиболее разработанных утопических схем, очень немногие из этих моделей могли согласоваться друг с другом. Кроме того, они отвергали стремление создавать не подлежащие изменению модели, предписывавшие, например, совершенно конкретную форму революционных перемен и предполагавшие все прочие формы незаконными, отрицавшие политические действия или, напротив, основанные исключительно на них, и т. д. Словом, Маркс и Энгельс отвергали любую форму волюнтаризма, неприемлемого с точки зрения истории.

Вместо этого они твердо выступали за развертывание движения в русле исторического развития. Перспективы и задачи движения можно было определить, только открыв процесс общественного развития, который мог подвести к этому определению, а само открытие могло стать возможным лишь на определенной ступени развития. Если это исключало возможность догадок и сводило предвидение будущего к немногим и приблизительным структурным принципам, то из них рождалась уверенность в исторической неизбежности воплощения надежд социалистов. Что касается конкретных политических действий, то для того, чтобы решить, что нужно и что можно (как для всего мира, так и для отдельных его регионов и стран), требовался анализ исторического развития, а также конкретных условий. Таким образом, политические решения становились частью структуры исторических изменений, которая не зависела ни от каких политических решений. Это неизбежно делало политическую задачу коммунистов еще более многозначной и сложной.

Она была многозначной потому, что общие принципы марксистской теории были слишком расплывчатыми, чтобы стать источником точных политических указаний, если бы в этом возникла необходимость. Это касается главным образом проблемы революции и последующего перехода к социализму. Целые поколения комментаторов тщательно изучили первоисточники в поисках ясной формулировки того, что следует называть «диктатурой пролетариата», но они ее не нашли, поскольку Маркс и Энгельс заботились прежде всего о том, чтобы обосновать историческую необходимость самого этого периода. Задача их была сложной потому, что отношение Маркса и Энгельса к *формам* действия и политической организации в отличие от их *содержания* и к формальному аспекту общественного устройства, в условиях которого им приходилось действовать, настолько определялось

конкретной обстановкой, что его нельзя сводить к совокупности *постоянно действующих* правил. В любой данный момент, в любой стране или регионе Марксов политический анализ мог найти выражение в целой серии политических рекомендаций (как, например, «Обращение Центрального Комитета Союза коммунистов», 1850), но они по своему характеру были неприменимы к ситуациям, отличным от той, для которой они разрабатывались, — как это заметил Энгельс в 1895 году в своих размышлениях по поводу «Классовой борьбы во Франции с 1848 по 1850 г.» Маркса. Однако ситуации, возникшие после смерти Маркса, естественно, отличались от тех, которые складывались при его жизни; и в случае возникновения аналогичных ситуаций их можно было идентифицировать лишь с помощью исторического анализа как той ситуации, которую рассматривал Маркс, так и той, насчет которой его последователи искали указаний в его работах. Именно поэтому было практически невозможно создать на основании текстов классиков нечто похожее на сборник стратегических и тактических инструкций и опасно было пользоваться ими как совокупностью прецедентов, даже если к ним все же прибегали довольно часто именно с этой целью. У Маркса можно научиться методу анализа и действия, а не извлечь из его классических работ серию уроков, готовых для реализации.

Несомненно, именно этому Маркс хотел научить своих последователей. Как бы то ни было, воплощение марксистских идей в форме указаний, вдохновляющих движения масс, партий и организованных политических групп, необходимо было приблизить к тому, что Э. Ледерер определил как «всем известное конспективно изложенное и упрощенное обобщение, которое огрубляет мысль, но в котором найдет отражение и должна найти свое выражение всякая значительная идея, если с ее помощью вы хотите привести в движение массы»¹²¹. Любое руководство к действию постоянно подвергается опасности быть превращенным в догму. В этом отношении ни в одном из разделов марксистской теории она, а вместе с ней и само движение не претерпели столько ущерба, как в сфере политической мысли Маркса и Энгельса. И все же это показывает, чем вольно или невольно стал марксизм: он представляет собой продолжение учения Маркса и Энгельса и становится им тем более, что тексты основоположников обрели классическую и даже каноническую ценность. Однако он отражает не то, что Маркс и Энгельс думали и писали, а то, как (и то не всегда) они действовали.

¹²¹ Цит. по: E. Weissel. Die Ohnmacht des Sieges. Wien, 1976, S. 117.

Георг Гаупт

МАРКС И МАРКСИЗМ

Термины «марксист» и «марксизм» известны повсюду в мире; они используются на каждом шагу, причем подчас не слишком разборчиво. Находились марксологи, которые ставили под сомнение правомерность этих терминов, а, например, Максимилиан Рубель даже назвал их «произвольными и неоправданными». По его мнению, особого упрека заслуживает «основоположник» Энгельс, повинный в том, что он «совершил непростительную ошибку, одоблив это нездоровое словообразование», «санкционировав его своим авторитетом». Если бы он противопоставил ему свой запрет, «мы никогда бы не стали свидетелями этого всемирного скандала»¹.

Сформулированный столь категоричным образом, данный тезис представляется мне спорным, потому что при подобном способе постановки вопроса есть риск чрезмерного упрощения процесса, на самом деле весьма сложного. Это не значит, что точку зрения Рубеля следует просто отбросить; напротив, ее нужно подчеркнуть именно потому, что она заставляет нас задаваться вопросами относительно некоторых расхожих истин, столь же удобных, сколь обманчивых, а главное — заставляет более глубоко заняться изучением механизмов формирования и распространения понятий, произвольное употребление которых засоряет наш политический словарь². История терминов «марксист» и «марксизм» может быть поучительной по многим причинам, ибо она проливает свет, в частности, на сложный процесс распространения и укоренения идеологий в международном рабочем движении, раскрывая нам природу, преобразования и метаморфозы, претерпеваемые революционной теорией, обозначенной достаточно общим термином. Мне кажется, что проблема состоит не столько в вопросе о правомерности или верности подобного рода понятия по отношению к первоначальному замыслу Маркса, сколько в рассмотрении того, каким образом это понятие стало общепринятым, по каким причинам укоренилось и сделалось удобным для употребления.

¹ *M. Rubel. La légende de Marx ou Engels fondateur. — In: M. Rubel. Marx critique du marxisme. Essais. Paris, 1974, p. 20—21.*

² См.: *J. Gabel. Idéologies. Paris, 1974, p. 43.*

Терминологическая путаница возникла одновременно с рождением парного термина «марксист—марксизм» и продолжается по сей день при использовании и толковании этого термина. С ним связано столько разных предрассудков и значений, вкладываемых в него сторонниками и противниками, а содержание слова «марксизм» оказалось таким многосмысловым, что позволительно задаться вопросом, какой же смысл выражал этот термин на различных фазах собственной истории³, тем более что его появление и распространение, а также последующие изменения в его значении позволяют в некотором роде уловить смысл самого процесса, который привел к успеху и распространению марксизма во всемирном масштабе.

1. Марксизм: секта или идея?

Как не раз случалось в истории крупных политических и идейных движений, название родилось не изнутри, не из рядов сторонников, а извне, из рядов противников. Этапы кристаллизации нового термина связаны с этапами развития самого рабочего движения. Уже с начала 40-х годов прошлого столетия и в особенности в процессе распада Союза коммунистов в начале 50-х годов противники Маркса говорили о «партии Маркса»⁴. А уже в 1853—1854 годах, в полемике между последователями Вейтлинга и Маркса, возникает выражение «марксианец», обозначающее Маркса и «его слепых приверженцев», представляющих в Германии «критико-экономическое направление»⁵.

Слово «марксианец» получит распространение десятилетие спустя как противопоставление «лассальянцу»⁶. В I Интернационале Бакунин и его последователи в острой борьбе против Маркса и Генерального совета прибегнут к использованию такого определения, как «марксиды»⁷, и вошедшему в обиход выражению «марксианцы» (служившему синонимом «династии марксидов», «закона Маркса», «авторитарного

³ См.: *I. Fetscher*. Karl Marx und der Marxismus. Von der Philosophie des Proletariats zur proletarischen Weltanschauung. München, 1967, S. 61ff.

⁴ См.: *M. Rubel*. La charte de la Première Internationale. — In: „Marx“, cit., p. 26, nota 2.

⁵ „Republik der Arbeiter, Centralblatt der Propaganda für die Verbrüderung der Arbeiter“. — In: „New York“, V, 1 April 1854, No. 14. Этими сведениями я обязан Джан Марио Браво, которого хотел бы здесь поблагодарить.

⁶ См.: *E. Ragionieri*. Il marxismo e l'Internazionale. Studi di storia del marxismo. Roma, 1968, p. 17, nota 34, где содержатся некоторые сведения по этому вопросу.

⁷ К нему прибегали не только сторонники Бакунина: в 1869 году А. Герцен также говорил о «марксидах». См.: *А. И. Герцен*. Собр. соч., т. 30, М., 1966.

коммунизма»), а также к новообразованию «марксисты». Все эти выражения, однако, служили скорее для обвинения Маркса и его сторонников, нежели для определения их идей. Впрочем, употребляя подобные эпитеты, образованные от имени собственного, Бакунин лишь платил Марксу той же монетой, какую получал от него. В самом деле, из-под пера Маркса в изобилии выходили тогда термины вроде «прудонист», «бакунист», применявшиеся для принижения и высмеивания противников. Как отмечает Маргарет Маналь, «на первый взгляд термин «марксианцы» выскальзывает из-под пера Бакунина в силу звуковой аналогии с термином „мадзинианцы“», причем Бакунин умело пользуется этими полемическими эпитетами с целью заключить Маркса в клетку «того сектанства, в которую тот затолкал собственных критиков и противников». С другой стороны, «употребление этого терминологического ярлыка, претерпевшего ряд трансформаций»⁸, приводит к тому, что в устах Бакунина и юрцев* возникают два раздельных термина: «марксианцы», или «марксианская партия так называемой социалистической демократии», обозначающий сторонников, «агентов» Маркса, и «марксисты» — для обозначения их идейного направления и их действий⁹. Термин при этом сохраняет резко полемический характер. Так, Бакунин и его приверженцы говорят о «марксистском» конгрессе в Гааге, «марксистских фальсификациях» резолюций этого конгресса или о «марксистских инквизиторах», имея в виду комиссию по расследованию деятельности Альянса, назначенную Гаагским конгрессом. В общем, ярлык «марксисты» используется для обвинения («целью марксистов не является немедленное освобождение пролетариата»). Должен совершиться длительный языковой процесс (который еще предстоит изучить), чтобы разные полемические обозначения соединились в куда более удобном — в том числе в лингвистическом плане — слове, наконец-то избавившемся от каких бы то ни было негативных примесей, — «марксист»¹⁰.

⁸ См.: *M. Manale. Aux origines du concept de „marxisme“.* — In: „Economie et sociétés“. Cahiers de l’Isea“, serie S, octobre 1974, No. 17, p. 1424.

* Имеется в виду так называемая Юрская федерация I Интернационала, ставшая оплотом бакунистов. — *Прим. ред.*

⁹ Рубель пишет, что уже с 40-х годов «употребление этих ярлыков диктовалось потребностью обозначить — или обличить — группу лиц, попавших под влиянием «вождя», либо групповое сознание, связанное с учением этого «вождя» („Marx“, cit., p. 26). На мой взгляд, однако, это наблюдение нуждается в хронологической поправке: групповые позиции тех, кто объявляет себя последователем «учения вождя», начинают приобретать четкие очертания лишь в период поворота, совершившегося в 80-е годы.

¹⁰ См., *M. Manale. Aux origines du concept de „marxisme“, cit., p. 1424.*

Термин «марксист» начинает распространяться сразу же после раскола на Гаагском конгрессе Международного товарищества рабочих. Его значение, однако, довольно сильно отличается от того, какое вкладывал в него Бакунин. Термин обозначает фракцию, сохранившую верность Генеральному совету, и используется в противоположность «альянсисту» или «бакунисту». Но это пока лишь одно из многочисленных наименований в обширном арсенале последователей Интернационала. Так, в обращении группы революционных социалистов Нью-Йорка к Женевскому международному конгрессу 1873 года говорится: «Мы хотим союза даже ценой принесения в жертву некоторых наших идей; пожертвуйте даже отдельными людьми, и путь романсы и юрцы, федералисты и центристы, марксисты и альянсисты вновь протянут друг другу руку»¹¹. Этим термином в особенности пользуется буржуазная пресса, враждебная Международному товариществу рабочих¹². Происходит «систематическое смешение терминов», отмечает в сентябре 1872 года близкий к позиции Маркса Иоганн Филипп Беккер, говоря о «Журналь де Женев». Оценка Беккера характерна для реакции тех, кто чувствовал себя непосредственно задетым такой подтасовкой: «Именуя «марксистами» последователей международного социализма, свободно выросшего на благодатной почве, возделанной наукой, буржуазная пресса — если только она действует не по невежеству — обнаруживает дурной вкус, тем более отталкивающий, что она делает это с целью противопоставить их безумной секте «бакунистов», которые несут на себе это прозвище, исполненное иронии и издевки, как вполне заслуженную кару»¹³.

В свою очередь «антиавторитарии», вроде бельгийца Веррикена, равным образом сетуют на то, что «буржуазные газеты, набросившись на злосчастный инцидент в Гааге, свели дело к личностям, между тем как речь шла о принципиальных вопросах»¹⁴. В одном, во всяком случае, «марксисты» и

¹¹ „Le group révolutionnaire socialiste au Congrès international réuni à Genève le 1er septembre 1873“. — In: „La Première Internationale. Recueil de documents“, publié sous la direction de Jacques Freymond. Textes établis et annotés par Bert Andreas et Miklos Molnar (в дальнейшем цит. как: „Première Internationale“) Genève, 1971, vol. 4, p. 109.

¹² См., например, отчет о Женевском конгрессе Международного товарищества рабочих 1873 года, опубликованный в «Журналь де деба политик э литерер де Пари», где суть споров резюмируется следующим образом: «Анархисты упрекают авторитариев за их поведение на Конгрессе мира, на что авторитарии отвечают напоминанием о событиях на Базельском конгрессе, где бакунисты уже совершили все то, в чем позже стали упрекать марксистов» („Première Internationale“, vol. 4, p. 196).

¹³ J. P. Becker. A propos des Congrès de Genève. Эти статьи, воспроизведенные там же (p. 242), были напечатаны в газете «Фолькштат» за 5 и 8 октября 1873 года.

¹⁴ „Compte rendu du Congrès de Bruxelles, 1874 (Fédéraliste)“ — In: „Première Internationale“, vol. 4, p. 270.

«бакунисты» целиком согласны: «Интернационал потрясло столкновение двух идейных течений, а не борьба двух вождей».

Обращение к личностным эпитетам и вытекающая из этого персонализация идейных течений болезненно задевают активистов из числа рабочих. Определенная часть их восстанет против подобной практики. Это относится, например, к жене-вским интернационалистам. Корреспондент Маркса Анри Перре в брошюре, выпущенной накануне Женевского конгресса Международного товарищества рабочих в сентябре 1873 года, датирует зарождение этих терминов 1869 годом и связывает их появление с раскольническими маневрами Международного альянса социалистической демократии в Женеве: «Именно в этом первом диспуте появляются выражения „марксисты” и „бакунисты”». Неприятие автором терминов, производных от имен, не может не восприниматься как чрезвычайно показательное: «Уже сам факт группировки секций вокруг имен отдельных лиц достоин порицания и противоречит нашим принципам и интересам освобождения трудящихся. Получается, что общие интересы массы вытесняются самолюбием, гордыней, амбициями и прочими страстями, присущими человеческой личности. Предается забвению терпеливая, хладнокровная, непрерывная, методическая работа, необходимая для обеспечения этих интересов, и страсти бушуют лишь за или против той или иной личности, между тем как возвысить или ниспровергнуть личность всегда легче, чем добиться реального успеха или уничтожить произвол».

Увриеристские акценты этой аргументации становятся очевидными, когда Перре подчеркивает: «Подобные личности редко бывают рабочими: это деклассированные буржуа, доктора, профессора, литераторы, студенты, а порою даже капиталисты». Осуждая оба враждующих лагеря, несущие, по его мнению, ответственность за кризис Интернационала, он заключает: «Нужно не только изменить людей, но и уничтожить корень зла. Пора покончить с марксистами и бакунистами! Необходим действительный и искренний союз *трудящихся*»¹⁵.

Следует ли считать, что этот призыв был услышан? Дело в том, что вскоре — в период между 1874 и 1877 годами — вышеупомянутые эпитеты как будто исчезают из лексикона социалистов. Например, бакунисты, которые на первых порах без особых возражений принимают данное им прозвище, отвергают его во имя тех же самых принципов. Так, в 1876 году на Бернском конгрессе Международного товари-

¹⁵ „Brochure genevoise (s. t.), reprodotta” in: „Première Internationale”, cit., p. 229—232.

щества рабочих (федералистского) Эррико Малатеста заявляет, что, несмотря на уважение и преданность, которые он питает к Бакунину, сторонники последнего не являются «бакунистами» прежде всего потому, что «мы не разделяем всех теоретических и практических идей Бакунина», а вторых и главным образом, «потому что мы следуем идеям, а не людям; мы восстаем против обыкновения воплощать принцип в человеке, обыкновения, вполне достойного политических партий, но совершенно несовместимого с тенденциями современного социализма». Он отмечает также, что «сам Бакунин всегда протестовал против того, чтобы его друзьям давалось такое определение»¹⁶. На том же конгрессе немецкий депутат социал-демократ Вальтейх, присутствовавший в качестве независимого, выступил против «нападок из Германии на тех или иных деятелей» из числа иностранных социалистов и заявил: «У нас нет ни «марксистов», ни «дюрингианцев», а бывшие лассальянцы честно воссоединились с общим движением»¹⁷.

Подобный тон объясняется прежде всего тем духом примирения, который получил распространение в результате усилий бельгийских интернационалистов организовать в 1877 году в Генте Всеобщий социалистический конгресс. Однако эта инициатива, предпринятая ради «сближения разных враждующих фракций»¹⁸, завершается провалом. С этого момента борьба возобновляется, причем в существенно измененном виде. Родившиеся из имен определения вновь появляются на свет, более того, делаются более разнообразными: параллельно с термином «марксист» возникает еще один неологизм — «марксизм». Вскоре они составляют тесно связанную пару. Кто изобрел этот термин? Ответить нелегко. Определенно можно сказать, что в 1882 году он уже фигурирует в заголовке полемического памфлета «Марксизм в Интернационале» Поля Брусса, бывшего антиавторитария, «анархиста-экстремиста» на конгрессе в Генте, ставшего впоследствии руководителем POSSИБИЛИСТОВ во Франции¹⁹. Этот деятель, которого Энгельс в 1881 году назвал «отличным малым» («kreuzbraver Kerl»), но «абсолютной литературной и теоретической бездарностью», «самым беспомощным путаником, какого я когда-либо знал»²⁰, под термином

¹⁶ „Congrès de Berne, 1876 (Fédéraliste)“. — In: „Première Internationale“, cit., p. 487.

¹⁷ Ibid., p. 463.

¹⁸ Ibid., p. 483, 500.

¹⁹ Рюбель замечает, что это «первый текст, где термин фигурирует в заголовке». Но данное предположение может быть оспорено, тем более что «термин, по-видимому, уже получил почти официальное освящение» („Marx“, cit., S. 27).

²⁰ См.: E. Bernstein. Briefwechsel mit Friedrich Engels. (Hrsg. H. Hirsch). Assen, 1970, S. 49; K. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, с. 188.

«марксизм» понимает не теорию, а цели и практику социал-демократии, рабочих партий, стоящих на почве классово́й борьбы.

«Марксизм заключается не в том, чтобы быть сторонниками идей Маркса... В этом смысле немалое число их нынешних противников, и в частности автор этих строк, тоже оказались бы марксистами», — заявляет Брусс, не согласный с манерой действий «имеющейся в Европе марксистской группировки», иначе говоря, «социал-демократов школы Маркса», которые желают и во Франции навязать свою концепцию партии. В общем, термин «марксизм», употребляемый Бруссом в том же ключе, что и прилагательное «марксистский», указывает здесь не теорию, а тенденцию мнимых сторонников «немецких доктрин Маркса», «марксистской партии», то есть германской социал-демократии и ее «придатка» во Франции в лице гедистов²¹.

С начала 80-х годов полемическое звучание обоих терминов начинает смягчаться, несмотря на упорное употребление их в полемических целях со стороны анархистов²². В их значении и употреблении вскоре обнаруживаются существенные перемены. Так происходит, например, в России, где эти термины неизменно носили на себе позитивный оттенок, причем уже с 1881 года²³. Объяснить это могут рано пробудившийся интерес к творчеству Маркса в кругах народничества и готовность принять его, более того, интенсивная и необычная тяга к его восприятию, так что идеи Маркса проникали в самые глубины народнической идеологии²⁴. С этой точки зрения характерным представляется письмо от 7 февраля 1883 года, посланное одним из теоретиков народничества, Я. Стефановичем, Льву Дейчу, который был в числе основателей первой марксистской группы в России, группы «Освобождение труда»: «Я одного не понимаю, почему народничество противопоставляется марксизму? Будто его основное положение не такое, какое признано новейшей политической

²¹ Совершенно недвусмысленны на этот счет письма, которые он писал в 1884—1888 годах Сезару Де Папу (см.: „Entre Marx et Bakounine: Césaire De Paere. Correspondance“, présentée par V. Dandois. Paris, 1974). В этих частных излияниях он нападает на «немецкие доктрины Маркса», заявляя, что рабочая партия во Франции не имеет права официально исповедовать их, и обвиняет Геда и Лафарга в стремлении навязать партии «импортированный социализм»: «Мы никогда не воссоединимся в новом марксистском Интернационале» (р. 247).

²² В словаре анархистов термин навсегда сохранит свое изначально полемическое значение. Например, и по поводу Международного конгресса в Лондоне в 1896 году, на котором их исключили из Интернационала, они продолжали говорить исключительно о «марксистских махинациях и маневрах».

²³ См.: письмо Веры Засулич Марксу от 16 февраля 1881 года.

²⁴ См.: A. Walicki. *The Controversy over Capitalism. Studies in Social Philosophy of the Russian Populist*. Oxford, 1969, p. 132 ff.

экономией? (У Киреевского и Достоевского, действительно, было другое.) Мы ведь говорим о народничестве современном. Народничество состоит, как мне кажется, в приложении тех же марксистских начал к частному случаю, понимая под этим духовный и физический облик данной страны, уровень и особенности ее цивилизации, культуры и т. д. Марксист, как теоретик, а не член практически борющейся социал-демократической партии на Западе, не исключает народника, что, разумеется, в обратном случае не всегда совпадает»²⁵.

С 80-х годов термины «марксисты» и «марксизм» входят в международный лексикон социалистов в разной трактовке. Прежде всего они служат средством размежевания и идентификации, причем по целому ряду причин в их употреблении не раз происходят быстрые перемены. Здесь следует в первую очередь иметь в виду изменения, совершающиеся в социалистической терминологии, в частности при самообозначении различных течений, стремящихся отличиться от других, соперничающих течений. Можно вспомнить по этому поводу, что во времена I Интернационала для характеристики трех главных имевшихся в нем направлений, их целей и методов в ходу были три термина: во-первых, коммунизм, относившийся к Марксу (но на него притяжали также бланкисты); во-вторых, коллективизм, указывавший на Бакунина и его направление; и наконец, социализм — термин, применявшийся для обозначения умеренных тенденций, отмеченных мелкобуржуазными чертами. Сразу же после роспуска Международного товарищества рабочих обнаружилась тенденция к исчезновению или видоизменению этих трех наименований. Вместо слова «коммунист» утверждается слово «социал-демократ»²⁶, обозначающее партии и течения, стоящие на почве классовой борьбы и проповедующие участие в политической борьбе. Несмотря на сопротивление Маркса и Энгельса, такое словоупотребление привьется²⁷. Термин

²⁵ «Группа „Освобождение труда“». М.—Л., 1926, сб. № 4, с. 196.

²⁶ Одна из причин, по которым термин «коммунизм» оказался отвергнутым в пользу «социал-демократии», может быть объяснена словами Сезара Де Папа, говорившего в своем докладе на Брюссельском конгрессе Международного товарищества рабочих 1874 года: «Слову «коммунизм» выпала необычная участь быть отвергнутым социалистами как клевета, быть расцененным экономистами как самая безнадежная утопия, наконец, фигурировать в глазах буржуазии в качестве теории, освящающей воровство, постоянный свальный грех и вообще — худшее из всех зол» („Compte rendu du Congrès de Bruxelles, 1874 (Fédéraliste)“, cit., p. 323). Де Пап со своей стороны протестует против такого отказа от термина, который, на его взгляд, обладает четким смыслом и «олицетворяет действительно научную идею».

²⁷ Раппопорт часто вспоминал: «Из уст самого Энгельса я слышал... что Маркс и он сам принимали термин «социал-демократия» лишь против воли, в виде своего рода компромисса с действительностью; предпочтительным для обозначения их основных идей был термин „коммунизм“».

«анархия»²⁸ будет взят на вооружение обширным и разнообразным течением, общим для которого является неприятие политической борьбы в качестве орудия социалистов. Умеренные же, реформистского толка направления отныне будут обозначаться их противниками преимущественно эпитетом «поссибилисты»*. В лексиконе социалистов 80-х годов термин «марксист» оказывается привязанным к понятию «социал-демократ» как бы специально для того, чтобы отличить его от «поссибилистов». Так, два международных конгресса, проходивших в Париже в июле 1889 года, различались современниками как «марксистский конгресс» и «поссибилистский конгресс»²⁹.

Начиная с этих лет во Франции о Рабочей партии обычно говорится как о «марксистской фракции Социалистической партии в целом» либо как «рабочей марксистской партии»³⁰. В свою очередь члены гедистской партии сами определяют себя как марксистов. Так, Дормуа, объявляя Геду в 1888 году о своем намерении не выставлять своей кандидатуры на парламентских выборах, но повести борьбу за место муниципального советника, объясняет это решение в следующих словах: «Ныне, как и вчера, я говорю вам: в муниципальный совет вернулся не Дормуа, а вся марксистская партия»³¹. 8 ноября того же года он точно так же пишет, докладывая Геду о ходе заседаний III Национального конгресса профсоюзов в Бордо: «Обладая прочным большинством, марксисты господствовали на конгрессе, и, хотя многие из делегатов не были марксистами... все наши резолюции были приняты

²⁸ О происхождении и освоении этого термина см.: *J. Maitron. Le mouvement anarchiste en France. Paris, 1975, vol. 1.*

* От французского слова „possible“ — «возможный». — *Прим. ред.*

²⁹ Эпитет «поссибилистский», явился ответом гедистов на эпитет «марксистский», причем распространился он в ходе полемики, вспыхнувшей накануне Сен-этьеннского конгресса 1882 года, когда и произошел раскол на два течения. Осип Цеткин дает этому следующее объяснение: «В 1881 году, после неудачи на выборах Жуффрена, правой руки Брусса, Гед и его сотоварищи потребовали от Национального совета Рабочей социалистической федерации голосования резолюции с осуждением Жуффрена за продемонстрированное им в ходе избирательной кампании недисциплинированное поведение в том, что касается пропаганды партийной программы». Совет 25 голосами против 5 отверг резолюцию и одобрил поведение Жуффрена. Тогда «Эгалите» выступила с нападками на Национальный совет за такое решение, а в ответ Национальный совет на страницах собственной газеты «Пролетэр» заклеил сотрудников «Эгалите» как «авторитариев» и «марксистов». В своем новом выступлении «Эгалите» как раз и придумала кличку «поссибилисты». Дело в том, что «Пролетэр» в своей реплике, действительно, писала, что необходимо «как-то актуализировать некоторые наши требования, чтобы, наконец, сделать их возможными» (possible). *O. Zetkin. Der Sozialismus in Frankreich seit der Pariser Kommune. Berlin, 1889, S. 25—26.*

³⁰ Письмо Фурньера Ж. Геду от 27 марта 1893 года в: IISG, Archives Guesde, 224/6.

³¹ IISG, Archives Guesde, 180/3.

единогласно»³². Со своей стороны Осип Цеткин, тоже гедист, в краткой истории социалистического движения во Франции после Парижской Коммуны, написанной в 1888 году на немецком языке для членов Социал-демократической партии Германии, говорит о членах французской партии как о «марксистах», отличая их от «бланкистов» и «независимых социалистов»³³.

Употребление терминов «марксист» и «марксизм» уточняется теперь и в рядах германской социал-демократии. Из уничижительных кличек они превращаются в положительные определения и в таком новом значении проникают в политический лексикон.

Эту смысловую эволюцию, совершившуюся за довольно краткий промежуток времени, следует рассматривать в связи с процессами глубокой перестройки рабочего движения в переходный период от I ко II Интернационалу. Открытая кризисом 1873 года «великая депрессия» ускорила конец прежних тенденций. Абстенионистское течение, захватившее было большинство в Международном товариществе рабочих после Гаагского конгресса, быстро утрачивает свои позиции; «антиавторитарная» же коалиция, сплотившаяся вокруг «федералистского» Международного товарищества рабочих, раскалывается в 1876 году. Сторонники участия в политической борьбе становятся вследствие этого большинством в рабочем движении; по примеру Социал-демократической партии Германии ускоряется процесс образования независимых рабочих партий, и меньше чем за десятилетие, в 1884—1892 годах, происходит становление главных европейских социалистических партий. Идеологический арсенал приобретает в этой связи новые функции; формирование рабочих партий создает предпосылки как для распространения, так и для восприятия марксизма, закладывающего основы их официальных идеологий: принцип политической борьбы как средство действия и самоутверждения и принцип классовой борьбы как неотъемлемая принадлежность их социально-политического облика и коллективного сознания.

Подобные перемены вызывают серьезные сдвиги и в восприимчивости массы социалистов. Восходящие к имени собственному термины «марксист» и «марксизм» уже не травмируют их убеждений, а, напротив, встречают у них благожелательный прием и даже сознательно берутся на вооружение для собственного выделения и отмежевания, тем более что после основания II Интернационала распространение марксизма и его растущая способность оказывать влияние на международное рабочее движение придают этим терминам новое содержание.

³² Ibid., 172/3.

³³ O. Zetkin. Der Sozialismus..., cit., S. 37.

2: Распространение идей Маркса

Что представляли собой «марксиянцы» в I Интернационале? Говорить о марксистах как о течении в рядах Международного товарищества рабочих значило бы следовать скорее полемическим доводам Бакунина, нежели правде фактов. Как это ни парадоксально, но именно называющая себя марксистской историография впоследствии взяла на вооружение подобного рода утверждения и придала им положительное значение с целью построения — с помощью причудливого смещения компонентов — некоей прямолинейной схемы распространения марксизма. Разумеется, вокруг Маркса как в Генеральном совете, так и в известном числе национальных секций группировались многочисленные деятели рабочего движения, составлявшие «партию Маркса». Однако, за редким исключением, даже те из них, кто открыто объявлял о собственной приверженности «школе Маркса» или считался «марксиянцем», не разделяли или не знали его идей³⁴. Даже самые близкие его сторонники, такие, как В. Либкнехт, признавали его руководящую роль, его политическую программу, но вовсе не были в силу всего этого марксистами.

В Генеральном совете, замечает Каутский, «особое направление Маркса было представлено в очень ограниченном виде». Лишь благодаря своему интеллектуальному превосходству и «искусству руководить людьми» Марксу удается добиться того, чтобы Международное товарищество рабочих следовало выработанному им стратегическому курсу³⁵. Было бы ошибкой принимать фигуру самого Маркса, господствовавшую в Международном товариществе рабочих, за масштабы отражения его теоретических идей в сфере идеологии рабочего движения той поры. Личный авторитет Маркса в кругах социалистов был огромным. Он пользовался широчайшей известностью не только в верхушке Интернационала, но и среди его рядовых членов. Его научные способности и в особенности высокий уровень его экономического анализа признавались даже самыми непримиримыми его противниками. Бакунин доходил до утверждения, что Маркс — «одна из самых твердых, умных и влиятельных опор социализма, одна из самых сильных преград против вторжения в него каких бы то ни было буржуазных направлений и помыслов»³⁶.

³⁴ В ответе на опубликованное в «Эгалитс» 1 июня 1872 года письмо Лафарга говорилось, например: «Сколько людей... в Генеральном совете, которые являются марксистами, хотя ни разу не открывали книги Маркса («Капитал»)»? („Première Internationale“, vol. 2: „Les conflits au sein de L'Internationale“, p. 315).

³⁵ См. его мемуары: „Aus der Frühzeit des Marxismus“, опубликованные в качестве предисловия к: *F. Engels. Briefwechsel mit K. Kautsky*, cit., S. 26.

³⁶ Письмо Герцену от 29 октября 1869 года в: Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. СПб, 1906, с. 339.

И признавал: «Маркс — первый ученый-экономист и социалист нашего времени»³⁷. В немецкой прессе автор «Капитала» также характеризовался как «крупнейший ныне здравствующий экономист, доктор Карл Маркс, учитель Лассаля».

Издание первого тома «Капитала» в 1867 году упрочило славу Маркса, которая вышла за пределы социалистических кругов. В первую очередь это отразилось на его собственном положении в рядах рабочего движения. Так, на генеральной ассамблее Всеобщего германского рабочего союза в Гамбурге в 1868 году В. Бракке зачитывает установочный доклад, посвященный «труду Карла Маркса», и предлагает резолюцию, которая принимается без прений и в которой говорится: «За свои заслуги в деле раскрытия процесса производства капитала Карл Маркс навечно заслужил признательность рабочего класса»³⁸. Но что касается положений его величайшего творения, то они лишь крайне медленно проникают в рабочее движение, и «Капитал», если уж на то пошло, становится известен рабочим благодаря разным популярным и популяризаторским брошюрам, авторы которых не всегда были сторонниками Маркса.

Распространение идей Маркса в 60-е и 70-е годы XIX века происходит главным образом при посредстве написанных им основных документов Международного товарищества рабочих: в первую очередь Учредительного манифеста, затем резолюций конгрессов и, наконец, воззваний Генерального совета, самым важным и известным из которых явилось воззвание о «гражданской войне» во Франции. Такого рода «воспитательная пропаганда», замечает Меринг, выражала и заключала в себе марксизм I Интернационала³⁹. Программные документы Международного товарищества рабочих представляли собой действенное средство привлечения и обращения в новую веру разобщенных борцов за дело рабочего класса. Их влияние сказывалось прежде всего в Германии, особенно в партии эйзенахцев. Именно чтение Учредительного манифеста побудило Бебеля принять идеи Маркса, и именно этот манифест упоминался в качестве главного примера и довода докладчиками по вопросу о программе на Нюрнбергской конференции в сентябре 1868 года, когда партия приняла решение о присоединении к Международному товариществу рабочих. Немецкие интернационалисты объясняли влияние и силу Международного товарищества рабочих тем, что оно

³⁷ Письмо к Людовико Наблущи от 23 января 1872 года в: „Archives Bakounine“, vol. 1, part II: „Michel Bakounine et l'Italie. Leiden, 1966, p. 199—207.

³⁸ Приведено в: *H.-J. Steinberg. Sozialismus und deutsche Sozialdemokratie. Zur Ideologie der Partei.* Hannover, 1967, S. 16.

³⁹ „Zum Gedächtnis der Internationale“. — In: *F. Mehring. Gesammelte Schriften.* Berlin, 1963, vol. 4, S. 360.

располагало строго научной программой. Например, рабочий-типограф эйзенахец Хилльман опубликовал в газете своей ассоциации рабочих-типографов пространную статью о Международном товариществе рабочих; упор в ней делался на роли, которую сыграл в нем Маркс в качестве автора Учредительного манифеста.

«„Манифест к трудящимся классам Европы“, составленный Карлом Марксом, хорошо известным социальным экономистом, — писал Хилльман, — был представлен Товариществу, причем конкурентом этому «Манифесту» выступал проект устава мадзинистского толка, настолько конспиративный по своему характеру, что он грозил в зародыше задушить рождение Международного товарищества рабочих. Поэтому он был отвергнут, а представленный Марксом «Манифест», точно так же, как и Уставы (окончательно одобренные позже, на Женевском конгрессе 1866 года), были приняты. Таким образом, инициатива основания этого общества принадлежала немцу. Упомянутый «Манифест» есть одно из самых значительных произведений, вышедших из-под пера этого научного авторитета; в нем содержится самая острая критика, какая когда-либо была брошена в лицо правящему классу на протяжении всемирной истории»⁴⁰.

Парижская Коммуна сыграла важную роль в обеспечении Марксу общеевропейской известности. Пресса указывала на него как на вождя всемогущего Интернационала, и в силу отождествления Международного товарищества рабочих с парижским восстанием «партия Маркса» и лично сам Маркс приобрели огромную славу, что в немалой степени способствовало возбуждению интереса к его работам в обширных кругах общественности. Научная репутация Маркса будет и в дальнейшем интенсивно использоваться его учениками и эпигонами как средство утверждения его теории в рабочем движении в борьбе с другими воззрениями. Например, в некрологе, опубликованном в журнале «Нойе цайт», упор не случайно делался на том обстоятельстве, что основатель научного социализма Маркс был одним из самых выдающихся по эрудиции ученых своего времени. «Своим исследованием законов исторического и экономического развития Маркс поставил себя в ряды крупнейших мыслителей и ученых. Этого не сможет или не захочет оспаривать никто. Его теория приобрела для науки такую же важность, как теория Дарвина: подобно тому как учение Дарвина господствует в естественных науках, так учение Маркса господствует в социально-экономических науках»⁴¹. В этих строках

⁴⁰ K. Hillmann. Die Internationale Arbeiterassoziation (1864—1871). Ihre Geschichte, Programm und Tätigkeit. — In: „Correspondent für Deutschland Buchdrucker und Schriftgiesser“, 1871, S. 1.

⁴¹ „Neue Zeit“, 1883, I, S. 448.

заклучены те тезисы, на которых будет основываться распространение марксизма в конце XIX столетия⁴².

В период между I и II Интернационалами теория Маркса становится основным звучанием идеологического многоголосья. Интерес к произведениям Маркса и Энгельса растет, они широко распространяются. Отныне все течения и тенденции социалистической мысли определяются по их отношению к теоретическим положениям основателей «научного социализма». Самые различные школы внутри социалистического движения, за исключением анархистов, признают значение творчества Маркса и Энгельса и склоняются перед их непререкаемым авторитетом. По мере того как множится число цитат из их трудов, язык социалистов претерпевает длительную эволюцию усвоения языка Маркса. Но этот процесс впитывания идей совершается в рамках господствующей эклектической социалистической идеологии, объединяющей Маркса и Лассаля, Бакунина и Прудона, Дюринга и Бенуа Малона. Главные черты этого «эклектического социализма» 70—80-х годов в Германии следующим образом обрисованы Каутским: «Результаты исследований Маркса и Энгельса, как правило, принимались, но на плохо переваренной основе, а число последовательных марксистов было невелико. Готская программа, влияние Дюринга, успех «Квинтэссенции социализма» г-на Шеффле в рядах партии показывают, до какой степени был распространен эклектизм»⁴³.

С начала 80-х годов намечается разграничение между марксистской школой и «эклектическим социализмом», причем явление это обнаруживается прежде всего в рядах германской социал-демократии. Начальный импульс исходил от самого Энгельса, от его открытой полемики с Дюрингом, влияние которого на немецких социалистов было огромным. «Анти-Дюринг» со многих точек зрения знаменует собой ключевой момент в процессе формирования «марксизма» как системы. Среди многочисленных свидетельств приведем следующее высказывание Каутского: «То, какой переворот вызвал в наших головах «Анти-Дюринг»; то, как благодаря этому тексту мы выучились полностью понимать Маркса, постигать его глобально; то, как эта книга избавила нас от пережитков утопического социализма, катедер-социализма,

⁴² Тезисы эти существенно отличаются от представлений, бытовавших в 70-е годы; такой сторонник Маркса, как И.-Ф. Беккер, писал: «Независимые мыслители и исследователи весьма редко поступали подобно Марксу, который со своей стороны никогда не притязал на изобретение каких-то принципов; он лишь говорил, что открыл их, то есть научно доказал их наличие в процессе социально-экономического развития» (J. P. Becker. A propos des Congrès de Genève, cit., p. 242).

⁴³ K. Kautsky. Darwinismus und Marxismus. — In: „Neue Zeit“, 1894—1895, XIII, vol. 1, S. 715.

буржуазно-демократического образа мыслей, — все это способно оценить только тот, кто сам пережил этот процесс»⁴⁴.

Образовавшееся в германской социал-демократии марксистское ядро становится четко отграниченным течением, которое приступает к завоеванию гегемонии в рабочем движении с помощью упорной идеологической борьбы. Участь терминов «марксист» и «марксизм», их внедрение и распространение в новой обстановке и с новым содержанием определяются в огне долгой и жестокой политической и теоретической борьбы. Эту борьбу ведет группа, которая с самого начала определяет себя как группу «последовательных марксистов» и ставит целью добиться торжества марксизма, возвышенного до уровня официального учения *Parteibewegung* (партийного движения). Указанная группа пользуется теоретической поддержкой Энгельса, роль которого в этом развивающемся процессе гегемонизации была весьма велика, и политической поддержкой двух неоспоримых вождей партии, Бебеля и Либкнехта. Однако крещение школы и доктрины происходит при неведении Маркса и Энгельса и вопреки их воле. Они не только никогда не санкционировали этот неологизм, но, напротив, реагируют на него с раздражением, отвергают его. Маркс предпочитает называть свою теорию «критический материалистический социализм». Энгельс в свою очередь говорит о «критическом и революционном социализме» (который от предшествующих социалистических учений отличается «именно своей материалистической основой»), либо называет его «научным социализмом» — в противоположность «утопическому социализму». В 70—80-е годы Энгельс лишь в виде исключения, да и то с несколько ироническим оттенком, прибегает к терминам, которые были уже в ходу среди противников Маркса. Так, в 1877 году в связи с распространением «дюринговщины» в германской социал-демократии он действительно ссылается на выражения «марксисты» и «дюрингианцы». В 1882 году, иронически намекая на памфлет Поля Брусса, он употребляет термины «марксист» и «марксизм», заключая их в кавычки. Отвечая Бернштейну, он пишет в письме от 2—3 ноября 1882 года: «Ваши неоднократные уверения, что «марксизм» сильно дискредитирован во Франции, основываются ведь тоже на этом единственном источнике, то есть на *перепевах Малона*. Правда, так называемый «марксизм» во Франции совсем особого рода, такой, что Маркс сказал однажды Лафаргу: «Ясно одно, что сам я не марксист». Но если «Citoyen» расходился прошлым летом в количестве 25 000 экземпляров и занял такое положение, что Лиссагаре поставил на карту свою репутацию, чтобы захватить его, то это все же как буд-

⁴⁴ Ibid.

то в известной мере противоречит пресловутой дискредитации»⁴⁵.

Упомянутая шутливая фраза Маркса часто приводится Энгельсом по разным поводам. Цитируемая вне контекста, она нередко оказывается искаженной⁴⁶. Маркс и Энгельс восставали прежде всего против употребления термина, который считали смехотворным и воспринимали как карикатуру. Их реакция была типичной реакцией людей, сражавшихся в рядах рабочего движения еще до 70-х годов: применение личностных этикеток рассматривалось ими как «клеймо сектантства». Скажем, в 1873 году, обличая подобную практику со стороны прессы, враждебной Международному товариществу рабочих, И.-Ф. Беккер писал: «Даже в социалистическом лагере находятся члены великого сообщества, которые как в силу своего фанатического высокомерия и невежества, так и ради корыстной уловки принимают название лассальянцев и сами кладут на себя это сектантское клеймо. Не является ли это самой беспощадной критикой лассальянства, и так уже почти совсем закостеневшего в собственных догмах?»⁴⁷

Маркс реагирует аналогичным образом: он тоже считает эти термины особенно опасными, ибо они сами по себе могут послужить его изоляции в качестве вождя секты и превратить его идеи в догмы.

3. Каутский и марксизм как наука

В отличие от Маркса и Энгельса их самые близкие ученики к началу 80-х годов уже не разделяют этого отвращения и считают неоправданными подобные опасения. Они уловили перемены, совершившиеся в коллективном сознании социалистов и идейных течениях в их среде, требующей четкого обозначения групп и направлений. Члены социалистических организаций уже не только не отказываются от обращения к имени учителя и отождествления с ним, но, напротив, гордятся прозвищем, которое связывает их с великим мыслителем, с его отныне упрочившейся славой ученого, основателя научного социализма.

Авторство понятий «марксист» и «марксизм» в том смысле, какой они приобрели в нашем современном языке, восхо-

⁴⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, с. 324.

⁴⁶ С таким нарушением смысла ее приводит, в частности, Каутский. Он говорит о Лафарге, как будто тот был единственным — помимо самого Каутского, — кто «на весьма ранней стадии выступил за материалистическое понимание истории и использовал его в собственных исследованиях», но подчеркивает парадокс, который «порой приводил Маркса в отчаяние», и добавляет: «Именно к нему относится столь часто цитируемая — по большей части в изуродованном виде — острота Маркса: „Если марксизм таков, то я не марксист“».

⁴⁷ J. P. Becker. A propos des Congrès de Genève, cit., p. 242.

дит к Каутскому. Если в текстах его немецких современников и соратников Энгельса эти выражения еще проскальзывают зачастую случайно, то Каутский с 1882 года применяет их сознательно, систематически, в совершенно определенном контексте и с таким идейно-политическим значением, которое не имеет ничего общего с «засорением» языка или «маскировкой».

Почвой при этом ему служит теоретический журнал «Нойе Цайт», начавший издаваться с 1883 года, после целого года подготовительной работы, проведенной Каутским с помощью Генриха Брауна. «В момент наибольшего уныния, — пишет Каутский, — летом 1882 года [то есть в период действия чрезвычайных законов против социалистов] я решился предложить издателью Дитцу основать ежемесячный журнал. Я только что освободился от эклектического социализма, тогда повсеместно распространенного, этой мешанины лассальянских, родбертусианских, лангианских, дюрингианских элементов с марксистскими вкраплениями, и вместе с Бернштейном, с которым сотрудничал с января 1880 года, стал последовательным марксистом. Именно распространению этого нового сознания мы и хотели посвятить все свои усилия»⁴⁸.

Каутский не раз подчеркивает, что «Нойе Цайт», ставший еженедельником через десять лет после основания, с самого начала «издавался как марксистский орган» и ставил себе задачей повышать низкий теоретический уровень германской социал-демократии путем разоблачения эклектического социализма и обеспечения торжества марксистской программы⁴⁹.

Честолюбивые замыслы Каутского не ограничивались пределами Германии. Через два года после начала публикации журнала он писал Энгельсу: «Возможно, мои усилия по превращению «Нойе Цайт» в пункт сбора марксистской школы увенчаются успехом. По мере того как я избавляюсь от эклектиков и родбертусианцев, мне удастся заручиться сотрудничеством все новых марксистских авторов»⁵⁰.

Таким образом, уже с 1882 года Каутский и небольшая сплотившаяся вокруг него группа в своей переписке, а затем и на страницах журнала постоянно пользуются новыми терминами. Посылая Лео Франкелю первый номер «Нойе

⁴⁸ K. Kautsky. Zum 70. Geburtstag Heinrich Deitz. — In: „Neue Zeit“, 1914, XXXII, S. 1—8.

⁴⁹ Эти утверждения подвергнуты критическому анализу Раджоньери, который исследует характер, направление и цели «Нойе Цайт» (см.: „Il marxismo e L'Internazionale“, cit., p. 57—58, 63, 68). Выход «Нойе Цайт» был расценен современниками как «поворот в истории развития теории германской социал-демократии».

⁵⁰ Письмо Каутского Энгельсу от 9 января 1885 года в: F. Engels. Briefwechsel mit K. Kautsky, cit., S. 163.

Цайт», Каутский пишет ему в апреле 1883 года: «Мне очень любопытно узнать ваше суждение об этом начинании. То, что в принципе оно полезно и своевременно, не подлежит никакому сомнению, но сам я даже слишком хорошо вижу, чего ему недостает для осуществления нашего идеала. И все же мне кажется, что «Нойе Цайт» не хуже «Цукунфт» или «Нойе гезельшафт»; он более разнообразен, более привлекателен, и думаю, что марксизм в широком смысле слова — а именно такова та почва, на которой все мы стоим в той мере, в какой это возможно в условиях действия чрезвычайных законов, — всегда будет служить четко различным ориентиром его идейного направления». И, излагая свою позицию по еврейскому вопросу, который беспокоил Франкеля, Каутский завершает свое письмо следующей фразой: «Но к чему говорить все это старому марксисту?»⁵¹

Для Каутского и сплотившейся вокруг него группы термины «марксист» и «марксизм» обладают программным значением и служат орудиями идеологической и политической борьбы. Встав во главе этой группы, руководившей журналом «Нойе Цайт», Каутский энергично, наступательно, агрессивно принимается за выполнение поставленной перед собой задачи: обеспечить победу марксистской школе. Человек, который тридцать лет спустя будет говорить о себе, что он лишь теоретик и весьма посредственный политик, в те годы демонстрирует незаурядное тактическое искусство. Он тщательно выбирает поле боя и объект нападения: его атаки направлены не против лассальянцев, а против сторонников Родбертуса. Дело в том, что первые продолжают пользоваться сильным влиянием в рабочей среде, а их позиция по основным вопросам классовой борьбы, политической борьбы и партийной деятельности по сути не отличается от позиции «марксистов». Теории же Родбертуса соблазняют интеллигенцию, к которой Каутский относится более отчужденно⁵². Свою тактику он недвусмысленно объясняет Энгельсу: «В Германии ныне все больше входит в моду выставлять Родбертуса как козырь против Маркса; в научном плане социализм победил в Германии, и, чтобы блокировать победу Маркса, реакционный научный сброд спешит укрыться за Родбертусом»⁵³.

⁵¹ IISG, Fondo Kautsky (готовится к изданию: „Kautsky et les socialistes des Balkans. Correspondance“)

⁵² В своих письмах 1883—1885 годов Каутский систематически отождествляет противников марксистской школы с интеллигенцией как внутри, так и вне рядов социал-демократии. См.: *Steinberg. Sozialismus...*, cit.

⁵³ Письмо от 14 февраля 1884 года в: *F. Engels. Briefwechsel mit K. Kautsky*, cit., S. 98. Три месяца спустя он вновь возвращается к этой теме и пишет: «Среди наших интеллигентов царит настоящая ненависть к Марксу и марксизму, и они с жадностью хватаются за любого социалиста-немарксиста, от Луи Блана до Родбертуса, чтобы использовать его как козырь против Маркса» (S. 118).

Вот почему его выпады сосредоточиваются на К. А. Шрамме, который в качестве экономиста и популяризатора идей Маркса и Родбертуса приобрел определенную известность теоретика в рядах социал-демократии⁵⁴. Именно в полемике с этим последним на страницах «Нойе Цайт» в 1883 году публично пускаются в ход термины «марксист» и «марксизм». Терминами завладевает «марксистская школа», причем делает она это специально для того, чтобы характеризовать собственную программу. Термины выражают идею поляризации двух течений; именно в этом и состоит линия, которую проводит Каутский в своем журнале: «Имеются две социалистические школы, которые в особенности владеют умами в сегодняшней Германии: школа Маркса и школа Родбертуса». Первая вербует своих сторонников среди рабочих, вторая находит свое выражение в «профессорском социализме» («Akademischer Sozialismus»)⁵⁵.

Родоначальник марксистской школы — «школы, более марксистской, чем сам Маркс», по словам Шрамма,—Каутский с 1883 года приобретает славу «фанатичного защитника материалистического понимания истории»⁵⁶. Он сам добивается этой репутации, когда в мае 1884 года с очевидным удовлетворением пишет Энгельсу по поводу «Нойе Цайт»: «Для господ немецких антимарксистов он давно уже стал натирающим спину вьюком, потому что это действительно единственный социалистический орган в Германии, который стоит на почве марксизма»⁵⁷.

В тогдашней обостренно полемической духовной атмосфере оценки, даваемые Каутским, не лишены предвзятости и преувеличений. Как бы то ни было, не подлежит сомнению, что в рядах СДПГ направление и деятельность «Нойе Цайт» наталкиваются на сильное сопротивление. У этого сопротивления различные источники; те, кто противостоит Каутскому, стремятся избегать прямых нападок на Маркса или становиться в оппозицию к распространению его учения. Они обрушиваются лишь на «способ действий» определенной группы, клики, самозванной «марксистской школы», обвиняют ее в узурпации имени Маркса ради достижения своих собствен-

⁵⁴ Об этой полемике см. в: *H.-J. Steinberg. Sozialismus...*, cit. *E. Ragnieri. Il marxismo e l'Internazionale*, cit.

⁵⁵ «Маркс обычно находит сторонников среди трудящихся классов... Родбертус же стал подобострастным предводителем профессорского социализма» (*K. Kautsky. Das Kapital. — In: „Neue Zeit“*, 1884, II, S. 337).

⁵⁶ Слова Шрамма. См.: *C. A. Schramm. Kautsky und Rodbertus. — In: „Neue Zeit“*, 1884, II, S. 484, 488.

⁵⁷ В октябре 1884 года он в таких же выражениях сообщает Бебелю: «Хочу продолжить издание «Нойе Цайт»: я придаю ему большое значение, так как это единственный орган в Германии, который целиком и полностью стоит на марксистской почве» (*A. Bebel. Briefwechsel mit K. Kautsky. Hrsg. K. Kautsky jr. Assen, 1971, S. 21*).

ных целей. Доводы родбертусианцев, лассальянцев и в особенности умеренного крыла партии близки к доводам Брусса и французских POSSIBИЛИСТОВ. Отделяя теоретические положения Маркса от «марксизма», в котором они усматривают идеологию, сооруженную бесплодными эпигонами, они указывают на Каутского как на главного виновника, коварного инспиратора, изобретателя проповедуемой им и возведенной в ранг евангелия догмы, присвоившего авторитет Маркса в попытке навязать партии собственные доктрины в качестве официального учения. Ауэр с сарказмом пишет своим корреспондентам о «тайнствах чистого марксизма, отправляемых Карлом Каутским и его друзьями»⁵⁸, между тем как Шрамм публично нападает на дуэт Каутский — Бернштейн, этих «ложных пророков», которые вот уже несколько лет проповедуют в германской социал-демократии «непогрешимость марксизма, заявляя, что марксизм — это евангелие». Еще более заостряя критику, он пишет: «Я не ведаю ни религии Маркса, ни программы Маркса, на верность которой я или другие товарищи якобы давали присягу; я знаю лишь программу партии. Каутский проповедует религию Маркса»⁵⁹. Эти образы церкви и евангелия, а также верховного первосвященника будут и в дальнейшем использоваться некоторыми кругами в СДПГ для высмеивания догм и догматизма Каутского; в действительности же — для нападок таким способом на марксизм. Например, в разгар кризиса, вызванного ревизионизмом, Игнац Ауэр заявлял на съездах СДПГ: «Я не марксист в том смысле, какой во все большей степени развивается отцами церкви марксизма», то есть Каутским и Бебелем⁶⁰.

Для Каутского одним из лучших способов отражения подобных нападок и доказательства их несостоятельности в первые годы существования «Нойе Цайт» было заручиться сотрудничеством Энгельса в журнале путем публикации как некоторых его статей, так и неизданных рукописей Маркса. Например, выход в свет на немецком языке «Нищеты философии» (первое издание вышло в 1844 году на французском языке) в самый разгар полемики с родбертусианцами приобретает для Каутского чрезвычайную важность: «Это будет отличная пощечина всем противникам марксизма»⁶¹.

Но какое содержание вкладывает в это понятие «марксистская школа», сложившаяся вокруг «Нойе Цайт»? У Каутского употребление этого термина никогда не бывает случайным; ему всегда придается точное толкование. «Марк-

⁵⁸ Приведено в: *H.-J. Steinberg. Sozialismus...*, cit., S. 39, nota 81.

⁵⁹ *Ibid.*, S. 37.

⁶⁰ „Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Spd, abgehalten zu Hannover vom 9—14, 10, 1899“. Berlin, 1899, S. 208.

⁶¹ *F. Engels. Briefwechsel mit K. Kautsky*, cit., S. 108.

систский», «марксист» относятся к Марксу и его произведениям: «Претендовать на популяризацию марксистского способа изложения мыслей, на мой взгляд, бессмысленно, потому что Маркс писал довольно понятно и популярно»⁶². Вместе с тем эти обозначения характеризуют также принципиальную позицию того или иного деятеля: «Г. Браун — не катедер-социалист, а целиком стоит на марксистской почве, почве классовой барьбы»⁶³. «Марксистский» здесь обозначает определенное идеологическое содержание («марксистская литература»). Наконец, эти термины указывают на направление, школу: «Браун — сознательный и добросовестный член марксистской школы»⁶⁴. Что же касается термина «марксизм», то его определение тесно связано с истолкованием теории Маркса Каутским и с той систематизацией этой теории, к которой он приступает. В общем смысле слово становится синонимом «Марксовой системы», в частности же выполняет двоякую функцию. Во-первых, термин обозначает некий руководящий принцип: «марксизм — концепция нашей партии как организации пролетариата, ведущего классовую борьбу»⁶⁵. Во-вторых, он служит определению теории Маркса как науки вообще и научного социализма в частности. Каутский неоднократно уточняет это. Например, в десятую годовщину «Нойе Цайт» он пишет: «Термин «научный», без сомнения, покрыл бы все стороны марксизма, но в то же время означал бы нечто большее или мог бы быть воспринят как нечто более амбициозное, чем марксизм, который вовсе не претендует быть последним словом в науке». А в полемике с Бернштейном он выделяет еще один аспект: «Это — метод, следующий из применения материалистического понимания истории к политике: благодаря ему социализм стал наукой... Именно метод, а не результаты есть важнейшее в марксистском социализме»⁶⁶.

Такой упор на характеристике марксизма как науки может дать ключ к пониманию тех причин, по которым Каутский стремится завладеть термином и именно таким образом

⁶² Ibid., S. 92.

⁶³ Ibid., S. 60. (письмо от 6 сентября 1882 года). Примечательно, что, употребляя этот термин, он пишет Бебелю 14 февраля 1885 года: «Мы должны трактовать германские события с нашей точки зрения, с точки зрения марксистской, а не с точки зрения мелкобуржуазного и филистерского социализма» (A. Bebel. Briefwechsel mit K. Kautsky, cit., S. 27).

⁶⁴ Письмо Бебелю от 8 ноября 1884 г. в: A. Bebel. Briefwechsel mit K. Kautsky, cit., S. 24.

⁶⁵ K. Kautsky. Bernstein und das sozialdemokratische Programm. Stuttgart, 1899, S. 17.

⁶⁶ Сообщая Бебелю в письме от 14 февраля 1885 года о трудностях, с которыми сталкивается «Нойе Цайт», и напряженных отношениях с издателем, он вновь возвращается к этой идее: «„Нойе Цайт“ должен быть... решительно марксистским органом; органом, стоящим на почве «Коммунистического манифеста», на почве понимания истории, изложенного в этом тексте» (A. Bebel. Briefwechsel mit K. Kautsky, cit., S. 27).

интерпретирует «Марксову систему». Здесь следует напомнить, что в 80-е годы Каутский — подобно всему его поколению, страстный почитатель Дарвина, — судя по всему, вдохновлялся успехом, резонансом, силой притяжения термина «дарвинизм». Его действиями руководило стремление символически выразить фундаментально важную сущность учения Маркса, и если дарвинизм служил синонимом науки о природе, то марксизм должен был стать таковым применительно к наукам об обществе. Надо отметить, что Каутский, разумеется, не был первым в этом деле: параллель между Дарвином и Марксом постоянно присутствует в высказываниях социалистов конца XIX века. В этом находили свое выражение стереотипы и увлечения массового сознания той поры, насыщенного сциентизмом, преклоняющегося перед монистическим материализмом и идеями прогресса и развития, заимствованными из естествознания.

По Каутскому, важнейшей чертой марксизма как науки является материалистическое понимание истории. Это определение он формулирует в 1883 году в полемике с Шраммом, когда заявляет, что его противник не может понять Маркса, «потому что... историческое содержание марксизма остается ему совершенно чуждым»; тот, кто говорит «марксистская школа», тот говорит также «марксистская историческая школа». «Если можно говорить об экономистах марксистской школы, то можно говорить и об ее историках... Маркс ввел материализм и экономику в историю, но он ввел также историю в экономику. Для него обе они составляют одно нерасчленимое целое»⁶⁷. На возражение Шрамма, который ставит под сомнение существование марксистской исторической школы (утверждение, которое и Энгельс расценивает как искусственно притянутое), Каутский уточняет, что ссылается на «Капитал», «один из самых грандиозных трудов по истории», и безапелляционно заявляет: «С Марксом для исторической науки открывается новая эра. И все, кто принадлежит к марксистскому направлению, должны быть историками, как и Маркс. Кто не историк, кому история осталась чуждой, равным образом останутся непроницаемыми и для марксистской концепции в ее всеобщности»⁶⁸.

Марксистский историзм II Интернационала является свер-

⁶⁷ K. Kautsky. Eine Replik. — In: „Neue Zeit“, 1884, II, S. 496.

⁶⁸ Idem. „Die historische Leistung von K. Marx“. Stuttgart, 1908, S. 30. Эту идею он высказывал уже в 1886 году, когда формулировал тезис о том, что благодаря материалистическому пониманию истории «Маркс осуществил соединение социализма с рабочим движением, доказав, что цель социализма... будет естественно и необходимо достигнута путем развития современного способа производства и классовой борьбы и что она не может быть понята иначе, как через посредство изучения этого способа производства, его происхождения и влияния» (Idem. „Das Elend der Philosophie und das Kapital“. — In: „Neue Zeit“, 1886, IV, S. 15).

стником формирования марксистской школы вокруг «Нойе Цайт». Определение марксизма, данное Каутским в 80-е годы, в 1908 году было им концептуализировано и облечено в формулировку, ставшую знаменитой: «Марксистский социализм в конечном счете есть не что иное, как наука об истории с точки зрения пролетариата»⁶⁹. Два десятилетия спустя, по случаю семидесятилетия Каутского, американский марксист Луис Будэн следующим образом обобщил итог эволюции, начавшейся в 80-е годы: марксизм, который «был общепринятой теорией социалистического движения», «ныне стал всеобщей теорией истории, а не особой теорией революции»⁷⁰.

4. Ревизионистский кризис и рождение «марксизмов»

В первые годы широкого проникновения марксизма в международное социалистическое движение накануне образования II Интернационала термины, первоначально выполнявшие лишь полемические функции, претерпели, как уже было сказано, радикальное преобразование: они приобрели политический и теоретический смысл и укоренились, таким образом, в языке социалистов. В 80-е годы эти термины — в каутскианском преломлении — приобретут уже настолько широкий международный резонанс, что, даже не санкционируя их употребления (и прибегая к ним без особого убеждения), Энгельс все же принимает их. «И будут же они [анархисты] беситься, что дали нам это прозвище!» — пишет он Лауре Лафарг 11 июня 1889 года⁷¹. Значит ли это, что он утвердил их своим авторитетом? А впрочем, в состоянии ли он был противиться практике, которая зависела уже не только от того или иного словоупотребления, но выступала как подлинное политическое явление? Способ употребления этих терминов (систематически используемых его корреспондентами), значение, которое они приобретают, и смысл, который в них вкладывается, продолжают вызывать у него раздражение. Например, А. М. Воден, нанесший Энгельсу визит в 1893 году, писал в своих воспоминаниях, что тот «предпочел бы, чтобы русские — а с ними и все прочие — перестали коллекционировать цитаты Маркса и Энгельса и начали думать так, как думали бы на их месте сами Маркс и Энгельс. Если уж слово «марксист» имеет право на существование, то только в таком смысле»⁷².

⁶⁹ L. B. Boudin. *Theorien der Revolution*. — In: „Die Gesellschaft“, K. Kautsky zum 70. Geburtstag, S. 38.

⁷⁰ F. Engels. *Correspondance avec Paul et Laura Lafargue*. Textes recueillis, annotés et présentés par E. Bottigelli. Paris, 1956, vol. 2, p. 288.

⁷¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, с. 194.

⁷² M. Manale. *Aux origines du concept de „marxisme“*, cit., p. 1400—1401.

Тем не менее, даже получив широкое распространение и войдя в обиход, эти наименования так и не получили официального освящения вплоть до первого кризиса марксизма, вызванного появлением ревизионизма. Разумеется, в 1895 году энциклопедия Мейера узаконивает термин «марксизм», включив его в свое новое издание, датированное этим годом, с отсылкой к слову «социал-демократия»⁷³. Но в первой социалистической энциклопедии, опубликованной в 1897 году и составленной двумя представителями «марксистской школы», Штегманном и Гуго, фигурирует лишь выражение «марксистский социализм». Применительно к германской социал-демократии термин употребляется авторами преимущественно для того, чтобы поточнее указать наиболее значительные моменты и этапы восхождения марксизма⁷⁴. Эйзенхатцы определяются в энциклопедии как «сторонники марксистского международного социализма»; Дюринг характеризуется «его враждебной позицией по отношению к марксистскому социализму»; журнал «Нойе Цайт» квалифицируется как «с первых шагов орган марксистского социализма»; по поводу Интернационала говорится, что «Брюссельский конгресс 1891 года явился полным успехом марксистского социализма, руководители которого господствовали в дебатах». В резолюции конгресса благодаря этому вошли «оба главных пункта марксистской программы»: 1) конгресс «становится на почву классовой борьбы»; 2) он рекомендует «вести борьбу за завоевание политических прав, которые позволят прийти к политической власти».

Окончательное освящение термин «марксизм» получает в обстановке кризиса, порожденного ревизионизмом, и с этого момента используется в разных смыслах: «На исходе века термин «марксизм»... служит для обозначения идей и трудов Маркса, причем его употребление не создает никаких проблем в том, что касается многочисленных уже в ту пору споров вокруг самого значительного произведения автора. Термин «марксист», «марксистский», обыденно употребляемый и как существительное, и как прилагательное, равным образом обозначает как творчество Маркса, так и последователей его теорий или же руководствующееся ими политическое движение»⁷⁵.

Это наблюдение лишь частично отражает многообразные интерпретации толкований этого термина. Бернштейн отмечает в разгар дискуссии о ревизионизме: «Под термином «марксизм» подразумевается не только научная теория, но

⁷³ C. Stegmann, C. Hugo. Handbuch des Sozialismus. Zurich, 1897, S. 166, 164, 640, 387.

⁷⁴ M. Manale. Aux origines du concept de „marxisme“, cit., p. 1401.

⁷⁵ E. Bernstein. Preface à l'édition française de „Voraussetzungen des Sozialismus“. Paris, 1902.

и политическая доктрина». Этим отчасти объясняется употребление термина в политическом языке начала столетия в двойном смысле: во-первых, в узком смысле, имеющем в виду теорию Маркса и научный социализм; во-вторых, в гораздо более широком значении — не только теория Маркса, но и вклады в нее его последователей; в понятие марксизма включается также весь идеологический арсенал рабочих партий. Безграничное расширение термина приобретает, следовательно, в конечном счете форму отождествления марксизма с социал-демократией, и в частности с Социал-демократической партией Германии.

С другой стороны, обращение к терминам «марксист» и «марксизм» весьма различно в плане употребления их разными лидерами и ведущими теоретиками в разных странах. Подобно Каутскому, русские марксисты, и прежде всего Ленин, принимают практику, уже распространенную в России, и с 90-х годов широко используют эти термины. В легальной печати они определяют себя как «марксистов», объявляют своей целью развитие «марксистской точки зрения», выступают с позиций марксизма против народников, которые пытаются завладеть Марксом, чтобы использовать его против социал-демократии. Роза Люксембург, напротив, на рубеже двух столетий более скупа в применении указанных терминов и предпочитает говорить о «научном социализме» и «социал-демократии». Было бы неверно, однако, делать какие-либо поспешные выводы на основании частоты употребления этих терминов. Проблема здесь не может быть решена путем квантификации тех или иных словообразований, ибо она связана как с контекстом и идейно-политическими условиями, так и с личным стилем авторов, манерой их выражения, их специфическими представлениями об идейно-теоретической деятельности. Например, в такой стране, как Россия, где марксизм попадает на почву, взрыхленную множеством социалистических учений и направлений, так или иначе отмеченных печатью влияния Маркса, относительно раннее применение термина объясняется стремлением к самоопределению и отмежеванию в качестве четко различимого политического и теоретического течения. Но как только различные тенденции обрисовываются внутри самого «марксистского» лагеря, сразу же возникают различные политические термины — помимо уже существовавшего ранее определения «легальные марксисты», — не привязанные к имени конкретного лица: экономизм, большевизм, меньшевизм, ликвидаторство и т. д.

В Германии, где марксизм стал официальной идеологией СДПГ, он формально занял господствующие позиции в теоретической сфере партийной деятельности, и различия с этого времени выражаются в названиях течений: ревизионизм,

ортодоксия, левый радикализм и т. д. Более того, пример СДПГ может служить указанием на наличие более общей тенденции: с того момента, как марксизм завоевывает гегемонию в международном рабочем движении, личностные обозначения тяготеют к тому, чтобы уступать место эпитетам общего характера, характеризующим существование несогласных друг с другом течений внутри II Интернационала.

Причины успеха указанных неологизмов связаны с пользой от их применения. В процессе, выходящем за рамки очерченной Марксом перспективы и в то же время соответствующем тем целям, которые ставили перед собой марксисты, основывая I Интернационал, эти неологизмы оказываются полезными инструментами. По мере того как происходят сдвиги в их значении, польза и выигрыш от их применения быстро становятся очевидными для тех, кого обозначили этими понятиями их противники. Присвоенные и отстаиваемые «марксистской школой», поднятые ею, подобно знамени, термины «марксист» и «марксизм» выполняют роль опоры, отправной точки зрения, средства отождествления и размежевания. Но прежде всего они олицетворяют некую универсальную идеологию и всеохватывающее знание, рассматриваемое одновременно как метод, как мировоззрение и как программа действий.

История утверждения этих терминов является в некотором роде зеркальным отражением роста популярности марксизма, а затем его внутренней дифференциации. Термины входят в предпочтительный лексикон социалистов, и их употребление становится обязательным на рубеже веков. Их официальное признание соответствует строго определенному историческому моменту — моменту окончательного размежевания и разрыва между социал-демократией и анархизмом, систематизации положений марксизма и превращения его в цельную теорию, обособления марксистской школы от всех других социалистических течений и утверждения ее политической гегемонии во II Интернационале. Сплочение под знаменами марксизма международной социал-демократии, переживающей период подъема, бурного роста, но одновременно и полного преобразования, приводит вместе с тем к кризису, вызванному Бернштейном. С легкой руки Т. Масарика современники будут говорить о «кризисе марксизма», или «кризисе в марксизме». Одним из последствий этого кризиса, порожденного возникновением ревизионизма, явились в особенности стабилизация в употреблении обоих терминов, а также совершенно неожиданный рост их известности и распространения. Но кризис обнаружил также двусмысленность этих понятий, включающих в себя зачастую противоположные ориентации и устремления. «Марксизм» разделяется на враждующие школы, и терминология тоже претерпевает мно-

гочисленные изменения. Отныне «марксизм» будет сопровождаться каким-то отличительным определением; такие определения в совокупности образуют целый набор этикеток. Так, марксизм будет фигурировать как «подлинный» и «ложный», «узкий» и «широкий», «ортодоксальный» и «революционный», «догматический» и «творческий». Но тем самым термин оказывается наполненным совершенно разным содержанием и в конечном счете обозначает противоречащие друг другу направления и интерпретации, единственным общим знаменателем которых остается исповедание веры в Маркса или хотя бы просто какая-то ориентация на него. С этого момента следовало бы говорить не о марксизме вообще, а применять множественное число: марксизмы.

Гарет Джонс

ПОРТРЕТ ЭНГЕЛЬСА

После смерти Энгельса в Лондоне в 1895 году всегда бывало крайне трудно дать верную и взвешенную оценку того места, которое он занимает в истории марксизма. Энгельс был одновременно признанным основателем исторического материализма и первым — а также наиболее влиятельным — из философов и интерпретаторов марксизма. И тем не менее, по крайней мере с момента кризиса II Интернационала, его неизменно рассматривали либо как верного соратника Маркса, либо как уклониста — фальсификатора истинно марксистского учения. Живучесть этой бесплодной альтернативы объясняется, конечно же, не недостатком серьезных исследований, которые могли бы послужить основой для более творческих выводов. Напротив, Энгельсу посвящена одна из лучших научных биографий XX века — книга Густава Майера, явившаяся результатом более чем тридцатилетних изысканий автора, не имеющего себе равных в области знания истории рабочего и социалистического движения в Германии прошлого столетия¹. Работа Майера, однако, мало изучалась, хуже того — оставалась практически неизвестной вплоть до переиздания около десяти лет тому назад. Ученые-коммунисты отнеслись к работе пренебрежительно по той причине, что Майер не был марксистом (он просто задался целью скрупулезнейшим образом аналитически воссоздать жизнь Энгельса, лишь в очень немногих случаях решаясь на высказывания собственных суждений). Но своей незадачливой участью книга обязана также времени своего выхода в свет: первый том был издан в 1918 году, когда внимание немецких социалистов было поглощено окончанием войны и последовавшими за нею событиями; второй появился в конце 1932 года и почти сразу же попал под запрет нацистов, пришедших к власти. Даже в немецкоязычных странах книга

¹ *G. Mayer. Friedrich Engels. Eine Biographie. 2 voll. Den Haag, 1932*, переиздана в Кёльне в 1969 г. Среди других биографических работ об Энгельсе см.: *A. Cornu. Karl Marx et Friedrich Engels, leur vie et leur oeuvre. 4 voll. Paris, 1954 sgg.*; *H. Ullrich. Der junge Engels. Berlin, 1961*; *S. E. D. Friedrich Engels. Eine biographie. Berlin, 1970*; *H. Hirsch. Engels. Hamburg, 1968*; *H. Pelger (Hrsg.). Friedrich Engels 1820—1970: Referate, Diskussionen, Dokumente. Hannover, 1971*. *W. Henderson. Frederick Engels. 2 voll. London, 1976.*

почти с момента издания превратилась в библиографическую редкость; на другие языки она переводилась в сильно сокращенном виде. Да и в послевоенное время ею располагал лишь ограниченный круг исследователей-специалистов.

1. Участь «сотрудника» Маркса

И все же односторонность большей части современных суждений об Энгельсе объясняется не только и даже не столько злоключениями этой майеровской биографии. В самом деле, с конца первой мировой войны, если не раньше, оценка личного вклада Энгельса в развитие марксизма превратилась в чрезвычайно острую политическую проблему. После периода непререкаемого авторитета (со смерти Маркса до 1914 года) репутация Энгельса пострадала сначала от критических нападков левого революционного крыла II Интернационала, а затем в эпоху III Интернационала от критики некоммунистов или антикоммунистов.

В период революционного подъема, последовавший за русской революцией, Лукач и в меньшей мере Корш впервые четко и определенно отделили идеи Маркса от идей Энгельса². Вежливо, но со злой иронией критикуя «Анти-Дюринг», Лукач упрекал Энгельса — с радикально гегельянской точки зрения — за поиски какой-то единой диалектики, связывающей историю человечества с историей природы, и в особенности за отделение науки «метафизической» от науки «диалектической». Лукач утверждал, что тем самым затухала подлинно революционная диалектика Маркса: диалектика субъекта и объекта в рамках истории человечества. Эта критика не опиралась на чисто эпистемологическую основу. По мнению Лукача, престиж, которым пользовались Дарвин и эволюционистская теория во II Интернационале, был фактически тесно связан с каким-то недialeктическим различием между теорией и практикой, что и обуславливало инертность и реформизм его политики. Хотя критика Лукача не возымела непосредственного действия — позже он сам отрекся от нее, — речь шла о некоем предварении будущих форм более поздних критических выступлений. Диалектический материализм — таков был термин, введенный Плехановым для определения марксистской философии и вообще марксистского мировоззрения, — в немалой своей части был построен на основе последних работ Энгельса; с момента же, когда эта философия получила официальное утверждение в Советском Союзе, стало весьма трудно прово-

² G. Lukács. *Storia e coscienza di classe*. Milano, 1967; K. Korsch. *Marxismo e filosofia*. Milano, 1978.

дять грань между определенным отношением к Энгельсу и определенным отношением к коммунизму сталинского периода. С одной стороны, обнародование в 1929 году незавершенной рукописи Энгельса «Диалектика природы» вписалось в рамки попытки Сталина навязать ортодоксию диалектического материализма ученым-естествоиспытателям; с другой — социал-демократы Ландсхут и Мейер опубликовали до того не издававшиеся «Экономическо-философские рукописи 1844 года» Маркса, пытаясь противопоставить Маркса — гуманиста и этика ленинской интерпретации марксизма. Разрыв, якобы существующий между теорией Маркса и теорией Энгельса, о чем первым заговорил Лукач, стал шириться еще больше, но уже не для наступления на социал-демократию, а для ее защиты.

После второй мировой войны проповедники «холодной войны» с большой готовностью отождествляли Маркса и Энгельса как сходных по духу созидателей системы, на которую были теперь обрушены обвинения в детерминизме и тоталитаризме. Официальные глашатаи коммунистических партий со своей стороны не менее упорно настаивали на полной однородности творчества двух мыслителей и с подозрением взирали на любую попытку дифференцированно подойти к личному вкладу каждого. Альтернативные интерпретации марксистского наследия разрабатывались в эту пору большей частью теми, кто не тяготел ни к одному из этих полюсов: достаточно пестрой публикой из числа коммунистических теоретиков-диссидентов, социал-демократов II Интернационала, радикально настроенных христианских теологов и философов — экзистенциалистов или неогегельянцев. Их усилия создать облик Маркса, бросающий вызов официально утвержденной версии, либо, наоборот, отождествить его с одной из предшествующих философских традиций, как правило, оборачивались тем, что все те нежелательные компоненты советского марксизма, от которых эти авторы с таким жаром стремились отмежеваться, приписывались Энгельсу.

Односторонность и искажения, которыми отмечены оценки творчества Энгельса, в действительности служат лишь показателем огромного и прочного влияния, оказанного им на определение марксистского социализма в тот период, когда европейское социалистическое движение начало переходить к его последовательному применению. Такого перехода не произошло в сколько-нибудь заслуживающих внимания масштабах ни в 40-е, ни в 60-е годы. Переход совершился лишь после 1880 года, и тяжелейшее бремя связанных с этим ответственности и труда легло практически на плечи одного только Энгельса. В сущности, уже в последние годы I Интернационала бремя борьбы с прудонизмом и бакунизмом

лежало в основном на Энгельсе; за последние десять лет своей жизни Маркс создал немного, что могло бы иметь непосредственное влияние на публику. Его ответы русским революционерам относительно применимости проделанного в «Капитале» анализа к особенностям будущей революции в России, с одной стороны, выдавали колебания, а с другой — были недостаточно определенными для того, чтобы русские социал-демократы могли воспользоваться ими в борьбе с народниками; из-за этого указанные письма не издавались вплоть до 1920 года³. Точно так же его «Критика Готской программы» явилась вкладом, нежелательным для участников переговоров 1875 года об объединении эйзенахского крыла с лассальянским в рамках единой Социал-демократической партии Германии. С этой критикой совсем мало посчитались даже те из членов социал-демократического руководства, которые объявляли себя друзьями и последователями Маркса, и Энгельс предал ее гласности лишь 15 лет спустя, во время дискуссии о новой, Эрфуртской программе партии. Последняя попытка воздействовать на германскую социал-демократию, предпринятая совместно Марксом и Энгельсом в 1879 году, завершилась не менее горьким для их честолюбия исходом. Их острая критика в адрес партийного руководства, продемонстрировавшего терпимое отношение к опубликованной в цюрихском журнале «Ярбюхер фюр социальвиссеншафт унд социальполитик» статье Хёхберга, Бернштейна и Шрамма, выражавшей стремление «подсластить» пролетарский характер СДПГ, вызвала лишь слабую реакцию, несмотря на угрозу Маркса и Энгельса публично отмежеваться от партии. С этого момента стало ясно, что любые их попытки прямо и непосредственно вмешиваться в политические дела заведомо обречены на провал и что лондонским изгнанникам не остается ничего иного, как смириться с ролью почетных, но далеких участников событий, основателей теории, ибо в противном случае они рискуют публично продемонстрировать собственную политическую беспомощность.

Но если конец 70-х годов ознаменовал низшую точку личного влияния Маркса и Энгельса на политику партии в Германии, то он же ознаменовал момент реального зарождения марксизма II Интернационала. В самом деле всемирное распространение марксизма как систематизированного и научного социализма началось в действительности не с «Манифеста Коммунистической партии» и не с «Капитала», а с «Анти-Дюринга» Энгельса. «Если судить по влиянию, оказанному на меня «Анти-Дюрингом», — писал Каутский, — то ни одна другая книга не способствовала так постижению

³ V. D. Rjazanov. Briefwechsel zwischen Vera Zasulic und Marx. — In: „Marx — Engels Archiv“. Frankfurt am Main, 1928, vol. I, S. 309—345.

марксизма, как эта. Конечно, «Капитал» Маркса — куда более внушительное произведение, но лишь с помощью «Анти-Дюринга» мы научились понимать и правильно читать „Капитал”»⁴.

На этой книге сформировались наиболее авторитетные руководители II Интернационала: Бебель, Бернштейн, Каутский, Плеханов, Аксельрод и Лабриола. При этом ее влияние не ограничивалось лишь партийными руководителями и теоретиками: опубликованный в 1882 году отрывок из нее под названием «Развитие социализма от утопии к науке», не содержащий никаких упоминаний о Дюринге, стал самым популярным введением в марксизм после «Манифеста». Он не только получил широкое распространение в социал-демократических партиях немецкоязычных стран, но и проложил путь к пониманию марксизма в тех районах, где взгляды Маркса и Энгельса традиционно наталкивались на сопротивление, особенно во Франции. Изменение атмосферы к концу 80-х годов по сравнению с предыдущим десятилетием явственно ощущается в «Людвиге Фейербахе», который вышел в 1888 году. «Анти-Дюринг» первоначально представлял собой неохотно предпринятое вмешательство локального характера с целью внесения ясности в путаный социализм молодой еще германской социал-демократии. «Прошел целый год, пока я смог решиться отложить в сторону другие работы и приняться за этот кислый плод»⁵, — писал Энгельс об этой своей полемической работе, которую «Форвертс» печатал отдельными выпусками в 1877—1878 годах (Либкнехт действительно побуждал его развернуть борьбу с влиянием Дюринга еще с 1874 года). «Фейербах», напротив, писался в совершенно другом духе. «Мировоззрение Маркса, — отмечал Энгельс в предисловии, — нашло приверженцев далеко за пределами Германии и Европы и на всех литературных языках мира»⁶. Популярные концепции ортодоксального марксизма по сей день восходят к работе по его систематизации и популяризации, которую Энгельс провел на протяжении этого решающего десятилетия.

Именно это обстоятельство и явилось наиболее существенным во всех последующих оценках творчества Энгельса. Как пророк диалектического материализма, Энгельс полностью заслонил свою другую ипостась как сооснователя и соавтора исторического материализма. Его молодым годам и ранним произведениям уделялось мало внимания: как критика, так и похвалы Энгельсу адресовались в подавляющей части его поздним трудам. Ревнителю ортодоксальной марк-

⁴ „Friedrich Engels' Briefwechsel mit K. Kautsky“. Wien, 1955, S. 4, 77.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 5—6.

⁶ Там же, т. 21, с. 370.

систской традиции, особенно пропущенной через фильтры большевистской политики, придавали одинаково большое значение историческому материализму и энгельсовским обобщениям диалектики, словно и то и другое составляло части некоего единого целого. В глазах же западных критиков, напротив, Энгельс почти что связывался с позитивизмом и эволюционизмом, а также с политической пассивностью II Интернационала, словно расхождения между его взглядами и взглядами Каутского и Плеханова были совершенно несущественными, а позиции Маркса — совершенно иными, чем его собственные. Разумеется, в свете последующего развития марксизма тот факт, что упор в дискуссиях делался именно на диалектическом материализме и недостатках II Интернационала, не вызывает удивления. Это привело, однако, к большой неуравновешенности в исторической трактовке фигуры Энгельса. Так, если, с точки зрения ортодоксов, личность Энгельса как мыслителя пропадает почти полностью, то на основе традиционного мнения Запада серьезно оспаривается его звание марксиста.

На уровне простых исторических фактов эта вторая версия опровергается значительно легче, чем первая. Было бы грубой исторической ошибкой не проводить никаких различий между теми идейно-теоретическими компонентами, из которых слагалась теория Энгельса, и тем, как эта теория воспринималась поколением интеллигенции, выросшей на Бокле и Конте. Можно привести еще одну цитату из Каутского, который писал, что «Маркс и Энгельс отталкивались от Гегеля; я отталкивался от Дарвина»⁷. Крайне маловероятно, чтобы Энгельс задумывал свою «Диалектику природы» как некую всеохватывающую генетическую теорию развития, в которой «Капиталу» отводилась роль социоисторического раздела. Скорее он был озабочен тем, чтобы переформулировать материализм в терминах, которые бы учитывали успехи развития науки в XIX веке. Чтобы вести борьбу с грубым, основанным на физиологии материализмом Фогта и Бюхнера, столь популярным в 50-е годы в кружках рабочего самообразования, где господствовали либералы, Энгельс начал проявлять определенный интерес к развитию естествознания. После выхода «Происхождения видов» у него не оставалось уже сомнений относительно того, что историко-материалистическая концепция способа производства четко разграничивает человеческую историю и дарвиновскую борьбу за существование. Он с горечью комментировал тот факт, что буржуазия сначала спроецировала свою социальную теорию — от Гоббса до Мальтуса — на мир природы с тем, чтобы потом, через изыскания Дарвина, представить ее как

⁷ См.: G. Mayer. F. Engels, op. cit., vol. 2, S. 448.

адекватное описание человеческого общества. В противовес позднепозитивистско-эволюционистскому акцентированию естественных законов развития, рассматриваемых в терминах простой причинно-следственной связи, идущей, в соответствии с некоей прямолинейной направленностью, от природного, через экономико-технологическое, вплоть до политического и идеологического, Энгельс, опираясь на исторический материализм, выделял больше результат воздействия человеческой практики на природу благодаря использованию науки и производства, а также обращал внимание, особенно в последние годы жизни, на относительную самостоятельность политики и идеологии от какой бы то ни было упрощенно понимаемой экономической причинности. В связи с распространением позитивизма и экономического детерминизма он писал в 1890 году Конраду Шмидту: «Чего всем этим господам не хватает, так это диалектики. Они постоянно видят только здесь причину, там — следствие. Они не видят, что это пустая абстракция, что в действительном мире такие метафизические полярные противоположности существуют только во время кризисов, что весь великий ход развития происходит в форме взаимодействия (хотя взаимодействующие силы очень неравны: экономическое движение среди них является самым сильным, первоначальным, решающим), что здесь нет ничего абсолютного, а все относительно. Для них Гегеля не существовало»⁸.

Если в попытках Энгельса охватить единой теорией естествознание и историю и имелись некие спорные моменты, то их следует усматривать скорей не в тех нескольких отдающих позитивизмом формулировках, которые там встречаются, а в некритическом обращении к Гегелю, которого он сам вместе с Марксом ранее «поставил с головы на ноги». Следует, однако, остерегаться какого бы то ни было упрощенного противопоставления идей Маркса идеям Энгельса. После смерти Маркса у Энгельса не было ни желания, ни времени, ни веры в собственные силы, для того чтобы разрабатывать свои особые взгляды по новым теоретическим вопросам. Изложенные в «Фейербахе» положения о соотношении исторического материализма и естествознания, а также о диалектическом характере действительности — будь то действительность природы или человеческого общества, — развивались Энгельсом по крайней мере с конца 50-х годов и нередко фигурировали в его переписке с Марксом⁹. Маркс, как известно, принял участие в написании некоторых экономических глав «Анти-Дюринга» и просмотрел все произведе-

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, с. 420.

⁹ См., например, письмо Энгельса Марксу от 14 июля 1858 года. (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 29, с. 275—277).

ние в целом. Следует также напомнить, что на полях некоторых мест рукописи «Диалектики природы» имеются комментарии, написанные рукой Маркса. Кроме того, хотя ныне уже исчерпывающим образом доказано, что исторический материализм не представляет собой «переворачивания» гегелевской диалектики и что такое «переворачивание» невозможно проследить и в теоретической структуре «Капитала», не следует упускать из виду, что именно в этих терминах Маркс и Энгельс пытались теоретически осмыслить свою концепцию в законченном виде¹⁰. В этом смысле пояснения Энгельса в «Фейербахе» не слишком отличаются от краткого замечания Маркса в предисловии к «Капиталу» или от незавершенной рецензии самого Энгельса (опубликованной в «Дас фольк» в 1859 году) на работу «К критике политической экономии» Маркса. Таким образом, если более позднее объяснение Энгельсом соотношения между марксизмом и гегелевской диалектикой выглядит неадекватно, то такая неадекватность была полностью санкционирована самим Марксом.

Недостаточно, однако, ограничиваться подчеркиванием соответствия теоретических линий Маркса и Энгельса. Ведь именно такое соответствие способствовало тому, что в тени оставались многочисленные компоненты, самостоятельно введенные Энгельсом в развитие марксистской теории, и что в результате умалялась индивидуальная самобытность Энгельса как мыслителя. Едва ли не главной причиной в этом случае была та крайне скромная оценка, которую Энгельс давал собственному вкладу в теорию марксизма. Комментаторы же более позднего времени, как правило, просто ограничивались тем, что принимали эту его оценку. В одном из примечаний в «Фейербахе» Энгельс писал: «В последнее время не раз указывали на мое участие в выработке этой теории. Поэтому я вынужден сказать здесь несколько слов, исчерпывающих этот вопрос. Я не могу отрицать, что до и во время моей сорокалетней совместной работы с Марксом принимал известное самостоятельное участие как в обосновании, так и в особенности в разработке теории, о которой идет речь. Но огромнейшая часть основных руководящих мыслей, особенно в экономической и исторической области, и, еще больше, их окончательная четкая формулировка принадлежит Марксу. То, что внес я, Маркс мог бы легко сделать и без меня,

¹⁰ О проблеме возможности «переворачивания» Гегеля см.: *L. Althusser. Per Marx. Roma, 1967, p. 69 sgg*; о соотношении между последующим развитием теории Энгельсом и философией Гегеля см.: *G. Stedman Jones. Engels and the End of Classical German Philosophy. — In: „New Left Review“, 1973, № 79*; о дискуссиях последнего времени по вопросу об Энгельсе и «диалектическом материализме» см.: *L. Colletti. Il marxismo e Hegel. Bari, 1973; S. Timpanaro. Sul materialismo. Pisa, 1975.*

за исключением, может быть, двух-трех специальных областей. А того, что сделал Маркс, я никогда не мог бы сделать. Маркс стоял выше, видел дальше, обозревал больше и быстрее всех нас. Маркс был гений, мы, в лучшем случае, — таланты. Без него наша теория далеко не была бы теперь тем, что она есть. Поэтому она по праву носит его имя»¹¹.

Было бы, конечно, бессмысленно оспаривать теоретическое превосходство Маркса, да и вряд ли можно сомневаться в том, что Энгельс не смог бы придать историческому материализму ту логическую стройность и ту научную глубину, какими сумел наделить его Маркс. Возможно даже, что в одиночку он вообще не смог бы прийти к созданию теории исторического материализма. Разделение труда между двумя соратниками было установлено практически с самого начала: в одном из своих первых писем к Марксу от 17 марта 1845 года Энгельс, говоря об их совместном проекте критического отклика на книгу Фридриха Листа «Национальная система политической экономии», берет на себя задачу рассмотреть практические последствия теории Листа. «Кроме того, я предполагаю... — писал он, — да и зная твои личные склонности, — что ты обратишь большее внимание на *теоретические предпосылки* Листа, чем на его выводы»¹².

Большинство комментаторов остановилось у этой границы, отводя Энгельсу некую не вполне ясную роль помощника в разработке теории и теряя из виду фундаментальную важность внесенного им вклада (который пытались искать совсем не там, где следует). В самом деле, владение искусством теоретического анализа — даже в такой поразительной степени, в какой владел им Маркс, — есть необходимое, но недостаточное условие для осуществления переворота в теории, особенно если эта теория охватывает сферу общественных отношений. Для таких переворотов необходимо также действие неких внешних раздражителей, которые не просто сигнализируют о неудовлетворительной теоретической постановке существующих проблем, но и указывают на те основные материалы, из которых предстоит создать новую теоретическую структуру. Именно работы Энгельса 1844—1845 годов и содержат в себе эти решающие новые компоненты, пусть даже на довольно элементарном практическом уровне и недостаточно разработанные с теоретической точки зрения. Однако, прежде чем объяснить, в чем заключались эти компоненты, необходимо сказать несколько слов о личности Энгельса, чтобы облегчить понимание как важности, так и ограниченности его вклада.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 300—301.

¹² Там же, т. 27, с. 27.

2. Годы духовного формирования

Энгельс, бывший двумя годами моложе Маркса, родился в 1820 году в Бармене (Вуппертале. — *Ред.*) и был старшим сыном одного из самых крупных промышленников города¹³. В условиях отсталой, не пережившей еще индустриализации Германии эпохи Реставрации Бармен и его город-близнец Эльберфельд — мануфактурные города, связанные с мировым рынком, — представляли собой исключение. Путешественники, журналисты и литераторы 30—40-х годов зачастую называли этот район германским Манчестером, хотя, может быть, точнее было бы назвать его германским Ковентри, ибо главным видом хозяйственной деятельности здесь было производство текстиля. Рабочие работали, как правило, на дому вместе со своими семьями на торговцев-посредников, которые контролировали приобретение сырья и сбыт готовой продукции. Эльберфельд и Бармен были исключением и с другой точки зрения. Хотя эти края, как и остальная Рейнская область, пережили наполеоновские завоевания и пользовались благами наполеоновского кодекса, их население в подавляющем большинстве состояло из кальвинистов или лютеран, а не католиков. В силу этого оно после 1815 года с гораздо большей готовностью признало власть прусского правительства, нежели вся Рейнская область в целом.

Эти два фактора четко отличали семью и культурную среду Энгельса от окружения, в котором рос Маркс. Родившись в зоне франкофильских настроений, сын адвоката-еврея, лишь формально принадлежавшего к протестантам, а в действительности придерживавшегося либерально-просветительских взглядов, Маркс в молодости, по-видимому, не слишком конфликтовал с политическими или философскими позициями своего отца. По крайней мере до конца 30-х годов средний класс Трира продолжал враждебно относиться к прусской оккупации. Сохранялась, напротив, сильная ностальгия по наполеоновскому правлению, и просвещенная часть жителей проявляла восприимчивость к французским идеям: как либеральным, так и — начиная с 30-х годов — сен-симонистским. В юности Маркс не был затронут культурно-политическим брожением немецкого национализма; напротив, он ощущал куда более глубокое родство с позициями немецкого Просвещения, с его гуманистическим влечением к классицизму. Не удивительно поэтому, что, приехав в Берлин после первых университетских занятий в Бонне, он в поисках направляющего начала своих размышлений обнаруживал большую склонность к либеральной версии гегелев-

¹³ W. Köllman. Sozialgeschichte der Stadt Barmen im 19. Jahrhundert. Tübingen, 1960.

ской идеи государства, чем к апеллирующему к эмоциям принципу нации. Вплоть до того момента, когда его друг и наставник Бруно Бауэр был изгнан из Боннского университета, Маркс, судя по всему, готовил себя к академической карьере; его обращение в левую политическую веру, а затем и в коммунизм было гораздо более размеренным и постепенным, чем у молодого Энгельса.

Духовное формирование Энгельса было совершенно иным. Протестантский пиегизм торговцев Бармена был остро враждебен нечестивым ассоциациям ревнителей Просвещения, любым вариантам рационалистической интерпретации Библии и двусмысленно протестантской философии Гегеля. Получение образования рассматривалось с узкопрактической точки зрения. Гимназия, где Энгельс учился в Эльберфельде, пользовалась отличной репутацией, особенно по части преподавания языков, что было весьма важно в профессии барменских купцов, но обучение ограничивалось объемом средней школы: дальше следовал период коммерческой практики в конторе у одного из коллег по делам. Так, молодой Энгельс был в 1838 году послан в Бремен служить в импортно-экспортной фирме Генриха Леопольда.

В затхлой общественной среде барменских коммерсантов на художественную литературу смотрели с подозрением, Гёте обычно называли «безбожником», а театр считали безнравственным. Хотя по отношению к Наполеону сохранялось чувство признательности за некоторые из его юридических реформ, в целом к французским идеям относились преимущественно враждебно. Семейные молитвы и чтение Библии, размышления над духовной литературой, этика, замешанная на религиозности и культе неустанного труда, сектантская теология, вещаемая в устрашающе риторических выражениях проповедниками типа Круммахера, — таковы были те главные компоненты, из которых складывалась культурная атмосфера в купеческих семьях в годы юности Энгельса (отчасти, правда, эту атмосферу скрашивала любовь к музыке, как хоровой, так и инструментальной). Отношение владельцев мануфактур к своим семьям, своим рабочим и своей религии носило явный отпечаток патриархальности. Их общество было тесно связано с кругом проповедников; в силу принадлежности к одному и тому же социальному слою купцы нередко женили своих сыновей на дочерях пасторов, а пасторы отдавали дочерей за купеческих сынков. Мать Энгельса, дочь протестантского пастора из Хамма, вполне вписывалась в эти рамки.

Очень рано, еще подростком, Энгельс пытался вырваться из тесных пределов, положенных юношескому воображению семьей и обществом Вупперталя. Его отец был шокирован, когда застал тринадцатилетнего сына за чтением «грязной

книжонки» — средневекового французского романа. Важно, однако, не рассматривать бунт Энгельса против собственного отца в чересчур индивидуально-психологическом ключе¹⁴. Он не был нелюбимым ребенком в семье, и тем более нельзя сказать, чтобы он рос в небрежении или испытывал на себе жестокое обращение. Мало того, в качестве предуготованного наследника семейного дела он был предметом постоянно-го и заботливого родительского попечения. Конфликт поколений, вероятно, существует извечно, но лишь в особых исторических обстоятельствах он приобретает социально-политическую значимость. В Вуппертале конца 30-х — начала 40-х годов разрыв между поколениями в сфере социальных и религиозных взглядов был характерен не только для дома Энгельса, но и проявлялся в той или иной степени и в других семьях. Чтобы понять, почему речь шла не столько об индивидуальном, сколько о социальном явлении, необходимо иметь в виду, что с конца 30-х годов шел процесс распада общественно-религиозных устоев в старых купеческих семьях. Суровый кальвинизм предшествующего поколения глубоко укоренился потому, что служил соответствующему упорядочению социального опыта. Купеческая верхушка не делала никаких различий между церковью и муниципальным управлением. Патриархальный аспект религии позволял наилучшим образом организовать прямой и личный контроль над рабочей силой: лачуги рабочих лепились вокруг купеческих часовен и складов.

Однако вслед за окончанием наполеоновского господства торговые дела Бармена вступили в период затяжного кризиса вследствие зависимости городской промышленности от мирового рынка, контролируемого англичанами. В социальном аспекте населению угрожал голод, ухудшение условий жизни и интенсификация труда вперемежку с частыми периодами безработицы. В сфере религиозной это повлекло за собой развал стабильного церковного руководства. Задавленных петлей «обнищания» ремесленников-надомников и их подмастерьев все больше привлекали хилиастические секты; многие из них впадали в состояние прострации и отчаяния, усугубленное резким ростом потребления дешевого шнапса. В то время как речи проповедников становились все более зажигательно-апокалипсическими, традиционная купеческая элита начинала отходить от активного управления делами церкви. Вот на этом-то фоне девятнадцатилетний Энгельс и нанес — под псевдонимом — свой первый удар филистерству вуппертальских пиетистов.

Протест юного Энгельса против его барменского окруже-

¹⁴ Интересную попытку психоаналитической интерпретации молодого Энгельса см. в: S. Marcus. Engels, Manchester and the Working Class. London, 1974.

ния первоначально принял форму эстетического бунта против убожества купеческого мира и сопровождался юношескими попытками подражания авангардистской литературе того времени. Энгельсовы обвинения в адрес Вупперталя были обвинениями не нарождающегося социалиста, а скорее кандидата в поэты, решившего выступить глашатаем новейших литературных течений. Энгельс ощущал прежде всего свою близость к поэту Фердинанду Фрейлиграту, который приехал в Вупперталь работать счетоводом. Идея двойной жизни — торговца по профессии и литератора по призванию — влекла его вплоть до 1845 года, когда ему удалось ускользнуть от ведения дел в семейной фирме; но в разных обличьях она вновь и вновь возникала перед ним на протяжении всей остальной жизни.

Между тем темы литературных, политических и религиозных споров конца 30-х годов были слишком тесно связаны между собой, чтобы между ними можно было провести сколько-нибудь существенные различия: пиетизм, романтический консерватизм и христианский абсолютизм прусского государства жестко противопоставлялись различным течениям либерализма, рационализма и постгегельянской критики Священного писания. И поскольку дискуссия носила столь четко поляризованный характер, звание поэта или литератора обязывало к сознательному выбору между прогрессом и реакцией. В каком направлении суждено пойти Энгельсу, было достаточно ясно.

В отличие от Маркса выбор Энгельсом своих первых политических позиций происходил под сильным влиянием либерально-национального литературного движения 30-х годов. Своих первых героев он нашел в германской мифологии, и, пока он жил в Бремене, легенда о Зигфриде сохраняла в его глазах большую важность как символ отваги и добродетелей молодой мужающей германской нации в борьбе с мещанской и рабской Германией князей.

Вскоре после начала своей деятельности в Бремене он стал восторженным адептом «Молодой Германии» — неформального литературного кружка, родившегося под влиянием революции 1830 года и вдохновлявшегося — по части стиля и идей — двумя эмигрантами-евреями: Гейне и Бёрне. Энгельс вначале был поклонником Карла Гуцкова, главного редактора «Телеграф фюр Дойчланд», где были напечатаны «Письма из Вупперталя» Энгельса. Однако к концу 1839 года энтузиазм Энгельса стал все больше обращаться к наставнику Гуцкова, Бёрне: его радикально-республиканские обличения немецких князей, а также полемика против франкофобских тенденций германского национализма хорошо согласовывались с боевым энтузиазмом Энгельса по поводу «идей века».

И все же для Энгельса главенствующей в этот период была проблема религиозной веры: несмотря на протест против взглядов собственной семьи, нелегко было стряхнуть с себя груз полученного религиозного воспитания. Свидетельством напряженности его религиозного чувства может служить стихотворение, написанное по случаю конфирмации. Фазы, через которые ему пришлось пройти, чтобы порвать с ортодоксальным христианством, — вначале либеральное христианство, далее чтение Шлейермайера и переход к Штраусу — в особенности можно проследить по его письмам из Бремена товарищам по гимназии братьям Гребер. Одно при этом несомненно: он не мог просто бросить веру; от прежней веры он мог отказаться только после обретения какой-то новой веры. Его первые критические заметки о пие-тизме Вупперталя были написаны с позиций либерального христианства. Между тем чтение очерков Гуцкова стало для него поводом, чтобы познакомиться со Штраусом. В октябре 1839 года он уже имел основание написать: «Я теперь восторженный штраусианец». Штраус же открыл ему двери к Гегелю; его первое соприкосновение с Гегелем было подобно религиозному обращению. Во время плавания — неизвестно, реального или воображаемого, — по Северному морю в июле 1840 года, стоя на носу судна и устремив взор «на далекую, зеленую поверхность моря, где вечно неугомонные вздымаются пенящиеся гребни волн», он размышлял. «С этим сравнимо только *одно* впечатление, испытанное мной: когда впервые предо мной раскрылась идея божества последнего философа, эта грандиознейшая мысль XIX века, меня охватил такой же блаженный трепет, на меня точно пахнуло свежим морским ветром, веющим с чистого неба; глубины спекулятивной философии разверзлись предо мной точно бездонное море, от которого не может оторваться устремленный в пучину взор. Мы живем, действуем и существуем в боге! На море мы начинаем сознавать это; мы чувствуем, что все вокруг нас и мы сами пронизаны дыханием божьим: вся природа так близка нам, волны так доверчиво кивают нам, небо так любовно простирается над землей, а у солнечного света такой неопикуемый блеск, что кажется, будто можно схватить его руками»¹⁵.

Именно эта иная эмоциональная напряженность чувства есть одна из черт, отличающих отношение к Гегелю Энгельса от отношения к нему Маркса. Энгельс не получил университетского философского образования; Гегеля он открыл для себя в поисках надежного прибежища, которое бы заменило ему мертвящие аспекты вуппертальской веры, столь глубоко запечатлевшейся в его воображении с детских лет. Он ни-

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 41, с. 78.

когда не подвергал Гегеля дотошному анализу, подобно тому как это проделал Маркс в своих работах «К критике гегелевской философии права» (1843) и «Критика гегелевской диалектики и философии вообще» (1844), и, когда многие годы спустя он выступил против вульгарного материализма и позитивизма, вновь обратившись к Гегелю, под его пером нередко возрождались частицы его домарксистского отношения к немецкой идеалистической традиции.

В 1841 году, когда он на год уехал из Бремена в Берлин для прохождения военной службы, он был уже восторженным молодым адептом гегельянства. Гегель-пантеист в его сознании вскоре был вытеснен «скрытно атеистическим» Гегелем, и Энгельс сделался одним из наиболее апокалипсически настроенных членов кружка «свободных». Через считанные недели после приезда в Берлин он уже выступил с серией нападок на Шеллинга, которому было доверено возглавить кафедру философии, чтобы поставить преграду на пути распространения опасных тенденций гегельянства. Энгельс не улавливал несовместимости между понятием «самосознания», сформулированным левыми гегельянами, и в частности Бруно Бауэром, и «человеком» Фейербаха, который с помощью метода «переворачивания» полностью сводил на нет также и гегелевскую диалектику. Вплоть до «Святого семейства» Энгельс, говоря о немецком философском радикализме, неизменно объединял Бауэра и Фейербаха, словно они принадлежали к одному и тому же философскому направлению. Годы спустя он писал в своем «Людвиге Фейербахе» по поводу «Сущности христианства»: «Надо было пережить освободительное действие этой книги, чтобы составить себе представление об этом. Воодушевление было всеобщим: все мы стали сразу фейербахианцами»¹⁶. Это утверждение было верным в значительной мере больше для него самого, чем для других членов группы. И в «Сущности христианства», и в последующих «Предварительных тезисах к реформе философии» его внимание и его энтузиазм были возбуждены не столько фейербаховской критикой Гегеля, сколько преобразованием теологии в антропологию, гуманистической религией Фейербаха. Во всех своих работах вплоть до встречи с Марксом в конце лета 1844 года в Париже он неизменно придерживался гегелевской методологии; его наиболее значительные по замыслу очерки принимали форму диалектических противоположений односторонних принципов в процессе их развития: их противоречие переходило в высшее единство, каковым выступал гуманистический коммунизм.

Возможно, другой причиной, по которой Энгельс так и

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 281.

не почувствовал необходимости подвергнуть Гегеля подробному критическому разбору, было то, что в отличие от младогегельянцев он, похоже, никогда не принимал слишком всерьез гегелевскую теорию государства. Она представлялась ему больше элементом консервативной «системы» Гегеля, нежели его революционного «метода», и Энгельс в отличие от других участников кружка сделался революционно-демократическим республиканцем еще до своего обращения в гегельянство. В Берлине поэтому он считал еще возможным обосновывать гегелевскую философию истории республиканской политической позицией Бёрне. В пародии на эпическую поэму, написанной вместе с Эдгаром Бауэром летом 1842 года, он говорит о себе самом:

Он виртуоз в *одном*: в игре на гильотине,
И лишь к *единственной* привержен каватине,
К той именно, где есть всего один рефрен:
Formez vos bataillons! aux armes, citoyens!

В политическом отношении он оставался на позиции якобинца вплоть до того момента, когда перед отплытием в Англию он встретил в Кёльне в редакции «Рейнской газеты» Мозеса Гесса и принял философский коммунизм, исповедуемый последним. Вероятно, именно в результате столь пылкого участия Энгельса в богемно-антихристианских выходках «свободных» и неизменного выражения солидарности с частыми обличениями политики «золотой середины» со стороны Эдгара Бауэра его встреча с Марксом, состоявшаяся примерно в тот же период в Кёльне, была столь холодной.

Но слабость Энгельса была одновременно и его силой. Если он не обладал интеллектуальной настойчивостью и способностью к дедукции, необходимыми для того, чтобы быть оригинальным и последовательным теоретиком; если его теоретические попытки обращали на себя внимание скорее смелостью, нежели взвешенностью целей, то его огромные достоинства состояли в относительной открытости для всего нового, стойком радикализме его натуры, необычайной способности быстро схватывать суть дела, смелой интуиции и ненасытной любознательности ко всему, что он замечал вокруг себя. На нем всегда оставался отпечаток полученного им образования и практики в области коммерции. Это видно по той методичности, с какой он вел свою переписку; по скрупулезно соблюдаемому порядку в делах, способности максимально использовать каждый час дня, раздражению богемной распушенностью таких людей, как Либкнехт, и абсолютной нетерпимости по отношению к импульсивным проявлениям широты натуры беспорядочного аристократа вроде Бакунина. С любой точки зрения Энгельс был примерным

деловым человеком; можно вспомнить, что умение, с каким он представлял семейную фирму в Манчестере в начале 50-х годов, немало способствовало смягчению напряженности в его отношениях с отцом, возникшей в результате ссоры в 1848 году. Именно желание вырваться из этой среды, преодолеть ее пределы сделало из него человека более предприимчивого, чем Маркс, более готового бросить вызов приличиям и в то же время более агрессивного по отношению к каждому, кто не входил в его дружеский круг. Нелегко вообразить себе Маркса сожительствующим с ирландской работницей, по собственной инициативе изучающим жизнь обитателей манчестерского «дна», нацарапывающим смешные рисунки на рукописи «Немецкой идеологии», бродяжничающим в конце 1848 года по полям и лугам Франции и воспевающим прелести молодых крестьянок, участвующим в военной кампании 1849 года, а позже, по возвращении в Англию, отправляющимся на охоту с гончими, держащим у себя дома попугая и хвастающимся своим винным погребок. «Шписбургер» («мещанин») было одним из излюбленных ругательств Энгельса; в его собственном образе жизни не было ничего мелочного и мещанского. Он никогда не скрывал своего происхождения и не дипломатничал. Рабочие, быть может, были правы, когда нередко жаловались на его заносчивость¹⁷, но при этом не следует забывать, что его отличали непоказная личная скромность, искренняя готовность признать собственную ограниченность и сердечная верность по отношению к старым друзьям. Если, как он написал о себе самом, он и не был гением, то он был, без всякого сомнения, человеком поразительно талантливым. Язык его был прост и ясен, и писал он необычайно быстро. Он был не только замечательным мастером применения исторического материализма, но и, безусловно, одним из самых блестящих журналистов XIX века, а также одним из лучших его историков. Именно такое необыкновенное сочетание талантов и позволило ему внести особый вклад в разработку исторического материализма.

3. Английский опыт

В Англию Энгельс отбыл в конце ноября 1842 года — официально для продолжения своей коммерческой практики в манчестерской фирме «Эрмен энд Энгельс» — и пробыл там двадцать один месяц. Возвращаясь мыслью к этому первому пребыванию в Англии, Энгельс почти сорок лет

¹⁷ См., например: S. Born. *Erinnerungen eines Achtundvierzigers*. Leipzig, 1898.

спустя писал: «Живя в Манчестере, я, что называется, носом натолкнулся на то, что экономические факты, которые до сих пор в исторических сочинениях не играют никакой роли или играют жалкую роль, представляют, по крайней мере для современного мира, решающую историческую силу; что они образуют основу, на которой возникают современные классовые противоположности; что эти классовые противоположности во всех странах, где они благодаря крупной промышленности достигли полного развития, следовательно, особенно в Англии, в свою очередь составляют основу для формирования политических партий, для партийной борьбы и тем самым для всей политической истории»¹⁸.

Как можно судить по статьям того периода, процесс, который привел Энгельса к этим выводам, был далеко не таким простым и ясным, как это представляется ретроспективно. Для верного восприятия новых впечатлений ему пришлось не просто открыть глаза и уши, но и поставить на первых порах под вопрос некоторые основополагающие предпосылки немецкого философского коммунизма, привезенные им с собой в Англию. Симптомы разрыва с указанными предпосылками появились еще до начала второго года пребывания в стране и нашли свое выражение лишь в «Положении рабочего класса в Англии» — книги, которая была написана в сентябре 1844 — марте 1845 года, по возвращении в Бармен. Однако полный разрыв произошел лишь тогда, когда он вместе с Марксом определил свою отрицательную позицию в «Немецкой идеологии», написанной в Брюсселе в 1845—1846 годах.

Первые признаки его растущего интереса к «экономическим фактам» можно наблюдать в конце 1843 года в задуманной с размахом серии очерков о политической экономии, о «Прошлом и настоящем» Карлейля и «Положении Англии», печатавшихся в «Немецко-французском ежегоднике», а потом в «Форвертс». Чтение Фурье и в особенности Карлейля побуждает его следующим образом характеризовать «положение Англии»: «„Национальное богатство“ англичан очень велико, и все же они — самый бедный народ в мире»¹⁹. Иными словами, как утверждал Карлейль, «среди пышного изобилия народ умирает с голоду; меж золотых стен и полных житниц никто не чувствует себя обеспеченным и удовлетворенным»²⁰. Чтение прудоновской книги «Что такое собственность?» и некоторых работ Оуэна побудило его возложить ответственность за подобное положение на частную собственность. В конце 1843 года он писал о Прудоне:

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 220.

¹⁹ Там же, т. 1, с. 548.

²⁰ Там же, с. 578.

«Право частной собственности, следствия, вытекающие из этого института, — конкуренция, безнравственность, нищета, — раскрыты здесь с такой силой ума и действительно научного исследования, которых мне не доводилось встречать соединенными в одной книжке»²¹.

Тем не менее в «Набросках к критике политической экономии», опубликованных в «Немецко-французском ежегоднике», Энгельс пошел гораздо дальше Прудона. Он не ограничился противопоставлением ужасающей экономической действительности утверждениям экономистов, но попытался доказать, что противоречия политической экономии суть необходимое следствие противоречий, порожденных частной собственностью. Первым среди представителей левого крыла немецкой философии он переместил дискуссию на почву политической экономии, обнажив связи между частной собственностью, политической экономией и современными социальными условиями в процессе перехода к коммунизму. Политическая экономия квалифицировалась как «наука обогащения», «с ней на место простого ненаучного торгашества выступила развитая система дозволенного обмана» — следствие распространения торговли и порождение «взаимной зависти и алчности торговцев»²². В самом деле, торговля основывается на конкуренции, порожденной частной собственностью, которая противопоставляет друг другу интересы отдельных индивидов, порождает разделение земли, труда и капитала, столкновение наемной рабочей силы с продуктом ее труда в форме заработной платы, обращение человека в товар, изобретение машины и фабрики, распад семейных, национальных и всех прочих уз и их превращение в отношения чистогана, поляризацию общества на миллионеров и неимущих и повсеместное распространение «войны всех против всех». Сопровождавшая этот процесс «наука обогащения» запуталась в неразрешимых антиномиях, а ее служители запятнали себя еще большим лицемерием и безнравственностью. Действительно, начиная с Адама Смита, ревнители свободы торговли и экономического либерализма, несмотря на все свои атаки против монополий и апологию мирного прогресса, опирающегося на свободный товарообмен, отказывались от обсуждения самой большой монополии — частной собственности, которая в форме конкуренции порождает наиболее кровопролитную всеобщую войну всех против всех.

Известно, что очерк Энгельса оказал столь сильное влияние на размышления Маркса о политической экономии, изложенные в «Рукописях» 1844 года, что еще в 1859 году он характеризовал его как «гениальные наброски к критике эконо-

²¹ Там же, с. 533.

²² Там же, с. 544.

номических категорий»²³. Было бы тем не менее ошибкой рассматривать «Наброски» как доказательство разрыва Энгельса с философским коммунизмом под воздействием английской обстановки или как первое выражение исторического материализма в том виде, как он будет выработан в 1845 году. Дело не только в том, что упор делался им пока на частной собственности и конкуренции в большей мере, чем на способе производства и классовой борьбе, но и в том, что сама частная собственность рассматривалась как причина «безнравственности нынешнего состояния человечества»²⁴. Позиция, с которой Энгельс вел свою критику, была «человеческой», то есть скорее антропологической, чем теологической, и Карлейль удостаивался его похвалы за то, что его книга «затрагивает человеческие струны, изображает человеческие отношения и носит на себе отпечаток человеческого образа мыслей»²⁵.

Энгельс полностью принимал данную Карлейлем характеристику положения в Англии, но приписывал презрение автора к демократии и его невежество по части знания социализма не его классовой позиции, а его «пантеизму», который все еще ставил над человеком некую сверхъестественную власть. Предложенное Карлейлем решение заключалось в новой религии, основанной на культе труда. По Энгельсу же, религия не только не способна служить ответом на безнравственность и лицемерие современности, но в действительности сама является источником всех зол. Его решение заключалось в намерении возратить «человеку содержание, которого он лишился благодаря религии, — и не какое-то божественное, но человеческое содержание, и это возвращение сводится просто к пробуждению самосознания. Мы хотим устранить все, что объявляет себя сверхъестественным и сверхчеловеческим, и тем самым устранить лживость, ибо претензия человеческого и естественного быть сверхчеловеческим, сверхъестественным есть корень всей неправды и лжи. Поэтому-то мы раз и навсегда объявили войну также религии и религиозным представлениям»²⁶.

По тем же самым причинам он считал возможным определять торговые кризисы как «естественный закон, покоящийся на том, что участники здесь действуют бессознательно»; называть Адама Смита «Лютером политической экономики», благодаря которому «на смену католической прямоте пришло протестантское лицемерие», и рассматривать мальтузианскую теорию народонаселения как «высшую мудрость

²³ Там же, т. 13, с. 8.

²⁴ Там же, т. 1, с. 559.

²⁵ Там же, с. 572.

²⁶ Там же, с. 592.

христианской политической экономии»²⁷. Движимый аналогичными мотивами, усвоение которых, со всей очевидностью, было облегчено чтением очерка Маркса «К еврейскому вопросу», Энгельс несколько месяцев спустя предпринял было попытку разработать теорию английской конституционной монархии как выражение «страха человечества перед самим собой»²⁸.

Ко всему этому, хотя исходным пунктом Энгельсовой критики продолжал быть гуманизм, применявшийся им в этой критике метод оставался все еще гегельянским. Через несколько дней после приезда в Англию, в ноябре 1842 года, Энгельс удрученно писал: «Закоснелому британцу никак не втолковать того, что само собой понятно в Германии, а именно — что так называемые материальные интересы никогда не могут выступить в истории в качестве самостоятельных, руководящих целей, но что они всегда, сознательно или бессознательно, служат принципу, направляющему нити исторического прогресса»²⁹.

Годом позже, работая над своим очерком по политической экономии, Энгельс питал столь же прочную веру в то, что, «раз какой-либо принцип приведен в движение, он сам собой пронизывает все свои следствия, независимо от того, нравится это экономистам или нет»³⁰. Поэтому, как писал он о своем собственном методе политико-экономического анализа, «критикуя политическую экономию, мы будем исследовать основные категории, раскроем противоречие, привнесенное системой свободы торговли, и сделаем выводы, вытекающие из обеих сторон этого противоречия»³¹.

Энгельс прибыл в Англию, будучи полностью убежденным в правильности пророчества Гесса, согласно которому Англии суждено выступить носительницей социальной революции; революции, которая повторит религиозно-философскую революцию Германии и политическую революцию Франции, но пойдет дальше их³². С первых же шагов, однако, он вынужден был признать, что «в Англии, по крайней мере среди партий, которые теперь оспаривают друг у друга господство, среди вигов и тори, не знают никакой борьбы принципов, знают только конфликты материальных интересов»³³. Задача, стало быть, состояла в том, чтобы раскрыть, каким образом в Англии принцип реализовался через видимое преобладание материальных интересов и голой практики. Ответ Энгельса

²⁷ Там же, с. 549, 561, 567.

²⁸ Там же, с. 621.

²⁹ Там же, с. 449.

³⁰ Там же, с. 550.

³¹ Там же, с. 548.

³² См.: *М. Hess. Die europäische Triarchie*. Leipzig, 1841.

³³ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 1, с. 499.

на этот вопрос появился год спустя в виде незавершенной серии статей «Положение Англии», написанных в первые месяцы 1844 года. «Великой противоположностью, издавна занимавшей историю и заполнявшей ее своим развитием», он считает «противоположность субстанции и субъекта, природы и духа, необходимости и свободы». Вплоть до конца XVIII века всемирная история лишь все более остро противопоставляла друг другу обе стороны этой противоположности. «Немцы, христианско-спиритуалистический народ, пережили философскую революцию; французы, антично-материалистический, а потому — политический народ, должны были проделать революцию на политическом пути». Но «англичане, национальность которых представляет собой смешение немецких и французских элементов, которые, следовательно, носят в себе обе стороны противоположности и оттого универсальнее, чем каждый из обоих этих факторов в отдельности, были поэтому вовлечены и в более универсальную, социальную революцию»³⁴.

Англичане воплощают эти стороны противоположности в их наиболее острой форме, и именно неспособностью разрешить ее объясняется «вечное внутреннее беспокойство англичан»³⁵.

«В конце концов, после всех тщетных попыток разрешить противоречие, английская философия объявляет его неразрешимым, разум — недостаточным и ищет спасения либо в религиозной вере, либо в эмпирии». Этим объясняется религиозное ханжество английского среднего класса и вместе с тем его эмпиризм. В то же время, однако, «это чувство противоречия было источником колонизации, мореплавания, промышленности и вообще огромной практической деятельности англичан»³⁶. Одна только Англия, следовательно, обладает социальной историей. «Только в Англии индивиды как таковые, не представляя сознательно всеобщих принципов, способствовали национальному развитию и приблизили его к развязке. Лишь здесь масса действовала как масса, во имя своих собственных частных интересов; лишь здесь принципы претворялись в интересы, прежде чем они могли оказывать влияние на историю»³⁷.

Если до сих пор мы подчеркивали философскую проблематику, с которой Энгельсу пришлось столкнуться в Англии в 1842—1844 годах, то это делалось не для того, чтобы опровергнуть его утверждение о растущем осознании важности «экономических фактов», а для того, чтобы показать, какое огромное идейное и духовное усилие он должен был совер-

³⁴ Там же, с. 600.

³⁵ Там же, с. 601.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же, с. 603.

шить, прежде чем написать «Положение рабочего класса в Англии» — книгу, которая не является, конечно, просто плодом умного наблюдения, но олицетворяет также глубокую перемену в его политических и теоретических позициях. Для того чтобы по-настоящему оценить путь, который ему пришлось пройти, и в рох того, что он должен был забыть — не только основы радикального немецкого идеализма, но практически и все известные к тому времени варианты социализма, — следует рассмотреть, какие перемены совершились в его представлениях о революции рабочего класса и о современной промышленности.

Энгельс прибыл в Англию сразу же после всеобщей чартистской забастовки, твердо веря в пророчество Гесса о близкой социальной революции, которая приведет к утверждению коммунизма. Здесь следует напомнить, что, по концепции Гесса, коммунизм означает торжество принципов общности и «единства» над эгоизмом и раздробленностью³⁸. Он не вытекал из борьбы классов, и его становление вовсе не связывалось с участием какого-то определенного класса. Гесс не раз отвергал предлагаемое Лоренцом фон Штейном отождествление коммунизма с пролетариатом, побуждаемым алчным и эгоистическим желанием равенства — желанием, вызванным просто голодом³⁹. Энгельс поэтому вел себя совершенно последовательно, когда в январе 1843 года отклонил предложение Бауэра, Шаппера и Молля вступить в «Союз справедливых». Он не мог принять коммунизм немецких ремесленников, потому что, как он сам признавался позже, «их ограниченному уравнительному коммунизму я в то время еще противопоставлял немалую дозу столь же ограниченного философского высокомерия»⁴⁰. Позже в том же году он писал по поводу ревнителей немецкого философского коммунизма, к которым причислял и самого себя: «только при *социальной* революции, основанной на коллективной собственности, установится общественный строй, отвечающий их абстрактным принципам»⁴¹. Немцы поэтому неизбежно стремятся к коммунизму, поскольку «немцы — нация философская, они не пожелают, не смогут отказаться от коммунизма, раз он покоится на здоровых философских основах, в особенности, когда он является неизбежным выводом из их *собственной* философии. И вот задача, которую нам предстоит теперь выполнить».

Поскольку социализм затрагивает интересы всего чело-

³⁸ *M. Hess. Philosophie der Tat.* — In: *M. Hess. Sozialistische Aufsätze.* Hrsg. T. Zlocisti. Berlin, 1921, S. 62—63.

³⁹ *L. von Stein. Der Sozialismus und Kommunismus des heutigen Frankreich.* Leipzig, 1842.

⁴⁰ *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 216.*

⁴¹ Там же, т. 1, с. 539.

вещества, а не только одного какого-то класса, не удивительно, что на протяжении большей части своего пребывания в Англии Энгельс придавал куда большее значение движению оуэнистов, чем чартизму. «Что касается отдельных пунктов учения нашей партии, — писал он в 1843 году, — то мы сходимся гораздо больше с английскими социалистами, чем с какой-либо другой партией»⁴². Он был поражен огромными успехами, достигнутыми в практике английских социалистов, и единственным для него пунктом расхождения было то, что «социалисты остаются еще англичанами именно там, где им следовало бы быть только людьми; из философских учений континента им известен один только материализм, они не знают даже немецкой философии; в этом и состоит их недостаток»⁴³.

Его отход от позиции чартистов еще больше усиливался из-за их сосредоточенности на вопросе о преодолении определенной формы государства, а не государства как такового. Энгельс писал: «Демократия, в конечном счете, как и всякая другая форма правления, есть, на мой взгляд, противоречие в себе самой, ложь, не что иное, как лицемерие (или, как говорим мы, немцы, теология)»⁴⁴.

С самого начала он явно восхищался боевым духом чартистов и считал их победу неизбежной. Но его взгляд, как всегда, проникал дальше, за пределы эфемерного триумфа демократии. Социалисты, писал он в январе 1844 года, «представляют собой единственную партию в Англии, имеющую будущее, как бы относительно слабы они ни были. Демократия, чартизм должны вскоре одержать верх, и тогда массе английских рабочих останется один только выбор — между голодной смертью и социализмом»⁴⁵.

При всем том, что его идейные позиции были именно таковы, его первые впечатления от английской действительности говорят о том, что он был все же немало озадачен. По приезде он был поражен тем, что «когда здесь говорят о чартистах и радикалах, то почти всегда имеют в виду народные низы, массу пролетариев; и действительно, немногие образованные лидеры партии совершенно теряются в этой массе»⁴⁶. Еще большее изумление у него вызвало открытие, что сочувствующие социализму встречались лишь в низших слоях общества и что произведения Штрауса, Руссо, Гольбаха, Байрона и Шелли хотя и читались рабочими, но были практически как бы под запретом у среднего класса и в «образованных» кругах. Карлейль помог ему понять, почему

⁴² Там же, с. 541.

⁴³ Там же, с. 596.

⁴⁴ Там же, с. 526.

⁴⁵ Там же, с. 596.

⁴⁶ Там же, с. 496—497.

буржуазия погрязла в «служении Маммоне» и ханжестве, но то обстоятельство, что симпатии к просвещению обнаруживали лишь представители низших классов, он мог объяснить только тем, что речь шла о положении, сходном с положением ранних христиан⁴⁷.

Однако начиная с первых месяцев 1844 года вырисовываются новые моменты. Главенствующими пока еще остаются философский гуманизм и гегелевский метод, но разным их элементам придается теперь другое значение. Особого внимания заслуживает новая и первоочередная роль, отводимая Энгельсом промышленной революции. После подробного описания перемен в промышленности он утверждает: «Это революционизирование английской промышленности — основа всех современных английских отношений, движущая сила всего социального развития. Его первым следствием было уже указанное ранее возвышение интереса до господства над человеком. Интерес овладел вновь созданными промышленными силами и использовал их для своих целей; эти силы, по праву принадлежащие человечеству, стали, под воздействием частной собственности, монополией немногих богатых капиталистов и средством порабощения масс. Торговля вобрала в себя промышленность, стала благодаря этому всемогущей, стала связующим началом человечества»⁴⁸.

Иными словами, от трактовки конкуренции как продукта алчности торговцев и «науки обогащения» экономистов его внимание переместилось на те реальные силы, которые придали конкуренции всеобщий характер. Кроме того, он начал понимать, каким образом индустриализация преобразовала систему классов. Самым важным событием в Англии XVIII века явилось создание совершенно нового класса — пролетариата; кроме того, в ходе того же процесса «средний класс» влился в аристократию. В свою очередь, однако, четкое размежевание английского общества на три класса — земельную аристократию, аристократию денег и рабочую демократию — подрывало основы государства. В своем набросанном в марте 1844 года анализе английской конституции и юридической системы Энгельс пришел к выводу, что хваленое равновесие властей, санкционированное конституцией, есть лишь «большая ложь»⁴⁹. Подчеркивая контраст между конституционной теорией и политической практикой, он писал: «Здесь — триединство законодательной власти. там — тирания буржуазии». Не королева, не лорды и не палата общин правят Англией. «Кто же, в сущности, правит в Англии? — Правит собственность»⁵⁰. Могущество ари-

⁴⁷ См. там же, с. 513.

⁴⁸ Там же, с. 615.

⁴⁹ Там же, с. 641.

⁵⁰ Там же, с. 627, 626.

стократии определялось не ее конституционным положением, а размерами ее земельных владений. Таким образом, поскольку власть аристократии, как и власть буржуазии, основана на принадлежащей им собственности и «поскольку собственность и приобретенное благодаря собственности влияние составляют сущность буржуазии..., постольку господствует действительно буржуазия»⁵¹.

Но если конституция оказывалась простой оболочкой, под которой скрывается господство частной собственности, и если другие «прирожденные права» англичан (свобода печати, свобода собраний, неприкосновенность личности, суд присяжных) также оказывались привилегией богатых, в которой отказано беднякам, то обстоятельство, на первый взгляд показавшееся Энгельсу столь загадочным, — неразумная оппозиция буржуазии демократии и социализму — внезапно становилось ясным и понятным. Социализм продолжал оставаться целью борьбы, а «демократическое равенство» было «химерой». Но если борьба с недемократическим государством в действительности была не политической, а социальной борьбой, борьбой против господства собственности, то тогда и чартизм приобретал совершенно иной смысл. В самом деле, какой тип демократии явился бы на свет в результате победы чартистов? «Не демократия французской революции, противоположностью которой были монархия и феодализм, а такая демократия, противоположностью которой является буржуазия и собственность... Буржуазия и собственность господствуют; бедняк бесправен, его угнетают и унижают, конституция его не признает, закон притесняет его; борьба демократии против аристократии в Англии есть борьба бедных против богатых. Демократия, навстречу которой идет Англия, — это *социальная демократия*»⁵².

В начале сентября 1844 года, возвращаясь в Бармен, Энгельс на несколько дней задержался в Париже для встречи с Марксом. Анализируя задним числом значение открытия, сделанного в Манчестере, а именно — решающей роли «экономических фактов», как «основы, на которой возникают современные классовые противоположности», Энгельс писал в 1885 году: «Маркс не только пришел к тем же взглядам, но и обобщил их уже в «Deutsch-Französische Jahrbücher» (1844) в том смысле, что вообще не государством обуславливается и определяется гражданское общество, а гражданским обществом обуславливается и определяется государство, что, следовательно, политику и ее историю надо объяснять экономическими отношениями и их развитием, а не наоборот»⁵³.

⁵¹ Там же, с. 626—627.

⁵² Там же, с. 642.

⁵³ Там же, т. 21, с. 220.

Это утверждение верно только отчасти. Анализируя работы Маркса периода, предшествующего его встрече с Энгельсом, можно заключить, что он не пришел «к тем же взглядам» по крайней мере по двум весьма важным вопросам. Во-первых, если Маркс говорил о подчинении государства гражданскому обществу, то Энгельс выработал — хотя и не в форме теоретического обобщения — не менее важное положение: о классовом характере государства. В своих написанных за несколько недель до приезда Энгельса «Критических заметках к статье „Пруссака“ „Король прусский и социальная реформа“» Маркс, по сути дела, определял государство следующим образом: «Государство зиждется на противоречии между *общественной* и *частной* жизнью, на противоречии между *общими интересами* и *интересами частными*»⁵⁴.

В этой статье нет и намека на концепцию правящего класса в том виде, как она трактуется в последующей марксистской теории. Проблема, рассматриваемая здесь, заключается в бессилии политической администрации перед силой гражданского общества; бессилию, противоречивым характером которого можно было объяснить саму иллюзию политической сферы. Энгельс же к этому времени определил английское государство как орудие, используемое властвующим классом имущих в его борьбе против рабочего класса⁵⁵.

Во-вторых, Энгельсу принадлежит указание на особенности классовой борьбы, порожденные современной промышленностью. Вплоть до написания в начале 1845 года незавершенного очерка о Листе Марксовы упоминания о современной промышленности носили поверхностный и чисто описательный характер. Определяющим понятием, вокруг которого в 1845—1847 годах произойдет кристаллизация новой теории исторического материализма, было понятие способа производства; важнейшим же компонентом этого понятия стало значение, придаваемое производительным силам. В области теории это позволяет Марксу и Энгельсу раскрыть классовую борьбу как борьбу производительных сил против производственных отношений; в области же политики это даст им возможность объявить войну капиталу, подчеркивая вместе с тем прогрессивную тенденцию развития современной промышленности. Великая перемена, произведенная промышленным переворотом, заключалась в преобразовании отношений между рабочим и средствами производства. Именно эта

⁵⁴ Там же, т. 1, с. 440.

⁵⁵ О расхождении между идеями молодого Маркса и молодого Энгельса по вопросу о государстве, хотя и не объясненном достаточным образом, см: R. N. Hunt. The Political Ideas of Marx and Engels. Vol. I: „Marxism and Totalitarian Democracy 1818—1850“. University of Pittsburgh Press, 1974.

трансформация и породила ранее неизвестную форму современной классовой борьбы.

Хотя Энгельс уже в 1844 году стал все увереннее улавливать революционные тенденции, которые несла в себе современная промышленность, порождавшая новую форму классовой борьбы, он был далек от выработки теории исторического материализма. Его просто интересовал тот особый путь, на который, похоже, вступила Англия, направляясь навстречу социальной революции, и, чтобы объяснить самому себе это явление, он весьма непоследовательно прибегал к мешанине из Гегеля и Фейербаха. Со своей стороны Маркс в «Рукописях» 1844 года именно ради сохранения теоретической строгости построения рассуждал в основном о производстве ремесленного типа. Применяя с большей последовательностью, чем сам Фейербах, приемы феербаховского «переворачивания» гегелевской диалектики, он в основном выявлял отношение не между рабочим и средствами производства, а между рабочим и продуктом его труда. Рисуемая им перспектива была перспективой материального и антропологического обнищания человека: мир отчуждения и частной собственности, не опосредованных прогрессивными и революционными возможностями, которые нес с собой новый способ производства. Летом 1844 года Маркс произвел на Энгельса впечатление блестящего теоретика-гуманиста, смелого и самобытного в применении логики «переворачивания» к государству и истолкованию государства, а также к политической экономии; мыслителя, наделенного четким пониманием несовместимости Фейербаха и Гегеля.

«Положение рабочего класса в Англии» представляет собой итог последней фазы идейного развития Энгельса до его совместной работы с Марксом в Брюсселе. Уже то, что он избрал предметом своего анализа в первую очередь современную промышленность, рабочий класс и развитие классовой борьбы, само по себе много говорит об изменениях в его шкале приоритетов. Как и Маркс (который предполагал написать книгу о диалектике), Энгельс так и не нашел времени написать задуманную им книгу по социальной истории Англии, частью которой как раз и должна была стать работа «Положение рабочего класса в Англии». Если в его предыдущих очерках столь важное место отводилось осмыслению давней истории Англии, рассматриваемой в гегелевских категориях, то здесь оно начисто отсутствует — без сомнения, как результат его дискуссий с Марксом. Однако в этой работе Энгельс не проявляет также интереса к теологии и Фейербаху, хотя все еще верит, что коммунизм стоит над классовой борьбой. Еще в «Святом семействе» Энгельс посвятил Фейербаху несколько наиболее восторженных пассажей, но уже в ноябре 1844 года чтение «Единственного и его

собственности» Штирнера убедило его, что «фейербаховский «человек» есть производное от бога... и потому его «человек» еще увенчан теологическим нимбом абстракции. Настоящий же путь, ведущий к «человеку», — путь совершенно обратный... мы должны исходить из эмпиризма и материализма, если хотим, чтобы наши идеи и, в особенности, наш «человек» были чем-то реальным; мы должны всеобщее выводить из единичного, а не из самого себя или из ничего, как Гегель»⁵⁶.

Маркс, очевидно, не одобрил такой программы, и в особенности уступок Штирнеру, и в следующем письме Энгельс согласился с его мнением⁵⁷. Несмотря на это, негативное влияние Штирнера сохранялось. В книге Энгельса явственно отражено его раздражение «теоретической болтовней» о «человеке» и его новый интерес к «действительным, живым предметам» в их историческом развитии.

Отправной точкой рассуждений автора «Положения рабочего класса в Англии» служили не конкуренция и не частная собственность, а те специфические исторические изменения, которые происходили в промышленности на протяжении XVIII века. Энгельсово объяснение на этот счет не было исчерпывающим⁵⁸, но логика, на которую он опирался, может быть выведена из общего построения работы. Взятая сама по себе, конкуренция как понятие способна дать представление лишь о некоем негативном процессе распада, еще более жестокой, чем ранее, борьбе между индивидами, чьим единственным шансом на спасение становится обновленное сознание их принадлежности к человечеству — сознание, которое следует пробудить извне, философией. Понятие «промышленность», напротив, может стать исходным пунктом анализа более сложного и противоречивого процесса — процесса, который потенциально содержит в себе возможности освобождения: «Мелкая промышленность создала буржуазию, крупная создала рабочий класс и возвела немногих избранных из рядов буржуазии на трон, но только затем, чтобы тем вернее когда-нибудь их низвергнуть»⁵⁹.

«Промышленностью» в условиях свободной конкуренции объяснялись не только «война всех против всех», но и рост рабочего движения, объединенного в своем усилии ниспровергнуть систему конкуренции. Английские социалисты уже не устаивались похвалы за свою верность «философскому принципу», а подвергались критике за «абстрактность» своих принципов и за то, что «они не признают исторического развития», вследствие чего «постоянно жалуются на деморали-

⁵⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, с. 12.

⁵⁷ См. там же, с. 15.

⁵⁸ См. там же, т. 2, с. 261.

⁵⁹ Там же.

зацию низших классов, не замечают в этом разложении общественного порядка элементов прогресса... В теперешней своей форме социализм никогда не сможет стать общим достоянием рабочего класса; для этого ему необходимо спуститься со своих высот и на некоторое время вернуться к чартистской точке зрения»⁶⁰.

Глядя сквозь призму конкуренции, можно было вообразить себе лишь абстрактную перспективу общин; «промысленность» же олицетворяла исторический процесс, который, концентрируя население в крупных производственных единицах и больших городах, сам по себе создавал материальные условия для объединения рабочих: «Если централизация населения вызывает оживление и усиленное развитие имущих классов, то развитию рабочих она содействует еще больше. Рабочие начинают чувствовать себя — в своей совокупности — как класс, до их сознания доходит, что, будучи слабыми в одиночку, они все вместе образуют силу; это способствует отделению от буржуазии и выработке самостоятельных, свойственных рабочим и их жизненным условиям понятий и идей, появляется сознание своего угнетения, и рабочие приобретают социальное и политическое значение. Большие города — очаги рабочего движения: в них рабочие впервые начали задумываться над своим положением и бороться за его изменение, в них впервые выявилась противоположность интересов пролетариата и буржуазии, в них зародились рабочие союзы, чартизм и социализм. Болезнь социального организма, которая носила в деревне хронический характер, получила в больших городах острую форму и тем самым раскрылись ее истинная сущность и способ ее излечения»⁶¹.

В «Набросках к критике политической экономии» Энгельс еще раньше описывал конкуренцию как кару, ниспосланную человечеству: «В этой враждебности одинаковых интересов, именно вследствие их одинаковости, завершается безнравственность нынешнего состояния человечества, и этим завершением является конкуренция»⁶².

Теперь же, наоборот, конкуренция выступала в качестве узлового момента классовой борьбы между буржуазией и рабочим классом. Конкуренция между самими рабочими до предела повышает выработку каждого и благодаря разделению труда и применению машин порождает «незанятую резервную армию рабочих, оставляя без хлеба каждого десятого из них». Конкуренция между рабочими есть «самое сильное оружие буржуазии против пролетариата»⁶³. Мало того,

⁶⁰ Там же, с. 460.

⁶¹ Там же, с. 354.

⁶² Там же, т. 1, с. 559.

⁶³ Там же, т. 2, с. 311—312, 316, 320.

конкуренция лежит в основе не только практики, но и всей теории буржуазии: «Спрос и предложение, supply and demand, — такова формула, в которую логика англичанина укладывает всю человеческую жизнь». Даже роль самого государства сведена ею до минимума — «чтобы обуздывать столь необходимых ей пролетариев»⁶⁴.

Поэтому всю историю развития рабочего движения — от луддизма к тред-юнионизму и далее к чартизму — пронизывает, подобно непрерывной нити, борьба за устранение конкуренции между рабочими. Разрыв между «политическими» буржуазными демократами и «социальными» пролетарскими демократами после 1842 года вызван проблемой свободы торговли. «Свободная конкуренция, — писал Энгельс, — причинила рабочим столько страданий, что стала им ненавистной; ее сторонники, буржуа, являются заклятыми врагами рабочих. Полная свобода конкуренции может причинить рабочим только вред. Все требования, которые они выставляли до сих пор — десятичасовой билль, защита рабочего от капиталиста, хорошая заработная плата, обеспеченное положение, отмена нового закона о бедных, — все эти требования, которые являются по меньшей мере такой же неотъемлемой частью чартизма, как и «шесть пунктов», направлены прямо против свободной конкуренции и свободы торговли... Именно по этому вопросу пролетариат расходится с буржуазией, а чартизм — с радикализмом... *По существу своему чартизм есть явление социального характера*»⁶⁵. Но именно потому, что чартизм представляет собой социальное явление, а социализм олицетворяет единственную конечную альтернативу конкуренции, следующим шагом должно явиться слияние чартизма и социализма в подлинно пролетарский социализм, которому в этой форме суждено будет сыграть чрезвычайно важную роль в развитии английского народа.

4. Вклад Энгельса в формирование исторического материализма

Как же может быть охарактеризован вклад Энгельса в марксизм? В какой мере его деятельность была жизненно необходимым условием рождения исторического материализма?

Невозможно предположить, чтобы Энгельс в одиночку сумел выработать новую общую теорию, которая бы решительно порывала со всеми различными предшествующими философскими учениями. Теорию исторического материализ-

⁶⁴ Там же, с. 497—498.

⁶⁵ Там же, с. 458.

ма невозможно было создать, отталкиваясь от «материализма и эмпиризма» либо восходя от «единичного» ко «всеобщему», как замышлял Энгельс поздней осенью 1844 года. Его новому энтузиазму по поводу эмпиризма мы обязаны многими достоинствами его книги «Положение рабочего класса в Англии», но этот энтузиазм не смог бы сам по себе воплотиться в тех положениях, которые появились в 1845 году в «Немецкой идеологии». Англию Энгельс все еще трактовал как особый случай: в мыслях он еще мог допускать, что французский путь к коммунизму является политическим, а немецкий — философским. Несмотря на некоторые признаки, позволяющие предположить, что в свете английского опыта его ожидания в отношении Германии должны были потерять какую-то долю наивности, дистанция между его позицией в период работы над «Положением рабочего класса в Англии» и той, к которой он придет, трудясь вместе с Марксом над «Немецкой идеологией», продолжала оставаться еще весьма заметной. Мы можем измерить ее, сопоставив два его наблюдения, касающиеся Германии; одно сделано в декабре 1844 года, другое — в сентябре 1845 года:

1. «До сих пор нашу силу составлял средний класс, — факт, который, может быть, удивит английского читателя, если он не знает, что этот класс в Германии значительно менее своеобразен, пристрастен и туп, чем в Англии, по той простой причине, что он менее богат»⁶⁶.

2. «Правда, среди нашей буржуазии имеется немало республиканцев и даже коммунистов, а также немало такой молодежи, которая могла бы быть очень полезной для дела, если бы сейчас произошел взрыв; но эти люди — буржуа, охотники за прибылью, предприниматели по профессии. Кто нам поручится, что они не окажутся деморализованными своей профессией, своим общественным положением, в силу которого они живут за счет тяжелого труда других и накапливают жир как кровососы и эксплуататоры рабочего класса... К счастью, мы вовсе не рассчитываем на буржуазию»⁶⁷.

Тем не менее без труда Энгельса о положении английского рабочего класса выработка марксистской теории по меньшей мере значительно замедлилась бы. «Положение рабочего класса в Англии» представляет собой удивительно проникательное исследование того, как развитие современной промышленности порождает одновременно классовую борьбу пролетариата и возможность его окончательного освобождения. Энгельс дал систематическое объяснение развития пролетарской политической экономии и социального характера политических требований рабочих. Сама действительность —

⁶⁶ Там же, с. 519.

⁶⁷ Там же, с. 557.

больше, чем вмешательство философов, — порождает у трудящихся сознание своей принадлежности к рабочему классу; Энгельс надеялся, что это сознание приведет также к возникновению «пролетарского социализма». Кроме того, его гегельянская закваска — при всей свойственной ей ограниченности — помогла ему преодолеть два серьезных теоретических препятствия, которые помешали развитию успеха самого английского рабочего движения. С одной стороны, он благодаря английским социалистам понимал значение освободительных потенций, которые несло с собой развитие крупной промышленности, и, опираясь на гегелевскую предпосылку о рациональном зерне исторического развития, сумел избежать чисто отрицательного взгляда на антагонизм между средним классом и пролетариатом. С другой стороны, он мог разделять убежденность чартистов в необходимости независимой политики рабочего класса, не считая обязательным обосновывать правомерность такой необходимости с помощью выводимой из доктрины естественного права теории трудовой стоимости⁶⁸. Таким образом, огражденный благодаря своей иной национальной принадлежности от влияния некоторых наиболее сектантских аспектов рабочего движения, он смог прийти к замечательным оценкам значения борьбы современного ему пролетариата, рассматриваемой в ее глобальности.

Важность этих оценок заслуживает особого внимания. В самом деле, из простого сопоставления известных нам текстов совершенно очевидно явствует, что целый ряд фундаментальных для марксизма положений появляется впервые скорее у молодого Энгельса, чем у молодого Маркса. Речь идет, в частности, о таких положениях, как: перемещение центра внимания с конкуренции на производство, революционную новизну крупной промышленности, порождающей кризисы перепроизводства и постоянно воспроизводящей резервную армию труда; тезис — пусть пока изложенный в эмбриональной форме — о том, что буржуазия сама порождает собственного могильщика и что коммунизм представляет собой не философский принцип, а «действительное движение, упраздняющее нынешнее положение вещей»; исторический набросок, касающийся формирования пролетариата как класса; отделение «пролетарского социализма» от радикализма ремесленников и низших слоев среднего класса; определение государства как орудия угнетения в руках имущего господствующего класса.

Этим идеям суждено было приобрести основополагающее

⁶⁸ По этому вопросу отсылаю читателя к моей статье: „The Limitation of Proletarian Theory in England before 1850“. — In: „History Workshop“, 1978, № 5.

значение в теории Маркса и Энгельса, хотя несомненно, что «марксистскими» они сделались лишь в силу логики исторического материализма, которому предстояло связать и обосновать их. Именно Маркс выстроил эту логику, раскрыл историческую причинность и сформулировал систему новых идей, следствием которых могут считаться вышеприведенные положения. Как он писал в 1852 году Вейдемейеру: «То, что я сделал нового, состояло в доказательстве... что *существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства*»⁶⁹.

Можно, таким образом, согласиться с Энгельсом в том, что материалистическая теория истории, «открытие, которое произвело переворот в исторической науке... в основном было делом Маркса», но в то же время правомерно не соглашаться с его утверждением о том, будто сам он принимал в вынашивании этих идей лишь очень небольшое участие⁷⁰. В самом деле, Энгельс предложил в необработанном виде те соображения, благодаря которым резко обнажилась несостоятельность предшествующих теорий и которые образовали большую часть положений, составивших фундамент новой теории. Стремление Энгельса остаться в тени становится более понятным, если учесть, что некоторые из наиболее значительных положений такого рода вовсе не были оригинальными плодами его собственной мысли. Возьмем, например, определение современного государства, как оно сформулировано в «Немецкой идеологии»: «Этой современной частной собственности соответствует современное государство, которое, посредством налогов, постепенно бралось на откуп частными собственниками и, благодаря государственным долгам, оказалось совершенно в их власти; самое существование этого государства, регулируемое повышением и понижением курса государственных бумаг на бирже, целиком зависит от коммерческого кредита, оказываемого ему частными собственниками, буржуа»⁷¹.

Утверждения такого рода или их менее утонченные варианты были в ту пору расхожей истиной в нелегальной печати и политических документах чартистов. То же самое можно сказать и о многих критических тезисах, касающихся теории Мальтуса, об осуждении перепроизводства как следствия концентрации на мировом рынке и идее резервной армии труда. Значение вклада Энгельса связано не столько даже с теоретической оригинальностью его идей, сколько с его способностью выразить теоретические и практические аспекты, получившие развитие в недрах рабочего движения,

⁶⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 28, с. 427.

⁷⁰ Там же, т. 27, с. 220.

⁷¹ Там же, т. 3, с. 62.

в такой форме, что они становились органической частью структуры новой теории. На первом этапе важность этого обстоятельства для марксизма, как правило, игнорируется. По официальной версии, сформулированной впервые Каутским, а потом освященной высоким авторитетом благодаря частичному признанию ее Лениным в «Что делать?», процесс соединения социализма с рабочим движением протекает совершенно однозначно: социалистическая теория вырабатывается вне рабочего класса буржуазными интеллигентами, затем сообщается наиболее сознательным элементам рабочего класса и, наконец, проникает в толщу рабочего движения. Роль рабочего класса в этом процессе совершенно пассивна: картина здесь весьма напоминает ту, которую рисовал себе Маркс в 1843 году и в которой пролетариат предоставляет силу своих рук в распоряжение философа, получая взамен осознание того, что есть его борьба и в чем состоит ее значение. Подобному взгляду на вещи соответствует идея о том, что совершенный марксизмом теоретический переворот есть нечто самодовлеющее, двигатель, приводимый в движение исключительно энергией интеллектуальной интроспекции. Лишь после разработки теории осуществляется ее соединение с движением пролетариата, который затем берет на себя распространение новых идей.

Для опровержения такого толкования достаточно вспомнить, что, хотя понятия и структуру новой теории, разумеется, нельзя свести просто к опыту и они могли быть лишь плодом теоретической работы, те многообразные проблемы, которые вызвали к жизни эту теорию, по самому их определению проистекают отнюдь не из предшествующих теоретических построений. У Энгельса, как и у Маркса, способ постановки вопросов менялся по мере того, как возрастал их опыт деятельности в рабочем движении, их знание рабочего движения. В 1844 году Маркс, как известно, участвовал в собраниях парижских ремесленников, и этот опыт явно отразился в его работах⁷². Подобный же опыт оказал, однако, еще более глубокое воздействие на Энгельса: Париж ведь не был стратегическим пунктом, как Манчестер, где можно было постигнуть отношения между современной промышленностью и современным рабочим движением.

Чертой, которая отличала Энгельса от многих его современников, был глубоко укоренившийся протест против собственной среды. Поэтому он готов был черпать знания не только о рабочих, но и от рабочих. Он не желал ограничиваться чтением доступных источников, но искал также личных контактов с рабочими и считал себя частью их движе-

⁷² Интересная интерпретация изменения позиции Маркса по отношению к рабочему классу в этот период дается в: *M. Lowy. La théorie de la Révolution chez le jeune Marx. Paris, 1970.*

ния. О том, как он проводил свое время в Манчестере, Энгельс говорит во вступлении к своей книге: «Я оставил общество и званые обеды, портвейн и шампанское буржуазии и посвятил свои часы досуга почти исключительно общению с настоящими рабочими; я рад этому и горжусь этим»⁷³.

Мы знаем, что в Манчестере он познакомился с сестрами Бёрнс, что он дискутировал об оуэнистах с Джоном Уотсом, что он посещал лекционные залы, присутствовал на выступлениях чартистов против Лиги за отмену хлебных законов, встречался с Джемсом Личем, промышленным рабочим, занимавшим видное место в Национальной чартистской ассоциации, а осенью 1843 года нанес визит Гарни в редакцию «Норзерн стар» в Лидсе. Плоды этого опыта четко отражены в его книге; но он усвоил также и другое, о чем прямо говорит в предисловии к ней: «Имея в то же время широкую возможность наблюдать вашего противника, буржуазию, я очень скоро убедился в том, что вы правы, вполне правы, если не ожидаете от нее никакой поддержки»⁷⁴.

Естественно, что, как мы уже пытались показать, неверно было бы говорить, будто в 1842—1845 годах Маркс и Энгельс просто пошли на теоретическую капитуляцию под нажимом практического опыта. Этот процесс неизбежно носил более сложный характер. Какой бы неудовлетворительной в конечном счете ни оказывалась та или иная теория, все же более вероятно, что ее будут пытаться растягивать и подгонять к новым явлениям, нежели отбросят целиком, по крайней мере вплоть до того момента, как удастся выявить возможности появления или очертания новой теории. Именно Маркс совершил такой переворот в теории, но именно Энгельс снабдил его элементами того, что превратится в предмет новой теории; при этом неважно даже, что сами элементы черпались из практического опыта и осмыслились пока еще неудовлетворительным образом в рамках не соответствующей действительности философской проблематики. Как раз то обстоятельство, что Энгельс был менее последовательным мыслителем, чем Маркс, сыграло важнейшую положительную роль в развитии процесса формирования теории, завершившегося открытием исторического материализма. Это смогло произойти благодаря тому, что указанное обстоятельство обеспечило соединение материалистической теории истории с практическими предпосылками пролетарской борьбы. По ортодоксальной версии такое событие свершилось лишь в 1847 году, когда Маркс и Энгельс вступили в Союз коммунистов, между тем как новая теория формировалась уже в Брюсселе в 1845 году.

Поскольку мы сочли необходимым столь подробно оста-

⁷³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, с. 235.

⁷⁴ Там же, с. 236.

новиться на значении первоначального вклада Энгельса в марксизм, в данной главе у нас нет возможности рассмотреть те многочисленные элементы, которые он внес в его последующее развитие. Следовало бы вспомнить о его работе в рядах Союза коммунистов и участии в подготовке «Манифеста Коммунистической партии», проанализировать его деятельность в качестве корреспондента по европейским делам и изучить его трактовку щекотливого национального вопроса в «Новой Рейнской газете» в 1848 году, оценить его постоянно углубляющееся знание стратегии и военной теории в 50-е годы, его мастерский анализ Германии, развернутый в «Крестьянской войне в Германии» и «Революции и контрреволюции в Германии» и продолженный затем в статьях о Бисмарке и новом объединенном германском государстве. Нет возможности здесь уделить внимание и его более поздним трудам по естествознанию, о происхождении семьи и государства или, если ограничиться собственно политической сферой, его размышлениям об Ирландии, его многочисленным и пронизательным аналитическим статьям о развитии и стратегии рабочего движения в различных странах Европы и Америки, его борьбе с прудонизмом и анархизмом, его тесным связям с руководителями германской социал-демократии, его растущей озабоченности сохранением мира в Европе после основания II Интернационала. Вывод, к которому мы неизбежно приходим, сводится, во всяком случае, к следующему: как в своих сильных сторонах, так и в рамках, которые ограничивали его деятельность, это был очень последовательный человек с начала и до конца своего творческого пути марксиста.

С 1845 года сотрудничество Маркса и Энгельса стало постоянным. То, что Энгельс написал в 1887 году, относится ко всей истории их творческих взаимоотношений: «Вследствие разделения труда, существовавшего между Марксом и мной, на мою долю выпало представлять наши взгляды в периодической прессе, — в частности, следовательно, вести борьбу с враждебными взглядами, — для того, чтобы сэкономить Марксу время для работы над его великим главным трудом»⁷⁵.

Сотрудничество такого рода, конечно же, не смогло бы длиться долго, если бы речь шла об отношениях учителя и ученика, автора и популяризатора. Если сотрудничество оказалось прочным и действенным, то это произошло потому, что исходная теоретическая база представляла собой «общую собственность» обоих авторов, благодаря чему оба чувствовали себя в равной степени ответственными за ее развитие путем разработки специфической теории капиталистического

⁷⁵ Там же, т. 21, с. 337.

способа производства. Энгельс никогда не сомневался в том, что Маркс лучше выполнит эту задачу, чем он сам: было бы неверно поэтому сочувствовать Энгельсу, который долгие годы заботился о материальном благополучии Маркса, работавшего над рукописью «Капитала». Сам бы он, разумеется, ни за что не согласился считать свою роль достойной сочувствия; ведь он рассматривал «Капитал» как выражение своих собственных мыслей не меньше, чем мыслей Маркса. Со стороны Энгельса мы не обнаруживаем никаких признаков раздражения или досады, за исключением, может быть, лишь того момента, когда Маркс холодно отреагировал на сообщение о смерти Мэри Бёрнс. Как легко себе представить, внутренняя напряженность ситуации ощущалась больше семьей Маркса, особенно г-жой Маркс, которая тяжело переживала материальную зависимость своего семейства от милости друга. Что касается Энгельса, то, хотя, разумеется, долгие годы конторской работы в Манчестере нагоняли на него немалую тоску, отношения с Марксом удовлетворяли его глубокую потребность в твердой духовной опоре, обеспечивающей ему прочную основу, на которой он мог развивать свои куда более разнообразные таланты. Энгельс был недостаточно уверен в себе, чтобы выступить в роли великого самобытного теоретика, поэтому это качество он искал в других. Единственным мыслителем, помимо Маркса, который подкреплял его стремление к прочным убеждениям, был Гегель.

Первоначальная концепция исторического материализма в том виде, какой она получила в работах Маркса в период между написанием «Немецкой идеологии» и «Манифеста Коммунистической партии», носила весьма проблематичный характер. Ее отличало стремление свести идеологию к простому отражению действительного развития общества, а само это действительное развитие — к отражению развития производительных сил. В будущей революции каждой стране была отведена особая роль в соответствии с уровнем, достигнутым ею по некоей шкале развития. Теория при этом оставляла мало места для проведения различий между специфическим характером кризиса капитализма 40-х годов и характером, вероятно, окончательного кризиса капитализма как такового. Однако исход революций 1848 года не оправдал прогнозов. Чартизм и «пролетарский социализм» не одержали победы в Англии, Германия не довела до конца свою буржуазную революцию, революция во Франции закончилась выкидышем, произведя на свет «фарс» Второй империи, а «не имеющие истории» народы Восточной Европы на практике обнаруживали наличие более сложной и прерывистой логики истории, чем это предусматривалось первоначальной теорией.

Несмотря на это, поражение 1848 года не повлекло за собой радикального пересмотра теории. Более того, после детального анализа экономического цикла и признания наличия более обширного пространства для развития производительных сил в рамках капитализма Маркс и Энгельс сочли, что характер революций лишь подтвердил верность их гипотезы. Затем в «Капитале» теория капиталистического способа производства была колоссально углублена, но общая концепция взаимоотношений между экономической, политической и идеологической сферами осталась по существу неизменной. Она была вновь подтверждена в предисловии 1872 года к «Манифесту Коммунистической партии», и лишь в 80-е годы — в виде реакции на распространение вульгарного марксизма, замешанного на позитивизме, — Энгельс начал подчеркивать сложный и опосредованный характер экономической детерминации и важность политической сферы. Однако и в этом случае речь шла скорее об уточнении, нежели о развитии теории, поскольку Энгельс не был склонен пересматривать характер детерминации как принцип самой теории. В самом деле, маловероятно, чтобы Энгельс допускал необходимость подобного пересмотра по существу; его фундаментальные теоретические воззрения были отмечены высокой степенью постоянства. Неизменно храня несгибаемую веру в идею исторического процесса, который приведет к гибели капитализма, он в отличие от большей части теоретиков *Zusammenbruch II* Интернационала, предполагавших как раз общий и одновременный крах капитализма, рассматривал развитие классовой борьбы как составную часть этого процесса. Он сохранил верность также своему почерпнутому из чартизма убеждению в том, что борьба за демократию в капиталистических странах есть социальная борьба и, следовательно, компонент борьбы за социализм: отсюда тот энтузиазм, который он вместе с Марксом неизменно выражал по поводу всеобщего избирательного права, и вера в то, что в некоторых странах к социализму можно прийти мирным путем. К тому же, несмотря на тонкость Энгельсова анализа обстановки в Германии (в рамках которого он развил свои важные положения об абсолютизме, «бонапартизме» буржуазии и «революции сверху») и несмотря на его теорию, связывавшую характер английского рабочего движения с господством англичан на мировом рынке, политическая линия его выступлений в основном оставалась идентичной той, которую они вместе с Марксом выработали в 40-е годы: поощрять формирование независимых рабочих партий, ориентирующихся на классовую борьбу; вступать в союзы с другими прогрессивными силами исключительно на основе такой независимости; бороться со всеми препятствиями сектантского характера, встающими на этом пути.

Энгельс, совершенно очевидно, на всю жизнь сохранил отпечаток, наложенный на него в молодости опытом пребывания в Англии. Он был поистине проницательным в оценках, но его интуиция действительно не подводила его только при рассмотрении проблем рабочего движения в промышленно развитых странах. Как и в молодые годы, он всегда разделял убеждение насчет «идиотизма деревенской жизни», и ему нелегко было мыслить о крестьянах иначе как в категориях пережитков варварства либо вне перспективы их будущей пролетаризации⁷⁶. В борьбе с бакунистами в Испании и Италии ему случалось утрачивать чувство меры; южным славянам и чехам он так и не простил никогда их участия в подавлении революции 1848 года в Германии и Венгрии; он отказывался признавать достойным внимания национальный вопрос, если только он — осознанно или бессознательно — не способствовал делу революции. Сила и одновременно слабость его мышления заключались в безоговорочном приоритете, который он отдавал ситуациям, где, по-видимому, складывались наибольшие возможности для продвижения дела социализма; порой это мешало ему разглядеть параллельно развивавшиеся конфликты, быть может, не укладывающиеся в рамки устоявшихся представлений, но тем не менее так же коренящиеся в реальной действительности.

Соображениями такого рода всегда определялись перемены в его взглядах на международные отношения. В 50—60-е годы Маркс и Энгельс всматривались в политический горизонт в надежде на то, что общеевропейская война вызовет к жизни прогрессивный союз против царизма, радикализирует буржуазию и будет способствовать ниспровержению реакционных самодержавных режимов. Однако после того, как Бисмарк довел до конца объединение Германии и аннексировал Эльзас и Лотарингию, Энгельс стал все больше убеждаться в необходимости мира. Поскольку будущее социализма зависело теперь от будущего Германии и беспрепятственного развития Социал-демократической партии Германии, ему представлялось необходимым любой ценой помешать франко-русскому альянсу и отсрочить вопрос о возвращении французских провинций до победы социализма. Сомнительно, кстати говоря, чтобы подобная пронемецкая позиция опиралась на социалистические критерии, а не просто на особые национальные симпатии. Факт тот, что Бебель и Бернштейн были шокированы, когда обнаружили в бумагах Энгельса план защиты Парижа от пруссаков в 1870 году; они уничтожили его из страха перед той реакцией, ко-

⁷⁶ См., однако, его исполненный проницательности очерк «Крестьянский вопрос во Франции и Германии» (там же, т. 22, с. 501—525).

торую он мог вызвать в Германии⁷⁷. Однако такая односторонняя акцентировка перспектив успеха немецкого социализма причинила немало затруднений II Интернационалу. В 1891 году французские социалисты были крайне обижены выступлением Энгельса против французского шовинизма, и в частности утверждением о необходимости поддержки отечества немецкими социалистами в случае оборонительной войны, между тем как он даже не упомянул об аналогичных действиях французских социалистов в случае военного нападения со стороны Германии⁷⁸. Озабоченность Энгельса русской угрозой и настойчивое подчеркивание необходимости мира для построения социализма в Германии отчасти помешали ему должным образом рассмотреть ситуацию во Франции; из этого следует, что Социал-демократическая партия Германии не совсем кривила душой, когда апеллировала к авторитету Энгельса в поисках оправданий голосования своих депутатов за военные кредиты, ознаменовавшего начало войны 1914 года⁷⁹.

И сила и слабость Энгельсова марксизма обуславливались жившим в нем напряженным и постоянным ощущением поступи диалектики истории, объединенного наступления крупной промышленности и пролетарского движения. Этим объясняется как то влияние, которое всегда оказывал на Энгельса Гегель, так и неоднократное обращение Энгельса к Гегелю, когда он сталкивался с проблемами, для которых у марксизма не было решений. Именно к гегелевскому понятию «исторической нации» он обратился в период подъема национализма в 1848 году и именно к гегелевской натурфилософии он обращался за указаниями в своих поисках альтернативы механистическому материализму конца 50-х годов точно так же, как именно к гегелевской идее диалектического взаимодействия он обратился в качестве аргумента против концепций вульгарного марксизма и экономического или технологического детерминизма в 80—90-е годы.

Но со времен своей молодости он сохранил верность не только Гегелю. Несмотря на настойчивое подчеркивание научных основ социализма, Энгельс во многих отношениях остался верным учеником великих утопистов, с чьими идеями он познакомился в юные годы. Он думал не только о сиюминутной политике разных социалистических партий своей эпохи, но и о ликвидации различий между городом и деревней, о раскрепощении женщины, высвобождении семейных и социальных отношений из цепей собственности и рабства зарплаты, об исчезновении государства. Он всегда оставался

⁷⁷ G. Mayer. Friedrich Engels, cit., vol. 2, S. 196.

⁷⁸ Ibid., S. 508—509.

⁷⁹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 38, с. 148—151.

поклонником Оуэна, а еще больше — Фурье. Сила его ненависти к собственности, правительству и гнусностям «цивилизации» отчетливо видна в «Происхождении семьи, частной собственности и государства». Лишь человек, который однажды попробовал — и с тех пор никогда не забывал — вкус социалистической утопии, мог написать следующие строки: «То объединение людей в общество, которое противостояло им до сих пор как навязанное свыше природой и историей, становится теперь их собственным свободным делом. Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самих людей. И только с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в преобладающей и все возрастающей мере и те следствия, которых они желают. Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы»⁸⁰.

⁸⁰ Там же, т. 20, с. 295 (эти строки воспроизведены и в «Развитии социализма от утопии к науке». — Там же, т. 19, с. 227—228).

Эрик Хобсбом

СУДЬБА ИЗДАНИЙ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА

Работы Маркса и Энгельса считаются «классическими» в социалистических и коммунистических партиях, черпающих в них свое вдохновение, а начиная с 1917 года — также в растущем числе государств, где эти работы положены в основу официальной идеологии, если не олицетворяют просто-напросто светский эквивалент теологии. После смерти Энгельса многие дискуссии среди марксистов приняли форму экзегезы — спекулятивных рассуждений или толкований текстов — либо вылились в борьбу между сторонниками принятия тезисов Маркса и Энгельса в первоизданном виде и теми, кто настаивал на необходимости их «ревизии» в свете их же текстов. Эти тексты между тем первоначально не составляли никакого полного собрания сочинений двух классиков. Более того, до 20-х годов не делалось никаких попыток издать их собрание сочинений. Лишь в этот период такое начинание было предпринято в Москве Д. Рязановым (после заключения соглашения между возглавлявшимся им Институтом К. Маркса и Ф. Энгельса, Франкфуртским институтом социологии и Социал-демократической партией Германии); речь шла о подготовке знаменитого Полного собрания сочинений — MEGA (Marx—Engels Gesamtausgabe) — в 40 томах. На немецком языке издание было доведено до 12 томов в 1935 году и осталось незавершенным. На русском языке публикация продолжалась, хотя и в не столь цельном виде, как проектировалось вначале. В тот же период были предприняты другие, независимые попытки издать возможно более полное собрание сочинений, прежде всего во Франции, стараниями издателя Альфреда Коста. С 1956 года в Германской Демократической Республике начало выходить весьма обширное, но не полное собрание произведений Маркса и Энгельса (известное и цитируемое обычно как MEW — Marx—Engels Werke), образовавшее базу для многочисленных аналогичных изданий на других языках — многие из них еще не завершены. В начале 70-х годов Институты марксизма-ленинизма СССР и ГДР предприняли совместное издание нового издания MEGA, рассчитанного примерно на сотню томов, из которых на сегодня выпущены лишь немногие. Следовательно, на протяжении значительной части исто-

рии марксизма дискуссия основывалась на более или менее широком подборе работ Маркса и Энгельса. Для понимания этой истории, таким образом, необходим краткий — и неизбежно беглый — обзор издательской участи их произведений.

1. Работы, опубликованные Марксом и Энгельсом

Если оставить в стороне множество собственно журналистских текстов, написанных главным образом в 1840—1860 годах, то окажется, что количество работ, изданных самими Марксом и Энгельсом до смерти Маркса, сравнительно невелико. Из работ, предшествующих революции 1848 года, в них входят некоторые важные очерки, написанные Марксом (и ранее Энгельсом) до начала их систематического сотрудничества, такие, как опубликованные в «Немецко-французском ежегоднике» «Положение рабочего класса в Англии» Энгельса (1845), «Святое семейство» Маркса и Энгельса (1845), «Нищета философии» (1847), содержащая полемику Маркса с Прудоном, «Манифест Коммунистической партии» (1848), а также некоторые выступления и статьи конца 40-х годов. За исключением «Манифеста», ни одна из этих работ не переиздавалась до смерти Маркса в форме, доступной массовому читателю.

После поражения революций 1848—1849 годов Маркс опубликовал в эмигрантских журналах, выходивших мизерным тиражом («Новая Рейнская газета. Политико-экономическое обозрение», издававшаяся в Лондоне, и «Революция», издававшаяся в Нью-Йорке), свои статьи со знаменитым анализом минувших революционных событий, ныне известные как «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 год» и «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». Эта последняя работа была переиздана в 1869 году. Статья Энгельса «Крестьянская война в Германии» (1850), также опубликованная в лондонском издании «Новой Рейнской газеты», — в отличие от статей «Революция и контрреволюция в Германии», которые появились за подписью Маркса в «Нью-Йорк дейли трибюн» между 25 октября 1851 года и 22 декабря 1852 года, — тоже переиздавалась до смерти Маркса. Начиная с этого времени опубликованные работы Маркса, помимо журналистских заметок на злобу дня и выступлений в текущей полемике, практически ограничиваются следующими: «К критике политической экономии» (1859), которая не переиздавалась; «Капитал» (том I, 1867); об истории которого мы коротко скажем ниже; и ряд статей для Международного товарищества рабочих, самые известные из которых — «Учредительный манифест» (1864) и «Гражданская война во Франции» (1871), неоднократно переиздававшиеся.

Энгельс со своей стороны опубликовал лишь несколько очерков, в основном по военно-политическим вопросам, но в 70-е годы обнародованием «Анти-Дюринга» (или, точнее, «Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом», 1878) начал издание серии работ, предназначенных для ознакомления международного социалистического движения с идеями Маркса, не относящимися к одной лишь политической экономии. Однако большая часть этих работ охватывает период после смерти Маркса.

Таким образом, к 1875 году круг работ Маркса и Энгельса, известных публике и доступных ей, был весьма ограничен, поскольку большинство их ранних произведений давно разошлась и больше не переиздавалась. В распоряжении читателей имелись в основном: «Манифест Коммунистической партии», который приобрел определенную известность с начала 70-х годов (в 1871—1873 годах появилось не менее девяти его изданий на шести языках, то есть столько же, сколько вышло за предыдущие 22 года), «Капитал», переведенный на русский и французский языки, и «Гражданская война во Франции», принесшая Марксу некоторую известность. И все же мы можем утверждать, что именно в период между 1867 и 1875 годами впервые сложился пусть ограниченный, но цельный цикл работ Маркса.

В период между смертью Маркса (1883) и смертью Энгельса (1895) произошла двоякая перемена. Во-первых, интерес к произведениям Маркса и Энгельса усиливался по мере того, как утверждалось международное социалистическое движение. На протяжении указанных 12 лет, по подсчетам Б. Андреаша, появилось не менее 75 изданий «Манифеста» на 15 языках. Интересно отметить, что издания на языках народов царской России числом превосходили издания на языке оригинала — немецком (17 против 11). Во-вторых, главным образом по инициативе Энгельса было принято систематическое издание значительной части произведений классиков на языке оригинала. Эта работа состояла в: а) переиздании (как правило, с новыми предисловиями) давно исчезнувших с прилавков работ, что Энгельс делал с целью подчеркнуть сохранение ими своего значения; б) опубликовании работ Маркса, оставшихся необнародованными или незавершенными; в) издании новых работ Энгельса, порой включавших значительные части неизданных текстов Маркса, например «Тезисы о Фейербахе»; в этих работах Энгельс стремился дать полную и последовательную картину Марксова учения. Так, в первом случае Энгельс переиздал в виде брошюр работы Маркса «Наемный труд и капитал» (1847—1884), «Нищета философии» (1847—1884), «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (1885), «Гражданская война во Франции» (1891) и, наконец, «Классовая борьба

во Франции» (1895), а также свое «Положение рабочего класса в Англии» (1887), и некоторые другие свои работы 70-х годов. Во втором случае главными произведениями, увидевшими свет, были: II и III тома «Капитала» (1885 и 1894) и «Критика Готской программы» (1891). В третьем, помимо «Анти-Дюринга» и «Развития социализма от утопии к науке» (сокращенного варианта «Анти-Дюринга», переиздававшегося довольно много раз), были «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884) и «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» (1886). К этим публикациям следует добавить многочисленные статьи Энгельса, написанные им как участником текущих политических дискуссий. За исключением «Развития социализма от утопии к науке», все эти издания выходили небольшими тиражами. Тем не менее к этим произведениям открывался доступ довольно широкой публике, и с той поры они постоянно имелись в распоряжении читателей. Именно они и образуют главную часть того, что Энгельс рассматривал как основные свои и Маркса произведения, хотя, проживи он дольше, он, вероятно, прибавил бы к ним еще некоторые другие тексты, такие, например, как «Теории прибавочной стоимости», опубликованные позже Каутским, и пересмотренный вариант «Крестьянской войны в Германии», который он сам надеялся опубликовать.

Таким образом, за некоторыми исключениями вроде текстов, написанных первоначально по-английски (часть их была переиздана под редакцией Элеоноры Маркс вскоре после смерти Энгельса), именно указанный выше материал — с учетом также переводов — поступил в распоряжение международного марксистского движения к концу XIX века. То был плод отбора и в известной степени компиляции, осуществленных Энгельсом. Скажем, «Капитал» дошел до нас не таким, каким хотел видеть его Маркс, а таким, каким, по мысли Энгельса, хотел видеть его Маркс. Последние три тома, как известно, были составлены Энгельсом — а потом Каутским — на основе незаконченных редакций, оставленных Марксом. Да и первый том представляет собой текст, окончательно обработанный Энгельсом, а не Марксом, поскольку эталонный вариант (четвертое немецкое издание 1890 года) был пересмотрен Энгельсом в свете последнего прижизненного (второго) издания, исправленного Марксом, последующих изменений, внесенных им во французское издание 1872—1875 годов, некоторых рукописных авторских примечаний и, наконец, определенных технических соображений второстепенного характера. (Кстати, и второе издание 1872 года, отредактированное самим Марксом, содержало существенную переработку некоторых разделов первого издания 1867 года.)

Таков, следовательно, был основной набор классических текстов, которому предстояло лечь в основу марксизма II Интернационала и таким бы он оставался, если бы многие из теоретиков и руководителей этого Интернационала (особенно в Германии) не поддерживали прямых личных контактов с Энгельсом на протяжении последних лет его жизни как в форме устных бесед, так и путем обширной переписки, которая была обнародована только после первой мировой войны. Необходимо вместе с тем заметить, что, по существу, речь шла о «законченном» цикле теоретических трудов и именно таким мыслил его себе Энгельс, который собственными работами пытался заполнить пробелы, оставленные Марксом, и осовременить уже изданные произведения. Так, при подготовке к печати «Капитала» предметом забот Энгельса было не воссоздание пути развития экономической мысли Маркса, еще не завершившегося к моменту смерти: историческая реконструкция генезиса и развития «Капитала» (включая изменения, внесенные в разные издания первого тома под редакцией самого Маркса) была принята на строго научной основе лишь после второй мировой войны и по сей день не может считаться завершённой. Энгельс же поставил перед собой совсем иную задачу: издать «окончательный» текст главного труда своего друга, причем такой, который бы делал излишними все предыдущие редакции.

Его краткие изложения марксизма, и в особенности знаменитейшее «Развитие социализма от утопии к науке», призваны были сделать содержание этого цикла теоретических трудов доступным для членов новых, массовых социалистических партий. Не случайно в этот период теории и руководители социалистических движений уделяли большое внимание подобным популярным изложениям учения Маркса. Например, Девиль во Франции, Кафьеро в Италии, Эвелинг в Англии выпустили сокращенное изложение «Капитала», а Каутский опубликовал свое «Экономическое учение Карла Маркса». Это лишь некоторые примеры работ такого типа. Большая часть воспитательно-пропагандистских усилий молодых социалистических партий, судя по всему, в это время и впрямь направлена скорее на изготовление и распространение сочинений такого рода, нежели на издание работ, написанных непосредственно Марксом и Энгельсом. В Германии, например, средний тираж изданий «Манифеста» до 1905 года составлял только 2 тысячи экземпляров, самое большее — 3 тысячи и лишь в последующий период превысил этот потолок. Для сравнения: «Социальный переворот» Каутского (часть I) был издан в 1903 году тиражом 7 тысяч экземпляров, а в 1905 году — 21 500 экземпляров, «Христианство и социализм» Бебеля разошлось в 1898 — 1902 го-

дах в количестве 37 тысяч экземпляров, после чего последовало издание в 1903 году 20 тысяч экземпляров; «Эрфуртская программа» партии (1891) была распространена в количестве 120 тысяч экземпляров.

Это не означает, что печатные труды классиков не читались социалистами, склонными к теоретическим размышлениям. Эти труды быстро переводились на разные языки. В Италии, например, где в 90-е годы среди интеллигенции отмечался необычайно живой интерес к марксизму, к 1900 году было выпущено практически все, что входило в цикл трудов в том виде, как он был отобран Энгельсом (за исключением последних томов «Капитала»). Издававшиеся с 1899 года под редакцией Чиккотти «Сочинения» Маркса, Энгельса и Лассалья включали в себя, помимо этого, многочисленные другие работы¹. На английском языке к 1935 году к основному массиву классических трудов было добавлено весьма немного сверх того, что было переведено в 1913 году (зачастую, правда, недостаточно близко к тексту), главным образом по заказу чикагского издателя Чарльза Керра. Но среди тех, кто испытывал особую склонность к теории, то есть среди интеллигенции Центральной и Восточной Европы, а отчасти и среди итальянской интеллигенции, на которую марксизм действовал с большой притягательной силой, весьма высок был интерес к другим работам Маркса и Энгельса. Социал-демократическая партия Германии, которая по завещанию была владельцем «Nachlass» — литературного наследия основателей марксизма, не предпринимала никаких попыток издать их полное собрание сочинений. Не исключено даже, что она считала вредным издание или переиздание некоторых их заметок, отличавшихся особой полемической остротой, либо политических статей, написанных всецело на злобу дня. И все же наиболее эрудированные марксисты, прежде всего Каутский и Меринг в Германии, Д. Рязанов в России, взялись за издание трудов Маркса и Энгельса в большем объеме, чем тот, который, по всей очевидности, считал необходимым Энгельс. Так, Франц Меринг заново издал работы Маркса и Энгельса 40-х годов, а Рязанов в нескольких томах опубликовал работы, написанные между 1852 и 1862 годами². Еще до первой мировой войны была выпущена и первая крупная порция неизданного материала: в 1913 году увидела свет переписка между Марксом и Энгельсом³.

¹ R. Michels. Die italienische Literatur über den Marxismus. — In: „Archiv für Sozialwissenschaft“, 1907, № 25, 11, S. 525—572.

² См.: „Aus dem literarischen Nachlass von Karl Marx und Friedrich Engels 1841 bis 1850“. Hrsg. F. Mehring. Berlin, 1923, 3 vol.; „Gesammelte Schriften von Karl Marx und Friedrich Engels. 1852—1862“. Hrsg. D. Rjazanov. Stuttgart, 1917, 2 vol.

³ См.: „Der Briefwechsel zwischen Friedrich Engels und Karl Marx“. Hrsg. A. Bebel, Ed. Bernstein. Stuttgart, 1913.

К этому времени Каутский уже опубликовал в несколько приемов на страницах теоретического органа СДПГ «Нойе цайт» подборку из рукописных материалов Маркса: в частности, в 1902 году — его письма к д-ру Кугельману, а в 1903 году — некоторые отрывки из того, что сегодня известно как «Экономические рукописи 1857—1859 годов», например незавершенное «Введение» к «К критике политической экономии». В разных странах издавались, кроме того, письма Маркса и Энгельса, адресованные их корреспондентам в этих странах, уже издававшиеся на языках этих стран или же специально относящиеся к последним; однако они лишь изредко появлялись в переводах на другие языки. Наличие печатных трудов классиков к 1914 году, пожалуй, наилучшим образом зафиксировано в библиографии, которая дана в приложении к статье «Карл Маркс» в Энциклопедическом словаре Гранат. Статью эту написал в 1914 году Ленин⁴. Если какой-то из текстов Маркса и Энгельса не был известен русским марксистам, наиболее усердным исследователям произведений классиков⁵, то из этого можно заключить, что такой текст не был известен и международному движению в целом.

2. Русская революция и первые попытки издания «полного собрания»

Революция в России со многих точек зрения преобразила подход к публикации и распространению трудов классиков. Во-первых, центральная роль в работе над Марксовыми текстами перешла к поколению составителей и редакторов, которые никогда не имели личных отношений ни с Марксом, ни с Энгельсом в последние годы его жизни, как это было у людей вроде Бернштейна, Каутского и Меринга. А новая группа не испытала прямого влияния личных суждений Энгельса о трудах классиков, и ее не отягощали проблемы приличий и дипломатических условностей (как в отношении отдельных лиц, так и в связи с обстоятельствами текущей политики), что столь очевидно действовало на непосредственных литературных душеприказчиков Маркса и Энгельса. Такого рода сдвиг усиливался еще и благодаря тому, что главным центром публикации Марксовых сочинений стало теперь коммунистическое движение. Занимавшиеся этим коммунисты (особенно русские) склонны были — причем порой

⁴ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, с. 43—93 (библиография на с. 82—93).

⁵ Ленин как раз отмечал, что из работ и писем Маркса, еще не объединенных в полное собрание сочинений, «на русский язык переведена большая часть... чем на какой-либо другой язык» (там же, с. 82).

вполне оправданно — истолковывать пропуски и изменения, внесенные в предыдущие издания немецкой социал-демократией, как «оппортунистические» искажения. Кроме того и отчасти по этой же самой причине целью марксистов-большевиков (которые могли рассчитывать на ресурсы Советского государства) было издание всех трудов классиков, то есть *Gesamtausgabe* — Полного собрания сочинений.

Это влекло за собой многочисленные проблемы технического характера, две из которых стоит здесь упомянуть. Произведения Маркса и в меньшей мере Энгельса представляют собой разнородный материал: от завершенных и более или менее аккуратно изданных работ до более или менее неоконченных и временных редакций и т. д. вплоть до простых заметок на полях прочитанных ими книг. Нелегко было провести разграничительную линию между собственно «сочинениями» и заметками или предварительными набросками. Незадолго до того созданный Институт Маркса—Энгельса, возглавленный таким выдающимся знатоком Маркса, каким был Д. Рязанов, исключил из «Сочинений» в собственном смысле слова некоторые тексты, однако же принял за их публикацию в параллельном периодическом издании «Архив Маркса и Энгельса». В собрание *всех* сочинений эти тексты не войдут вплоть до нового издания MEGA 70-х и последующих лет. Следует иметь в виду также другое обстоятельство. Большая часть текстов с заметками Маркса и Энгельса находилась в литературном наследии Маркса и Энгельса, хранившемся у СДПГ и перевезенном после прихода Гитлера к власти в 1933 году в Международный институт социальной истории в Амстердаме. Однако переписка классиков была чрезвычайно распылена, и ее цельное издание представлялось невозможным уже потому, что во многих случаях неизвестно было даже, где искать письма. В самом деле, ряд писем Маркса и Энгельса публиковался отдельно начиная с 20-х годов — порой самими адресатами, порой же их душеприказчиками, — но, например, такой крупный и важный эпистолярный фонд, как переписка с Лафаргами, был издан только в 50-е годы⁶. Поскольку издание MEGA так и не доведено до конца, подобные проблемы вскоре утратили свой безотлагательный характер; тем не менее о них следовало упомянуть. Заслуживает также упоминания непрекращающаяся публикация материалов Маркса, извлекаемых из наиболее старых собраний документов, и прежде всего из архивов Социал-демократической партии Германии. Дело в том, что, хотя московский Институт и попытался приобрести максимальное число рукописей классиков для собственного пол-

⁶ См: *F. Engels. Correspondance avec Paul et Laura Lafarque. Textes recueillis, annotés et présentés par E. Bottigelli.* Paris, 1956—1959, 3 vol.

ного собрания (единственного, какое тогда подготавливалось), но в действительности ему достались лишь фотокопии этой ценнейшей архивной коллекции, между тем как оригиналы остались на Западе.

Таким образом, 20-е годы стали свидетелями значительного прогресса в деле издания трудов классиков. Впервые самой широкой публике был обеспечен доступ к двум категориям материалов: неизданным рукописям Маркса и Энгельса и их переписке с третьими лицами. Перед исследователями открылись возможности, о которых нечего было даже помышлять до 1914 года. Однако вскоре же в ходе политических событий возникли серьезные препятствия как для публикации, так и для интерпретации этих текстов. Торжество нацизма в 1933 году привело к разгрому западного (немецкого) центра марксистских исследований и на многие годы задержало распространение интерпретаций, основывавшихся на проводившихся здесь изысканиях. Достаточно привести один пример: монументальная биография Энгельса, написанная Густавом Майером, — труд, отмеченный колоссальной эрудицией, — смогла увидеть свет лишь в 1934 году в Голландии в эмигрантском издании и оставалась практически неизвестной послевоенному молодому поколению марксистов в Западной Германии вплоть до 70-х годов. Сами по себе многие новые издания Марксовых текстов вовсе не были «марксистскими раритетами» (как значилось в заглавии одного из сборников, выпущенных в 20-е годы)⁷, однако благодаря стечению обстоятельств они неизбежно становились раритетами. В России сталинский режим произвел перетряску Института Маркса—Энгельса — особенно после изгнания из него и последующего ареста Рязанова — и положил конец выпуску MEGA на немецком языке. Впрочем, несмотря на трагическую дань репрессиям, издательская работа частично продолжалась. Возникло, однако, еще одно препятствие, в известном смысле даже более серьезное. С утверждением того, что можно назвать ортодоксальной сталинской интерпретацией марксизма, официально провозглашенной в «Кратком курсе истории ВКП(б)» в 1938 году, некоторые произведения Маркса стали выглядеть подозрительными, а их публикация создавала щекотливые проблемы. В особенности это относилось к его ранним работам⁸. Наконец, Советский Союз оказался втянутым в войну, и это также имело тяжелые последствия для издания трудов Маркса. Великолепное издание «Экономических рукописей 1857—

⁷ См.: „Neudrucke marxistischer Seltenheiten“. Leipzig, 1926.

⁸ Еще в 60-е годы при издании Собрания сочинений Маркса и Энгельса в ГДР эти произведения выпускались отдельно от основного массива работ, в нумерованных томах издания.

1859 годов», опубликованных в Москве в 1939—1941 годах, оставалось практически неизвестным (несмотря даже на то, что несколько экземпляров попали в Соединенные Штаты) вплоть до переиздания их в Восточном Берлине в 1953 году.

Третье изменение, привнесенное в дело публикации трудов классиков после 1917 года, касалось их распространения. Как уже упоминалось, до 1914 года массовые социал-демократические партии не предпринимали никаких сколько-нибудь серьезных попыток ознакомить своих членов с работами Маркса и Энгельса (пожалуй, за исключением «Развития социализма от утопии к науке» и в меньшей мере «Манифеста Коммунистической партии»). Первый том «Капитала» переиздавался нередко — в Германии десять раз с 1903 по 1922 год, — но совершенно очевидно, что для широкой публики он оставался нелегким чтением. Многие покупавшие его, по всей вероятности, довольствовались тем, что Маркс красовался на их книжной полке как явное свидетельство научно доказанной неизбежности социализма. Разумеется, небольшие политические организации, состоящие из интеллигентов, профессиональных революционеров или тех чересчур восторженных активистов, которые так любят объединяться в марксистские секты, требовали от своих членов более серьезных усилий. Поэтому за период с 1848 по 1918 год стараниями относительно мелких марксистских групп и партий в англосаксонских странах было отпечатано 34 издания «Манифеста» на английском языке; на французском языке — для сравнения — вышло 26 изданий, на немецком — 55, по заказу крупных партий немецкоязычных стран.

Между тем, однако, международное коммунистическое движение уделяло большое внимание марксистскому воспитанию своих членов и теперь уже не полагалось на краткие изложения основных теоретических трудов классиков. Первостепенное значение приобрели отбор и распространение их подлинных текстов. Стимулом к распространению текстов служила все более заметная тенденция опираться в политической полемике на авторитет классиков марксизма — тенденция, которая уже на протяжении многих лет отличала некоторые отряды марксистского движения, особенно в России, — хотя с течением времени коммунистическое движение стало куда чаще обращаться к Ленину и Сталину, нежели к Марксу и Энгельсу. В свою очередь наличие большого количества доступных изданий, несомненно, изменило положение тех, кто стремился к изучению марксизма. Это изменение коснулось по крайней мере всех тех стран, где печатание произведений Маркса и Энгельса было разрешено: ведь с 1933 по 1944 год географическое пространство, в пределах которого это было возможно, резко сократилось.

3. Неизданные произведения

Среди оставшихся неизданными рукописей Маркса работы 40-х годов приобрели довольно большую известность еще до 1939 года. И «Немецкая идеология», и «Экономическо-философские рукописи 1844 года» были опубликованы в 1932 году (правда, их полного перевода на другие языки пришлось ждать довольно долго). Здесь нет возможности рассматривать их значение; заметим лишь мимоходом, что послевоенные дискуссии среди марксистов в значительной мере вращались вокруг интерпретации этих юношеских работ и что, наоборот, участники дискуссии, предшествовавшей 1932 году, почти полностью игнорировали их. Второй крупный цикл неизданных рукописей составили подготовительные материалы к «Капиталу». Как уже было сказано, обширный круг статей и заметок — «Экономические рукописи 1857—1859 годов» — продолжал оставаться неизвестным еще дольше, поскольку их первая реально получившая распространение публикация относится к 1953 году, а первый — удовлетворительный — перевод на иностранный язык появился лишь в конце 50-х годов. Вплоть до 60-х годов эти рукописи не играли значительной роли в международных дискуссиях марксистов, а если и фигурировали в них, то не целиком, а главным образом представленные лишь исторической частью работы, которая была издана отдельно под заголовком «Формы, предшествующие капиталистическому производству» и довольно быстро переведена на другие языки (в 1956 году — на итальянский, в 1964 году — на английский). Обнародование этого текста снова, как и в случае с изданием других неопубликованных произведений, вынудило большинство марксистов, которые до этого не знали об их существовании, к основательному переосмыслению трудов Маркса. Некоторые главы, найденные в огромной массе записей и набросков к «Капиталу» и не вошедшие в окончательный вариант работы, стали появляться в печати еще позже и с большими перерывами. Такова была, скажем, судьба проектировавшейся главы шестой первого тома («Результаты непосредственного процесса производства»): опубликованная впервые в «Архиве Маркса и Энгельса» в 1933 году, она стала серьезно рассматриваться лишь к концу 60-х годов и была переведена на итальянский язык в 1969 году, а на английский — лишь в 1976 году. Впрочем, часть такого материала остается неизданной и по сей день.

Третьей из наиболее важных неизданных рукописей была «Диалектика природы» Энгельса; она была опубликована относительно рано, в 1925 году, вместе с другими заметками Энгельса в «Архиве Маркса и Энгельса». В проект МЕГА эта работа не была включена, что объяснялось, по всей ве-

ростности, тем отмеченным Рязановым фактом, что многие соображения Энгельса о естествознании — относящиеся к 70-м годам XIX века — безнадежно устарели. Но эта работа отлично вписывалась в то «сциентистское» направление марксизма, которое, будучи уже широко распространено в России, получило новый толчок в сталинскую эпоху. Благодаря этому «Диалектика природы» довольно быстро стала расхотиться в 30-е годы — тем более что Сталин цитировал ее в своем «Кратком курсе» 1938 года⁹ — и таким образом оказала определенное влияние на ученых-марксистов, число которых именно в эти годы активно росло.

Что касается переписки Маркса и Энгельса с третьими лицами, составлявшей, пожалуй, наиболее крупный однородный блок неизданных Марксовых материалов, если не считать записей и заметок, то до 1914 года из нее было обнародовано очень мало. Письма публиковались порой в периодической печати, порой в виде сборников или подборок писем отдельным адресатам, наподобие «Писем и выдержек из писем Иог. Фил. Беккера, Иос. Дицгена, Фридриха Энгельса, Карла Маркса, А. и Ф. А. Зорге и других» («Briefe und Auszüge aus Briefen von Joh. Phil. Becker, Jos. Dietzgen, Friedrich Engels, Karl Marx und A. an F. A. Sorge und andere». Stuttgart, 1906). Многочисленные аналогичные сборники выходили после 1917 года — особенно письма Бернштейну (на русском языке — в 1924 году, на немецком — в 1925 году), Бебелю, Либкнехту, Каутскому и другим (на русском — в 1932 году, на немецком, в Ленинграде, — в 1933 году), однако до русского собрания сочинений 1934—1946 годов (тт. XXV—XXIX) и немецкого 1956—1968 годов не было выпущено ни одного полного собрания писем. Как мы уже отмечали, некоторые из наиболее важных собраний писем увидели свет лишь в конце 50-х годов, и обнародование переписки по сей день не может считаться законченным. Тем не менее тексты, которыми располагал к 1933 году московский Институт, представляли собой весьма крупное собрание писем, которые ранее распространялись главным образом в переводах и адаптациях переписки, изданных к началу 30-х годов.

Как бы то ни было, в связи с «официальным» изданием этих писем представляется необходимым сделать одно заме-

⁹ В этой книге, которая не могла не считаться авторитетной, приводились цитаты из следующих работ Маркса и Энгельса: «Анти-Дюринг», «Капитал», «Манифест Коммунистической партии», предисловие к работе «К критике политической экономики», «Диалектика природы», «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», «К критике гегелевской философии права», «Развитие социализма от утопии к науке», «Наемный труд и капитал», а также несколько писем и предисловий, написанных Энгельсом.

чение. Письма эти рассматривались не столько как переписка (за исключением разве что корреспонденции между Марксом и Энгельсом), сколько скорей как составная часть классических работ. Письма корреспондентов Маркса и Энгельса поэтому, как правило, исключались из официальных коммунистических собраний сочинений, хотя некоторые отдельные сборники, составленные главным образом корреспондентами Маркса и Энгельса либо их душеприказчиками (например, Каутским или Виктором Адлером), включали письма и той и другой стороны. Переписка Энгельса с Лафаргами была, по-видимому, первой, опубликованной (в 1956—1959 годах) по инициативе коммунистов, где содержались обе части корреспонденции. Она открывает, следовательно, новую фазу в изучении этой группы Марксовых текстов. Следует, кроме того, иметь в виду, что, поскольку вплоть до 70-х годов при подготовке к печати собрания сочинений преобладала практика раздельной публикации переписки между Марксом и Энгельсом и их переписки с третьими лицами, строго хронологическое исследование данных писем по-прежнему остается сравнительно трудным делом.

4. Заметки и подготовительные материалы

Как уже было сказано, в деле публикации и перевода произведений Маркса и Энгельса в значительно более полной, чем прежде, форме заметные успехи были достигнуты после второй мировой войны, и особенно после смерти Сталина. В начале 70-х годов можно было утверждать, что, за исключением вновь обнаруженных рукописей или писем, громадное большинство выявленных произведений изданы на языке оригинала, хотя они и не всегда доступны широкой публике. В собрания в растущей мере включались также подготовительные материалы — заметки при чтении, записи разного рода и т. д. Хотя такой материал носит крайне незаконченный характер, его все чаще начинают рассматривать наряду с «трудами» и в качестве таковых включать в собрания сочинений. Следует отметить в первую очередь, что это отражает стремление ко все более тщательному анализу и интерпретации подобных материалов с целью выявления в них оригинальных направлений мысли Маркса, особенно по таким темам, по которым он сам ничего не публиковал; примером может служить «Конспект книги Льюиса Г. Моргана „Древнее общество“», опубликованный Л. Крейдером¹⁰. Подобный подход, пожалуй, правомерно рассматривать как начало новой и многообещающей фазы в изучении Марксовых

¹⁰ L. Krader. *Marx' Ethnological Notebooks*. Assen, 1972.

текстов. В этом убеждает также исследовательская работа по публикации набросков и вариантов, например черновиков «Гражданской войны во Франции» или набросков знаменитого письма Вере Засулич в 1881 году. Такое развитие фактически было неизбежным, поскольку многие новые важнейшие тексты, например «Экономические рукописи 1857—1859 годов», сами по себе представляли собой собрание заметок и набросков, не предназначавшихся для печати в том виде, в каком они дошли до нас. Тем временем значительно продвинулось вперед научное сличение различных вариантов текста, в частности в результате переиздания в Японии оригинала первой главы первого тома «Капитала» (издания 1867 года), существенно переделанного Марксом для последующих изданий¹¹.

По-видимому, можно утверждать, что в марксологических изысканиях, особенно после 60-х годов, все чаще наблюдается тенденция к выявлению в наследии Маркса и Энгельса не столько совокупности «окончательных» и завершенных текстов, излагающих марксистскую теорию, сколько мыслительного процесса и его развития. Кроме того, все чаще отбрасывается идея о том, что произведения Маркса и Энгельса — это прежде всего неразделимые компоненты марксизма как некоего целого; напротив, анализу подвергаются различия, а порой и расхождения между двумя соратниками, хотя они сотрудничали друг с другом на протяжении всей жизни. Нас здесь не интересует, до какой степени это подчас может приводить к преувеличению таких различий: постепенный, начавшийся с середины 50-х годов упадок марксизма как формально-догматической системы со всей очевидностью стимулировал эти новые тенденции в сфере марксологических исследований, даже если иной раз, возможно, и подтолкнул некоторых авторов пуститься на поиски авторитетных высказываний в поддержку альтернативных — и иногда не менее догматических — версий «марксизма» в менее изученных, недавно опубликованных и увидевших свет работах Маркса.

5. Переводы

Упадок догматического марксизма привел к растущему разрыву между теми странами, в которых правят называющие себя марксистскими политические партии с их официальными, более или менее монолитными доктринами, и остальным миром, где сосуществуют многие партии, группы и

¹¹ *K. Marx. Das Kapital. Erster Band. Hamburg, 1867. Photographik Reprint. Tokio, Aoki-Shoten, 1958.*

течения марксистского толка, — разрыву, породившему во многих отношениях новую ситуацию. Марксистские партии II Интернационала до 1914 года, даже стремясь к выработке ортодоксального толкования доктрины (с тем чтобы ее можно было противопоставить атакам как справа, со стороны «ревизионистов», так и слева, со стороны анархо-синдикалистов), соглашались с плюрализмом интерпретаций, да, впрочем, и не в состоянии были воспрепятствовать ему, даже если бы захотели. Никто в Социал-демократической партии Германии не считал странным тот факт, что архиревизионист Эдуард Бернштейн в 1913 году издал переписку Маркса и Энгельса, хотя Ленин и обнаруживал следы «оппортунизма» в его редакторских суждениях. В 20-е годы социал-демократический и коммунистический марксизм сосуществовали даже несмотря на то, что после основания Института Маркса—Энгельса центральная роль в деле издания классиков все более переходила к коммунистам. Попутно можно заметить, что положение и по сей день остается таким: несмотря на предпринимающиеся с 60-х годов попытки издавать избранные сочинения классиков (например, попытки, предпринятые М. Рюбелем во Франции и Бенедиктом Каутским в Германии), основными изданиями, без которых немыслимы никакие другие (включая многочисленные переводы), продолжают оставаться издания, базирующиеся на первом и втором изданиях MEGA и собраниях сочинений, вышедших в Москве (а после 1945 года также в Восточном Берлине). После 1933 года большинство марксистов как внутри, так и вне СССР были практически привязаны к коммунистическим партиям, поскольку разного рода «раскольникам» и «еретикам» в коммунистическом движении не удавалось собрать сколько-нибудь многочисленные группы сторонников. В рядах же социал-демократических партий — даже если абстрагироваться от почти полного уничтожения немецкой и австрийской партий в 1933—1934 годах — марксизм все больше отходил на задний план и верх брали позиции, откровенно враждебные ортодоксальному учению классиков (если только такая трансформация не произошла еще раньше). После 1945 года такие партии, за немногими исключениями, считали себя марксистскими разве что только в историческом смысле. Лишь ретроспективно и в свете марксистского плюрализма 60-х и 70-х годов получил признание плюралистский характер марксистской литературы в период между двумя войнами и систематически предпринимались попытки — особенно в Германии с середины 60-х годов — публиковать или переиздавать работы того периода.

Таким образом, на протяжении примерно четверти века между марксизмом коммунистических партий за пределами Советского Союза (а в численном отношении это означает

большинство марксистов) и марксизмом в СССР не было существенных различий или по крайней мере таким различиям не давали проявиться открыто. Положение стало постепенно, но все более быстро меняться после 1956 года. Дело не только в том, что в результате разрыва между СССР и Китаем вместо одного ортодоксального учения возникли два. Дело также и в том, что коммунистические партии, не стоящие у власти, вынуждены были вступить в спор с соперничающими марксистскими группировками, которые были теперь в состоянии собрать куда больше сторонников, по крайней мере среди интеллигенции (то есть читателей Марксовых текстов). Одновременно в различных западных коммунистических партиях значительно расширились пределы свободы внутрипартийных теоретических дискуссий, по крайней мере в том, что касается вопросов марксистского учения. Вследствие этого все более четким стало расхождение между странами, где марксизм исповедуется как официальная, тесно связанная с функциями правления доктрина, диктующая одну-единственную безапелляционную версию того, «чему учит марксизм» по любому вопросу, и всеми другими странами.

Мерилом для оценки масштабов подобных расхождений может служить то, как та и другая стороны подходят к биографиям основателей марксизма. В первой группе стран если этот подход и не целиком агиографичен, то, во всяком случае, он характеризуется отказом принимать во внимание те стороны их жизни и деятельности, которые могли бы представить их не в самом выгодном свете. Ситуация эта, впрочем, не нова, мы можем проследить ее уже в первой фазе написания ортодоксальных биографий Маркса в Германии до 1914 года, например в почти официальной «Жизни Карла Маркса» Франца Меринга. Возможно, об этом еще лучше свидетельствует логика купюр и опущений, произведенных при издании переписки Маркса и Энгельса. Во второй группе стран марксисты и биографы Маркса открыто разбирают все события его жизни, в том числе и такие, которые выставляют его не в самом лучшем свете. После 1956 года расхождения такого типа все более характерны для изучения истории марксизма и истории Марксовых текстов.

Остается кратко рассмотреть вопрос о распространении произведений классиков. Здесь опять-таки существенно важно подчеркнуть значение периода «монолитной» коммунистической ортодоксии, который был также периодом систематического распространения текстов, написанных основателями марксизма. Распространение это шло в основном в четырех формах: издание отдельных произведений Маркса и Энгельса, обычно в виде различных серий — как крупных работ, так и работ меньшего объема; печатание избранных

произведений или сборников; публикация антологий по тем или иным специальным вопросам и, наконец, компиляции и переложения марксистской теории, насыщенные цитатами из классиков. Излишне напоминать, что в упомянутый период в число «классиков», помимо Маркса и Энгельса, входили Ленин и позже Сталин; за исключением Плеханова, ни один другой автор-марксист, по крайней мере с 20-х годов, не удостоивался звания «классика» в международном масштабе.

Отдельные произведения издавались более скромными сериями под такими названиями, как «Основы коммунизма» («*Éléments du communisme*») или «Библиотечка марксиста» («*Piccola biblioteca marxista*»), примером для которых, по всей вероятности, послужили «Книги по основам коммунизма» («*Elementarbücher des Kommunismus*») — новаторская серия, выходявшая в Германии до прихода к власти нацистов; в такие серии включались обычно: «Манифест Коммунистической партии», «Развитие социализма от утопии к науке», «Заработная плата, цена и прибыль», «Наемный труд и капитал», «Гражданская война во Франции» и сборники работ, наиболее соответствующих требованиям момента (например, в 30-е годы это были полемические выступления Маркса и Энгельса против анархистов). Более крупные произведения тоже, как правило, печатались в рамках издательских серий типа «Марксистско-ленинская библиотека» («*The marxist-leninist Library*») или «Классики марксизма» («*I classici del marxismo*»). Каталог одной серии, выпущенной накануне войны в Англии, может служить образцом содержания такого рода подборок. Она включала в себя (помимо произведений, принадлежащих другим авторам): «Анти-Дюринг», «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», «Письма к Кугельману», «Классовая борьба во Франции», «Гражданская война во Франции», «Революция и контрреволюция в Германии», «К жилищному вопросу» Энгельса, «Нищета философии», выборочные места из переписки между Марксом и Энгельсом, «Критика Готской программы», «„Капитал“ Маркса» Энгельса и сокращенный вариант «Немецкой идеологии». Первый том «Капитала» печатался теперь целиком, а не в сокращенных вариантах или пересказах, столь популярных в эпоху II Интернационала. До конца 30-х годов, по-видимому, не было попыток издания избранных произведений Маркса и Энгельса. В Москве такое издание вышло сначала в двух, потом в трех томах; после войны оно было переведено на несколько иностранных языков. Вплоть до выхода Сочинений (1956—1968) со стороны коммунистов, насколько можно судить, не было никаких попыток выпустить аналогичное издание на ином языке, помимо русского, прежде чем завершится рабо-

та над изданием MEGA. Французское издание было принято лишь в 60-е годы, итальянское — в 1972 году, английское — в 1975 году; причина этого, без сомнения, заключалась в объеме и трудностях переводческой работы. О важности, которую приобрело распространение марксистских текстов, может свидетельствовать тот факт, что руководитель такого масштаба, как Пальмиро Тольятти, фигурирует как переводчик многочисленных итальянских изданий этих произведений.

Чрезвычайно распространенными в 30-е годы были антологии марксистских текстов на различные темы, подсказанные как соответствующими русскими изданиями, так и злободневными вопросами той или иной страны или региона: Маркс и Энгельс об Англии, Маркс и Энгельс о литературе и искусстве, Маркс и Энгельс об Индии, Китае, Испании и т. д. Среди сжатых переложений, несомненно, самым авторитетным тогда был второй параграф главы четвертой «Краткого курса истории ВКП(б)», приписываемый самому Сталину. Это сочинение приобрело большое влияние, особенно в тех странах, где классики мало издавались, причем не только потому, что коммунистам вменялось в обязанность штудировать его, но и потому, что простое и ясное изложение делало его в высшей степени действенным учебником. Невозможно переоценить его влияние на марксистов в 1938—1956 годах, и прежде всего в Восточной Европе после 1945 года.

В 60-е годы, особенно с ростом массы студентов и вообще интеллигенции, интересующейся марксизмом, с образованием марксистских или промарксистских движений вне коммунистических партий распространение классиков перестало быть своего рода монополией СССР и компартий. Теперь уже обыкновенные коммерческие издательства все активнее заполняли рынок такими публикациями, причем независимо от того, побуждали ли их к этому марксисты или сочувствующие марксизму люди в их редакции. Увеличилось также число и разнообразие левых издательств. Разумеется, в определенной мере это было следствием того факта, что Маркс теперь повсеместно расценивался как «классик» не только в политическом, но и в более широком смысле слова, как автор, с которым должен быть знаком любой читатель, обладающий средним уровнем образования и культуры, независимо от своих идеологических позиций. Так, во Франции «Капитал» вошел в такую серию классических произведений, как «Плеяда», а в Англии давно уже был издан в серии «Эврименз лайбрери». Новый интерес к марксизму не ограничивался уже обычным перечнем наиболее популярных работ: в 60-е годы такие произведения, как «К критике гегелевской философии права», «Святое семейство», доктор-

ская диссертация Маркса, «Экономическо-философские рукописи 1844 года» и «Немецкая идеология», появились на книжном рынке даже в тех странах, которые раньше отнюдь не принадлежали к авангарду в деле изучения марксизма, скажем в Испании. Впервые некоторые произведения Маркса оказались переведенными на другие языки не по инициативе коммунистов, например перевод на французский, итальянский, испанский и английский языки «Экономических рукописей 1857—1859 годов» (соответственно в 1967—1968, 1968—1970, 1973 годах).

Несколько слов о географическом распространении классических Марксовых текстов. Некоторые наиболее известные произведения широко переводились и до Октябрьской революции. В период между 1848 и 1918 годами «Манифест Коммунистической партии» выходил (помимо 54 изданий на немецком языке) на трех десятках языков, в числе которых три японских издания и одно китайское (хотя практически основу китайского марксизма всегда составляла работа Каутского «Экономическое учение Карла Маркса»). Многочисленными были переводы на основные западноевропейские языки: 26 французских, 34 английских, 11 итальянских изданий, между тем как Иберийский полуостров сильно отставал: одно-единственное португальское издание и 6 испанских, считая также латиноамериканские. Широко представлены в этом перечне языки народов царской России: наряду с безусловно преобладающим русским языком (70 изданий) здесь присутствуют и польский (11 изданий), украинский (5), финский (6), идиш (7), грузинский (4), армянский (2). Языки стран Северной Европы представлены относительно скромно, особенно если учесть уровень грамотности в этих странах: 6 датских изданий, 5 шведских, 2 норвежских. Центральная и Юго-Восточная Европа отличаются неравномерностью: от 9 венгерских изданий, 8 чешских и 7 болгарских до 1 словацкого и 1 словенского, между тем как Восточное Средиземноморье вообще отсутствует, если исключить 1 издание на ретороманском языке, выпущенное, вероятно, в Салониках. В полную противоположность этому первый том «Капитала» был переведен на все основные литературные европейские языки еще при жизни Энгельса: русский, французский, датский, итальянский, английский, голландский и польский; на испанском вышел неполный перевод. До Октябрьской революции «Капитал» был переведен также на болгарский (1910), чешский (1913—1915), эстонский (1910—1914), финский (1913) и идиш (1917).

Были в Западной Европе и свои опоздавшие: на норвежском языке «Капитал» был выпущен лишь в 1930—1931 годах (вероятно, потому что образованные люди могли свободно пользоваться датским переводом); на португаль-

ском — первое, неполное издание появилось в 1962 году. В период между двумя войнами «Капитал» проник и в Юго-Восточную Европу, хотя и в неполных изданиях: в Венгрию (1921), Грецию (1927) и Сербию (1933—1934). Нет свидетельств о попытках его сколько-нибудь широких переводов в этот период на языки народов СССР, за исключением украинского (1925). Перевод на литовский был опубликован в 1920 году в независимой Литве, но то был лишь запоздалый отзвук мощного распространения марксизма в Российской империи. В этот период вместе с тем «Капитал» впервые проник за пределы западного мира (исключая Соединенные Штаты): его переводы были изданы в Аргентине (1918), Японии (1920), Китае (1930—1933), Аравии (1939). Можно с уверенностью утверждать, что такой рост вширь был тесно связан с воздействием русской революции.

Начиная с 1945 года «Капитал» с большим размахом переводится в странах с коммунистическим правлением (на румынский — в 1947 году, македонский — 1953, словацкий — 1955, корейский — 1955—1956, словенский — 1961, вьетнамский — 1961—1962, испанский — на Кубе — в 1962 году). Странно, что систематический перевод на языки народов СССР был предпринят только начиная с 1952 года (белорусский, армянский, грузинский, узбекский, азербайджанский, литовский, некоторые угро-финские, туркменский и казахский языки). Единственным другим примером резкого расширения лингвистического ареала распространения «Капитала» служит независимая Индия — издания на мараathi, хинди и бенгали, предпринятые в 50—60-е годы. Вместе с тем широкое распространение некоторых международных языков (испанского — в Латинской Америке, арабского — в исламском мире, английского и французского) скрывает действительную степень географического распространения марксистских текстов. И все же даже в конце 70-х годов можно было утверждать, что произведения Маркса и Энгельса пока недоступны в странах без письменных языков, составляющих немалую часть несоциалистического мира (за исключением Европы и Латинской Америки). Здесь нет возможности рассмотреть вопрос о том, в какой степени печатные тексты реально распространены и доступны массам, хотя можно обоснованно предположить, что там, где они не запрещены правительствами, они свободно циркулируют в школах и высших учебных заведениях, а стало быть, вообще среди образованной публики во всех частях света в гораздо более широкой степени, чем прежде. В какой мере эти тексты читаются и приобретаются людьми, не принадлежащими к этим кругам, трудно точно определить: ответ на этот вопрос потребовал бы проведения широких исследований, которые пока не предпринимались.